

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей журнала отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Издание включено в Перечень ВАК РФ по следующим научным специальностям, по которым принимаются статьи:

- 5.7.1 Онтология и теория познания
- 5.7.2 История философии
- 5.7.7 Социальная и политическая философия
- 5.7.8 Философская антропология, философия культуры
- 5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии
- 5.4.1 Теория, методология и история социологии
- 5.4.4 Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7 Социология управления

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-66481
от 14 июля 2016 г.

Подписной индекс журнала
«Вестник Пермского университета.
Философия. Психология. Социология»
в Объединенном каталоге
«Пресса России» — 41011

Адрес редакционной коллегии
614990, Пермский край,
г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru
Web-site: <http://www.philsoc.psu.ru/vestnik>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Александр Юрьевич Внутских (докт. филос. наук, доцент, чл.-кор. РАЕ, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Заместитель главного редактора
Александра Юрьевна Бергфельд (канд. психол. наук, доцент, доцент кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

ФИЛОСОФИЯ

Наталья Ириковна Береснева (докт. филос. наук, доцент, декан философско-социологического факультета, профессор кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Владимир Николаевич Железняк (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии и права, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь).

Лариса Павловна Киященко (докт. филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва).

Сергей Владимирович Комаров (докт. филос. наук, доцент, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Лева Асканазович Мусалаян (докт. филос. наук, доцент, зав. кафедрой философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Сергей Анатольевич Никольский (докт. филос. наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии культуры, Институт философии РАН, Москва).

Сергей Владимирович Орлов (докт. филос. наук, профессор, профессор секции философии кафедры истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург).

Александр Владимирович Перцев (докт. филос. наук, профессор, акад. РАЕН, профессор кафедры истории философии и философии образования, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург).

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (докт. психол. наук, профессор, акад. РАО, декан факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва).

Виктор Дмитриевич Балин (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Елена Васильевна Левченко (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Наталья Анатольевна Логинова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Ирина Анатольевна Мироненко (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Людмила Александровна Мосунова (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой издательского дела и редактирования, Вятский государственный гуманитарный университет, Киров).

Александр Октябринович Прохоров (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой общей психологии, Казанский государственный педагогический университет, Казань).

Елена Евгеньевна Сапогова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии образования, Московский педагогический государственный университет, Москва).

СОЦИОЛОГИЯ

Зинаида Петровна Замараева (докт. социол. наук, профессор, зав. кафедрой социальной работы и конфликтологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Евгения Анатольевна Козай (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой социологии, Курский государственный университет, Курск).

Наталья Александровна Лебедева-Несеверя (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, зав. лабораторией методов анализа социальных рисков, Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровья населения, Пермь).

Елена Леонидовна Омельченко (докт. социол. наук, профессор, директор Центра молодежных исследований, профессор Департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (филиал), Санкт-Петербург).

Галина Ивановна Осадчая (докт. социол. наук, профессор, акад. РАН, чл.-кор. РАЕН, зав. Отделом исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС, Институт демографических исследований РАН, Москва).

Татьяна Николаевна Юдина (докт. социол. наук, профессор, акад. РАН, профессор факультета социологии, Российский социальный государственный университет, Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дмитрий Иванович Широков (докт. филос. наук, профессор, акад. НАН Беларуси, Минск, Беларусь).

Александр Алексеевич Строканов (докт. наук, профессор Департамента криминальной юстиции, истории и глобальных исследований, директор Института русского языка, истории и культуры, университет Северного Вермонта—Линдона, Линдонвилл, Вермонт, США).

Дьёрдь Сарвари (доктор философии, директор Bardo Consulting Organizational Development Office, Будапешт, Венгрия).

Джорджисо Де Маркис (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплутенсе, Мадрид, Испания).

Стивен Д. МакДауэлл (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США).

Майкл Э. Рьюз (доктор наук, профессор философского факультета, университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США).

Пол Эйткен (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Голд-Кост, Квинсленд, Австралия).

*Founder: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Perm State University»*

The scientific journal
has been published
by the Perm State University
since 2010

Subjects of articles of the journal reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

*The periodical is included
in the List of the Higher Attestation
Commission of the Russian Federation
in the following scientific specialties,
for which the articles are received:*

- 5.7.1 Ontology and theory of knowledge
- 5.7.2 History of philosophy
- 5.7.7 Social and Political philosophy
- 5.7.8 Philosophical anthropology,
philosophy of culture
- 5.3.1 General psychology, personality
psychology, history of psychology
- 5.4.1 Theory, methodology and history of
sociology
- 5.4.4 Social structure, social institutions
and processes
- 5.4.7 Sociology of management

The periodical is registered
in the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media (Roskomnadzor).
The Mass Media Registration Certificate
ПН № ФС77-66481, July 14, 2016.

Subscription index
for the «Perm University Herald.
Philosophy. Psychology. Sociology»
in the United Catalogue
«The Press of Russia» — 41011

Address of Editorial Board

Perm State University,
Bukirev st., build. 15, Perm,
Perm Krai, Russia, 614990.
Tel. +7(342) 2396-305.

E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru
Web-site: <http://www.philsoc.psu.ru/vestnik>

© Perm State University, 2021

EDITORIAL STAFF

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnuskikh (Doctor of Philosophy, Corresponding Member of Russian Academy of Natural History, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm).

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Candidate of Psychology, Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Perm State University, Perm).

PHILOSOPHY

Natalya I. Beresneva (Doctor of Philosophy, Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, Professor of the Department of Culturology and Social and Humanitarian Technologies, Perm State University, Perm),

Vladimir N. Zheleznyak (Doctor of Philosophy, Head the Department of Philosophy and Law, Perm National Research Polytechnic University, Perm),

Larisa P. Kiyashchenko (Doctor of Philosophy, Leading Researcher of Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Sergey V. Komarov (Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Law, Perm National Research Polytechnic University, Perm),

Leva A. Musaelyan (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm),

Sergey A. Nickolsky (Doctor of Philosophy, Chief Researcher - Head of the Department of Philosophy of Culture, Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Sergey V. Orlov (Doctor of Philosophy, Professor of the Section of Philosophy of the Department of History and Philosophy, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg),

Alexander V. Pertsev (Doctor of Philosophy, Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of History of Philosophy and Philosophy of Education, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg).

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Doctor of Psychology, Academician of Russian Academy of Education, Professor, Dean of Psychology Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow),

Viktor D. Balin (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Elena V. Levchenko (Doctor of Psychology, Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Perm State University, Perm),

Natalya A. Loginova (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Developmental Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Irina A. Mironenko (Doctor of Psychology, Professor of the of the Department of Personality Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Lyudmila A. Mosunova (Doctor of Psychology, Head of the Department of Publishing and Editing, Vyatka State University of Humanities, Kirov),

Alexander O. Prokhorov (Doctor of Psychology, Head of the Department of General Psychology, Kazan Federal University, Kazan),

Elena E. Sapogova (Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Educational Psychology, Moscow State Pedagogical University, Moscow).

SOCIOLOGY

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Head of the Department of Social Work and Conflictology, Perm State University, Perm),

Evgeniya A. Kogay (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Sociology and Political Science, Kursk State University, Kursk),

Natalya A. Lebedeva-Nesevrya (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology, Perm State University, Head of Social Risk Analysis Laboratory, Federal Scientific Center for Medical and Preventive Health Risk Management Technologies, Perm),

Elena L. Omelchenko (Doctor of Sociology, Head of the Centre for Youth Studies, Head of the Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg),

Galina I. Osadchaya (Doctor of Sociology, Academician of Russian Academy of Social Sciences, Corresponding member of Russian Academy of Natural Sciences, Head of the Department of Research of Social-Demographic Processes in EAEU, Institute of Demographic Research of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Tatyana N. Yudina (Doctor of Sociology, Academician of Russian Academy of Social Sciences, Professor of the Faculty of Sociology, Russian State Social University, Moscow).

EDITORIAL BOARD

Dmitriy I. Shirokanov (Doctor of Philosophy, Academician of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus),

Alexandre A. Strokanov (Ph.D., Professor of Department of Criminal Justice, History and Global Studies, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Northern Vermont University – Lyndon, Lyndonville, VT, USA),

Gyorgy Sarvari (Ph.D., Director of Bardo Consulting Organizational Development Office, Budapest, Hungary),

Georgio De Marchis (Ph.D., Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Complutense University of Madrid, Madrid, Spain),

Stefan D. McDowell (Ph.D., H. Phipps Professor of Communication, College of Communication and Information's Associate Dean for Academic Affairs, Florida State University, Tallahassee, FL, USA),

Michael E. Ruse (Ph.D., Lucyle T. Werkmeister Professor, Director of the History and Philosophy of Science Program, Florida State University, Tallahassee, FL, USA),

Paul Aitken (Ph.D., Adjunct Professor of the School of Business, Bond University, Gold Coast, QLD, Australia).

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ / PHILOSOPHY

«ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА: НЕЗАВЕРШЕННЫЙ ПРОЕКТ»

(Тематический выпуск)

«PROBLEMATIZATION OF THE HUMAN: AN ONGOING PROJECT» (Special issue)

Этос общения и понимания в проектной деятельности (от редакции)	293	Ethos of communication and understanding in project activity (an editorial)
<i>Киященко Л.П. (приглашенный редактор), Голофаст А.В.</i>		<i>Larisa P. Kiyashchenko (guest editor), Anastasia V. Golofast</i>
Раздел I. Проблема осознанности практического воплощения человека	302	Part I. The problem of conscious practical embodiment of the human
Homo digitalis и самосознание: трансформация, вызовы и запрос на уникальную самость	302	Homo digitalis and self-awareness: transformation, challenges and request a personological unique self
<i>Тулчинский Г.Л.</i>		<i>Grigorii L. Tulchinskii</i>
Проблематизация человека: незавершенно-завершенный проект	312	Problematization of the human: an incompletely completed project
<i>Соловьева Г.Г.</i>		<i>Greta G. Solovieva</i>
От классической антропологии к «антропотехнике». И обратно?	318	From classical anthropology to «anthropotechnic». And back?
<i>Поповкин А.В.</i>		<i>Andrey V. Popovkin</i>
Трансдисциплинарное изучение человека: опоры и коллизии	326	Transdisciplinary human study: pillars and collisions
<i>Динабург С.Р.</i>		<i>Svetlana R. Dinaburg</i>
Раздел II. Прокреативный дискурс генезиса и становление человека	333	Part 2. Procreative discourse of genesis and formation of the human
Нормативное значение подходов к изучению прокреации	333	Normative value of approaches to the study of procreation
<i>Сидорова Т.А.</i>		<i>Tatiana A. Sidorova</i>
Фреймы повседневного прокреативного дискурса в современной культуре	342	Frames of everyday procreative discourse in modern culture
<i>Сандакова Л.Б.</i>		<i>Lyudmila B. Sandakova</i>
Ребенок как «архетип», «прототип» и «точка сборки»	352	The child as an «archetype», «prototype» and «assemblage point»
<i>Пономарева Г.М.</i>		<i>Galina M. Ponomareva</i>
Социально-демографические особенности прокреативного поведения в условиях рутинизации вспомогательных репродуктивных технологий	361	Socio-demographic features of procreative behavior in the routine use of assisted reproductive technologies
<i>Русанова Н.Е., Исупова О.Г.</i>		<i>Nina E. Rusanova, Olga G. Isupova</i>

Раздел III. Практики эволюционного оптимизма в проблематизации человека	370	Part 3. Practices of evolutionary optimism in problematization of the human
Человек в цифровом мире: «распределенный» и целостный	370	Human in the digital world: «distributed» and integral
<i>Труфанова Е.О.</i>		<i>Elena O. Trufanova</i>
Творческие инклюзивные практики становления субъектности: подход к концептуальному обоснованию	376	Creative inclusive practices of subjectivity formation: an approach to conceptual substantiation
<i>Попова Н.Т., Шеманов А.Ю.</i>		<i>Natalia T. Popova, Alexey Yu. Shemanov</i>
Субъектность личности реабилитанта в представлении трезвеннических движений	386	The subjectivity of personality in the presentation of sober movements
<i>Зотова В.А., Литинская Д.Г.</i>		<i>Varvara A. Zotova, Jinna G. Litinskaya</i>
Психоаналитический взгляд на неосознаваемые смыслы вспомогательных репродуктивных технологий	395	Psychoanalytic view on the unconscious meanings of assisted reproductive technologies
<i>Агарков В.А.</i>		<i>Vsevolod A. Agarkov</i>
Концепт «brain-psyche-(mind/consciousness...)» и вопрос гипертеории концепта	405	Concept « brain-psyche-(mind/consciousness...)» and the question of hypertheory concept
<i>Ершова-Бабенко И.В.</i>		<i>Irina V. Yershova-Babenko</i>
Концепт «природы человека» как аксиологический принцип	413	The concept of «human nature» as an axiological principle
<i>Сайкина Г.К., Ибрагимова З.З.</i>		<i>Guzel K. Saikina, Zulfiya Z. Ibragimova</i>

ФИЛОСОФИЯ / PHILOSOPHY

Неклассический субъект видения. Часть II	423	Non-classical subject of vision. Part II
<i>Комаров С.В., Лумпова М.А.</i>		<i>Sergey V. Komarov, Maria A. Lumpova</i>
Подход к пониманию ответственности с позиции конкретно-всеобщей теории развития	433	The approach to understanding responsibility from the position of the concrete-universal theory of development theory
<i>Коромыслов В.В.</i>		<i>Vitaliy V. Koromyslov</i>
Обыденное и теоретическое сознание в контексте кризиса человеческой сущности: постановка проблемы	445	Everyday and theoretical consciousness in the context of the crisis of human essence: problem statement
<i>Сухозузов М.Н.</i>		<i>Mikhail N. Sukhoguzov</i>

ПСИХОЛОГИЯ / PSYCHOLOGY

Личностные особенности юношей с самоповреждающим поведением и с субклинической депрессией	454	Personal traits of young men with self-injurious behavior and with subclinical depression
<i>Кузнецова С.О., Такмакова М.В.</i>		<i>Svetlana O. Kuznetsova, Marina V. Takmakova</i>

СОЦИОЛОГИЯ / SOCIOLOGY

Правовая культура как фактор легитимности социального и правового порядка	466	Legal culture as a factor of legitimacy of the social and legal order
<i>Шумкин Е.М.</i>		<i>Evgeny M. Shumkin</i>
Информация для авторов	478	Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ**«ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА: НЕЗАВЕРШЕННЫЙ ПРОЕКТ»
(Тематический выпуск)**

УДК 101.9

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-293-301

**ЭТОС ОБЩЕНИЯ И ПОНИМАНИЯ
В ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ОТ РЕДАКЦИИ)***Киященко Лариса Павловна (приглашенный редактор),**Голофаст Анастасия Витальевна**Институт философии РАН (Москва)*

В наше время проблематизация человека как незавершенного проекта проходит как сквозная тематизация междисциплинарного подхода, предполагающего целостное, комплексное исследование, которое «бросает свет как на смысл всей научной деятельности, так и на единую основу действующих здесь механизмов воображения» (Дж. Холтон). В статье обращается внимание на особенности проектной деятельности, ее устремленности на возможностное воплощение общности по интересам в решении актуальных проблем. Креативная дополнительность персонального и коллективного, внутренних и внешних факторов в изменяющихся нормах и ценностях научного сообщества переформатирует этос общения и понимания. На повестку дня выносятся необходимость решения актуальной амбивалентности научной коммуникации с учетом ответа на требования общества отрабатывать обновленные принципы сборки научных коллективов, базирующиеся на доверии и солидарности. Прокреативная, порождающая функция научной деятельности предписана в контексте создания коллектива. Проблематизация сборки академического сообщества нарастает по мере его открытости и подотчетности обществу. Актуализируется культура навыков критического, но эмпатического взаимодействия в общении, включающем эристику научного спора данного этоса, собранного по интересам. Повторяющиеся успешные практики прокреативного общения способны со временем приобрести характер институционально оформленной традиции, конвенционально закрепленной нормы созидательной кооперации. Авторы предполагают возможность достижения этой цели на основе не только первичного импульса общности интереса, но и пролонгированных коммуникативных стратегий. Основанием такого исхода является симметричный вклад участников проблемно ориентированного научного общения в достижение коллективного блага в форме инновативных подходов к решению фундаментальных проблем современности, имеющих подтверждающее практическое применение во множестве конкретных случаев. Конвергенция ожиданий, происходящая в результате возникновения доверительных отношений в этосе научного сообщества может быть выстроена «между» опциями поведенческого выбора в троичной матрице «лояльность–голос–выход». Преадаптивная академическая деятельность группы может носить устойчивый характер при наличии «защитных клапанов», канализирующих недовольство параметрами порядка, обновляемого понимания и общения в проектной деятельности группы.

Ключевые слова: этос, прокреация, взаимопонимание, проектная деятельность, солидарность, сборка научного коллектива, научная коммуникация, реципрокация, доверие.

ETHOS OF COMMUNICATION AND UNDERSTANDING
IN PROJECT ACTIVITY (AN EDITORIAL)

Larisa P. Kiyashchenko (guest editor),

Anastasia V. Golofast

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow)

Nowadays, the problematization of a person as an unfinished project takes place as a cross-cutting thematization of the interdisciplinary approach, which presupposes a holistic, complex study that «throws light on both the meaning of all scientific activity and the unified basis of the mechanisms of imagination operating here» (G. Holton). The article draws attention to the peculiarities of project activity, its aspiration for the possible embodiment of a community of interests in solving urgent problems. The creative complementarity of the personal and the collective as well as internal and external factors in the changing norms and values of the scientific community is reshaping the ethos of communication and understanding. The agenda includes the need to address the current ambivalence of scientific communication taking into account the response to the demands of society to work out the updated principles of assembling scientific teams based on trust and solidarity. The procreative, generative function of scientific activity is prescribed in the context of team building. The problematization of the academic community assembly is growing as it is becoming more open and accountable to society. The culture of skills of critical but empathic mutual trust in communication is actualized, this trust including the heuristics of the scientific dispute of the interest-based ethos. Repetitive successful practices of pro-creative communication can, over time, acquire the character of an institutionally formed tradition, a conventionally fixed norm of creative cooperation. The authors suggest the possibility of achieving this goal grounded not only on the primary impulse of the community of interest but on prolonged communication strategies. The basis for such an outcome is the symmetrical contribution of participants in problem-oriented scientific communication to the achievement of the collective good in the form of innovative approaches to solving fundamental problems of our time which have confirmed practical application in multiple specific cases. Convergence of expectations resulting from the emergence of trust in the ethos of the scientific community can be built «in between» behavioral choice options in the ternary matrix of «loyalty–voice–exit». The preadaptive academic activity of the group can be sustainable in the presence of «protective valves» channeling dissatisfaction with the parameters of order, renewed understanding and communication patterns in the project activity of the group.

Keywords: ethos, procreation, mutual understanding, project activity, solidarity, scientific group formation, scientific communication, reciprocity, trust.

Наше время стало свидетелем разительных перемен. Проблемы жгучи, ставки огромны, возможности выбора впечатляющи. Мы живем в пустыне интересные времена, и это вполне объяснимо: мы живем в век величайшей бифуркации за всю историю человечества.
[Ласло Э., 1995]

Тематизация проблемы человека как незавершенного проекта, как нам видится, предполагает достижение следующих целей:

– совместное (ре-)формулирование проблемного комплекса человека с учетом ориентации на контекстную вписанность в среду и сопряжение с ней. В условиях макросдвига реальности человек оказывается одновременно реформатором окружающей его действительности и объектом реформирования. Подобная двойственная рефлексивная корреляция подразумевает переформатирование этоса научной деятельности, градацию человеческой субъектности (в единственном и

множественном числе) и возможностей ее практической реализации через проектную деятельность;

– создание установочной повестки, выстроенной на основе внутренних опорных точек представителей каждой из задействованных в обсуждении наук [Пойзнер Б.Н., 1994]. Такая повестка включает в себя как процедуру фрейминга и условного отделения проблемного комплекса от контекста, так и процедуру взаимного признания субъектности участников обсуждения, в ходе которой подтверждается их статусная симметрия (см. данный выпуск: Сандакова Л.Б., с. 342–351; Труфанова Е.О., с. 370–375);

– артикуляция комплекса возможностей для потенциального урегулирования кризисных ситуаций. При этом происходит аккумуляция потенциальных «ответов» на «вопросы» среды нашего времени. В этой связи особенный интерес представляют «ответы» на «вопросы», которые еще не были заданы. «Ответы» на такие «вопросы» от-

кладываются в пул возможностей, которые ожидают благоприятного случая для своего последующего воплощения в формате практических действий, будущей проектной деятельности [Decision-Making..., 2016].

Для решения поставленных целей необходимо очертить область исследования в возможности ее проблематизации как ступени развития дальнейшей объясняющей наррации сути проектной деятельности, обладающей перформативной силой убеждения. Прежде всего, это роль человека одновременно как творца (субъекта) эволюции и объекта эволюционных изменений, креативно порождающая формы обмена, трансфера между выделенными диспозициями [Междисциплинарные исследования культурного трансфера..., 2020]. Посредническая роль человека во множественном смысловом наполнении «между» воплощается в языке междисциплинарного дискурса — теме исследовательского проекта, в рамках которого организован тематический выпуск журнала «Проблематизация человека: незавершенный проект».

В соответствии с акцентуацией поступивших статей в тематическом выпуске было условно выделено три раздела: «Проблема осознанности практического воплощения человека»; «Прокреативный дискурс генезиса и становление человека»; «Практики эволюционного оптимизма в проблематизации человека».

Предложенная тема вызвала заинтересованную реакцию исследователей, продемонстрировав разнообразие форм интереса, которые могут лечь в основу образования современного этоса на примере возникшей референтной группы авторов. Ключевыми словами, «набрасывающими» параметрическую и упорядочивающую сеть тематического выпуска журнала, были частотно повторяющиеся в присланных статьях термины: проблематизация, становящийся человек, возможность, целостность, проектная деятельность, солидарность. Множество существующих определений нашего времени — «нулевая ступень» предпонимания реальности как само по себе разумеющейся на данный момент — дает начало авторским построениям проблематизации согласно выбранной тематизации [Холтон Дж., 1981].

В центре внимания оказалась связь логико-методологических правил и интересов, руководящих познанием. Эта различающая связь может классифицироваться как предпонимание начала типологии исследовательского процесса [Алпатов А.С., 2009]. В начало эмпирико-аналитических наук входит технический интерес

как овладение опредмеченным процессом; в начало историко-герменевтических наук — практический интерес сохранения и расширения интерессубъективности возможного взаимопонимания, ориентирующего действие; в начало критически ориентированных наук положен эмансипационный познавательный интерес, который измеряется понятием саморефлексии. Последняя освобождает субъекта от зависимости гипостазированных им сил. Критически ориентированные науки разделяют этот интерес с философией (см.: [Хабермас Ю., 1990]).

«Нулевой уровень» предпонимания — начало сборки, корреляции выбираемых исследовательских стратегий и тактик при сопоставлении с процессами в самой реальности — может трактоваться в риторике современных дискурсивных практик с большой осторожностью как не имеющего соответствующего подтекста в сообщении, как предел однозначности, не имеющих отклонений от принятой нормы. Редукция, или снятие нарушения приводит к сознательному смещению смысла, вызывающему у получателя сообщения реакцию, которая обозначается как этос [Дюбуа Ж. и др., 1998]. Порождение этоса — основная цель и конечная задача современной риторики, поэтому указанное совмещение прорастает возможностями понимания и успешности форм сообщения, заложенных в проблематизации проекта. Решение указанных проблем служит интеграционным моментом для формирования на этом основании этоса по принципу заинтересованного участия в благоприятном разрешении запросов нашего времени.

Проблема этоса науки рассматривается в трудах, посвященных трансформациям современного научного познания. Она обсуждается, например, когда речь заходит о влиянии смены ценностных установок на изменение норм и стандартов познавательного процесса, при осмыслении традиционного соотношения Истины и Блага в современной культуре, при рассмотрении соотношения всеобщего и общезначимого, фундаментального и прикладного аспектов научного познания, при анализе проблемы персональной и коллективной ответственности в проведении исследования [Киященко Л.П., 2005].

Соотношение внутреннего и внешнего порядков, образующих системный феномен этоса науки, может быть проиллюстрировано различением внутренней и внешней сторон границы, рассмотренным Н. Луманом. «Граница системы есть не что иное, как вид и конкретность тех операций

системы, которые ее индивидуализируют. Граница — это форма системы, другая сторона которой становится тем самым окружающим миром» [Луман Н., 2004]. В наше время этос научного сообщества может приобретать черты ассамбляжа-целостности, для которой характерны отношения экстерности. Эти отношения подразумевают, что составная часть коллектива может быть отделена и помещена в другой коллектив, выстроенный по логике ассамбляжа, но обладающий иными формами взаимодействия [Деланда М., 2018].

Аналитический разбор подобных ситуаций выявляет их недоопределенный характер, что образует суть проективной деятельности. Одной из важных ипостасей последней является создание семиотических моделей возможного. Порождение подобных моделей обусловлено достаточной избыточностью неопределенности языка для обновляющего смыслового дизайна мыследеятельности, включающей проектируемые образы будущего, рекурсивно связанные с начальными точками предпонимания (см. данный выпуск: Поповкин А.В., с. 318–325). Исходя из того что проблематизация не предполагает однозначного и окончательного решения, предлагаются парадоксальные ответы на вопросы, поставленные нашим временем (см. данный выпуск: Соловьева Г.Г., с. 312–317).

Проблематизация как одно из основоположений проектной деятельности представляет собой скорее «веер» альтернативных возможностей поновому развернуть те первоначала креативности, которые находятся в латентной зоне непроясненных неопределенностей бессознательного «нулевой ступени» на границах внутреннего (системного) и внешнего (средового, контекстного) (см. данный выпуск: Агарков В.А., с. 395–404; Ершова-Бабенко И.В., с. 405–412). Здесь точка зарождения многомерного мышления [Богатая Л.Н., 2010], выход в философию трансдисциплинарного со множественными дилеммами и напряжениями соответствующего опыта проживания (см. данный выпуск: Динабург С.Р., с. 326–332), который не складывается суммативно из сложноорганизованной взвеси совмещений в горизонтальных (топологических-пространственных) и вертикальных (временных трансцендентно-трансгрессивных) измерениях. Эмерджентный эффект не силовых, качественных взаимодействий «сказывается» (нарративно и перформативно) в нормогенезе возникновения референтной группы, собранной по интересам с соответству-

ющим этосом поведения (см. данный выпуск: Тульчинский Г.Л., с. 302–311).

Двигаясь за смыслом слова «интерес», имея в виду прежде всего его понимание как «быть между» — *inter-esse*. «Inter-esse значит: быть среди вещей, между вещей, находиться в центре вещи и стойко стоять при ней» [Хайдеггер М., 2006], что позиционирует положение человека в отношении проблематизации в мире вещей. Другими словами, в процессе рассмотрения этоса современной постнеклассической науки формируется представление о единстве сложноорганизованной, открытой и динамичной целостности, которая может быть обозначена в разных аспектах и с разных позиций. Подчеркнем, что проблематизация этоса науки, помимо интереса, объединяющего научное сообщество, сама по себе имеет особую специфику как в поиске, так и в возможном ответе на вопросы Канта в наше время.

Современность может быть обозначена эволюционным этапом «Проектной революции» (см. данный выпуск: Тульчинский Г.Л., с. 302–311). Последняя собрана по «матрешечному принципу», «целое в целом» (см. данный выпуск: Ершова-Бабенко И.В., с. 405–412), вбирая в себя предшествующие по времени революции: аграрную, экономическую, научную, промышленную, информационно-коммуникативную, образуя сложноорганизованную конфигурацию по типу ассамбляжа [Деланда М., 2018]. Эмерджентно возникший тип современного человека может быть представлен как аутентичная саморазвивающаяся и самоценная диссипативная система, которая находится в состоянии обмена информацией, энергией и ресурсами со средой и выстраивает матрешечные идентичности [Roeder Ph., 2007]. Поэтому человек оказывается вписан в управленческие структуры разных уровней, начиная от малой группы и заканчивая надгосударственными объединениями. На каждом из уровней вновь и вновь отрабатываются механизм ролевой самоидентификации и процедура приписывания принадлежности, которая подразумевает соблюдение обязательств и обладание правами, присущими каждому сообществу. Эти процедуры делятся на практики инклюзивности и практики исключения по ряду признаков, актуализируя вопрос о том, что значит «быть человеком» (см. данный выпуск: Попова Н.Т., Шеманов А.Ю., с. 376–385; Зотова В.А., Литинская Дж.Г., с. 386–394).

Раздел, посвященный проблемокомплексу проекции, включает начальные условия креативной практики и вопросы, ориентированные на узкое и

на широкое ее толкование. Тогда как узкое толкование связывает прокреацию исключительно с биоэтической и медицинской проблематикой деторождения, ее широкое понимание ориентирует на философское восприятие прокреации как реализации творческого начала в человеке, позволяющего претворять в жизнь аутентичные ответы как на вызовы кризисов, так и на ситуации повседневной общественной жизни (см. данный выпуск: Сидорова Т.А., с. 333–341; Агарков В.А., с. 395–404; Русанова Н.Е., Исупова О.Г., с. 361–369).

Качество научной коммуникации в новой версии этоса науки определяют такие факторы, как: межличностный контекст, финансирование, секторальный контекст (академический, правительственный, рыночный), контекст участвующих организаций (кафедры университетов, исследовательские лаборатории). В эффективной научной команде действуют осознанность в отношении себя и других, доверие к членам команды, доступны стратегии открытой коммуникации, включая артикуляцию ожиданий, определение ролей и сфер ответственности, создание условий для признания вклада каждого из участников в общее благо [Bennett M., Gadlin H., 2012]. Аспект выбора информации для донесения сообщения, с учетом ограниченной емкости внимания целевой аудитории, подразумевает компрессию и последующую конвертацию исследовательских феноменов и процессов в доступный и значимый язык для понимания и восприятия научного результата целевой аудиторией [Druckman J., Luria A., 2017].

Взаимодействие человека с другими происходит посредством принятия на себя устойчивых обязательств и дробления доверия [Шеллинг Т., 2007]. Дробление доверия реализуется с целью пошагового выстраивания устойчивой долгосрочной коммуникации. Оно основано на том, что кооперативные действия приводят к последовательному повышению пропускной способности каналов коммуникации, делая их наиболее проводимыми. Презумпция доверия не означает автоматического принятия и разделения альтернативной точки зрения, но подразумевает априорное уважение к контрагенту через признание его права на собственные убеждения и их артикуляцию в процессе научного общения. Артикуляция убеждений как риторический прием обладает двойной функцией, — во-первых, без нее невозможна процедура коммуникативного признания в столкновении с Иным; во-вторых, она неотъемлемо сопряжена с риском предоставить в общий доступ

информацию, которая не предполагает повсеместной доступности [Гофман И., 2000].

В процессе научной коммуникации возможно нарушение ритуального статуса разговора, что приводит к необходимости его репродукции с прибеганием к ритуалам восстановления коммуникативного равновесия. Восстановление доконфликтного статуса разговора способствует выстраиванию отношений реципрокации или взаимности с наращиванием потенциала группового общения и с последующим выстраиванием сети межгрупповых коммуникаций [Ostrom E., Walker J., 2003].

Гармоничное групповое общение, выстроенное на основе взаимного участия, эмпатии, признания вклада участников в совокупный результат, выраженный в формате общего блага, подразумевает единство «ценностей ядра» [Sabatier P., 1988], формирующих групповую идентичность, с соответствующим этосом поведения, притом что, вторичные ценности могут различаться, вплоть до возникновения конфликта (см. данный выпуск: Сайкина Г.К., Ибрагимова З.З., с. 413–422). При этом конфликтное взаимодействие обладает созидательным потенциалом — конфликт подтверждает факт установления отношений в ситуации, когда эти отношения прежде вовсе отсутствовали [Coser L., 1964], позволяя организовать коммуникативное пространство и в последующем осуществить его переход в кооперативное русло, обладающее «защитными клапанами» для безопасного выражения недовольства, частичного или полного несогласия с параметрами порядка группы.

По отношению к этосу группы существуют три варианта поведения — лояльность, «голос» и «выход» [Hirschman A., 1970], где лояльность подразумевает безоценочное принятие групповых ценностей, «голос» означает артикуляцию недовольства, а «выход» предполагает постановку вопроса о возможном отделении от группы, претворяя в поведении возможность экстериторности ассамбляжа. С точки зрения теорий интеграции наиболее благоприятно объединение участников, обладающих равным статусом, поскольку в таком случае легитимно принятие решений на основе простого или квалифицированного большинства. При неравном статусе членов группы возникает потенциал для выстраивания отношений по логике гегемон-сателлит, где гегемон центрирует отношения с сателлитами на себе, стараясь избежать их консолидации друг с другом и возможности перераспределения статусных отношений и приписанных к ним ресурсов. Симметрия группо-

вого общения во многом сопряжена с фактором возможности равноправного доступа к информации — рациональное поведение (с учетом ограниченной рациональности членов группы) возникает при опоре на ожидания в отношении поведения остальных участников внутригруппового общения.

С точки зрения соответствия возлагаемым на них ожиданиям участники группы делятся на надежных, неустойчивых и «лимонов» [Tomz M., 2008], где «лимонами» являются участники, которые систематически не удовлетворяют ожиданиям в отношении их поведения. Тем не менее для сохранения состава группы используются техники априорного доверия: «приглашая меня в дом в качестве гостя, Вы не знаете, не украду ли я Ваши деньги или Ваши ложки. Но Вы предполагаете, что не украду, и поэтому принимаете меня как гостя» [Luhmann N., 1979]. Наилучшим потенциалом с точки зрения теории переговоров обладают повторяющиеся взаимодействия, следующие логике поощрений за кооперативное поведение и наказаний за отклоняющееся поведение. В нормогенезе этоса группы параллельно реализуются два процесса: первый связан с формализацией правил поведения (параметров порядка группы), второй сопряжен с установлением и подкреплением неформальных процедур и практик. Формальные и неформальные механизмы нормогенеза могут быть сочленены между собой в разных пропорциях. Неформальные институты по отношению к формальным могут быть комплементарные, аккомодирующие, конкурирующие и замещающие [Lauth H.-J., 2000]. В двух последних случаях возможна деконструкция группы по причине противоречий между равнозначными категориями правил поведения. Однако при сохранении ритуального равновесия практик внутригрупповой коммуникации возникает перспектива эволюционного оптимизма относительно сохранения и эндогенного самообновления матрицы ценностных ориентиров этоса группы.

Заключение

Проблемно ориентированное сотрудничество специалистов разного профиля является оправданным ответом на сложностные вызовы [Аршинов В.И., Свирский Я.И., 2016] эпохи «Проектной революции». Вместе с тем само по себе оно обращает к исследовательскому сообществу новый комплекс вопросов, связанных с вызовом солидарности, поиском общего языка, философией и психологией преодоления [Асмолов А.Г., 2001],

основанной на практиках смыслообразования [Франкл В., 2021].

Подобный подход включает в себя сознательный выбор в пользу продолжения кооперации при возникновении коммуникативных затруднений и преобразование потенциальной энергии конфликта в кинетическую энергию совместного творческого перехода от кризиса к «катарсису» [Davis Cross M., 2015]. При этом следует учитывать, что необходимость преодоления выступает признаком зрелой стадии развития проблемы, тогда как наиболее созидательной является упреждающая деятельность, позволяющая не столько минимизировать ущерб, сколько предотвратить возникновение проблемы как таковой. С этим связана актуализация проектной деятельности, прогностической функции науки [Пирожкова С.В., 2016], затрудняемая «методологическим иммунодефицитом» дисциплинарных областей знания [Пойзнер Б.Н., 1994], что требует развития трансдисциплинарного подхода к исследовательским и образовательным программам.

Начальной точкой сотрудничества в области науки может выступать общность интереса, однако научная коммуникация не носит самоподдерживающегося характера, если интерес не подкреплен культурой этичного ведения научного спора, приоритетом долгосрочного сотрудничества перед решением прагматических задач текущего момента и интенциональностью реципрокации в повседневном поведении участников диалога. Замысел тематического выпуска «Проблематизация человека: незавершенный проект» включал в себя не только стремление дать импульс дискуссии, основанной на общности интереса при разнообразии методологических подходов, но и идею создания платформы для доброжелательного и удовлетворяющего современным этическим стандартам взаимодействия с возможной перспективой его дальнейшей институционализации. Авторы статьи надеются на созидательный ответ со стороны участников проекта и на устойчивость предлагаемой атмосферы дружеского единства в преодолении и со-развитии для успешной совместной работы над многогранными вызовами современности.

Выражение признательности

Работа над тематическим выпуском и написание вводной статьи проведена при поддержке РФФИ № 20-011-00609 «Прокреация: фундаментальные и прикладные аспекты социокультурных норм — язык междисциплинарного дискурса»

Acknowledgements

Work on the special issue and writing an introductory article was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project № 20-011-00609 «Procreation: fundamental and applied aspects of socio-cultural norms — the language of interdisciplinary discourse».

Список литературы

- Аллатов А.С.* Познавательный интерес как выражение субъективности в познании // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2009. Т. 9, вып. 1. С. 3–7.
- Аришинов В.И., Свирский Я.И.* Сложностный мир и его наблюдатель. Часть вторая // Философия науки и техники. 2016. Т. 21, № 1. С. 78–91.
- Асмолов А.Г.* Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл, 2001. 416 с.
- Богатая Л.Н.* На пути к многомерному мышлению. Одесса: Печатный дом, 2010. 372 с.
- Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2000. 304 с.
- Деланда М.* Новая философия общества. Теория ассамбляжей и социальная сложность / пер. с англ. К.С. Майоровой. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 170 с.
- Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкаберг Ж.-М., Мэнге Ф., Пир Ф., Тринин А.* Общая риторика. Благовещенск: БГК им. Бодуэна де Куртенэ, 1998. 392 с.
- Киященко Л.П.* Этнос постнеклассической науки (к постановке проблемы) // Философия науки. Вып. 11: Этнос науки на рубеже веков. М.: ИФ РАН, 2005. С. 29–53.
- Ласло Э.* Век бифуркации: постижение изменяющегося мира // Путь. 1995. № 7. С. 3–129.
- Луман Н.* Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. 232 с.
- Междисциплинарные исследования культурного трансфера: философия, лингвистика, медицина: сб. науч. ст. / отв. ред. Л.П. Киященко, Ф.Г. Майленова. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2020. 220 с.*
- Пирожкова С.В.* Предсказание, прогноз, сценарий: к вопросу о разнообразии результатов исследования будущего // Философия науки и техники. 2016. Т. 21, № 2. С. 111–129.
- Пойзнер Б.Н.* Бытие становления как объект познания // Известия высших учебных заведений. Прикладная нелинейная динамика. 1994. Т. 2, № 3–4. С. 101–110.
- Франкл В.* Сказать жизни «Да!». Психолог в концлагере. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 239 с.
- Хабермас Ю.* Познание и интерес // Философские науки. 1990. № 1. С. 90–99.
- Хайдеггер М.* Что зовется мышлением? М.: Территория будущего, 2006. 320 с.
- Холтон Дж.* Тематический анализ науки. М.: Прогресс, 1981. 384 с.
- Шеллинг Т.* Стратегия конфликта. М.: ИРИСЭН, 2007. 375 с.
- Bennett M., Gadlin H.* Collaboration and Team Science: From Theory to Practice // Journal of Investigative Medicine. 2012. Vol. 60, iss. 5. P. 768–775. DOI: <https://doi.org/10.2310/jim.0b013e318250871d>
- Coser L.* The Functions of Social Conflict. N.Y.: Free Press, 1964. 192 p.
- Davis Cross M.* Crisis & Catharsis in EU Integration // European Union Studies Association (EUSA) Fourteenth Biennial Conference. 2015. URL: <https://aei.pitt.edu/78922/1/Cross.pdf> (accessed: 16.08.2021).
- Decision-Making under Ambiguity and Time Constraints. Assessing the Multiple-Streams Framework / ed. by R. Zohlnhöfer, F. Rüb.* Colchester, UK: ECPR Press, 2016. 298 p.
- Druckman J., Lupia A.* Using Frames to Make Scientific Communication More Effective // The Oxford Handbook of the Science of Science Communication. N.Y.: Oxford University Press, 2017. URL: <https://faculty.wcas.northwestern.edu/~jnd260/pub/Druckman%20and%20Lupia%20Using%20Frames%20to%20Make%20Scientific%20Communication%20Effective.pdf> (accessed: 16.08.2021). DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190497620.013.38>
- Hirschman A.* Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States. Harvard, MA: Harvard University Press, 1970. 176 p.
- Lauth H.-J.* Informal Institutions and Democracy // Democratization. 2000. Vol. 7, no. 4. P. 21–50. DOI: <https://doi.org/10.1080/13510340008403683>
- Luhmann N.* Trust and Power. Chichester, UK: John Wiley & Sons Inc., 1979. 208 p.
- Ostrom E., Walker J.* Trust and Reciprocity: Interdisciplinary Lessons for Experimental Research. N.Y.: Russell Sage Foundation, 2003. 424 p.
- Roeder Ph.* Where Nation-States Come From: Institutional Change in the Age of Nationalism. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2007. 440 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9781400842964>
- Sabatier P.* An Advocacy Coalition Framework Of Policy Change and the Role of Policy-Oriented Learning Therein // Policy Sciences. 1988. Vol. 21, iss. 2–3. P. 129–168. DOI: <https://doi.org/10.1007/bf00136406>
- Tomz M.* Reputation and International Cooperation: Sovereign Debt across Three Centuries. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2008. 328 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9781400842926>

Получена: 01.08.2021. Принята к публикации: 31.08.2021

References

- Alpatov, A.S. (2009). [Gnoseological interest as expression of gnoseological subjectness]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy]. Vol. 9, iss. 1, pp. 3–7.
- Arshinov, V.I. and Svirskiy, Ya.I. (2016). [World of complexity and its observer. Pt. 2]. *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of Science and Technology]. Vol. 21, pp. 78–91.
- Asmolov, A.G. (2001). *Psikhologiya lichnosti: printsipy obschepsikhologicheskogo analiza* [Psychology of personality: principles of general psychological analysis]. Moscow: Smysl Publ., 416 p.
- Bogataya, L.N. (2010). *Na puti k mnogomernomu myshleniyu* [Towards multifaceted thinking]. Odessa: Pechatnyy Dom Publ., 372 p.
- Bennett, M., Gadlin, H. (2012). Collaboration and team science: from theory to practice. *Journal of Investigate Media*. Vol. 60, iss. 5, pp. 768–775. . DOI: <https://doi.org/10.2310/jim.0b013e318250871d>
- Coser, L. (1964). *The functions of social conflict*. New York: Free Press, 192 p.
- Davis Cross M. (2015). Crisis & catharsis in EU integration. *European Union Studies Association (EUSA) Fourteenth Biennial Conference*. Available at: <http://aei.pitt.edu/78922/1/Cross.pdf> (accessed 16.08.2021).
- Delanda, M. (2018). *Novaya filosofiya obschestva. Teoriya assamblyazhey i sotsial'naya slozhnost'* [New philosophy of society. Assemblage theory and social complexity]. Perm: Gile Press Publ., 170 p.
- Druckman, J. and Lupia, A. (2017). Using frames to make scientific communication more effective. *Oxford Handbook of the Science of Science Communication*. New York: Oxford University Press. Available at: <https://faculty.wcas.northwestern.edu/~jnd260/pub/Druckman%20and%20Lupia%20Using%20Frames%20to%20Make%20Scientific%20Communication%20Effective.pdf> (accessed 16.08.2021). DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190497620.013.38>
- Dubois, Zh., Edelin, F., Klinkenberg, J.-M. et al. (eds.) (1998). *Obschaya ritorika* [General rhetoric]. Blagoveshchensk: BPC named after I.A. Baudouin de Courtenay Publ., 392 p.
- Frankl, V. (2021). *Skazat' zhizni «Da!»*. *Psikholog v kontslagere* [Say «Yes» to life: a psychologist experiences the concentration camp]. Moscow: Al'pina Non-Fiction Publ., 239 p.
- Goffman, E. (2000). *Predstavleniye sebya drugim v povsednevnoy zhizni* [The presentation of self in everyday life]. Moscow: Kanon-press-TS Publ., Kuchkovo pole Publ., 304 p.
- Habermas, J. (1990). [Cognition and interest]. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences]. No. 1, pp. 90–99.
- Heidegger, M. (2006). *Chto zovetsya myshleniyem?* [What is called thinking?]. Moscow: Territotiya Buduschego Publ., 320 p.
- Hirschman, A. (1970). *Exit, voice, and loyalty: responses to decline in firms, organizations, and states*. Harvard: Harvard University Press, 176 p.
- Holton, G. (1981). *Tematicheskii analiz nauki* [Thematic analysis of science]. Moscow: Progress Publ., 384 p.
- Kiyaschenko, L.P. (2005). [Ethos of postnonclassical science]. *Filosofiya nauki. Vyp. 11: Etos nauki na rubezhe vekov* [Philosophy of Science. Iss. 11: Ethos of Science at the Turn of the Century]. Moscow: IP RAS Publ., pp. 29–53.
- Kiyaschenko, L.P. and Maylenova, F.G. (eds.) (2020). *Mezhdistsiplinarnye issledovaniya kul'turnogo transfera* [Interdisciplinary studies of cultural transfer: philosophy, linguistics, medicine]. Moscow: MHU Publ., 220 p.
- Laszlo, E. (1995). [The age of bifurcation: understanding the changing world]. *Put'* [Path]. No. 7, pp. 3–129.
- Lauth, H.-J. (2000). Informal institutions and democracy. *Democratization*. Vol. 7, no. 4, pp. 21–50. DOI: <https://doi.org/10.1080/13510340008403683>
- Luhmann, N. (2004). *Obschestvo kak sotsial'naya sistema* [Society as a social system]. Moscow: Logos Publ., 232 p.
- Luhmann, N. (1979). *Trust and power*. Chichester, UK: John Wiley and Sons Inc Publ., 208 p.
- Ostrom, E. and Walker, J. (2003). *Trust and reciprocity: interdisciplinary lessons for experimental research*. New York: The Russell Sage Foundation Publ., 424 p.
- Pirozhkova, S.V. (2016). [Prediction, forecast, scenario: on question about diversity of prognostic research's results]. *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of Science and Technology]. Vol. 21, no. 2, pp. 111–129.
- Poyzner, B.N. (1994). [Becoming as a gnoseological object]. *Izvestiya Vysshikh uchebnykh zavedeniy. Prikladnaya nelineynaya dinamika* [Izvestiya VUZ. Applied Nonlinear Dynamics]. Vol. 2, no. 3–4, pp. 101–110.
- Roeder, Ph. (2007). *Where nation-states come from: institutional change in the age of nationalism*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 440 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9781400842964>
- Sabatier, P. (1988). An advocacy coalition framework of policy change and the role of policy-oriented learning therein. *Policy Sciences*. No. 21, iss. 2–3, pp. 129–168. DOI: <https://doi.org/10.1007/bf00136406>

Shelling, Th. (2007). *Strategiya konflikta* [Strategy of conflict]. Moscow: IRISEN Publ., 375 p.

Tomz, M. (2008). *Reputation and international co-operation: sovereign debt across three centuries*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 328 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9781400842926>

Zohlnhöfer, R. and Rüb, F. (eds.) (2016). *Decision-making under ambiguity and time constraints. Assessing the multiple-streams framework*. Colchester, UK: ECPR Press, 298 p.

Received: 01.08.2021. Accepted: 31.08.2021

Об авторах

Киященко Лариса Павловна

доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник

Институт философии РАН,
109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1;
e-mail: larisakiyashchenko@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4244-5732>
ResearcherID: J-4925-2018

Голофаст Анастасия Витальевна

стажер-исследователь

Институт философии РАН,
109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1;
e-mail: nastya.golofast@iph.ras.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8689-687X>
ResearcherID: W-2494-2017

About the authors

Larisa P. Kiyashchenko

Doctor of Philosophy, Leading Researcher

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya st. Moscow, 109240, Russia;
e-mail: larisakiyashchenko@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4244-5732>
ResearcherID: J-4925-2018

Anastasia V. Golofast

researcher-intern

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya st. Moscow, 109240, Russia;
e-mail: nastya.golofast@iph.ras.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8689-687X>
ResearcherID: W-2494-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Киященко Л.П., Голофаст А.В. Этнос общения и понимания в проектной деятельности (от редакции) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 293–301. DOI: [10.17072/2078-7898/2021-3-293-301](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-3-293-301)

For citation:

Kiyashchenko L.P., Golofast A.V. [Ethos of communication and understanding in project activity (an editorial)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 3, pp. 293–301 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2021-3-293-301](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-3-293-301)

Раздел I. ПРОБЛЕМА ОСОЗНАННОСТИ ПРАКТИЧЕСКОГО ВОПЛОЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

УДК 008:130.3

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-302-311

НОМО DIGITALIS И САМОСОЗНАНИЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ, ВЫЗОВЫ И ЗАПРОС НА УНИКАЛЬНУЮ САМОСТЬ

*Тульчинский Григорий Львович**Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)*

Целью данной работы является осмысление ситуации и гуманитарных последствий переживаемой радикальной трансформации всего образа жизни, которая связана с цифровизацией. Основное внимание уделяется вызову человеческой субъективности. Результаты современных нейрофизиологических исследований показывают, что самосознание (как высший уровень и сущность субъективности) формируется в результате социализации, которая сопровождается коммуникацией в нарратологическом формате. Это позволяет провести уточнение содержания таких концептов, как сознание, самосознание, свобода, а также выявить роль ответственности в формировании соответствующих феноменов. Анализ показывает, что ключевую роль в формировании ответственности/свободы играет освоение наррации опыта от первого лица. Нарративный подход оказывается важным как в анализе феноменологии сознания, так и в анализе исторической эволюции человечества. Именно это обстоятельство и является главным в осмыслении перспектив homo digitalis. Современная «мегамашина» цивилизация синтезирует в единую цифровую экосистему живое и неживое, биологическое и механическое. Цифровая экосистема вытесняет не только природный мир, но и его восприятие, сам опыт переживания «от первого лица». Объемы информации и скорости ее трансляции и переработки не оставляют места для рефлексии. От человека требуется не осмысление и рассуждение, а «правильная» реакция, активация опций, которые запускают заданные алгоритмы. Речь идет фактически о переходе к сигнальной коммуникации и «новой животности». Homo digitalis становится не самостоятельной частью этой системы, а ее опцией: инструментом и продуктом. Статья содержит обобщение горизонта таких перспектив, как утраты субъективности в цифровых кодах, так и утраты ее востребованности. Проведенный анализ дает возможность наметить содержание гуманитарной экспертизы не только последствий цифровых технологий, но и их разработки и имплементации.

Ключевые слова: глубокая семиотика, гуманитарность, коммуникация, культура, наррация, самосознание, самость, смыслообразование, цифровизация.

HOMO DIGITALIS AND SELF-AWARENESS: TRANSFORMATION, CHALLENGES AND REQUEST A PERSONOLOGICAL UNIQUE SELF

*Grigori L. Tulchinskii**National Research University «Higher School of Economics» (Saint Petersburg)*

The article aims to comprehend the situation and the humanitarian consequences of the ongoing radical transformation of the entire way of life caused by digitalization. The focus is on the challenge facing human subjectivity. The results of modern neurophysiological research show that self-awareness (as the highest level and essence of subjectivity) is formed as a result of socialization which is accompanied by communication in a narratological format. This makes it possible to clarify the content of such concepts as consciousness, self-awareness, freedom, as well as to identify the role of responsibility in the formation of the corresponding phenomena. Analysis shows

that mastering the first-person narration of experience plays a key role in shaping responsibility/freedom. The narrative approach turns out to be important both in the analysis of the phenomenology of consciousness and in the analysis of the historical evolution of mankind. It is this circumstance that is crucial in understanding the prospects for homo digitalis. The modern «mega-machine» civilization synthesizes the living and non-living, the biological and mechanical into a single digital ecosystem. This ecosystem displaces not only the natural world but also its perception, the very experience of going through some experience «in the first person». The volumes of information and the speed of its transmission and processing leave no room for reflection. A person is required to provide not comprehension and reasoning but a «correct» reaction, the activation of options that launch the given algorithms. It is actually about a transition to signal communication and «new animality». Homo digitalis becomes not an independent part of this system but its option: a tool and a product. The article provides generalization of the horizon of such prospects: both the loss of subjectivity in digital codes and its being in demand. The analysis performed allows us to outline the content of humanitarian expertise not only of the consequences of digital technologies but also of their development and implementation.

Keywords: deep semiotics, humanitarianism, communication, culture, narration, self-awareness, self, meaning formation, digitalization.

Введение: постановка проблемы

Человечество вступило в качественно новую стадию развития. В терминологии А. Тоффлера речь идет о «четвертой волне», или о «Революции 4.0», связанной с цифровизацией, — расширением применения технологий, основанных на идеях дискретности, алгоритмичности, вычислимости, программируемости, что радикально меняет весь жизненный уклад жизни современного общества: экономику, науку, инженерное и военное дело, образование, досуг, личную жизнь, которые сводятся к потоку обработки оцифрованных данных.

В таких комфортных условиях человечество еще никогда не жило: умный дом, умная машина, умные предприятия, город... Оцифрованное общество массового потребления в состоянии удовлетворить практически любую артикулированную потребность. Но, как и у любого достижения цивилизации, у цифровизации имеются определенные издержки, некоторые из которых довольно легко корректируются с использованием тех же технологий, а некоторые требуют уточнения и осмысления ключевых идей и концепций, непонимание чего сказывается не только в важных для развития социума социально-культурных практиках (возможности тотального контроля и манипулирования, радикальное изменение структуры занятости, формирование новых социальных неравенств), но и в антропологических вызовах современного человека как homo digitalis, что проявляется в концепциях «новой животности», пост- и трансгуманизма, алармизме, переходящем в хорроризацию будущего человечества.

Главный антропологический вызов касается понимания перспектив субъективности — сознания и самосознания, проблематика проявления которых составляет сердцевину гуманитарных

наук. Тем самым ситуация становится вызовом их статусу и востребованности. Целью работы является попытка осмысления вызова субъективности homo digitalis и перспективы ответа на него.

Достижение этой цели предполагает уточнение роли и проблемы сознания и самосознания с учетом современных нейропсихологических исследований. В обобщении их результатов особый интерес представляет роль нарратологического формата социальной коммуникации, сопровождающей освоение социально-культурных практик. Трактовка самосознания как нарратии от первого лица открывает нетривиальные возможности конкретизации проблемы субъективности homo digitalis, ее перспективы и возможности. В логике решения этих задач и строится дальнейшее изложение.

Роль и проблема сознания

Человек выделился среди других живых организмов, если не природы вообще, за счет создания культуры как системы внегенетического наследования опыта поведения [Лотман Ю.М., 2002, с. 147–148]. Животное адаптируется к изменениям окружающей среды за счет мутации биологического вида и естественного отбора. Человек же, практически не мутируя как вид, вынес механизм адаптации вовне, превращая натуру в культуру, которая, развиваясь («мутируя»), создает новую среду обитания. Другими словами, культура во всем своем разнообразии предстает системой порождения, отбора, хранения и трансляции социального опыта: национально-этнического, профессионального, профессионального, гендерного, семейного и т.д. Человек рождается, будучи, наверное, самым беспомощным на свете существом. Но за счет социализации, т.е. освоения того самого культурного опыта, он становится су-

ществом, способным вести себя не только согласно естественным условиям, но и вопреки им.

Ключевую роль в этом процессе играет формирование сознания и самосознания — не только программирование социальным опытом, его «вращивание» (Л.С. Выготский), но и его индивидуализация, факторами которой выступают физиологические особенности индивида (его возможности и способности, в том числе генетически обусловленные), факты биографии (место и время рождения, воспитания, образования, последовательности освоения социально-культурных практик), уникальный индивидуальный опыт.

Вопрос о природе сознания и самосознания — ключевой в проблеме антропогенеза. Что такое человек? По точности сугубо описательной характеристики до сих остается непревзойденным платоновское определение человека как беспероного двуногого с мягкой мочкой уха и плоскими ногтями — других существ, обладающих таким набором характеристик, пока не обнаружено. Но эта характеристика не дает представления о сущности человека, что, собственно, и порождает обилие определений человека как *homo faber* (существо творящее, использующее инструменты), *homo ludens* (существо играющее, способное к отделению от «звериной серьезности», к смеху), *zoon politikon* (общественное, политическое животное) и т.д. Сущностью человека объявлялись общественные отношения (марксизм, конфуцианство), принадлежность Богу, воля к жизни (Ф. Ницше), воля к власти (А. Шопенгауэр, А. Адлер), сублимация Эроса и Танатоса как жизнеутверждения и разрушения (З. Фрейд), свобода (экзистенциализм, даосизм, буддизм). Но все эти характеристики, так или иначе восходят к идее *homo sapiens* (существа, обладающего сознанием, разумом). Под таким названием человек и выделяется из рода *homo*, семейства гоминид, отряда приматов.

И до сих пор главной проблемой философской антропологии является двойственность человека: с одной стороны — плоть, конечная и смертная, а с другой — сознание, свобода, сопричастность бесконечному духу. Здесь и сейчас не время и не место углубляться в великое множество концепций происхождения сознания: мифологических, Божественного создания человека «по образу и подобию», происхождения человека от инопланетных «пришельцев», роли биоценоза, возведения сознания к формам чувственности, «врожденности» или «припоминания» идей, констатации дуализма и психофизической проблемы.

Вопрос о природе сознания и самосознания важен не только в плане антропогенеза, но для объяснения и признания роли гуманитарного знания, морали и права, предполагающих свободу и свободу воли, которые немислимы без сознания и самосознания, задающих сугубо человеческое измерение бытия. Вне сознания существуют только причинно-следственные связи. И только сознание и самосознание открывают пространство проявления и реализации свободы воли.

Между тем нельзя не признать несколько бесспорных, очевидных и общеизвестных обстоятельств относительно сознания. Прежде всего, это необходимость социального окружения, других людей, взаимодействия с ними. Как писал М.М. Бахтин, если физическое тело человека зарождается и формируется («оплотняется») в материнском лоне, то его сознание «оплотняется» взаимодействием с «другими». При этом речь идет не просто о физическом взаимодействии (что также немаловажно), но и об одновременной коммуникации, т.е. об освоении и использовании членораздельной речи. И это неоспоримый факт — вне общения с другими людьми полноценная личность не формируется. И примеров тому великое множество: от трагических историй вроде несчастного Каспара Хаузера, с которым до 14 лет никто не общался, до С. Хокинга — глубокого инвалида, ставшего гениальным астрофизиком.

Кроме того, содержание сознания, его проявления зависят от возраста, состояния индивида, от социально-культурного контекста, ситуаций. Более того, сознание и самосознание может просто утрачиваться, — например, в состоянии аффекта, в связи с болезнью, возрастной деменцией, распадом личности. Нельзя отрицать и роль головного мозга: сознание — характеристика «человека с головой».

Современная нейрофизиология о сознании и самосознании: три уровня самости

Накопленные в последние десятилетия данные нейрофизиологии, исследований головного мозга [Damasio A.. 2010; Pereboom D., 2014], попыток их философского осмысления [Dennett D. 2003; Мишура А. 2016; Хенрих Д., 2018] позволяют связать в более-менее целостную картину такие факторы, как нейронные процессы в головном мозгу (включая роль зеркальных нейронов), посленатальные этапы физического и социального развития человека, освоение практик (в том числе с помощью подражания), освоение речи, языка.

Исходной точкой систематизации предстает гомеостаз живого организма. На этом уровне биотической иннервации формируемые нейронные паттерны в стволовой части мозга (ниже уровня коры) образуют обратную связь, петлю их резонанса с телом. На этом уровне можно говорить о некоей протосамости живого организма.

Следующим уровнем является гомеостаз телесного индивида с ролью определенных участков верхней части стволовой части мозга, таламуса, ряда областей коры обоих полушарий головного мозга, формирующих темпоральную непрерывность и возможности рефлексии, — ощущение вовлеченности и выделенности «здесь и сейчас». Эту способность А. Дамасио называет «базовой самостью» (core self), а Д. Деннет — «набросками проб» опыта.

Первые два уровня свойственны живым организмам, животным. Радикальное отличие начинается на следующем уровне — гомеостаза социально-культурного, негенетического освоения опыта. Здесь важна роль коры головного мозга, в первую очередь — ее заднемедиальной (префронтальной) части, лобных долей, т.е. зон, связанных с освоением членораздельной речи.

Важно, что такое освоение языковых практик происходит в контексте социально-культурных телесных практик, в которых ребенок следует взрослым, подражая им. При этом особую роль играет освоение к 3-му году жизни опыта рассказов о себе в 1-м лице. До этого ребенок, подражая взрослым, даже о себе говорит в 3-м лице. Такие рассказы становятся все более развернутыми, рефлексивными, что свидетельствует о формировании и развитии связной памяти. Недаром А. Дамасио называет этот уровень «автобиографической самостью» (autobiographical self). Фактически, речь идет о способности воспроизводить прошлое, воображать возможное будущее, опыт трансцендентного, не данного в чувственной эмпирике, другими словами — о воображении, мышлении, разуме.

Дальнейшая «инсталляция» программ социального опыта сопровождается интенсивнейшим формированием нейронных сетей, соответствующих переживанию этого опыта на всех трех уровнях. Ключевыми моментами такого развития являются «окно возможностей» (6-й – 11-й годы жизни), когда эти нейронные сети наиболее пластичны, и гормональный выброс в 12–18 лет, когда человек осваивает принципиально новые сценарии поведения. Далее уже сказывается формирование миелиновой оболочки нервных волокон,

закрепляющей сформированные нейронные сети. В 21 год завершается формирование головного мозга зрелого человека.

С представленной точки зрения сознание и самосознание являются продуктом эволюции и освоения социально-культурного опыта. Это позволяет говорить о сознании более конкретно — не как о некоей трансцендентной сущности, а как о трех уровнях проявления интенциональности: протосознание (proto self) — поток ощущений, иннерваций, которым обладают все живые существа, реагирующие на внешнюю среду; базовое сознание (core self) — выделение себя как актора; рефлексивное «автобиографическое» сознание (autobiographically self) — нарративы о своем опыте от 1-го лица. Собственно, именно autobiographically self и конкретизирует самосознание как связную осмысленную память о своем опыте, которая подобна связному роману о себе, который пишет личность с помощью других, пересматривая и переписывая первые главы этого романа.

Таким образом, получается, что ключевую роль в социализации, формировании и развитии сознания играет такая вроде бы обыденная для гуманитариев практика, как наррация — рассказывание связных осмысленных историй с выделением персонажей, играющих роли в этих историях. Такие истории выступают основой смыслопорождения, формулировками осмысленных представлений о происходящем и действительности.

Наррация играет чрезвычайно важную, если не главную роль в жизни социума, обеспечив, по ряду оценок примерно 70 000 лет назад, переход от сигнальной коммуникации к нарративной. Это была когнитивная революция [Harari Y.N., 2014, p. 35–53], — наверное, важнейшее событие в развитии нашего вида, определившее все дальнейшее развитие. Способность рассказывать дала колоссальное преимущество homo sapiens перед другими видами homo, которых тогда насчитывалось минимум шесть. Дело в том, что сигнальная коммуникация (типа «Пожар!», «Тигр идет!») позволяет консолидировать не более 100–120 особей (стаи, семейства, малого племени), тогда как нарративная, рассказывание историй (типа «Этот пожар случился от молнии во время вчерашней грозы», «Я видел тигра сегодня утром у берега реки») дает возможность консолидировать не только сотни, но тысячи, а теперь и миллионы людей. В основе мифологии, религии, истории, морали, права, государства, экономики, денег, финансовой системы, всех проявлений культуры

лежит смысловая картина мира и разделяемое доверие к ней. А формируется эта смысловая картина мира все той же нарративной.

Освоение нарративной коммуникации (рассказов о... включая сплетни, выдуманные истории) обеспечило формирование общей мифологии (идеологии), консолидацию больших групп, расширение круга доверия и в конечном счете — культуры. Именно это обстоятельство и предопределило последующие этапы эволюции человечества:

– Аграрная революция (12 тыс. лет назад) — одомашнивание растений и животных обеспечило избыток пищи и формирование постоянных поселений.

– Экономическая революция (5 тыс. лет назад) — появление денег обеспечило универсальные обмены и институционализацию властного доминирования в формате государства.

– Научная революция (500 лет назад) — географические открытия, освоение планеты, следствием чего стало и формирование империй.

– Промышленная революция (200 лет назад) — индустриализация, урбанизация, массовое общество, нации, буржуазные государства, выход в космос.

– Информационно-коммуникативная революция (50 лет назад) — СМИ, Интернет, мобильная связь, социальные сети, глобализация.

– «Проектная» революция (25 лет назад) — биотехнологии, геновая инженерия, цифровизация обеспечили невиданные ранее жизненный комфорт, одновременно возможности вмешательства и контроля, следствием чего стали экологические угрозы, перспективы пост-(транс-)человечности.

Подводя промежуточный итог, можно признать, что социальная природа человека как *сapiens* связана с коммуникацией в нарративном формате. Во-первых, самосознание, память (как индивидуальная, так и социальная, включая историческую) формируются и актуализируются в коммуникативных практиках нарратива, выступая эффективным средством формирования, даже конструирования самости и идентичности, которые суть способность рассказывать и рассуждать о себе, строить нарратив от 1-го лица, в которой ключевую роль играют имена собственные, указательные и притяжательные местоимения. Такая способность, во-вторых, обретается в процессе социализации: освоения социально-культурных практик, сопровождаемых коммуникацией, в которой человек осваивает нарратив о себе как активном акторе («герое») происходящего.

Свобода как ответственность

Сказанное выше позволяет уточнить и представление о свободе. Широко известно представление Н.А. Бердяева и Ж.-П. Сартра о свободе как «дыре в бытии», добытийном и внебытийном начале бытия, открытом человеку, наделенному сознанием. Действительно, животное полностью погружено в данную реальность, а человек обладает способностью заглядывать за экран данного, выходить из имманентного в трансцендентное, в результате чего «из-за экрана» и появляются самолеты, ракеты, компьютеры и т.п. — то, чего нет в природной реальности. Свобода — богоподобное качество: свобода пошевелить или не пошевелить пальцем сопоставима со свободой — создавать или не создавать новый мир. Поэтому понятие свободы имеет давнюю традицию глубокой проработки в теологии.

Подход к сознанию и самосознанию как результату освоения социально-культурных практик, сопровождаемых нарративом от 1-го лица, когда актер выступает причиной, ответственной за совершаемые им действия. Например, когда ребенку объясняют, что это не чашка упала, а он ее уронил. Мог уронить, мог не уронить. Уронил. «Это ты сделал!». Такими рассказами человека вырывают из причинно-следственных связей, замыкая причины на него самого, делая его *causa sui*. Собственно, в этом и заключается смысл семейного воспитания, обучения, профессиональной подготовки. Источником формирования и развития сознания как *autobiographically self* выступает та ответственность, которая формулируется в соответствующих переходах от нарратива «это ты сделал» к «это я сделал».

Связь ответственности и свободы известна хорошо: если человек совершил нечто свободно, то он за это действие и его последствия и отвечает, а если речь заходит об ответственности, то она возможна только в случае свободно принятого решения. На этом построены мораль и право. Но в этом соотношении первична ответственность, которой нас «грузят другие» в процессе социализации. Если бы состоялся спор Н.А. Бердяева и М.М. Бахтина о том, что первичнее — свобода или ответственность, то прав был бы М.М. Бахтин с его идеями «не алиби в бытии» и «участного поступающего мышления» [Бахтин М.М., 1986]. М.М. Бахтин, несмотря на его исходную апофатичность, глубоко и принципиально прав. Человек, по факту своего бытия, включенности в него, изначально ответствен [Kane R., 2000]. А разум суть инструмент, мера

осознания масштаба — горизонта и глубины — ответственности.

В праве и морали свобода рассматривается как некая данность, делающая человека вменяемым актором. Но без учета производности свободы мы с неизбежностью погружаемся в теологическое объяснение права и морали. Нас «грузят» ответственностью, замыкая на нас каузальность, социально-культурные практики и сопровождающую их нарратацию: социальный контроль, воспитание, образование, профессиональная подготовка, религия, право, культурные индустрии. Формирование сознания суть история формирования цепочек и сетей нейронов, закрепляющих этот опыт ответственности.

Свобода суть «эпифеномен» культуры, вторичный по отношению к ответственности. Сознание, разум — мера осознания ответственности, а самосознание Я — точка сборки свободы и ответственности, результат интерпретации (нарратации) своего поведения другими и самой личностью. Так что Ф. Ницше был не так уж далек от истины, говоря, что свобода, мораль и право придуманы, чтобы нас оценивать и судить. А наш современник П. Перебум, обобщая результаты исследований нейрофизиологии мозга, о том же самом говорит еще жестче: об этом не надо говорить многим людям, но стоит быть к ним терпимее [Reberboom D., 2014]. Однако это дает возможность человеку, в отличие от животного, действовать вопреки миру. Детерминизм, знание причин не исключает возможности свободного решения. Более того — открывает возможности конструктивной деятельности, выбора способа действия, принятия и реализации решения, творчества.

Обозначенный подход может рассматриваться как применение идей М.М. Бахтина и их современное развитие. Он дает достаточно прочное основание для развития междисциплинарных исследований и даже конвергенции гуманитарных, социальных и естественных наук. В этом поле анализа преодолевается застарелое противопоставление аналитической (англоязычной) и герменевтической (континентальной) философских традиций. Немаловажен такой подход и для осмысления перспектив практик социальной идентификации и позиционирования личности в современном социуме [Тульчинский Г.Л., 2020].

Homo digitalis и перспективы субъективности

Однако наиболее важное применение развитого выше подхода относится, пожалуй, к оценке ситуации и гуманитарных последствий переживаемой

радикальнейшей трансформации всего образа жизни, связанной с цифровизацией.

Основную часть истории человек делал мир понятным, уподобляя его себе. Однако с развитием техники мир становился все менее антропоморфным, уподобляясь все более сложным механизмам. Однако качественная новизна происходящего на наших глазах технологического сдвига не сводится только к очередным достижениям науки и техники. Практики, связанные с развитием цифровизации, создали новую целостную среду обитания — искусственную практически полностью: от технологий производства продуктов питания до зданий и сооружений, созданных на 3D-принтерах, беспилотных транспортных средств, комплексов типа smart city, Интернета вещей, на глазах превращающегося в «Интернет всего» (Internet of everything). Мобильная связь, социальные сети, Big Data, камеры наблюдения в smart house в smart city ставят под постоянный контроль не только поведение, но, фактически, и сознание. Культура в условиях цифровизации превращается в подобие машины, когда реальность предстает реализацией «трансцендентного» цифрового кода, который выступает оригинальным источником для любого количества артефактов как своих копий.

Традиционно техника понималась как совокупность искусственных вещей, созданных для выполнения каких-то задач. В настоящее время технические устройства не только отделяются от природы и создателя, а конвергируют с ними. Такое взаимопереплетение живой и неживой природы в рамках все расширяющегося инжиниринга позволяет говорить о постчеловечности, «постбиологичности» человека, его постантропоморфности, постчеловеческой персонологии, транс- и постгуманизме.

Современная оцифрованная искусственная среда втягивает не только естественную среду, но и биологическую природу человека, который сам превращается в артефакт. Нанотехнологии, искусственный интеллект, робототехника, протезирование, генная инженерия все в большей степени позволяют преобразовывать собственно человеческую природу. Тело перестало быть «темницей души», его можно не только украшать, но и менять как костюм или платье — вплоть до смены пола и киборгизации, не говоря уже о способах искусственного оплодотворения, вынашивания плода, медикаментозного влияния на поведение.

«Границы между технологиями и человеческими существами размываются, и не только бла-

годаря возможностям создавать роботов, похожих на живые существа или синтетические организмы, — речь идет о способности новых технологий буквально стать частью нас», — полагал несколько лет назад инициатор и вдохновитель Давосского форума [Шваб К., 2018]. Однако в наши дни человек превращается из пользователя опций потребления и творчества в одну из опций цифровой мегамшины.

Искусственная сделанность вытесняет не только природный мир, но и его восприятие, сам опыт переживания «от первого лица». Антропологической проблемой становится проблема скоростей презентации и обработки этих презентуемых в потоках информации данных и все большим ускорением этого потока. Речь идет о скоростях, не всегда доступных человеческому мозгу, что просто не оставляет времени для осмысленной рефлексии. Это уже проблема не роботов, андроидов и прочих «двойников». Сама его самость и аутентичность становятся побочным продуктом некой «мегамшины».

Презентируется перманентно изменчивый поток информации, требующей от пользователя (зрителя, слушателя, читателя) не каких-то рассуждений, аргументации, оценки и прочей наррации, а реакции на ситуацию, на поступающие сигналы, нажатие правильных опций, реализующих кем-то ранее заданные алгоритмы. При этом эмоциональное отношение, его переживание редуцируется именно к непосредственной, желательно быстрой (автоматической) реакции. А это уже, в определенной степени, возврат к сигнальной коммуникации — одно из проявлений «новой животности» [Агамбен Д., 2012], которая как раз и заключается в том, что быстротечная череда таких реакций не оставляет места для памяти — эфемеризма сознания.

В силу скоростей информационных процессов под сомнение ставится необходимость самого существования артефакта данных о переживаниях, сроку жизни которых, как в технологии snapchat, могут отводиться считанные минуты. Более того, Интернет сохраняет следы созерцаний и переживаний без их носителя. Самоценным становится сам процесс обработки данных, вытесняющий осмысление.

Ситуация меняется стремительно — похоже, что вопреки мнению К. Шваба уже не столько новые технологии становятся частью нас, сколько мы — частью этих технологий, а мозг как «машина реальности» сам оказывается частью другой машины. В условиях тотальной включенности в

«мегамашинную» цивилизацию, в которой живое и неживое, биологическое и механическое синтезированы в единую цифровую экосистему, homo digitalis все более становится не самостоятельной частью этой системы, а ее инструментом и продуктом.

Это в любом случае — отход от доминировавшей до сих пор линии развития человеческой мысли и цивилизации, которая до сих пор определялась «встречей Афин и Иерусалима», синтезом двух великих нарративных идей — иудео-христианского монотеизма и античной логической рациональности: мир един, в его основе единый замысел единой воли, и этот замысел разумен, а человеку дан инструмент распознавания этого замысла. Сначала вопросы задавались священным текстам, затем — в научных опытах — самой природе. Дальше уже был короткий путь от деизма к человеку-инженеру, рационалистическому преобразовательному активизму и современному миру. Согласно этой «европейской метафизике» природа едина и различаются точки зрения на нее, подходы к ней — смыслы и культуры. С семиотической точки зрения это означает, что денотат один, но его смыслы. А понять нечто можно только заняв какую-то позицию, точку зрения, коих множество. Одно из следствий этой мировоззренческой установки — право на свободу слова и мнения, толерантный мультикультурализм.

Ситуация же с тотальной машинной цифровизацией больше напоминает «индейскую метафизику», описанную К. Леви-Стросом и В. де Кастру [Кастру Э.В. де, 2017], которая дает единую точку зрения на различное, когда смысл, замысел один, а различны денотаты как его воплощения. Понять что-то можно, только воплотившись, буквально — сделавшись в этом теле, заняв его. В этом плане можно говорить не о мультикультуральности, а о мультинатуральности воплощения единого, в качестве чего может выступать цифровой код.

Тогда это уже ситуация не столько «Матрицы», в которой люди — сырье порождения фантомного мира, сколько «Соляриса» С. Лема, в котором люди, их мир и переживания — порождения некоего планетарного целого. И в этой ситуации найти место и возможности изменить правила бытования намного меньше, чем у «матричного» Нео и его друзей. Что это — срыв в архаику? Или полное торжество конструктивного разума? В любом случае — рационализм, доведенный до своего предела, а возможно, — и до противоположности.

И все же: слабости как преимущества

Подведем некоторый итог. Великий проект гуманизма Просвещения реализован. И на выходе, в результате — новая животность. Проблематичность свободы воли, самосознания, ответственности. Расслоение и зависимость от новых хозяев. Многоуровневый контроль: над интеллектом (посредством искусственного интеллекта), эмоциями и поведением (посредством маркетинга подталкивания на основе Big Data), социализацией как таковой. Мы постепенно становимся не столько пользователями технологий, сколько их частью. Если раньше между мозгом и миром вещей был язык, то теперь — цифры. Механизм погружения человечества в так называемую «цифровую оболочку», формирования homo digitalis уже запущен, причем этот процесс носит массовый характер. А это значит, что постчеловеческое будущее ближе, чем может казаться на первый взгляд.

Каков же в таком случае возможный человек будущего? Жажущий внешних стимулов и реагирующий только на них? Но чувства притупляются, в жизни будет не хватать чего-то контрастного? Об этом много и убедительно писал еще маркиз Ж. де Сад. И это хуже, чем даже новая животность.

Нарастающий тренд открывает перед человечеством перспективу в духе начала знаменитого рассказа Р. Брэдбери «Будет ласковый дождь». Роботы выполняют все привычные программы по поддержанию «умного дома»: включают музыку, напоминают о дате, готовят завтрак, чистят комнаты, открывают и закрывают гараж и ворота. Только людей в этом доме нет. Да и кому нужен обладающий самосознанием субъект, осмысляющий мир «в первом лице», когда все проблемы разрешимы за него и без него «в третьем лице»? Капитализм, целью которого является самовозрастание капитала, способ производства античеловечный и бесчеловечный, получает в цифровом мире наиболее полное воплощение: место природной и трудовой ренты занимает рента сетевая. И где здесь человек?

Описанные выше проблемные поля представляются на первый взгляд довольно разрозненными, слабо поддающимися философскому осмыслению. И это является серьезным вызовом философскому анализу, тяготеющему к обобщению и интеграции смысловой картины мира и человека. Однако следует признать недостаточность и даже тупиковость абстрактного анализа в поисках ответов на отмеченные концептуальные и цивилизационные вызовы. Все очень конкретно.

У любого достижения цивилизации есть неоднозначные обстоятельства. Автомобиль, компьютер порождают немало проблем, осложняя жизнь — от ДТП до гиподинамии. Но никто от них не отказывается. Наоборот, зная о таких последствиях и обстоятельствах, можно принимать меры, чтобы противостоять нежелательным последствиям.

А субъектность, самосознание при всей своей «нематериальности» неоднократно демонстрировали свой нетривиальный потенциал. Даже опыт людей, прошедших гитлеровские концлагеря и сталинский Гулаг, говорит о том, что выживали те, кто сами себе придумывали какие-то правила поведения, не предусмотренные лагерными регламентами, сохраняли чувство юмора, позволяющее переосмыслить реальность в ином контексте. Алгоритмизируем ли такой опыт переживания? Похоже, что пока нет.

Не случайно в реальном менеджменте работодатели подчеркивают роль эмоционального интеллекта, необходимость soft skills: коммуникативных навыков, способности к сопереживанию, эмоциональности, юмора, самоиронии — проявлений сознания и самости «в первом лице». Так, во время 30-минутного собеседования при поступлении на МВА в Harvard business school соискателям задают странные на первый взгляд вопросы: «Объясните мне, над чем Вы работаете, как будто я восьмилетний ребенок», «В чем Вы никогда не сможете добиться успеха и быть так же хороши, как другие?», «Какие два лучших совета, которые Вам давали? Почему Вы так считаете?», «Чем Вы хотели бы запомниться?», «Как Вы принимаете важные решения?», «Как Ваши родители описали бы Вас 12-летнего?», «О чем я никогда бы не догадался, даже прочитав Вашу заявку на поступление?», «Какой самый непростой вопрос задавали Вам?». Нетрудно заметить, что ответы на такие вопросы требуют рефлексии и развернутую нарративную историю от первого лица. А это означает запрос работодателей не просто на человеческий капитал, а именно на личностный капитал, выражающийся в развитом самосознании от первого лица.

Как-то недавно в одном спортивном интервью был задан такого рода вопрос: почему в спорте (и не только) подвиги совершают двоечники и троечники, а девушки почему-то предпочитают «плохих парней». При всей эпатажности, в этих словах есть рациональное зерно. «Отличники» следуют установленным правилам и часто теряются в нетривиальных ситуациях, когда требуется

иной взгляд и подход. Хорошо известно, что научные открытия часто делают дилетанты, не знакомые с «теоретическими рамками», или специалисты из других областей.

Все более отчетливо становится ясной важность не просто сознания как способности мыслить, сознавать себя и Другого — такой процесс инсталляции алгоритмов моделируем и воспроизводим в искусственных системах. Хотя бы потому, что в этом случае речь идет о сознании «в третьем лице». Главное же — субъективность «в первом лице», которая сопровождает сознательное содержание субъекта, включая эмоционально окрашенные переживания [Тульчинский Г.Л., 2019]. Похоже, что именно это выделяет человека среди других субъектов деятельности, которые могут появиться в будущем (андроиды, репликаны и т.д.).

Преимущество человека в конкуренции «белка» и «песка» видится в его слабости. Он устает. Конечен и осознает конечность. Эмоции. Которые выступают не просто и не только источником смыслообразования. Человек может быть доволен. Но чаще может быть не доволен собой, своим местом в мире. Он привыкает к рутине, но при этом — все время хочется чего-нибудь нового. Это не просто цели — машина может формулировать задачи по достижению цели. Ставит она и цели — на какой-то ценностной шкале. Но выйти за пределы шкалы? Для машины это сбой в программе. Человек сбоят постоянно — хотя бы в воображении, хотя бы из ressentimentа. «Когда бы вы знали, из какого сора...»

В менеджменте надо уметь из минусов делать плюсы. Так и человеческие вроде бы слабости дают некоторые преимущества перед оцифрованным искусственным интеллектом. По крайней мере, пока не будет создано существо автономное, конечное в своем существовании, осознающее это, переживающее это, стремящееся и способное выйти за горизонт сущего.

Пока же таким существом способен быть только человек (на «белке»), живущий в обществе — в качестве личности, которая есть центр, в котором реализуется, находит себя социальный опыт, а поступки личности в конечном итоге есть единственный путь реализации и развития этого опыта.

В определенном смысле, с точки зрения общего социально-культурного прогресса, самосознание самости и его активацию можно рассматривать как индивидуально реализуемую, но социально значимую пробу возможных вариантов че-

ловеческого самоизменения как самоизменения человеческого опыта. Все субъективно личностное служит в итоге практической пробой социального на его состоятельность. И в этом плане возрастает роль комплексной гуманитарной экспертизы: не только последствий новых технологий, но и на стадии их разработки и внедрения.

Список литературы

- Агамбен Д. Открытое. Человек и животное / пер. Б.М. Скуратова. М.: РГГУ, 2012. 112 с.
- Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники: Ежегодник, 1984–1985. М.: Наука, 1986. С. 80–160.
- Кастру Э.В. де. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии / пер. Д. Кралечкина. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 200 с.
- Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академ. проект, 2002. 544 с.
- Мишура А. Поле битвы: свобода воли // Логос. 2016. Т. 26, № 5. С. 19–58.
- Тульчинский Г.Л. Тело свободы: ответственность и воплощение смысла. СПб.: Алетейя, 2019. 470 с.
- Тульчинский Г.Л. Философия поступка: самоопределение личности в современном обществе. СПб.: Алетейя, 2020. 826 с.
- Хенрих Д. Мышление и самобытие. Чтения о субъективности / пер. с нем. А.К. Судакова. М.: Весь мир, 2018. 320 с.
- Шваб К. Технология Четвертой промышленной революции / пер. с англ. К. Ахметова и др. М.: Эксмо, 2018. 318 с.
- Damasio A. Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain. N.Y.: Pantheon, 2010. 384 p.
- Dennett D. Freedom Evolves. London: Penguin Books, 2003. 368 p.
- Harari Y.N. Sapiens: A Brief History of Humankind. N.Y.: Random House, 2014. 512 p.
- Kane R. Free will and responsibility: Ancient dispute, new themes // The Journal of Ethics. 2000. Vol. 4, iss. 4. P. 313–417.
- Pereboom D. Free Will, Agency, and Meaning in Life. Oxford: Oxford University Press, 2014. 232 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199685516.001.0001>

Получена: 01.08.2021. Принята к публикации: 31.08.2021

References

- Agamben, D. (2012). *Otkrytoe. Chelovek i zhivotnoe* [The open. Man and animal]. Moscow: RSHU Publ., 112 p.
- Bakhtin, M.M. (1986). [To the philosophy of action]. *Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki*:

Ezhegodnik, 1984–1985 [Philosophy and sociology of science and technology: yearbook, 1984–1985]. Moscow: Nauka Publ., pp. 80–160.

Castro, V. de. (2017). *Kannibal'skie metafiziki. Rubezhy poststrukturnoy antropologii* [Cannibal metaphysics. For a post-structural anthropology]. Moscow: Ad Marginem Publ., 200 p.

Damasio, A. (2010). *Self comes to mind: constructing the conscious brain*. New York: Pantheon Publ., 384 p.

Dennett, D. (2003). *Freedom evolves*. London: Penguin Books Publ., 368 p.

Harari, Y.N. (2014). *Sapiens: a brief history of humankind*. New York: Random House Publ., 512 p.

Henrich, D. (2018). *Myshlenie i samobytie. Chteniya o sub'ektivnosti* [Thinking and self-being. Readings about subjectivity]. Moscow: Ves' Mir Publ., 320 p.

Kane, R. (2000). Free will and responsibility: Ancient dispute, new themes. *The Journal of Ethics*. Vol. 4, iss. 4, pp. 313–417.

Lotman, Yu.M. (2002). *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* [Articles on the semiotics of culture and art].

Saint Petersburg: Akademicheskii Proekt Publ., 544 p.
Mishura, A. (2016). [Battlefield: free will]. *Logos*. Vol. 26, no. 5, pp. 19–58.

Pereboom, D. (2014). *Free will, agency, and meaning in life*. Oxford: Oxford University Press, 232 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199685516.001.0001>

Schwab, K. (2018). *Tekhnologiya Chetvertoy promyshlennoy revolyutsii* [Technology of the Fourth industrial revolution]. Moscow: Eksmo Publ., 318 p.

Tulchinskiy, G.L. (2020). *Filosofiya postupka: samoopredelenie lichnosti v sovremennom obschestve* [Philosophy of action: self-determination of personality in modern society]. Saint Petersburg: Aleteya Publ., 826 p.

Tulchinskiy, G.L. (2019). *Telo svobody: otvetstvennost' i voploschenie smysla* [The body of freedom: responsibility and meaning]. Saint Petersburg: Aleteya Publ., 470 p.

Received: 01.08.2021. Accepted: 31.08.2021

Об авторе

Тульчинский Григорий Львович

доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
190121, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16;
e-mail: gtul@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5820-7333>
ResearcherID: B-8509-2016

About the author

Grigorii L. Tulchinskii

Doctor of Philosophy, Professor,
Honored Scientist of Russia

National Research University
«Higher School of Economics»,
16, Soyuz Pechatnikov st., St. Petersburg, 190121;
e-mail: gtul@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5820-7333>
ResearcherID: B-8509-2016

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Тульчинский Г.Л. Homo digitalis и самосознание: трансформация, вызовы и запрос на уникальную самость // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 302–311.
DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-302-311

For citation:

Tulchinskii G.L. [Homo digitalis and self-awareness: transformation, challenges and request a personological unique self]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 3, pp. 302–311 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-302-311

УДК 130.3:316

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-312-317

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА: НЕЗАВЕРШЕННО-ЗАВЕРШЕННЫЙ ПРОЕКТ

Соловьева Грета Георгиевна

Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК (Алматы, Казахстан)

Проект человека, с точки зрения автора статьи, является завершенным и одновременно — незавершенным. Завершенным в том смысле, что философия и религия в своих тысячелетних исканиях дала ответ на вселенский вопрос о происхождении, сущности и предназначении человека, о высшем духовном Смысле его бытия. Ответ обеспечивает устойчивую мировоззренческую основу, позволяющую повергнуть скептицизм и релятивизм, для которых не существует критерия различения добра и зла и все происходящее покрывается мглой относительности и неопределенности. Современной формой скептицизма является постмодернизм, отвечающий на актуальные вопросы цифровизации и одновременно отрывающий человека и от реального мира, и от трансценденции, ввергающий его в пространство «симулякров». Это, действительно, незавершенное, предельно открытое, зыбкое и ненадежное пространство. Но философия Востока и Запада в своем многовековом поиске нашла надежные способы опровержения скептицизма во всех его исторических формах и определила прочные незыблемые основы бытия человека в мире, его «предельно означаемое». Имея в своем арсенале добытый нелегкими трудами результат, философия может стать надежной опорой в истолковании концепта трансгуманизма, вдохновленного успехами «эмерджентных технологий». В то же время проект является незавершенным в том смысле, что человеку предстоит преодолеть низменное, животное начало, побуждающее к порочным желаниям, мыслям и поступкам, и совершить восхождение к духовному, божескому Истоку. Этот процесс можно считать незавершенным, открытым, бесконечным. Телесность человека тоже будет совершенствоваться благодаря успехам современных технологий, но под водительством духовно-нравственных принципов — веры, любви, совести. Эти положения подкрепляются в статье обращением к концептам православной (Иван Ильин) и исламской философии (Абу Хамид аль-Газали).

Ключевые слова: человек, трансгуманизм, эмерджентные технологии, жизнь, смерть, душа, тело, вера, любовь, совесть.

PROBLEMATIZATION OF THE HUMAN: AN INCOMPLETELY COMPLETED PROJECT

Greta G. Solovieva

Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies KN MES RK (Almaty, Kazakhstan)

From the standpoint of the author of the article, the project of a person is complete and at the same time incomplete. Completed in the sense that philosophy and religion, in their millennial quest, gave an answer to the universal question about the origin, essence and purpose of man, about the highest spiritual meaning of his being. The answer provides a stable worldview foundation that allows you to overthrow skepticism and relativism, for which there is no criterion for distinguishing between good and evil, and everything that happens is covered with a mist of relativity and uncertainty. A modern form of skepticism is postmodernism, which answers topical issues of digitalization and at the same time separates a person from both the real world and transcendence, plunging him into the space of «simulacra». It is, indeed, an unfinished, extremely open, unstable and unreliable space. But the philosophy of the East and West, in its centuries-old search, found reliable ways to refute skepticism in all its historical forms and determined the firm, unshakable foundations of a person's existence in the world, his «ultimately signified». Having in its arsenal the result obtained by hard work, phi-

osophy can become a reliable support in the interpretation of the concept of transhumanism, inspired by the success of «emergent technologies». At the same time, the project is incomplete in the sense that a person has to overcome the base, animal nature, which encourages vicious desires, thoughts and actions, and to make an ascent to the spiritual, divine Source. This process can be considered unfinished, open, endless. Human physicality will also improve thanks to the success of modern technologies, but under the guidance of spiritual and moral principles — faith, love, conscience. These positions are supported in the article by an appeal to the concepts of right-glorious philosophy (Ivan Ilyin) and Islamic philosophy (Abu Hamid al-Ghazali).

Keywords: the human, transhumanism, emergent technologies, life, death, soul, body, Faith, love, conscience.

Введение

В статье предстоит обсудить тезис о парадоксальности проекта человека, что исключает однозначные ответы и решения.

Прежде всего, призадумаемся, кто же все-таки автор проекта? И можно ли это понять, оставаясь в пределах научного дискурса, оставляя в стороне философский гуманитарный контекст?

Не следует ли нам начать разговор именно с метафизического вопрошания о человеке, включающего мировоззренческие универсалии Бог-человек-жизнь-смерть-душа-тело? Только тогда появится возможность прийти на помощь представителям эмерджентных технологий, которые уже не в состоянии отличить человека от робота и животного. Философия может и должна сказать свое веское слово. Можно было бы обратиться к Зевсу-Олимпийцу немецкой классики Г.В.Ф. Гегелю, утверждающему, что в религии человеку открывается истина о его назначении, о Боге, жизни и смерти [Гегель Г.В.Ф., 1977]. Или к современному мыслителю Мартину Хайдеггеру с его «экзистенциальной аналитикой Dasein» [Хайдеггер М., 1993]. Или к «прекрасному как спасению безнадежного» Теодора Адорно [Адорно Т.В., 2001]. Еще мог бы нам помочь ученик Адорно Юрген Хабермас и его теория «коммуникативной рациональности» [Хабермас Ю., 2005]. Особенности надежды возлагаю я на «философию плоти» или *philosophie de`ambigite* (философия двусмысленности) Мориса Мерло Понти [Мерло-Понти М., 1996].

Но самыми репрезентативными в нашем контексте представляются мне дискурсы православной и исламской философии.

1. Вера, любовь, совесть. Иван Ильин

Хотелось бы услышать голоса Владимира Соловьева, Павла Флоренского, Семена Франка, Евгения Трубецкого. Но остановимся на концепте Ивана Ильина. Он еще ничего не знал об «эмерджентных» технологиях и трансгуманизме, но твердо знал, что «проект человека» завершен и в

то же время — незавершен. У человека есть в душе божеская искра, которая, возгоревшись, может соединиться с божественным пламенем. Это — Вера, соединяющая, связующая все проявления души: разум, волю, чувства, интуицию, воображение. «...Подлинная “верующая вера” есть первая и высшая сила человеческой жизни, дающая ему полет через жизнь и смерть. Только здесь человек может обрести Бога и Господа и соединить себя с ним любовью и верностью» [Ильин И.А., 2006, с. 117].

Что значит «верующая» вера? Та, которая происходит из особого духовного опыта, свободная от принуждения и давления авторитетов. Современные люди, пишет И.А. Ильин, посещая храмы, истово творят обряды, соблюдая все предписания. Но при этом исчезает духовный трепет, жизнь веры, ее внутреннее горение — все сводится к внешним операциям. «Верующая вера» при свершении ритуалов и обрядов освещает их внутренним светом, придает им жизненность, наполняет смыслом. Из этого источника берут начало любовь, свобода, совесть, смысл, милосердие. Вера охватывает всего человека, определяет его поступки, жизненный путь и последующую судьбу. Как человек верит — так он и живет: в добре и справедливости или в ненависти и насилии [Ильин И.А., 2004].

Сущность человека — вера? Но как же быть, спросим мы, с миллионами людей, считающих себя атеистами и преспокойно потребляющих свою жизнь вне религиозных ценностей?

Ильин ответит, что это заблуждение. На самом деле неверующих людей нет и не может быть. В пограничных ситуациях — тяжелая болезнь, смерть близких, вселенские катастрофы — каждый человек просит защиты и помощи у Всевышнего. Каким бы могущественным и влиятельным он не был, перед лицом смерти он уравнивается со всеми другими и молит о пощаде.

Первый чистый родник веры — духовная любовь. Логические формулы, холодно-расчетливые «доказательства» Веры не дают. Но только «поющее сердце», в котором возгорается духовная

любовь, открывающая очи души, способно вселить Веру и услышать глас Божий. «Человек не противостоит Богу как чуждому, страшному “инобытию”; он воспринимает Его таинственным образом в себя, он носит Его в глубине своего сердца так, что человек освящается присутствующим в нем Божеством, и Бог как бы излучается из его сердца и из его дел» [Ильин И.А., 2006, с. 126].

Вера живет только благодаря свободе: по приказу и принуждению она не может родиться, и любит человек только в свободе; никто и никогда еще не смог заставить человека полюбить помимо его внутреннего порыва. И творчеством мы можем заниматься только обретая свободу. Душевное рабство вызывает оцепенение, черствость, бессилие. И чего стоит жизнь без Веры, любви, творчества? «Смысл в том, чтобы любить, творить и молиться. И вот, без свободы нельзя ни молиться, ни творить, ни любить» [Ильин И.А., 2006, с. 140]. Но главное — **совесть**. Есть ли она у робота, у животного, у «химерь»? Это Бог, поселившийся в душе, прямое свидетельство «завершенности проекта человека».

Так что, согласно положениям Ивана Ильина, проект человека является завершенно-незавершенным. Если же настаивать исключительно на его незавершенности, утрачивается самое главное: понимание, кто есть человек и чем ему заниматься на этой земле. Сокровища, добытые философией и религией, в которых содержится заветное знание, предаются забвению. И ученые мужи, открывающие долгожданные эмерджентные технологии, в бессилии разводят руками, не в силах отличить человека от робота и животного. Чтобы такого не случилось, не будем ограничиваться научным дискурсом, а впишем его в определяющий, философско-религиозный, гуманитарный дискурс. Этого и ждут от философии ученые мужи.

2. Исламская философия о человеке, его душе и теле: концепт аль-Газали

Помощь растерявшимся толкователям головокружительных успехов современных технологий можно оказать, обратившись и к исламской философии. Это удивительный по своему замыслу и осуществлению феномен мировой культуры, имеющий прочную основу в священном тексте Корана. Я хотела бы обсудить концепты прославленных в веках звезд первой величины: основателя рационалистического крыла фальсафы — Абу

Наср аль-Фараби и его ученика Ибн Сины, а также теоретика суфизма Ибн-Араби и экзистенциального суфия Джалаладдина Руми. Но объем статьи не позволяет этого. Подробнее остановимся только на учении аль-Газали, названного Доводом ислама и сумевшего преодолеть разлад между традиционным суннизмом и непризнаваемым дотолем суфизмом.

У аль-Газали находим ответ на наш вопрос: почему проект человека завершен и одновременно незавершен. Все, что говорит нам восточный мыслитель о человеке, разворачивается в контексте мировоззренческих универсалий Бог — человек — жизнь — смерть — душа — тело [Аль-Газали А.Х., 1980, 1997]. Поэтому дискурс его о человеке пронизан высшим Смыслом.

Кто такой человек? Созданный Всевышним, он согрешил и был изгнан из Рая, приняв бытие во времени, а значит, и приговор смерти. Но «человек был сотворен не для игр и пустого времяпрепровождения. Ему предстоит великое дело и крупная ставка. Ибо несмотря на то, что он не началелен, но — вечен» [Аль-Газали А.Х., 2002, с. 2].

Что это за великое дело? И почему человек вечен и смерть похищает только его тело, оставляя жить божественную суть его духа? Жизнь — вот что уготовил Всевышний для человека. А смерть — только переход, возврат к своему Творцу. Жизнь земная — пролог, мгновение по сравнению с жизнью последующей. «То, что есть до смерти, называют дольным миром. Искомое в дольном мире — путевой припас для того мира» [Аль-Газали А.Х., 2002, с. 61]. И «никто не познает истины загробного мира, пока сначала не познает истины смерти. А истины смерти не узнает до тех пор, пока не узнает истины жизни, а [истины жизни] не узнает до тех пор, пока не узнает истины духа» [Аль-Газали А.Х., 2002, с. 71].

Жизнь возносится в разряд онтологических сущностей. Ей невозможно исчезнуть, ей невозможно поддаться смерти. Жизнь вечна, она торжествует над смертью, не имеющей онтологической основы, как не имеют ее зло и безобразие, побеждаемые добром и красотой. Истина жизни раскрывает истину смерти — предназначенного человеку перехода, границы между различными формами жизни — от земной, преисполненной страданиями, — к последующей, где доля определяется Всевышним согласно «путевому припасу».

Создание «припаса» потребует от человека напряженной внутренней борьбы, «трансмутации», подобно той, что проходит медь и латунь, превращаясь в золото. «Поскольку суть человека в начале становления несовершенна и низменна, поскольку ее невозможно привести от несовершенства к степени совершенства, кроме как через внутреннюю борьбу (муджахадат) и исцеление. Как бывает трудна та трансмутация, которая доводит медь и латунь до чистого, без примесей золота, точно так же трудна и такая трансмутация, которая доводит человеческую суть, принадлежащую низшим животным, до чистоты и утонченности ангелов» [Аль-Газали А.Х., 2002, с. 3].

Аль-Газали, следуя восточной традиции, поведует метафорами, образами. Под кожей каждого человека прячется настоящий «квартет из собаки, свиньи, демона и ангела». Собаке и свинье свойственны жадность и поглощение всем отвратительным, низменным. Демон склоняет к пороку, злу, бесчестию. Ангел открывает врата небесной чистоты и возвышенности духа.

Аль-Газали не устает разъяснять, что тело и душа-сердце неравноправны. Он сравнивает тело с «верховым животным», а сердце — с «всадником», разъясняя, что «верховое животное» предназначено для «всадника», а не наоборот. Еще одно сравнение — «тело для сердца подобно верблюду для паломника, совершающего хаджж, когда верблюд предназначен для паломника, а не паломник для верблюда» [Аль-Газали А.Х., 2002, с. 63]. Паломник должен, конечно, заботиться о верблюде, иначе отстанет от каравана. Но если он всю заботу проявит только о верблюде, погибнет втройне. Так и человек, отдавая все время уходу за телом и сохранению его здоровья, забывает о главном — питании сердца-души и упускает свое подлинное здоровье, а значит, и счастье. Как можно заботиться больше о бренном, о теле, чем о вечном, о душе-сердце? Ведь сердце и есть духовный дар, истинная природа духа.

Но не надо думать, что Аль-Газали относится к телу пренебрежительно. Да, оно подчинено сердцу. И смерть касается только «верблюда». Но в последующей жизни, в Воскресении человеку будет дана «другая оболочка», т.е. в известном смысле тело, претерпевая смерть, остается тоже жить — в другой форме. «Необходимое условие воскресения не в том, что [духу] вновь дадут прежнюю оболочку, каковой он не обладал. Ведь оболочка — верховое животное, и хотя верховое

животное заменяется, всадник остается тем же» [Аль-Газали А.Х., 2002, с. 79].

Человек может всмотреться в чудеса и диковинные вещи своего тела и благодаря этому познать владычество и мощь Всевышнего. Тело имеет поэтому божественный смысл. Если даже соберутся вместе все умные люди с тем, чтобы придумать более совершенные органы, потерпят они крах. Богом все сотворенное в теле прилагается друг другу, чтобы во взаимодействии создавать целостность [Степанянц М.Т., 1997].

Так что аль-Газали отвечает со всей ясностью и убедительностью, почему проект человека завершен и одновременно незавершен. Завершен, потому что известен автор проекта и его замысел о человеке. Незавершен — потому что каждому из нас предстоит «трансмутация»: освобождение от пороков-«погубителей» и приобщение к добродетелям-«спасителям». Эта внутренняя борьба очищает и возвышает душу, а вместе с тем и тело человека, свидетельствуя и о его «незавершенности».

Заключение

Человек — завершенный проект в смысле выяснения его происхождения, сущности и предназначения. В исламской и православной философской традиции тема раскрывается в контексте мировоззренческих универсалий Бог — человек — жизнь — смерть — душа — тело. Для религиозных мыслителей нет вопроса о том, кто автор проекта. Дискурс руководствуется Верой, связующей в духовном пространстве Бога и человека [Соловьева Г.Г., 2016]. Это величайшее достоинство и философская мощь религиозной философии, не допускающей коварного скептицизма. Его современной версией можно считать постмодернизм, ответивший на актуальные вопросы переселения человека в интернет-пространство, но не сумевший уразуметь смысл происходящего: человек превращается в безродного «симулякра», утрачивает родину — реальность и трансценденцию — в связи с отказом от «предельно означаемого». Самая опасная форма скептицизма — не признающая у человека «корней». Для религиозной философии такие «трюки» немислимы: трансцендентное определяет реальность, а сегодня — и интернет-пространство. Без Бога, души, сердца, совести нет человека. Оснащенный супертехническими устройствами, но утративший Веру, человек перестает быть человеком и может превратиться в страшное чудовище.

Но проект человека остается в то же время «незавершенным». В том смысле, что предстоит долгий и нелегкий путь восхождения к духовным истокам, преодоления «онтологического отчуждения» [Тиллих П., 1995] от своего Создателя. Здесь нет демаркационных линий, ограничений, остановок. Духовно-нравственное совершенствование не знает «завершения». Одновременно это есть процесс совершенствования телесности человека с помощью новейших технологий, но под водительством и присмотром «одухотворенной души» [Шелер М., 1988].

Проект человека по праву называется и завершенным, и незавершенным.

Список литературы

- Адорно Т.В. Эстетическая теория. М.: Республика, 2001. 527 с.
- Аль-Газали А.Х. Воскрешение наук о вере / пер. с араб. и коммент. В.В. Наумкина. М.: Наука, 1980. 375 с.
- Аль-Газали А.Х. Эликсир счастья. Ч. 1: Унваны 1–4. Рукн 1. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. 332 с.
- Аль-Газали А.Х. Спасаящий от заблуждений // Степаныц М.Т. Восточная философия. М.: Вост. лит., РАН, 1997. С. 434–436.
- Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3: Философия духа. М.: Мысль, 1977. 471 с.
- Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М.: АСТ, 2004. 588 с.
- Ильин И.А. Религиозный смысл философии. М.: АСТ, 2006. 694 с.
- Мерло-Понти М. В защиту философии / пер. с фр., примеч. и послесл. И.С. Вдовиной. М.: Изд-во гуманит. лит., 1996. 248 с.
- Соловьева Г.Г. О человеке, его вере, любви, справедливости, богатстве, счастье. Ч. 1: Знание, вера, диалог. Алматы, 2016. 307 с.
- Степаныц М.Т. Восточная философия. М.: Вост. лит., РАН, 1997. 503 с.
- Тиллих П. Избранное: Теология культуры: пер. с англ. М.: Юрист, 1995. 480 с.
- Шелер М. Положение человека в Космосе / пер. А. Филиппова // Проблемы человека в западной философии: Переводы. М.: Прогресс, 1988. С. 31–95.
- Хабермас Ю. Политические работы / пер. с нем. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2005. 368 с.
- Хайдеггер М. Время и бытие / сост., пер., вступ. ст. В.В. Библихина. М.: Республика, 1993. 447 с.

Получена: 01.08.2021. Принята к публикации:
31.08.2021

References

- Adorno, T.V. (2001). *Esteticheskaya teoriya* [Aesthetic theory]. Moscow: Respublika Publ., 527 p.
- Al'-Gazali, A.H. (1980). *Voskreshenie nauk o vere* [Resurrection of the sciences of faith]. Moscow: Nauka Publ., 375 p.
- Al'-Gazali, A.H. (1997). [Saving from delusions]. *Stepanyants M.T. Vostochnaya filosofiya* [Stepanyants M.T. Eastern philosophy]. Moscow: Vostochnaya Literatura, RAS Publ., pp. 434–436.
- Al'-Gazali, A.H. (2002). *Eleksir schast'ya. Ch. 1* [Elixir of happiness. Pt. 1]. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 332 p.
- Habermas, J. (2005). *Politicheskie raboty* [Political works]. Moscow: Praksis Publ., 368 p.
- Hegel, G.W.F. (1977). *Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 3: Filosofiya dukha* [Encyclopedia of philosophical sciences. Vol. 3: The philosophy of the spirit]. Moscow: Mysl' Publ., 471 p.
- Heidegger, M. (1993). *Vremya i bytie* [Time and being]. Moscow: Respublika Publ., 447 p.
- Il'in, I.A. (2004). *Aksiomy religioznogo opyta* [Axioms of religious experience]. Moscow: AST Publ., 588 p.
- Il'in, I.A. (2006). *Religioznyy smysl filosofii* [The religious meaning of philosophy]. Moscow: AST Publ., 694 p.
- Merleau-Ponty, M. (1996). *V zaschitu filosofii* [In defense of philosophy]. Moscow: Gumanitarnaya Literatura Publ., 248 p.
- Scheler, M. (1998). [The position of man in Space]. *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii: Perevody* [The problem of man in Western philosophy: Translations]. Moscow: Progress Publ., pp. 31–95.
- Solov'eva, G.G. (2016). *O cheloveke, ego vere, lyubvi, spravedlivosti, bogatstve, schast'e. Ch. 1: Znaniye, vera, dialog* [About a person, his faith, love, justice, wealth, happiness. Pt. 1: Knowledge, faith, dialogue]. Almaty, 307 p.
- Stepanyants, M.T. (1997). *Vostochnaya filosofiya* [Eastern philosophy]. Moscow: Vostochnaya Literatura, RAS Publ., 503 p.
- Tillich, P. (1995). *Izbrannoye: Teologiya kul'tury* [Selected works: Theology of culture]. Moscow: Yurist Publ., 480 p.

Received: 01.08.2021. Accepted: 31.08.2021

Об авторе

Соловьева Грета Георгиевна

доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник,

Институт философии, политологии
и религиоведения КН МОН РК,
Казахстан, 050010, Алматы, ул. Шевченко, 28;
e-mail: soloveva.greta@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0345-0125>

About the author

Greta G. Solovieva

Doctor of Philosophy, Professor,
Chief Researcher

Institute of Philosophy, Political Science
and Religious Studies KN MES RK,
28, Shevchenko st., Almaty, 050010, Kazakhstan;
e-mail: soloveva.greta@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0345-0125>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Соловьева Г.Г. Проблематизация человека: незавершено-завершенный проект // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 312–317. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-312-317

For citation:

Solovieva G.G. [Problematization of the human: an incompletely completed project]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 3, pp. 312–317 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-312-317

УДК 141.319+168

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-318-325

ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ К «АНТРОПОТЕХНИКЕ». И ОБРАТНО?

Поповкин Андрей Владимирович

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток)

Делается попытка рассмотреть в общих чертах эволюцию антропологии, понимаемой, с одной стороны, как особый взгляд на природу человека, а с другой — как метод формирования человека. Рассматривается взаимосвязь воззрений на природу человека с целями и стратегиями образования. Особое внимание уделено гумбольдтовской модели образования как наиболее полному и последовательному воплощению антропологии модерна. Выдвигается и обосновывается гипотеза о корреляции спора Сократа и софистов с противостоянием гумбольдтовской и постмодернистской моделей образования и взглядов на природу человека. Существование этого противостояния — в двух различных взглядах на человека: исходящего из конечной цели человека либо исходящего из его наличной фактичности. Первый взгляд соответствует антропологии и педагогике Сократа и культуре модерна, а второй — софизму и культуре постмодерна. Культура постмодерна рождает постгуманизм, который смотрит на человека как на некий агрегат свойств и способностей. Соответствующая ему образовательная стратегия состоит в стремлении «проапгрейдить» человека, что-то дополнить или отбросить ради максимизации его ситуативного приспособления к изменчивой реальности и приращения наличного множества возможностей в каждом здесь-и-теперь. Такому взгляду и отношению к человеку более релевантен термин «антропотехника» в его механистическом значении. Выдвинуто предположение и приведены аргументы того, что за различными видами «антропотехники», этическим релятивизмом и тому подобным просматривается намерение элит конструировать потребный им образ человека. В заключение ставится вопрос о возможности поворота от «антропотехники» к новой антропологии. Показано, что в основе этой антропологии должно лежать стремление увидеть реального человека, т.е. увидеть в нем главное за покровом случайного и второстепенного, не впадая при этом в абстрактную идеализацию. В качестве перспективной основы предлагаются философские концепции Э. Гуссерля и С.Н. Трубецкого.

Ключевые слова: антропология, гуманизм, образование, гумбольдтовский университет, постмодерн.

FROM CLASSICAL ANTHROPOLOGY TO «ANTHROPOTECHNIC». AND BACK?

Andrey V. Popovkin

*Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far East Branch,
Russian Academy of Sciences (Vladivostok)*

The article attempts to consider in general terms the evolution of anthropology, understood, on the one hand, as a special view of human nature and, on the other hand, as a method of human formation. The paper deals with the relationship between the views on human nature and the goals and strategies of education. Special attention is paid to the Humboldt model of education as the most complete and consistent embodiment of modern anthropology. A hypothesis is put forward and substantiated about the correlation of the dispute between Socrates and the sophists with the opposition of the Humboldt and postmodern models of education and views on human nature. The essence of this confrontation is in two different views on a person: proceeding from the goal of a person or proceeding from his actual factuality. The former view corresponds to the anthropology and pedagogy of Socrates and the culture of modernity, the latter — to the sophists and the culture of postmodernity. Postmodern culture gives rise to posthumanism, which looks at a person as a kind of aggregate of properties

and abilities. The educational strategy corresponding to it consists in the desire to «upgrade» a person, to supplement or discard something in order to maximize his situational adaptation to the changing reality and to increase the existing set of possibilities in each here-and-now. The term «anthropotechnics» in its mechanistic meaning is more relevant to such a view and attitude towards a person. An assumption is made and arguments are presented that behind various types of «anthropotechnics», ethical relativism, and the like, one can see the intention of the elites to construct the image of a person they need. At the end of the paper, a question is raised about the possibility of turning from «anthropotechnics» to a new anthropology. It is shown that this anthropology should be based on the desire to see a real person, that is, to see in him the main behind the cover of the accidental and secondary, without falling into abstract idealization. The philosophical concepts of E. Husserl and S. N. Trubetsky are proposed as a promising basis.

Keywords: anthropology, humanism, education, Humboldt University, postmodernity.

Если задаться целью найти начала антропологии, то трудно пройти мимо фразы, начертанной на стене храма Аполлона в Дельфах, — Γνῶθι σεαυτόν — «познай самого себя», фразы, подтолкнувшей, согласно легенде, Сократа к занятиям философией. В свою очередь, философское познание себя не может не перейти в поиск логоса человека как такового — в *антропологию*. В то же время такая классическая антропология, помимо теоретического умозрения, почти всегда имеет измерение τέχνη — искусства — начиная с «повивального искусства» Сократа и кончая весьма изощренными духовными практиками более поздних философских школ, полагавших, что «философия заключается не в преподавании абстрактной теории, и еще меньше в экзегезе текстов, а в искусстве жизни...» [Адо П., 2005, с. 23].

Эту взаимосвязь антропологии и «антропопрактики» отмечали многие исследователи, включая, например, М. Фуко, придавшего актуальность теме «технологий себя» [Фуко М., 2008] в XX в. Однако нельзя не отметить, что изначальный вектор антропологического τέχνη был направлен не только на себя, но и на другого — имел педагогическое и андрогогическое измерение. В своем историческом развитии философская антропология породила множество «наук о духе», а искусство философского воспитания стало истоком педагогики и различных практик религиозных школ. В нашем дальнейшем исследовании мы, с одной стороны, сосредоточимся на рассмотрении антропологии, понимая ее именно как взгляд на природу и смысл человека, а с другой — на педагогике и значении гуманитарного знания в силу вышеуказанной их естественной взаимосвязи.

XX в. очень убедительно показал, что вопросы антропологии и педагогики имеют совершенно отчетливое политическое измерение (хотя можно сказать, что это стало ясно еще во время суда над Сократом). Поскольку антропология оказалась не только инструментом познания и ценностного по-

зиционирования человека как такового, но и, в вышеуказанном смысле, силой, способной формировать человека, естественно возникло желание овладеть этой силой, овладеть до такой степени, чтобы перейти от искусства воспитания к техническому конструированию потребного человека и, возможно, человечества. Ситуация, в которой оказались гуманитарные науки и система образования в XXI в. в России, заставляет глубже задуматься о тех антропологиях, которые лежат в основе конкурирующих моделей образования.

Начиная с эпохи Просвещения перед образованием и гуманитарным познанием все чаще ставятся задачи создания «нового человека». Однако в культуре модерна сохраняется во многом христианское (или даже восходящее к античности) представление о *человеческом естестве*: разуме как свойстве человеческой природы; естественном праве; достоинстве человека и т.п. Но если средневековый гуманизм исходит из задачи осуществления предустановленного Богом замысла о человеке, то Новое время привносит сюда новые измерения. Одной из задач модерна становится поиск пути осуществления рационального образа человека. При этом на первое место выступают разум и свобода, объединенные в *творческом аспекте человеческой природы*. Кантовский призыв «иметь мужество пользоваться собственным разумом» вкупе с его же пониманием морали как закона, который устанавливает себе разумный субъект, не оставляет сомнений в том, что главной целью образования и самообразования эпохи модерна является авторство самого себя, но авторство, построенное не на произволе, не на удовлетворении случайных стремлений, а на первопринципах разума и свободы.

Квинтэссенцией и наиболее удачным решением этой задачи становится гумбольдтовская реформа образования. В ее основу была положена антропология, согласно которой «...Истинная цель человека — не изменяющаяся склонность, а

то, что предписывает ему вечно неизменный разум, — это высшее и наиболее соразмерное объединение его сил в единое целое. Свобода — первое и непереносимое условие этого образования» [Humboldt W., 2018]. Воспитание и образование человека мыслится В. Гумбольдтом как одно из условий его свободы. Но это образование особого рода, которое не фиксируется только лишь на приобретении профессиональных компетенций. Ведь «каждый человек, очевидно, является хорошим ремесленником, купцом, солдатом и предпринимателем, если он в себе и без оглядки на свою особую профессию хороший, порядочный, просвещенный человек и гражданин. Если школьные уроки дают ему то, что для этого необходимо, то он очень легко приобретает впоследствии особую способность своей профессии и всегда сохраняет свободу, как это часто бывает в жизни, переходить от одного к другому» [Humboldt W., 1993]. Наиболее известным результатом гумбольдтовской реформы образования стало создание Берлинского университета, построенного в совершенно новой парадигме *исследовательского университета*. Там же впервые был реализован принцип двойной свободы: преподавателей — в формировании курсов, а студентов — в их выборе.

Значительная роль в гумбольдтовской модели образования отводилась именно гуманитарному знанию как обладающему наибольшим воспитательным, формирующим личность потенциалом. При этом гуманитарное знание приобреталось теперь существенно отличным от средневекового университета способом. Пожалуй, лучше всего эту новую парадигму выразил И.Г. Фихте, призывая своего читателя не довольствоваться лишь тем, чтобы знать, что думал автор: «Этот успех я издавна считал весьма незначительным и очень удивлялся скромности большинства людей, которые придают столь большое значение мыслям других и столь малое — своим собственным, что охотнее проводят свою жизнь в том, чтобы узнавать чужие мысли вместо того чтобы вырабатывать собственные: я совершенно запрещаю эту скромность по отношению к моим мыслям» [Фихте И.Г., 2000, с. 281]. Как видим, речь идет о воспитании деятельной личности, способной не просто накапливать и сохранять, но и развиваться и творить, осваивая духовные достижения других.

Говоря в целом, культура модерна как бы *требует от человека соотнесенности с рациональным проектом себя*. Но эта рациональность

по существу своему именно *человеческая* рациональность. Поэтому в культуре и образовательных проектах модерна явным образом ставится вопрос о рациональной технологии, наборе приемов и техник развития учеников и самореализации. И в этом отношении осуществляется возрождение античного отношения к образованию, прежде всего философскому, как научению человека разумно устраивать свою жизнь и жизнь общества, в котором он живет. Но, возможно, это же возрождение открывает и своеобразный «ящик Пандоры», вновь выпуская в свет старый спор сократовского и софистического проектов человека, спор, закончившийся, как известно, казнью Сократа.

Различные аспекты этого спора изложены во многих диалогах Платона, но при этом многие современные читатели не уделяют должного внимания тому факту, что ядром противостояния Сократа с софистами был не только вопрос о существовании объективной истины, в том числе и истинной природы человека, но и вопрос целей воспитания молодежи. Нужно отдать софистам должное — именно они «...творцы интеллектуального образования и обращенного к этой цели воспитательного искусства» [Йегер В., 2001, с. 344]. Главной целью софистов было гражданское воспитание юношества. Не чужд этой цели был и Сократ. Суть же противостояния была именно во взгляде на человека, т.е. в антропологии.

Дело в том, что на природу человека возможны два диаметрально противоположных взгляда, которые замечательно сформулировал Б. Паскаль: «Человеческую натуру можно рассматривать двояко: исходя из конечной цели существования человека, и тогда он возвышен и ни с кем не сравним, или исходя из обычных присущих ему свойств, как мы судим о лошади или собаке по обычным присущим им свойствам — резвости бега et animum arcendi, — и тогда человек низок и отвратителен» [Паскаль Б., 2004, с. 91]. Возможно, утверждение, что софистический проект человека «низок и отвратителен» будет слишком резким, однако очевидно, что протагоровская формула «Человек есть мера всех вещей существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют» [Платон, 1993, с. 203] конгениальна взгляду на человека «исходя из обычных присущих ему свойств». И Платон прекрасно это показывает в диалоге «Горгий», где софист Калликл упрекает Сократа в никчемности и бесполезности философии, ищущей истины и

справедливости, тогда как софистическое искусство красноречия позволяет обрести власть над людьми и делать все, что захочется. Напротив, Сократ настаивает, что подлинная разумность состоит как раз в стремлении к справедливости, поскольку человек, причиняющий другому несправедливость, в гораздо большей степени вредит своей душе, а ведь никто из нас не желает нанести себе вред.

Иными словами, тогда как софисты исходили из взгляда на человека как наличной фактичности, как *совокупности стремлений*, для которых нужно лишь дать надлежащие средства, сократовский проект видит человека как реализацию нормативной идеи разумности и свободы, суть которой — «...человек как общезначимый и обязывающий образец своего вида» [Йегер В., 2001, с. 23]. И если гумбольдтовский проект мы с полным основанием можем рассматривать как продолжение дела Сократа, то кто же является духовным наследником софистов? Представляется вполне резонным рассматривать в этой роли философию и культуру постмодерна. Ведь именно в культуре постмодерна получил максимальное развитие заложенный в софистике релятивизм, в том числе и нравственный. Постмодернистский же взгляд на человека, с его радикальной деконструкцией, делает его воистину «мерой все вещей», включая и самого себя. Более того — теперь он даже может не быть человеком или автором своего же взгляда на себя или что-то иное. Весьма красноречиво эту позицию выражают Ж. Делез и Ф. Гваттари: «“Анти-Эдип” мы написали вдвоем. А поскольку каждого из нас — несколько, то набирается целая толпа. ... А чтобы нас не узнали, мы умело распределили псевдонимы. Так почему же мы оставили свои имена? По привычке, только по привычке. Дабы, в свою очередь, остаться неузнанными. Дабы сделать невоспринимаемым — но не себя, а то, что вынуждает нас действовать, чувствовать, думать. А еще и потому, что нам, как и всем, хочется, к примеру, сказать, будто восходит солнце, хотя любому ясно, что это не более чем оборот речи. Дабы достичь не той точки, где уже не говорят “Я”, а той, где неважно, говорить “Я” или вообще не говорить...» [Делез Ж., Гваттари Ф., 2010, с. 6].

Иными словами, если модерн так или иначе признавал существование природы человека, стремясь очистить от случайного и развить *главное* в каждом отдельном человеческом индивиде, то в *постмодерне уже не ставится ни вопрос о*

главном, ни даже вопрос о целостности отдельного человека. Напротив, основной задачей выступает «децентрализация» и «деиерархизация» человека и культуры. Отказываясь вместе с метанарративами от идеалов человека и общества, *постмодерн смотрит на человека как на некий агрегат свойств и способностей*, порождая *постгуманизм*, существо которого во многом сводится к стремлению «проапгрейдить» человека, что-то дополнить или отбросить ради максимизации его ситуативного приспособления к изменчивой реальности. В результате человек в эпоху постмодерна все больше перестает принадлежать себе, отчуждаясь от своей собственной природы. Постгуманизм вместо понятия человеческой природы предлагает свободу выбора идентичности — социальной, этнической и даже половой.

С одной стороны, ясно, что философия постмодерна была во многом ответом на вызовы и проблемы, которые породила культура модерна, в том числе в виде тоталитарных политических идеологий. И деконструкция вместе со специфической постмодернистской ироничностью (так похожей порой на сократовскую) должна была бы стать для общества своеобразной «прививкой от тоталитаризма». Однако поскольку деструкции оказалась подвергнута и сама человечность, это открыло путь таким политическим идеям, которые, по существу, ничуть не лучше самых отвратительных тоталитарных идеологий модерна. За вариациями идентичностей, гендерной теорией, продвигаемыми под видом толерантности этическим релятивизмом и тому подобным, просматривается определенная политика, а именно намеренное конструирование потребного элитам образа человека. Фактически, постгуманизм открыл «окно возможностей» для ренессанса различных вариантов евгеники, причем не только в плане идей «улучшения» человека, но и в смысле создания «человека служебного». И надо признать, что эти идеи были встречены политическими элитами как минимум неввраждебно. Например, в своем выступлении в Совете Федерации 30 сентября 2015 г. М.В. Ковальчук следующим образом расставил акценты: «...Значит, фактически, сегодня уже возникла реальная технологическая возможность выведения служебного подвида людей. И этому помешать уже не может никто, это развитие науки, это по факту происходит, и мы с вами должны понимать, какое место в этой цивилизации мы можем занять» [Выступление Михаила Ковальчука..., 2015]. Каким образом из *возмож-*

ностей науки манипулировать человеческой природой следует *необходимость* «занять место» в грядущем мире «элов и морлоков» — не понятно. Однако вполне понятно стремление элит не оказаться в рядах «служебного человечества», даже если для этого придется пожертвовать естественными правами большинства.

Наверное, не будет ошибкой утверждать, что постмодернистское отношение к человеку уже с трудом можно назвать *антропологией*, поскольку, во-первых, деконструируется всякий логос, а во-вторых, не признается собственно человеческой природы, но лишь ризомное множество возможностей здесь-и-теперь бытия. Ценностный релятивизм и свобода конструирования идентичностей культуры постмодерна наводит на мысль, что такому отношению к человеку более соответствует термин «антропотехника» в самом механистическом его значении. И *единственный общий вектор* (ведь о *логосе* тут говорить не приходится) *этой антропотехники есть направленность на приращение наличного множества возможностей в каждом здесь-и-теперь*. Это уже не модернистский рациональный проект, это искусство преумножения возможностей, искусство преодоления любых границ, в том числе и границ, установленных самой природой человека — нравственной, психологической и биологической.

Подобное «производство возможностей», как и многие другие формы производства, довольно успешно осваиваются, а вернее, присваиваются современным капитализмом: образование становится частью «экономики знаний», суть которой состоит вовсе не в инновациях, а в том, что знания становятся капиталом, т.е. средством производства прибавочной стоимости. Равным образом антропотехника ставится на службу производства «человеческого капитала»¹.

В нынешней образовательной практике воплощением антропотехники выступает *компетентностная модель образования*. Она сводит личную уникальность ученика, о которой на словах очень заботится, к конструкту из абстрактных функций и элементов — компетенций. Под лозунгом отказа от «дрессуры разума» главной задачей компетентностной модели ставится, по словам академика РАО А.Г. Асмолова,

«...мотивация готовности к изменениям, компетентность обновления компетенций» [Колесников А., 2017]. Иными словами, все то же умножение возможностей как главная цель. Но есть ли здесь место уникальности индивидуальной природы ученика? Сомнительно, если только не отождествлять уникальность человеческой личности с различными комбинациями компетенций.

Сторонники замены гумбольдтовской модели образования на компетентностную очень часто оправдывают последнюю постиндустриальным характером современного экономического уклада. Но, скорее всего, дело вовсе не в характере производства, а именно в «экономике знаний»: описание специалиста через его компетенции — это изначально язык *рынка труда*, и именно «освоение» рынком сферы образования диктует последней переход на язык компетенций. Соответственно, перед нами описанная Ж.-Ф. Лиотаром легитимация через производительность в ее приложении к образованию, когда «Ученых, техников и аппаратуру покупают не для того, чтобы познать истину, но чтобы увеличить производительность» [Лиотар Ж.-Ф., 1998, с. 112]. Получаемый результат в лучшем случае можно описать словами В. Йегера, сказанными еще на заре появления культуры постмодерна: «...Это уже не столько пайдейя, сколько “подготовка к жизни”, — обширная совокупность средств, которые способствуют жизни, но остаются чисто внешними и лишены органических связей» [Йегер В., 2001, с. 16]. И именно в этой лишенности органических связей нам видится основная опасность антропотехники.

Однако возможно ли от антропотехники вернуться к антропологии? Какой должна быть эта *новая антропология*? Очевидно, что такое возвращение возможно только через постановку *вопроса о главном в человеке*. Критика классицизма и модерна во многом справедлива — в них зачастую доминирует *абстрактное* отношение к человеку, присутствуют попытки навязывать живой человеческой реальности метафизические схемы. Но ответ, предлагаемый постмодерном, как бы не горше самой болезни.

Классический взгляд на человека отсылает к некоему *идеальному образцу* человека, к которому все должны стремиться. Постмодерн же говорит лишь о том человеке, которого мы застаем *в наличной фактичности*, с его устремлениями, чаяниями и пороками. Однако оба указанных взгляда на человека, равно как и оба построенных на

¹ Напомним определение капитала — это средство получения прибавочной стоимости, соответственно, «человеческий капитал» — это взгляд на человека как средство производства прибавочной стоимости.

них типа воспитания, имеют один и тот же недостаток: они *не видят реального человека*, только делают это каждый по-своему. В одном случае (постмодернистском, неолиберальном) за реального человека принимается человек в его случайной фактичности, а следовательно, *не ставится вопрос о главном в человеке*. В итоге это главное упускается и не получает должного развития в процессе воспитания. В случае же классического гуманизма есть большой риск подмены реального живого человека некоей абстрактной идеализацией. Недавний исторический пример такой подмены: попытки советской школы воспитать человека для коммунистического общества. Но, кроме того, должно признать, что если у каждого человека есть своя индивидуальная природа (например, в форме замысла Бога о нем), то мы, делая акцент только на общечеловеческом, опять же упускаем главное. Итак, *подлинный гуманизм должен увидеть реального человека, увидеть в нем главное за покровом случайного и второстепенного, не впадая при этом в абстрактную идеализацию*.

Что же мы можем сделать для построения образовательного процесса на этом реальном гуманизме? Задачу, которую необходимо решить, чтобы построить образование в подлинно гуманистическом духе, можно сформулировать как *поиск меры универсального, общечеловеческого и индивидуально-личностного*. И гумбольдтовская образовательная модель, с ее идеалом сочетания обучения и воспитания с духом свободного исследования, т.е. свободным, в том числе в смысле бескорыстия, значительно ближе к решению поставленной задачи, чем современные постгуманистические эксперименты в духе «экономики знаний». Весьма примечательно, что даже такой сторонник либеральной философии, как М. Нуссбаум, не просто различает, а даже противопоставляет парадигму «образования, нацеленного на экономический рост», классической «модели университетского образования в сфере гуманитарных наук» [Нуссбаум М., 2014, с. 33]. Правда, в сложившейся ситуации наивно ожидать простой реставрации гумбольдтовской модели образования, равно как и одних призывов увидеть главное в человеке явно недостаточно для рождения новой антропологии. Тем более что попытки создания антропологии, которая смогла бы пройти между Сциллой метафизической идеализации и Харибдой ризомной фактичности, предпринимались неоднократно с времен Платона. Наиболее

перспективной в этом отношении представляется мысль С.Н. Трубецкого, открывшего соборную природу человеческого сознания и предвосхитившего концепцию идеального коммуникативного сообщества: «Фактически, я по поводу всего держу внутри себя собор со всеми. И только то для меня истинно, достоверно всеобщим и безусловным образом, что должно быть таковым для всех» [Трубецкой С.Н., 1994, с. 495]. Несколько позднее сходное свойство сознания обнаружил и развил Э. Гуссерль в концепциях intersubjectивности и жизненного мира, согласно которым мир, считающийся обыденным сознанием объективным, есть на самом деле продукт совместной и даже гармонической деятельности трансцендентальных его: «конституция объективного мира существенным образом заключает в себе гармонию монад» [Гуссерль Э., 2001, с. 212]. В указанной Э. Гуссерлем и С.Н. Трубецким живой взаимосвязи нашей субъективности с другими людьми, с одной стороны, и с миром объективных идей и фактов, с другой — видится путь, благодаря которому можно в стремлении к гуманистическим идеалам избежать их превращения в идолы.

И в заключение, наверное, стоит сказать, что новая антропология, которая могла бы и должна стать альтернативой антропотехнике, это не просто дело будущего — это дело, к которому следует приступать уже сейчас, иначе есть риск потерять слишком многое в наступающем постгуманистическом будущем.

Список литературы

- Адо П. Духовные упражнения и античная философия. М.; СПб.: Степной ветер; ИД «Коло», 2005. 448 с.
- Выступление Михаила Ковальчука в Совете Федерации 30 сентября 2015 года // Троицкий вариант – Наука. 2015. 8 окт. URL: <https://trv-science.ru/2015/10/vystuplenie-mikhaila-kovalchuka-vs/> (дата обращения: 25.07.2021).
- Гуссерль Э. Картезианские размышления / пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб.: Наука, 2001. 316 с.
- Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.
- Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. Т. 1 / пер. с нем. А.И. Любжина. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2001. 594 с.
- Колесников А. Конкурс пророков: ставка на мотивацию роста и поведенческую экономику // Economy Times. 2017. 24 окт. URL: <http://economytimes.ru/?q=kurs-rulya/konkurs-prorokov-stavka-na-motivaciyu-rosta-i->

povedencheskuyu-ekonomiku (дата обращения: 25.07.2021).

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Ин-т экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.

Нуссбаум М. Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. 192 с.

Паскаль Б. Мысли / пер. с фр. Э. Фельдман-Линецкой. СПб.: Азбука-классика, 2004. 336 с.

Платон. Тезет // Платон. Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 192–274.

Трубецкой С.Н. О природе человеческого сознания // Трубецкой С.Н. Сочинения. М.: Мысль, 1994. С. 481–592.

Фихте И.Г. Ясное, как солнце, сообщение широкой публике о подлинной сущности новейшей философии // Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. С. 273–390.

Фуко М. Технологии себя // Логос. 2008. № 2(65). С. 96–122.

Humboldt W. Ideen zu einem Versuch die Grenzen der Wirksamkeit des Staates zu bestimmen. 2018. 224 S. URL: <https://www.dreigliederung.de/essays/1792-wilhelm-von-humboldt-ideen-zu-einem-versuch-die-grenzen-der-wirksamkeit-des-staates-zu-bestimmen> (accessed: 25.07.2021).

Humboldt W. Werke. Bd. 4: Schriften zur Politik und zum Bildungswesen. 4. Aufl. Darmstadt: Stuttgart, 1993. 590 S.

Получена: 01.08.2021. Принята к публикации: 31.08.2021

References

Ado, P. (2005). *Dukhovnye uprazhneniya i antichnaya filosofiya* [Spiritual exercise and ancient philosophy]. Moscow, Saint Petersburg: Stepnoy Veter Publ.; Kolo Publ., 448 p.

Deleuze, G. and Guattari, F. (2010). *Tusyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [A thousand plateaus: capitalism and schizophrenia]. Yekaterinburg: U-Faktoriya Publ.; Moscow: Astrel' Publ., 895 p.

Fichte, I.G. (2000). [A clear message to the general public as clear as the sun about the true essence of modern philosophy]. *Fakty soznaniya. Naznachenie cheloveka. Naukouchenie* [Facts of consciousness. The appointment of a person. Science studies]. Minsk: Harvest Publ., Moscow: AST Publ., pp. 273–390.

Fuko, M. (2008). [Technology yourself]. *Logos*. No. 2(65), pp. 96–122.

Humboldt, W. (1993). *Werke. Bd. 4: Schriften zur Politik und zum Bildungswesen* [Factories. Vol. 4: Writ-

ings on politics and education]. 4th ed. Darmstadt: Stuttgart, 590 p.

Humboldt, W. (2018). *Ideen zu einem Versuch die Grenzen der Wirksamkeit des Staates zu bestimmen* [Ideas for an attempt to determine the limits of the effectiveness of the state]. 224 p. Available at: <https://www.dreigliederung.de/essays/1792-wilhelm-von-humboldt-ideen-zu-einem-versuch-die-grenzen-der-wirksamkeit-des-staates-zu-bestimmen> (accessed 25.07.2021).

Husserl, E. (2001). *Kartezianskie razmyshleniya* [Cartesian meditations: an introduction to phenomenology]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 316 p.

Jaeger, W. (2001). *Paydeyya. Vospitanie antichnogo greka. T. 1*. [Paideia: the ideals of Greek culture. Vol. 1]. Moscow: Greko-Latinskiy Kabinet Yu.A. Shichalina Publ., 594 p.

Kolesnikov, A. (2017). [Prophet competition: betting on growth motivation and behavioral economics]. *Economy Times*. Oct. 24. Available at: <http://economytimes.ru/?q=kurs-rulya/konkurs-prorokov-stavka-na-motivaciyu-rosta-i-povedencheskuyu-ekonomiku> (accessed 25.07.2021).

Lyotard, Zh.-F. (1998). *Sostoyanie postmoderna* [The postmodern condition: a report on knowledge]. Moscow: IES Publ., Saint Petersburg: Aleteyya Publ., 160 p.

[Mikhail Kovalchuk's speech at the Federation Council on September 30, 2015]. *Troitskiy variant – Nauka* [Troitsk variant – Science]. Oct. 8. Available at: <https://trv-science.ru/2015/10/vystuplenie-mikhaila-kovalchuka-v-sf/> (accessed 25.07.2021).

Nussbaum, M. (2014). *Ne radi pribyli: zachem demokratii nuzhny humanitarnye nauki* [Not for profit: why democracy needs the humanities]. Moscow: HSE Publ., 192 p.

Paskal, B. (2004). *Mysli* [Thoughts]. Saint Petersburg: Azbuka-Klassika Publ., 336 p.

Plato (1993). [Theaetetus]. *Platon. Sobranie sochineniy v 4 t.* [Plato. Collected works: in 4 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 2, pp. 192–274.

Trubetskoy, S.N. (1994). [About the nature of human consciousness]. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Mysl' Publ., p. 481–592.

Received: 01.08.2021. Accepted: 31.08.2021

Об авторе

Поповкин Андрей Владимирович

кандидат философских наук,
заведующий кафедрой философии

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН,
690001. Владивосток, ул. Пушкинская, 89;
e-mail: andrey.popovkin@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1824-9448>
ResearcherID: AAJ-7424-2021

About the author

Andrey V. Popovkin

Candidate of Philosophy,
Head of the Department of Philosophy

Institute of History, Archeology and Ethnography
of the Peoples of the Far East, Far East Branch,
Russian Academy of Sciences,
89 Pushkinskaya st., Vladivostok, 690001, Russia;
e-mail: andrey.popovkin@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1824-9448>
ResearcherID: AAJ-7424-2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Поповкин А.В. От классической антропологии к «антропотехнике». И обратно? // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 318–325.
DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-318-325

For citation:

Popovkin A.V. [From classical anthropology to «anthropotechnic». And back?]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologija* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 3, pp. 318–325 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-318-325

УДК 111+141.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-326-332

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА: ОПОРЫ И КОЛЛИЗИИ

Динабург Светлана Роальдовна

Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Пермь)

Трансдисциплинарный подход в исследовании проблемы человека представляется наиболее естественным и предлагающим продуктивный выход из положения, в котором находится современная философия. Проблема человека рассмотрена как парадоксальная *weird-problem*, непосредственно связанная с глобальными проблемами современности. В этом случае альтернативой ориентацией на решение проблем выступает проблематизация, выявляющая скрытые возможности и устанавливающая отношения между различными полями смыслов. Вопрос о методе, основаниях интеграции и новой оптике в познании назревал в «длинном XX веке» одновременно с провозглашением конца фундаментальных опор (Бога, науки, истории, человека), что привело к ситуации исчерпанности мирозозерцаний и вынужденной беспредпосылочности. Преодолевая этот кризис, познание сегодня выдвигается в позицию транс- и мета-, где открывается возможность обнаружить целостность и новые пути для синтезов. Не только научно-философский этос, но и необходимость вовлечения широкого круга людей в практику человекознания требуют ясности: трансдисциплинарность — не модное интеллектуальное увлечение (спекулятивная программа, дискурсивная игра), а действенный метод, умеющий работать с радикализацией, социальными искажениями, тупиками и пр. Поиски онтологических оснований и интеграция с различными формами культурного опыта приводят «транс-науку» к метафизическим проблемам и опыту сакрального, признанию за дискурсом роли творящего бытия; испытание пределов нуждается в сопряжении с умеренным эпистемологическим консерватизмом. Трансдисциплинарность в своем теоретическом обосновании опирается на эффекты самоорганизации, саморазвития, самообучения, что требует обеспечения условий для производства синтезов и компетентного доверия к процессу, несводимого к чудесному появлению *Deus ex machina*. Исследуя парадоксальные столкновения трансдисциплинарности, предлагается рассмотреть ее укорененность как исторического феномена.

Ключевые слова: дискурс, история, метафизика, парадокс, проблематизация, самоорганизация, синтез, сакральное, трансгрессия, трансдисциплинарность.

TRANSDISCIPLINARY HUMAN STUDY: PILLARS AND COLLISIONS

Svetlana R. Dinaburg

Perm National Research Polytechnic University (Perm)

The transdisciplinary approach to studying the problem of human appears to be the most natural and productive starting point for the situation that modern philosophy finds itself in. In the paper, the problem of human is considered as a paradoxical weird problem directly related to the global problems of our time. In this case, what appears to be an alternative to problem-solving is problematization, which reveals hidden opportunities and existing relationships between different fields of meanings. The question of the method, foundations of integration was brewing over the «long 20th century» simultaneously with the proclamation of the end of fundamental pillars (God, science, history, man), which led to a situation of exhaustion of world outlooks and forced «preconceptionlessness». Overcoming this crisis, cognition is now moving into the trans- and meta- positions, where the opportunities for construction and new paths for syntheses open up. Not only the scientific and philosophical ethos, but the need to involve a wide range of people in the practice of study of human nature requires clarity: transdisciplinarity is not a mere popular intellectual trend (speculative program, discursive game), but an effective method that can work with radicalization, social restrictions, dead ends, etc. The search for ontological foundations and inte-

gration with various forms of cultural experience lead «trans-science» to metaphysical problems and the experience of the sacred, the recognition of the role of discourse as the creative being; then the testing of limits needs to be coupled with moderate epistemological conservatism. In its theoretical foundation, transdisciplinarity is based on the effects of self-organization, self-development, and self-learning, which requires the provision of conditions for the production of syntheses and competent trust in the process, which cannot be reduced to the expectation of a miraculous appearance of Deus ex machina. Exploring the paradoxical collisions of transdisciplinarity, it is proposed to consider its rootedness as a historical phenomenon.

Keywords: discourse, history, metaphysics, paradox, problematization, self-organization, synthesis, sacred, transgression, transdisciplinarity.

Говоря о продуктивности исследовательских программ, не приходится надеяться на легкий исход приложения сколь угодно мощного инструмента к «проблеме человека», которая может быть охарактеризована как *weird-problem* (странная, удивительная, фатальная, таинственная, запредельная и т.д.).

С одной стороны, в человеческом бытии перспективы трансценденции и трансгрессии универсальны. Полагание человека основано на том, что он по своим возможностям «превосходит любую заданную и фиксированную определенность, любые устоявшиеся способы существования» [Фаритов В.Т., 2016, с. 287]; природа человека амбивалентна, а создаваемые им учения тем более амбивалентны, чем они креативнее и содержательнее [Киященко Л.П., 2020, с. 126]. С другой стороны, современность открывает все новые аспекты «странности» касательно человека:

– богатство знаний, все более глубокий анализ сосуществуют с перспективой потеряться «в массе бессвязных и разрозненных данных, лишенных концептуального единства» [Кассирер Э., 1988, с. 27];

– хроническое предчувствие «антропологической катастрофы» (М. Мамардашвили), симптоматика «незамеченной потери души» (Д. Оруэлл), травмогенный характер культуры (Ж. Лакан) имеют место на фоне прогрессирующего антропоцена;

– многочисленные атаки на антропоцентризм со стороны трансгуманизма и ингуманизма вызывают новый виток трансгрессии: современное и более многомерное понятие *метачеловек* «способно преодолеть “нечеловеческие” коннотации потсгуманистического и трансгуманистического дискурсов» [Чеклецов В.В., 2021, с. 101];

– проблема человека непосредственно перетекает в сложные социальные и глобальные проблемы, получившие также название *wicked* (гадкая, проклятая, дурная) *problem*. Проблемы такого рода не имеют очевидного и простого решения, поскольку характеризуются нелинейными зависимостями, неполнотой и динамикой данных,

связаны с конфликтом интересов, порождают очередные проблемы и т.п.

Тем не менее, попытки решения «странных» проблем, ориентированных на поиск результата, имеют альтернативу. *Проблематизация* как «смещение и совмещение практик» [Ардашкин И.Б., 2004] позволяет выявить скрытые ресурсы и установить отношения между парадоксальными столкновениями смысла. И хотя проблематизация соответствует принципам трансдисциплинарного опыта [Киященко Л.П., 2020, с. 124], а *wicked problem* все чаще обсуждаются в свете трансдисциплинарности, нас интересует, насколько «странность» самого трансдисциплинарного подхода (в силу его креативности и «человекоразмерности») релевантна «странной» проблеме человека.

Прежде всего, трансдисциплинарность нельзя назвать «подходом» в классическом понимании как уже кем-то намеченным путем с отработанными и заранее верифицированными процедурами. Смысл трансдисциплинарности адекватнее раскрывается в концептах «опыт» и «стратегии», их динамике и подразумеваемой связи. Стратегии аккумулируют опыт, строятся на основе ценностных и целевых устремлений, но не имеют заведомо определенного маршрута. Опыт не воспроизводим в точности и присваивается в соответствии с интенциями и культурными кодами. И стратегии, и опыт требуют сложной интегративной работы, неразрывно связаны и часто трудно различимы. И все же — между свершившимся и предстоящим существует зона неустранимой неопределенности, «зазор», преодолеваемый лишь определенным скачком.

В сильной (и метафизической) версии трансдисциплинарности, где «транс-» означает трансгрессию принципа двойственности, зона зазора — это «включенная середина», Скрытое Третье [Николеску Б., 2015, с. 71]. Апелляция к *Hidden Third* для хорошо «заземленного» трансдисциплинарного опыта *кажется* спекулятивным воспарением, тем более что это «включенное третье» определяется через понятие «сакрального» [Свир-

ский Я., 2015, с. 250]. Через абрис сакрального обоснование трансдисциплинарности врезается в самую сердцевину вопросов о мире и человеке в их метафизическом изводе — что движет миром и каково при этом место человека.

Трансдисциплинарность как факт реальности — процесс, выходящий за рамки «социального» к *unus mundus* (единому миру) [Николеску Б., 2015, с. 62], и как факт познания — проект, выходящий за рамки науки, имеет явную холистическую направленность. Здесь интересны два вопроса: 1) какие пределы эта совместность процесса и проекта (в своем закономерном становлении и дерзании мысли) способна преступить? и 2) как при расширении осваиваемого «пространства» удастся удержать единство без распада на фрагменты?

Ответ на первый вопрос артикулируется явно и как будто бы содержится в самом названии: выходя за пределы дисциплин, трансдисциплинарность притязает лишь на сферу философии науки и эпистемологии, на *метазнание* (Ж. Пиаже), «науку наук» (Б. Николеску). Ответ на второй вопрос дается в заданных границах и одновременно превосходит их. С одной стороны, оставаясь в рамках эпистемологии, можно обосновать, что целостность и реализуется и мыслится как немонолитная, не-стационарная и нетоталитарная — как «совокупность множества различных единств» и «беспокойство становления целостностью» (Л.П. Киященко), сетевая организация или «гетероархическое соотношение» (В.И. Аршинов) фрагментов знания [Богатая Л., 2015, с. 173]. С другой стороны, когда обоснование затрагивает коэволюцию типов рациональности, оно не может ограничиваться указанием на «свободный (прагматический) выбор ученых» или «переключение гештальта, когда одни конститутивные принципы “вдруг” заменяются другими» [Столярова О.Е., 2018, с. 377].

Такая эпистемология «тем не менее оставляет вопрос о ее отношении к онтологии открытым», вернее, ставит новый вопрос о вариантах реализации онтоэпистемологического комплекса, укорененного в социальной реальности. Например, Я. Хакинг и П. Гэлисон «изнутри» эпистемологии «употребляют термин “историческая онтология” для описания исследовательской практики, которая имеет дело с тем, как и при каких условиях осуществляется синтез бытия и познания ... — как объекты и концепции “становятся существующими”» (*come into being/existence*) [Столярова О.Е., 2018, с. 377] и фактически являются аген-

тами. Следовательно, открытость и сложность трансдисциплинарности не может уклониться от «метафизических мук» и прорыва к реальности, что приводит к новым аспектам ее проблематизации. В частности, к столкновению спекулятивных разработок, «глубоко осевших в нас теоретических интуиций» с контр-интуитивными интерпретациями эмпирических данных, каждая из которых может оказаться «формой самообмана» [Метцингер Т., 2020, с. 146].

Характеристика трансдисциплинарной целостности как сетевой организации ставит новые вопросы о природе и прочности этих связей, способных выдерживать парадоксальность человеческого и социального бытия. Внутри самой трансдисциплинарности как феномена существует дифференциация, различающая ее режимы, а также тематические линии, индивидуальные интерпретации и культурные черты, которые, в свою очередь, демонстрируют различные формы интеграции. В частности, трансдисциплинарность понимается в двух основных смыслах: во-первых, как следование за универсальными методами и подходами, пронизывающими научные дисциплины, а во-вторых, как переход через границы собственно науки в сферы обыденной жизни и других форм культуры [Буданов В., 2015, с. 146–147]. Обе «ветви» относительно самостоятельны, но объединяются таким связующим, в котором «наиболее ярко проявляется транснаучный дискурс», — практикой [Буданов В., 2015, с. 151]: трансдисциплинарный опыт возникает, когда «научное знание выходит за свои традиционные дисциплинарные границы ... при попытке решить проблемы экзистенциального порядка» [Киященко Л.П., 2020, с. 125]. Но практика, понимаемая не как приложение теории, не как последовательность рутинных действий или равнодействующая социальных сил, но именно в этом связующем качестве является одним из самых «таинственных» феноменов. Практика базируется не только на осознаваемых (деятельность и действие), но и почти неосознаваемых (габитуальных и интуитивных) компонентах человеческой природы, как и на «плохо контролируемых сегодня измерениях жизненного мира» [Буданов В., 2015, с. 151–153].

Как нам представляется, апеллируя здесь к *онтологиям*, трансдисциплинарный дискурс «проговаривается» о том, что его реальные притязания заходят значительно дальше скромного выхода за пределы науки. Далеко идущая «транснаука» ищет онтологии на свой «размер» (подразумеваемая человекоразмерность), не удовлетворяясь

ни региональными онтологиями, ни онтологией — «примой» философских дисциплин. И сегодня вряд ли стоит считать необоснованной эту потребность охватить «расширяющуюся галактику» человеческого бытия. «Стремление понять познание как целостный социокультурный процесс в единстве сознания, деятельности и общения» — куда трансдисциплинарность добавляет в явном виде экзистенциальное и этическое измерение — «родилось в явном виде во второй половине XX века, хотя истоки этой идеи могут быть обнаружены в самой глубине веков» [Касавин И.Т., 2014, с. 75]. Однако эта интенция «не превратилась в последовательную исследовательскую программу и все время витает в воздухе, флуктуируя между очарованием метафор и концептуальной банальностью» [Касавин И.Т., 2014, с. 75]. Но как раз на построение *последовательной* программы трансдисциплинарность и не притязает, обыгрывая сегодняшние «концептуальные банальности» — *мерцающий* характер субъективности и *осциллирующие* социальные силы современности (отсюда и упомянутое выше «беспокойство становления»).

Когда «транс-наука» выходит в сферы других форм культуры и оперирует «сакральным», надо понимать, что она входит в «опасное сближение» не только с мистикой, но и фолк-(поп)-наукой. Поэтому важно выявить устойчивые центры онтологической проблематики как узлы сетевой трансдисциплинарной организации. Назовем некоторые из них. Во-первых, это «устанавливающая-фиксирующая процедура» (Л.П. Киященко), «исчисление» в сущностном смысле (и потому — с неперенным экзистенциально-этическим аспектом) — «обязательная, по мнению М. Хайдеггера, для всякой теории действительно» и имеющая смысл «брать что-либо в расчет, принимать в рассмотрение, рассчитывать на что-либо, т.е. ожидать определенного результата» [Киященко Л.П., 2020, с. 126]. Во-вторых, это «метафизика» в значении «высшего смысла жизни», которая вполне реалистично укоренена в «технологиях внутренней духовной жизни», «культуре состояний», в традиционных практиках, где «очень большое внимание уделяется созданию пространства когерентности, доверия, искренности» [Буданов В., 2015, с. 154]. Этот аспект созвучен идее Х.У. Гумбрехта о восстановлении утраченного баланса между «культурой присутствия» и «культурой истолкования» [Гумбрехт Х.У., 2006]. Наконец, это идея о расширении эволюции в аспекте не только коэволюции

компонент сложного мира, но и «глубинной» или «интенсивной» эволюции [Богатая Л., 2015, с. 172]. Одним из аспектов этого онтологического узла может быть «углубление времени» в русле поставленного еще К. Ясперсом «великого вопроса» о понимании истории как проблемы. Сложность проблемы исторического сознания заключается в перманентном осознании радикального различия «происходящего и его самосознания», которое само есть «явление во времени» [Куликова Т.В., 2010, с. 383]. Тогда «открытие истории» становится фактом удержания этой одновременности и может выступать «не как кумулятивное накопление минувшего, а как постоянное творческое раскрытие былого» (Л.П. Киященко) [Богатая Л., 2015, с. 172].

Для потенциала трансдисциплинарности (а через него и «странной проблемы» человека) вопрос о понимании истории оказывается не периферийным, а одним из ключевых. Как показала дискуссия о возможности исторической онтологии [Столярова О.Е., 2018], эта тематизация выводит к актуальному обоснованию неустойчивого и изменяющегося знания, а с ней — к ситуации различных рамок понимания людьми насущных жизненных проблем. Историзация эпистемологии стала той реальностью, которая поместила познание «между “молотом и наковальней”» — между эмпирическим исследованием, которое ставит под вопрос философскую автономию, и трансцендентальным подходом, связь которого с реальной (фактической) наукой и ее результатами становится все более проблематичной» [Столярова О.Е., 2018, с. 374]. На практике это приводит к столкновению базисных понятий. Так, в одном случае «контекст» требует строгого каузального объяснения, а в другом — указывает на подвижное и неопределенное смысловое поле, требующее не столько объяснения, сколько понимания. Очевидно, что здесь необходима метапозиция, роль которой может сыграть некая «интегративная» — в социально-историческом ключе — коллаборация философии, науки и других форм опыта. Однако ввиду ограниченности ресурсов и сложности «странной» проблемы человека требуется и «существенное сжатие пространства возможных решений» [Метцингер Т., 2020, с. 146], а значит, самоограничения и фокусировка, основанные на принципах самоорганизации.

Для осуществления трансдисциплинарных стратегий нужны, с одной стороны, значимые ориентиры в устойчивой системе координат (и средства для индивидуализации этих ориенти-

ров), а с другой — понимание ключевых коллизий, точек напряжения, «вызовов», характеризующих текущую ситуацию.

В качестве одного из ориентиров мы предлагаем рассмотреть трансдисциплинарность как исторический феномен [Киященко Л.П., 2020, с. 125], укорененный в бытийных и познавательных структурах. Сам опыт встречи порядка и хаоса, трансгрессии и трансценденции [Фаритов В.Т., 2016, с. 284] имеет длинную историю проявления «и неслиянно, и нераздельно». Возможно, изначальное состояние человечества представляло собой «сверхнасыщенное единство», когда мир воспринимался как среда и структурировался не выделением объекта и субъекта, а маркированием ключевых точек [Свирский Я., 2015, с. 241]. В обозримой истории выходы за пределы традиционных дисциплинарных границ («тихие» трансдисциплинарные революции) прослеживаются как естественный для познания полиформизм когнитивных стилей [Бажанов В.А., Краева А.Г., 2016, с. 94]. В современной культурной ситуации развиваются подходы, комплементарные трансдисциплинарному в ориентации на потенциал дискурса (диалога, рефлексии) и нацеленные на решение жизненно-практических и экзистенциальных проблем: движение философов-практиков [Внутских А.Ю., Динабург С.Р., 2018], «теория практик» [Волков В.В., Хархордин О.В., 2008], теория коммуникативного действия (Ю. Хабермас), «производство присутствия» [Гумбрехт Х.У., 2006] и др.

Ключевая, актуальная коллизия сегодня, на наш взгляд, это столкновение «обыденной экстремальности», пронизывающей все уровни человеческого бытия, и «игры мировых сил», затмевающей детали индивидуальной жизни человека. Человек — это и агент и пациент (уязвимый и претерпевающий) — здесь «что?» известно, а «когда?» и «как?» представляет собой проблему. Изучение человека — в тонкой настройке на эти детали, в отличие от андроида, проектируемого быть «human more than human». У человечества есть история, традиция, культурные практики — богатейшая библиотека опыта самоорганизации, сопротивления и неудач, обращение к которым воплощает идею «культурного трансфера» [Киященко Л.П., 2020]. Анализ некоторых примеров такого «концептуального перевода» автор предполагает представить в следующей публикации — тематическом продолжении данной.

Список литературы

- Ардашкин И.Б.* «Проблема» и «проблематизация»: соотношение и интерпретация понятий в современной эпистемологии // Известия Томского политехнического университета. 2004. Т. 307, № 4. С. 147–150.
- Бажанов В.А., Краева А.Г.* Феномен трансдисциплинарной когнитивной революции // Российский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5, № 2. С. 91–107. DOI: <https://doi.org/10.15643/libartus-2016.2.1>
- Богатая Л.* Трансдисциплинарность: постнеклассический ракурс рецепции // Філософія освіти. 2015. № 1(16). С. 168–182.
- Буданов В.* Трансдисциплинарные дискурсы постнеклассики: познание, коммуникация, самоорганизация в антропосфере // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы. М.: Изд. дом «Навигатор», 2015. С. 145–159.
- Внутских А.Ю., Динабург С.Р.* Трансдисциплинарные аспекты философской практики // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 1. С. 33–41. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2018.1.33>
- Волков В.В., Хархордин О.В.* Теория практик. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. 298 с.
- Гумбрехт Х.У.* Производство присутствия: Чего не может передать значение. М.: Новое лит. обозрение, 2006. 184 с.
- Касавин И.Т.* Социальная онтология и социальная эпистемология // Эпистемология и философия науки. 2014. Т. 40, № 2. С. 74–84. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps201440232>
- Кассирер Э.* Опыт о человеке // Проблема человека в западной философии / общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 3–30.
- Киященко Л.П.* Культурный трансфер — тезаурус тематизации (проблематизация трансдисциплинарности) // Культура и искусство. 2020. № 12. С. 124–137. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2020.12.34760>
- Куликова Т.В.* Феномен границы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 6. С. 381–387.
- Метцингер Т.* Просвещение 2.0. Интервью с Томасом Метцингером // Философский журнал. 2020. Т. 13, № 2. С. 144–157. DOI: <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2020-13-2-144-157>
- Николеску Б.* Скрытое третье и многоликое величие бытия // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы. М.: Изд. дом «Навигатор», 2015. С. 62–79.

Свирский Я. Трансдисциплинарность: на распутье между трансцендентным и имманентным // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы. М.: Изд. дом «Навигатор», 2015. С. 236–251.

Столярова О.Е. Подразумевает ли историческая эпистемология историческую онтологию? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34, вып. 3. С. 369–380. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.305>

Фаритов В.Т. Трансгрессия и трансценденция как онтологические перспективы дискурса: дис. ... д-ра филос. наук. Ульяновск, 2016. 318 с.

Чеклецов В.В. Диалоги гибридного мира // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2021. № 1(19). С. 99–116. DOI: <https://doi.org/10.17726/philit.2021.1.6>

Получена: 01.08.2021. Принята к публикации: 31.08.2021

References

Ardashkin, I.B. (2004). [«Problem» and «problem-ization»: correlation and interpretation of concepts in modern epistemology]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University]. Vol. 307, no. 4, pp. 147–150.

Bazhanov, V.A. and Kraeva, A.G. (2016). [The phenomenon of transdisciplinary cognitive revolution]. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [The Liberal Arts in Russia]. Vol. 5, no. 2, pp. 91–107. DOI: <https://doi.org/10.15643/libartrus-2016.2.1>

Bogataya, L. (2015). [Transdisciplinarity: post-nonclassical point of view]. *Filosofiya osviti* [Philosophy of Education]. No. 1(16), pp. 168–182.

Budanov, V. (2015). [Transdisciplinary discourses of a postnonclassical science: knowledge, communication, selforganization of the anthroposphere]. *Transdistsiplinarnost' v filosofii i nauke: podkhody, problemy, perspektivy* [Transdisciplinarity in philosophy and science: approaches, problems, prospects]. Moscow: Navigator Publ., pp. 145–159.

Cassirer, E. (1988). [The experience of man]. *Problema cheloveka v zapadnoj filosofii* [The problem of man in Western philosophy]. Moscow: Progress Publ., pp. 3–30.

Chekletsov, V.V. (2021). [Dialogs of a hybrid world]. *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologii i kiberprostranstva* [Philosophical Problems of Information Technology and Cyberspace]. No. 1(19), pp. 99–116. DOI: <https://doi.org/10.17726/philit.2021.1.6>

Faritov, V.T. (2016) *Transgressiya i transtsendentsiya kak ontologicheskie perspektivy diskursa: dis. ... d-ra filos. nauk* [Transgression and transcendence as on-

tological perspectives of discourse: dissertation]. Ulyanovsk, 318 p.

Gumbrecht, H.U. (2006). *Proizvodstvo prisutstviya: chego ne mozhet peredat' znachenie* [Production of presence: what meaning cannot convey]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 184 p.

Kasavin, I.T. (2014). [Social ontology and social epistemology]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science]. Vol. 40, no. 2, pp. 74–84. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps201440232>

Kiyaschenko, L.P. (2020). [Cultural transfer — the-
saurus of thematization (problematization of transdisciplinarity)]. *Kul'tura i iskusstvo* [Culture and Art]. No. 12, pp. 124–137. DOI:

<https://doi.org/10.7256/2454-0625.2020.12.34760>

Kulikova, T.V. (2010). [The phenomenon of the border]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod]. No. 6, pp. 381–387.

Metzinger, T. (2020). [Enlightenment 2.0. An interview with Thomas Metzinger]. *Filosofskiy zhurnal* [The Philosophy Journal]. Vol. 13, no. 2, pp. 144–157. DOI: <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2020-13-2-144-157>

Nikolescu, B. (2015). [The hidden third and the multiple splendor of being]. *Transdistsiplinarnost' v filosofii i nauke: podkhody, problemy, perspektivy* [Transdisciplinarity in philosophy and science: approaches, problems, prospects]. Moscow: Navigator Publ., pp. 62–79.

Stolyarova, O.E. (2018). [Does historical epistemology imply historical ontology?]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies]. Vol. 34, iss. 3, pp. 369–380. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.305>

Svirskiy, Y. (2015). [Transdisciplinarity: at the crossroads between transcendental and immanent]. *Transdistsiplinarnost' v filosofii i nauke: podkhody, problemy, perspektivy* [Transdisciplinarity in philosophy and science: approaches, problems, prospects]. Moscow: Navigator Publ., pp. 236–251.

Vnutskikh, A.Yu. and Dinaburg, S.R. (2018). [Transdisciplinary aspects of philosophical practice]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Science]. No. 1, pp. 33–41. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2018.1.33>

Volkov, V.V. and Kharkhordin, O.V. (2008). *Teoriya praktik* [The theory of practices]. St. Petersburg: European University Publ., 298 p.

Received: 01.08.2021. Accepted: 31.08.2021

Об авторе

Динабург Светлана Роальдовна
старший преподаватель кафедры
философии и права

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;
e-mail: svetlana.dinaburg@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0654-4167>
ResearcherID: AAW-6385-2021

About the author

Svetlana R. Dinaburg
Senior Lecturer of the Department
of Philosophy and Law

Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;
e-mail: svetlana.dinaburg@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0654-4167>
ResearcherID: AAW-6385-2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Динабург С.Р. Трансдисциплинарное изучение человека: опоры и коллизии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 326–332. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-326-332

For citation:

Dinaburg S.R. [Transdisciplinary human study: pillars and collisions]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 3, pp. 326–332 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-326-332

Раздел II. ПРОКРЕАТИВНЫЙ ДИСКУРС ГЕНЕЗИСА И СТАНОВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

УДК 130.3:179.7

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-333-341

НОРМАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ПРОКРЕАЦИИ

*Сидорова Татьяна Александровна**Новосибирский государственный университет (Новосибирск)*

Анализируются подходы и методы в изучении прокреации, под которой понимается воспроизводство человека в ценностном аспекте. Новейшие тенденции в деторождении становятся предметом не только демографической науки, но и разнообразных социальных и гуманитарных исследований. В научном и быденном дискурсах преобладает обозначение деторождения через термин «репродукция». В аксиологическом подходе уместно использование понятия «прокреация», поскольку в нем есть указание на способы понимания (описания, познания, обозначения в языке и дискурсе) человеческого воспроизводства, включенные в креативный, т.е. творческий процесс созидания, а не производства человека. Акцент на ценностно-смысловой детерминированности прокреации позволяет заметить корреляцию между тем, как и что изучается в деторождении, и тем, как полученное знание влияет на репродуктивные установки и намерения. Выделяются пронатальная и антинатальная ориентации в методологических подходах в изучении современных прокреативных процессов. Прокреативное понимание ассоциировано с пронатальной позицией в мотивации и социальной регуляции деторождения. Сделан вывод о нормативном значении для прокреации подходов и способов в исследованиях. Научный дискурс нормализует восприятие новейших тенденций в области деторождения. Указывается на востребованность качественных методов в изучении прокреации, поскольку они позволяют описать динамические и субъективные моменты в ее феноменах, не претендуют на универсальность установленных закономерностей, что соответствует признанию культурной обусловленности и ценностной зависимости в демографических процессах. Критически оценивается распространенный среди демографов взгляд на универсальность критериев рационализации в изучении деторождения. Если отталкиваться от ценностной детерминации прокреации, то следует принимать во внимание и нормализовать, и иррациональные факторы в мотивации деторождения.

Ключевые слова: прокреация, репродукция, пронатальность, антинатальность, эмпирические исследования, качественные и количественные методы.

NORMATIVE VALUE OF APPROACHES TO THE STUDY OF PROCREATION

*Tatiana A. Sidorova**Novosibirsk State University (Novosibirsk)*

The article analyzes the approaches and methods used when studying procreation, which is understood to mean human reproduction in the value-based aspects. The latest trends in childbearing are becoming the subject of not only demography but also various studies in social sciences and humanities. In scientific and mundane discourses, the term «reproduction» prevails in the designation of procreation. The concept of «procreation» is appropriate to use in the axiological approach since it contains an indication of the ways of understanding (description, cognition, designation in language and discourse) human reproduction included in the process of creation, not produc-

tion, of man. The emphasis on the value-semantic determinism of procreation allows us to note the correlation what and how is studied about childbearing and the way the obtained knowledge affects reproductive aspirations and intentions. There are distinguished pronatal and antenatal orientations in the methodological approaches to the study of modern procreative processes. Procreative understanding is associated with a pronatal position in the motivation and social regulation of childbearing. The author concludes about normative value of different approaches and methods in research for procreation. Scientific discourse normalizes the perception of the latest trends in the childbearing area. The article indicates that qualitative methods in the study of procreation are in demand since they allow one to describe the dynamic and subjective moments in its phenomena and do not lay claim to the universality of the established patterns, which corresponds to the recognition of cultural conditioning and value-based dependence in demographic processes. The paper critically assesses the idea of universality of rationalization criteria in the study of childbirth, which is widespread among demographers. When proceeding from the idea of a value-based determination of procreation, it is necessary to take into account and normalize irrational factors in the motivation of childbearing.

Keywords: procreation, reproduction, pronatal, antenatal, empirical research, qualitative and quantitative methods.

На протяжении последних десятилетий демографы и специалисты других направлений, изучающие воспроизводство населения, отмечают интенсивные изменения в отношении к деторождению: преобладает малодетность, отодвигается возраст рождения первого ребенка, все шире используется вспомогательная репродукция, изменяются практики родовспоможения, амбивалентно совмещая доселе медиализированные роды и «традиционные» с участием доул и духовных акушеров [Вишневский А.Г., 2017; Забаев И.В. и др., 2012; Население России..., 2020; Ожиганова А.А., 2020; Савина О.В., 2018]. Представления о «нормальном» в сфере прокреации противоречивы. От ценностей деторождения и семьи не отказываются, они составляют базисное содержание «нормального», т.е. социально одобряемого и индивидуально принимаемого, и одновременно эти представления находятся в состоянии трансформации [Голод С.И., 2003]. Эти тенденции сами по себе, так же как и маркеры, свидетельствующие о них и позволяющие найти адекватные языки их описания, составляют предмет многочисленных исследований прокреации в различных социальных науках. Целью данной статьи является установление связи теоретических подходов и эмпирических методологий в изучении прокреации с переопределением содержания нормального относительно человеческого воспроизводства. В качестве предметной основы для анализа послужили исследования демографов, социологов, психологов, культурных и социальных антропологов, философов, посвященные вопросам изменений в процессах деторождения, нормам детности в семье, многодетным семьям, изучению мотивов и установок родительства и материнства, этическим проблемам вспомогательных репродуктивных технологий и др. Методологической базой выступает ранее разработанный нами подход к пониманию прокреации как процесса производ-

ства человека в аксиологическом измерении [Сидорова Т.А., 2020]. Использование «нормологических» понятий, таких как норма, нормативность, нормогенез, опирается на работы В.Д. Плахова, В.Л. Абушенко [Плахов В.Д., 1985; Абушенко В.Л., 2003] и выдвинутую нами трактовку биоэтических дискуссий в качестве нормогенеза и процесса нормализации нового морального и социального опыта, в том числе в искусственной репродукции. Концептуализация нормализации отсылает нас к трудам М. Фуко и габитуальной теории П. Бурдьё. Значимыми для междисциплинарного контекста исследования были работы Л.М. Смирнова об особенностях эмпирического изучения базисных ценностей [Смирнов Л.М., 2002]. Использован подход к структурированию репродуктивной культуры, предложенный М.А. Беляевой [Беляева М.А., 2014].

В изучении демографических процессов и прокреации в том числе наблюдаются затруднения методологического характера, связанные как с внутринаучными проблемами, так и с проблемами, обусловленными спецификой социально-гуманитарного познания, со специфическим характером социокультурной процессуальности, подразумевающей особые типы детерминации. Так или иначе демографы обозначают потребность в смене парадигмы и это имеет отношение также к изучению деторождения. «Все лучше осознается недостаточность теоретических представлений, лежащих в основе современных взглядов на рождаемость и ее детерминацию, появляются попытки новых объяснений и возникают новые споры, разрешение которых требует лучшего осмысления методологических подходов к построению непротиворечивой теоретической концепции массового демографического (и более широко — социального) поведения» [Вишневский А.Г., 2004, с. 35]. Представляется, что новая парадигма в большей

мере должна включать гуманитарную, т.е. человекоориентированную, стратегию в эпистемологии демографических процессов.

Сегодня мы имеем дело с тем, что в научной интерпретации как естественно-биологического профиля, так и в социально-гуманитарном знании (социология, демография, в значительной части психология, культурная и социальная антропология) прокреация рассматривается либо в качестве синонима репродукции, т.е. воспроизводства, либо в более узком значении деторождения как синонима размножения у человека. Репродукция понимается как объектно-материальный процесс в социобиологической системе, элементом которой является человек. В медицинском, демографическом, социологическом знании понятие «репродукция» стало распространенным, обозначающим деторождение как биологический процесс воспроизводства. Помимо научного термина «репродукция» широко употребляется в самых разных дискурсах: роддома все чаще называют клиниками репродукции, появилась врачебная специальность «репродуктолог», говорят о репродуктивной культуре, репродуктивном выборе, изучают репродуктивные намерения и т.д. Популяризация термина, вытесняющего привычные обозначения деторождения, обязана среди прочего технологиям вспомогательной репродукции, т.е. термину, очевидно указывающий на технологическую подоплеку в понимании продолжения рода, был «нормализован» в дискурсе социогуманитарных наук, которые по определению должны рассматривать процесс продолжения рода в фокусе ценностных коннотаций.

Мы, используя понятие «прокреация», придерживаемся одноименного термина, поскольку видим в нем указание на способы понимания (описания, познания, обозначения в языке и дискурсе) человеческого воспроизводства, включенные в *креативный*, т.е. творческий процесс созидания (а не производства) человека в качестве культурного существа в онтогенезе, что выражается в индивидуальной траектории личностного развития. В философии различие созданного и тварного имеет длительную историю. Вот как это определено в известном высказывании Дж. Честертона: «Вся разница между созданием и творением сводится к следующему: создание можно полюбить лишь уже созданным, а творение любят еще несотворенным» [Chesterton G.K., 1911, p. 14]. Принципиальное значение в различии сделанного и тварного имеет «чистота» замысла, неутилитарность, несвязность с каким-либо интересом. Представляя вос-

производство через понятие «прокреация», можно избежать преобладания объектной (социобиологической, социально-экономической, конструктивно-технологической) интерпретации и сделать акцент на понимании прокреации как процесса воспроизводства человека в культуре в контексте создания ценностей и смыслов деторождения.

Эмпирические методы в изучении ценностей прокреации

Логично, что прокреативный подход к воспроизводству имеет отсылку к понятию «пронатальный» — настроенный на деторождение. Аксиологизация деторождения предполагает, что в исследованиях, например, с применением эмпирических стратегий, на первый план выходят методы, вскрывающие дилеммы индивидуальных практик и субъективных мотивов, с одной стороны, и с другой — объективно и необходимо присутствующие в деторождении нормативность и социальная регламентация. Встают вопросы, связанные с влиянием на внутреннюю мотивацию упорядочивающих деторождение систем норм, правил и процедур, часто обусловленных медицински [Семья в современном социуме..., 2014, с. 12–13]. Что мешает реализации прокреативных и — конкретно — пронатальных установок? Именно этот вопрос должен стоять в центре исследований. Если подчеркивать ценностное содержание деторождения для человека и общества, то исследование прокреации как творческого процесса воспроизводства само должно быть ориентировано пронатально.

Как отмечают специалисты в европейских странах, испытывающих значительные трудности в области прокреации, наблюдается переход к стратегиям исследования условий, в которых возникает желание родить ребенка. «Перенос акцента с изучения собственно рождаемости и репродуктивного поведения женщин, преваляровавшего в прежних обследованиях, к изучению семьи и характера партнерских отношений, положению детей в семейных союзах различного типа был не только адекватным ответом на изменение социально-демографической реальности, но и отвечал запросу со стороны семейно-ориентированной социальной политики, также переживавшей в развитых странах этап принципиальной модернизации» [Захаров С.В., 2007, с. 18].

По сути, предметом эмпирических методов в изучении прокреации становится дискурс и его элементы: понятия и рядоположенные им языковые конструкты, манифестирующие представления субъектов прокреативного процесса. «Культу-

тура в целом возникает там, где созданные в жизни и ради жизни категории становятся самостоятельными творцами самоценных формаций, объективированных по отношению к жизни» [Зиммель Г., 2017]. Такими категориями, по Зиммелю, и являются идеальные значимости или ценности. Понятия, которые мы применяем для описания жизненных процессов, свидетельствуют о ценностных коннотациях, придаваемых деторождению и воспроизводству человека.

Таким образом, различие между репродуктивным, т.е. объективирующим и технологизирующим взглядом на деторождение, и прокреативным находится в оптике изучения пронатального целеполагания, возникающего на основе фундаментального характера ценности деторождения.

Как идеальные сущности, ценности, нормы, установки, представления становятся объектами изучения с помощью эмпирических методов? Количественные методы в изучении деторождения, преобладающие в демографических исследованиях, занимающихся в первую очередь динамикой роста или убыли населения, несомненно, дают ценнейшую информацию о прокреативных процессах, оперируя большим количеством исчислимых компонентов. Однако за цифрами сложно увидеть мотивацию, внутренние побуждения и переживания. Неудивительно, что одни и те же или близкие по значению количественные данные могут иметь далекие друг от друга интерпретации и даже прогнозы относительно динамики деторождения.

Качественные исследования применяются в тех случаях, когда объект изучен мало и необходима предварительная информация для понимания направлений его дальнейших исследований; объект исследования количественно невелик, не является массовым, поэтому невозможно построение репрезентативной выборки; тема исследования не требует количественно точных описаний; объект динамичен, изменяется настолько кардинально и быстро, что количественные исследования не способны уловить данные изменения; объектом выступает микросубъективная сфера действительности, когда необходимо изучение сложных субъективных характеристик [Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А., 2016, с. 128–129]. Качественные исследования помогают понимать явления не в смоделированных, а в естественных обстоятельствах, они дают ответ на такие вопросы, как: «Что такое X и как X меняется в разных обстоятельствах и почему?», а не «Как много X?» [Pope C.C., Mays N.B., 1995, p. 43].

На сложности изучения ценностей как элементов коллективного бессознательного эмпирическими методами указывает Л.М. Смирнов, обращая внимание на парадоксальную амбивалентность в способности субъекта «объективировать» для себя то, что имеет характер ценности. «Осознание ценностей тесно связано с культурными формами, которые предлагает воспитание в широком смысле. Психологи хорошо знают, что большая часть наших желаний, не говоря уже о мнениях, является внушенной — пропущенной через тот образ самих себя, который мы хотели бы навязать воображаемому другим. Вместе с тем человек обычно убежден в независимости своих представлений и желаний: для современного, энергично обрабатываемого глобальными СМИ эгоистичного индивидуума оскорбительно утверждение, что он не знает, что делает, или не понимает самого себя. Однако если в исследовании ценностей ограничиться сознаваемыми компонентами, то теряется не только индивидуальное, но и, что очень важно, общественное бессознательное, обеспечивающее необходимое каждому обществу согласие и устойчивость всей социальной конструкции» [Смирнов Л.М., 2014, с. 86]. Получается, что ценности в фокусе научного познания только по форме индивидуализированы, их содержание и смысл происходят из того габитуального опыта, который формирует в той или иной степени универсально разделяемые обществом предпочтения, бессознательно направляющие человека в выборе основополагающих жизненных стратегий, среди них деторождение — одна из главных. Представляется, что сама по себе ценностная детерминация в вопросах прокреации не может быть сведена ни к действию субъективной воли отдельного индивида, ни к общественной воле, выраженной через идеологию или социальную политику, она имеет диффузный характер.

Нормативность научного дискурса

Науки, изучающие феномены человеческой формы жизни и человеческое воспроизводство, обречены существовать в континууме объективного (фактического) и ценностного. Как указывает К.О. Россиянов, обсуждая евгенические программы, «несмотря на все попытки отделить науку от идеологии, научное знание возникает и развивается вместе с культурными и социальными метафорами, которые делают неизбежным расширительное понимание тех или иных научных теорий и открытий. Такие понятия, как, например, “эволюция”, “энтропия”, “гены”, “выживание приспособ-

собленных», нагружены разными и нечетко определяемыми культурными и политическими смыслами. В то же время и сам научный дискурс принципиально невозможно очистить от многозначности человеческого языка» [Россиянов К.О., 2000]. Об этом же говорит принцип дополнительности Нильса Бора для гуманитарных наук: «Практическое применение всякого слова найдется в дополнительном отношении с попытками его строгого определения» [Бор Н., 1972, с. 398].

При изучении материалов демографов по поводу деторождения обращает на себя внимание наличие внутринаучных оппозиций, обусловленное не только различиями в методиках количественного изучения, но и различными результатами, к которым разные исследователи приходят при анализе одних и тех же данных. Особенно ярко просматривается несовпадение их прогнозов по рождаемости, росту и убыли населения. А.Г. Вишневский утверждал, что «возникающие в связи с этим споры внутри научного сообщества — нормальное явление, только они и могут приблизить исследователей к пониманию истинных внутренних механизмов социального поведения (*в области демографических процессов*. — прим. Т.С.). Однако достаточно долгий опыт таких споров в разных странах показывает, что в них всегда присутствует и бесплодный компонент, который не приближает к решению означенной задачи, а удаляет от него, ибо спорящие нередко говорят на разных языках и просто не слышат друг друга. Мне кажется, что одна из главных причин этого диалога глухих — идеологизация научного знания, внесение в него некоторых априорных компонентов, что противоречит самой природе науки как способа познания неизвестного. Поэтому первое, что хочется сделать, это попытаться разобраться в соотношении “теории” и “идеологии”. Истинные отношения между теорией и идеологией, особенно в сфере социального знания, довольно сложны. Идеология часто рядится в одежды теории, а теория столь же часто открещивается от идеологии. Но на деле обычно приходится сталкиваться с комбинацией того и другого в соотношении, которое зависит от общего мировоззрения теоретиков и идеологов» [Вишневский А.Г., 2004].

То, что автор относит к идеологическим несовпадениям, имеет отношение не только к политической идеологии, оно может быть связано с поляризацией пронатального и антинатального трендов в репродуктивной культуре. Для характеристики данных категорий обратимся к работам М.А. Беляевой. В них пронатальная и антинаталь-

ная подсистемы являются двумя из трех (третью автор называет «ментальной») структурных компонентов репродуктивной культуры. «Пронатальная подсистема репродуктивной культуры несет в себе социокультурную регламентацию действий, направленных на рождение детей. Антинатальная — отвечает за противодействие способности продолжения рода с целью поддержания обратимой или необратимой инфертильности. В отличие от ментальной подсистемы, состоящей из ценностно-нормативного и когнитивного компонентов, пронатальная и антинатальная подсистемы включают когнитивно-праксеологический и материально-вещественный компоненты. <...> Универсальная структурная модель репродуктивной культуры, таким образом, <...> имеет радиальную форму двух половинок, соединенных общим ядром, и включает три взаимосвязанных подсистемы: ментальную, пронатальную, антинатальную. Ментальная подсистема выполняет роль ядра, объединяющего ценности, верования, нормы, традиции, специальные знания, определяющие отношение общества к рождению детей и отношение индивида к способности продолжения рода. Ключевым элементом ментальной подсистемы являются ценности: витальные (жизнь, здоровье, безопасность); социальные (семья, дети, родительство, свобода), духовные (чувство любви, уважения, долга и ответственности перед природой, обществом и самим собой), эстетические (красота, гармония); а инструментальный, исторически изменяющийся компонент ментальной подсистемы — это медико-биологические, этические, правовые, этнографические нормы репродуктивного поведения» [Беляева М.А., 2014, с. 97–98]. В философском дискурсе принцип натальности Х. Арндт связывает с сохранением в себе творческой жизнеспособности. Натальность у философа в качестве особого рода ценности не просто указывает на фактическую порожденность человека, но и на его имманентную способность творить, порождать, выступать началом нового, прежде всего — поступка [Белялетдинов Р.Р. и др., 2021, с. 75].

Антинатальную направленность не следует понимать только как отказ от деторождения — это его крайняя черта. В культуре антинатализм всегда присутствовал, например, в виде регулирования рождаемости. В современных практиках антинатализм связан с преобладанием рациональных мотивов в прокреации. Рациональность, разумеется, присутствует и в пронатальной стратегии, но в антинатальной рациональное отношение к ценности ребенка и деторождению становится самодовлеющей стратегией, абсолютизируется в

качестве единственно возможной основы для мотивации. Пронаталистские государственные программы рациональны по определению, но могут лишь частично соответствовать прокреативному характеру деторождения, поскольку спланированная мотивация на рождение ребенка имеет ограниченный ресурс действия. «Вплоть до 2007 г. семейная политика (в Российской Федерации. — прим. Т.С.) не носила пронаталистского характера, т.е. не артикулировала в качестве цели повышение рождаемости. Концептуально ее можно охарактеризовать как политику де-юре, направленную на частичную компенсацию затрат на детей и облегчение совмещать материнство с занятостью для работающей женщины. В ее основе лежат идеи финансовой доступности деторождения в условиях традиционного гендерного разделения обязанностей в семье. Де-факто роль государственной помощи семьям с детьми последовательно снижалась на протяжении всего переходного периода» [Овчарова Л.Н. и др., 2007]. Последовательный пронатализм прокреационного характера должен работать на уровне культурных механизмов для поощрения и упрочения ценности деторождения.

В какой мере способы научного изучения прокреации влияют на установки, связанные с деторождением, т.е. имеют ли они нормирующую функцию, способствуют ли установлению содержания прокреативных норм? На этот вопрос не может быть универсального ответа, поскольку демографические процессы в различных регионах мира значительно различаются. Тенденции, характерные для развитых стран, пусть и имеют много общего, тем не менее цикличность, обозначенная демографическими переходами, характерна для отдельных стран, но не для планеты в целом. Мощное влияние на прокреативные процессы начинает оказывать глобальная коммуникация. Особенностью этого процесса является сочетание множества специализированных и неспециализированных, научных и околонучных, обыденных дискурсов по поводу деторождения. В условиях полидискурсивности возникает разнообразие нормативных образцов, которые в своих системах координат оперируют ценностями деторождения и транслируются в глобальном пространстве. Как молодые люди, перед которыми стоит выбор рождения ребенка, самоопределяются в этом пространстве с отсутствующими или легко проницаемыми культурными границами? Думается, что научный дискурс зачастую выступает источником для самоопределения, не только предоставляя научную информацию по медицинским, социаль-

ным, психологическим, экономическим аспектам деторождения, но и вовлекая большое количество людей в процесс сбора информации. Это имеет отношение к феномену «гражданской науки» (citizen sciens), стирающей грань между обыденным и специализированным познанием. Если учитывать, что прокреация так и не была тотально поглощена медиализированными практиками и всегда был необходим обмен знаниями, опытом по поводу деторождения, заботы о новорожденном, воспитании ребенка во внутри- и межгрупповой, в том числе и межпоколенческой коммуникации, то понятно обращение ученых за информацией к обыденному опыту не только с целью его изучения, но и для привлечения в совместное исследование с прогностическими, педагогическими, проектными и другими целями. В такой ситуации сегодня происходит выстраивание новых прокреативных стратегий.

Другой канал нормативации прокреации можно увидеть в участии в опросах. Исходя из того, что опросные методы в социологических и демографических исследованиях доминируют, то и те, кто отвечает на вопросы, и те, кто получает информацию от респондентов, принимают информацию, составляющую содержание вопроса, в качестве нормы. Например, часто изучается отношение к методам вспомогательной репродукции, что само по себе способствует возникновению какого-либо «отношения». Ответ на вопрос, одобряете ли вы суррогатное материнство или нет, изменится, если предварительно будет информация или спросят о том, в чем заключается ценность материнства. Учитывая, что артикуляция ценности для отдельных людей может совершаться только в момент ответа на вопрос анкеты, определяющими будут варианты подсказок для выбора респондента. Эти варианты имеют нормативное значение, т.к. максимально в научном выражении должны раскрыть всю мозаику ценности материнства.

Рационализация прокреации, содержащаяся в установке, что выбор опирается на знания и должен быть осознанным, может вступать в противоречие с нерелефлексивным базисным характером прокреативных ценностей. Сакрализация деторождения в культурных практиках имела свою важную функцию, маркируя поколенческую дифференциацию и одновременно закрепляя исключительность прокреационной сферы в ценностной иерархии. Допущение нередуцируемого потаенного в воспроизводстве человека — это и есть единственное основание понимания его как прокреации, т.е. творения человека, раскрытия его потенции и признания его самоценности.

Конструкторскому способу понимания деторождения в образе репродукции противостоит и та зона дополнительности в науке, которая допускает случайность, контингенцию в качестве важного атрибута в развитии биологических систем. В частности, это имеет значение в генетике человека, поэтому в биоэтике сегодня стоит на повестке дня вопрос о защите ценности, связанной со случайностью зачатия, противопоставляемой технологически спланированной искусственной репродукции и особенно преимплантационной генетической диагностике эмбрионов и далее их генетическому редактированию. Но искусственная репродукция является продолжением социальной технологии рационального планирования в области деторождения.

Заключение

И.С. Кон утверждал, что «чем глубже изучается история детства, тем больше количественные сопоставления ее этапов сменяются качественными» [Кон И.С., 2004, с. 160]. Данное утверждение верно и в отношении изучения прокреации. Необходимо, чтобы качественные стратегии расширяли свой методический арсенал, ориентируясь в понимании деторождения на прокреативное, т.е. ценностно-смысловое содержание деторождения.

Исследование дискурсов прокреации соответствует аксиологической парадигме и преодолению доминирования догм социального конструктивизма, натурализма и технологизирующего подходов. Поскольку через исследование дискурсов можно говорить о том, какие идеи лежат в основе понимания сущности прокреации, какие черты выделяются в прокреации, и как это влияет на прокреационные намерения и психологические установки в отношении деторождения. Желание иметь детей относится к числу базовых человеческих ценностей. Это замечание особенно важно, когда изучается не только фактическое состояние, а будущие намерения иметь или не иметь детей, ведь они в еще большей степени определяются господствующими социальными нормами [Синявская О.В. и др., 2007, с. 433], а подходы и способы научного изучения влияют на то, как эти нормы будут преобразованы в мотивации деторождения.

Выражение признательности

Работа проведена при поддержке РФФИ № 20-011-00609 «Прокреация: фундаментальные и прикладные аспекты социокультурных норм — язык междисциплинарного дискурса».

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project № 20-011-00609 «Procreation: fundamental and applied aspects of socio-cultural norms — the language of interdisciplinary discourse».

Список литературы

- Абушенко В.Л. Норма // Социология: Энциклопедия / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Минск: Кн. дом, 2003. 1312 с.
- Беляева М.А. Трансляция репродуктивной культуры в современном российском обществе // Педагогическое образование в России. 2014. № 4. С. 97–104.
- Белялетдинов Р.Р., Попова О.В., Тищенко П.Д., Шевченко С.Ю. Биоэтические вызовы технологий редактирования генома эмбрионов человека // Вопросы философии. 2021. № 5. С. 70–82. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-5-70-82>
- Бор Н. Избранные научные труды: в 2 т. / под ред. И.Е. Тамма, В.А. Фока, Б.Г. Кузнецова. М.: Наука, 1971. Т. 2. 676 с.
- Вишневский А.Г. Нерешенные вопросы теории демографической революции // Население и экономика. 2017. Т. 1, № 1. С. 3–21. DOI: <https://doi.org/10.3897/popcon.1.e36030>
- Вишневский А.Г. Демографическая реальность в свете теории и идеологии // Научные теории и географическая реальность. Четвертые Сократические чтения по географии: сб. докл. / под ред. В.А. Шупера. М.: Эслан, 2004. С. 35–47.
- Голод С.И. Перспективы моногамной семьи: сравнительный межкультурный анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6, № 2. С. 106–119.
- Забаяев И.В., Емельянов Н.Н., Павленко Е.С., Павлюткин И.В. Семья и деторождение в России: категории родительского сознания / под ред. М.С. Ковалевой. М.: ПСТГУ, 2012. 222 с.
- Захаров С.В. Демографические обследования населения: прошлое, настоящее, будущее // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М.: НИСП, 2007. С. 9–35.
- Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Эмпирическая социология: учеб. для вузов. Сургут: РИО СурГПУ, 2016. 314 с.
- Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 392 с.
- Кон И.С. Детство как социальный феномен // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2, № 2. С. 151–174.
- Население России 2018: двадцать шестой ежегодный демографический доклад / отв. ред. С.В. Захаров. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020. 352 с.

Овчарова Л.Н., Пишняк А.И., Попова Д.О. Измерение и анализ благосостояния: возможные подходы на основе данных РИДМиЖ // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М.: НИСП, 2007. Вып. 1. С. 377–420.

Ожиганова А.А. Авторитетное знание о родах и родовспоможении: анализ дискурсивных практик российских перинатальных специалистов // Население и экономика. 2020. Т. 4, № 4. С. 84–99. DOI: <https://doi.org/10.3897/popecon.4.e57267>

Плахов В.Д. Социальные нормы: философские основания общей теории. М.: Мысль, 1985. 255 с.

Россиянов К.О. Цена прогресса и ценности науки: новая книга по истории евгеники // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 1. С. 178–186.

Саввина О.В. Деторождение. От прежних табу до технологии улучшения человека: прошлое, настоящее и будущее медицинских вмешательств в репродукцию человека. М.: URSS: Ленанд, 2018. 200 с.

Семья в современном социуме: междисциплинарные связи / под ред. М.В. Носковой, Е.П. Шиховой. Екатеринбург: Изд-во УГМУ, 2014. 388 с.

Сидорова Т.А. Философский анализ прокреации в ценностном измерении // Население и экономика. 2020. Т. 4, № 4. С. 57–66. DOI: <https://doi.org/10.3897/popecon.4.e57249>

Синявская О.В., Захаров С.В., Карцева М.А. Поведение женщин на рынке труда и деторождение в современной России // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М.: НИСП, 2007. Вып. 1. С. 421–476.

Смирнов Л.М. Динамика и стабильность: ценностные выборы россиян // Историческая психология и социология истории. 2014. Т. 7, № 2. С. 80–92.

Смирнов Л.М. Эмпирическое изучение базовых ценностей // Мир России. Социология. Этнология. 2002. Т. 11, № 1. С. 166–183.

Chesterton G.K. Appreciations and Criticisms of the Works of Charles Dickens. London: J.M. Dent & Sons, LTD; N.Y.: E.P. Button & Co, 1911. 296 p. URL: <https://ia902607.us.archive.org/25/items/appreciations00hesuoft/appreciations00chesuoft.pdf> (accessed: 27.07.2021).

Pope C.C., Mays N.B. Reaching the Parts Other Methods Cannot Reach: An Introduction to Qualitative Methods in Health and Health Services Research // British Medical Journal. 1995. Vol. 311(6996). P. 42–45. DOI: <https://doi.org/10.1136/bmj.311.6996.42>

Получена: 01.08.2021. Принята к публикации: 31.08.2021

References

Abushenko, V.L. (2003). [Norm]. *Sotsiologiya: Entsiklopediya* [Sociology: Encyclopedia]. Minsk: Knizhnyy Dom Publ., 1312 p.

Belyaeva, M.A. (2014). [Translation of reproductive culture in modern Russian society]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical Education in Russia]. No. 4, pp. 97–104.

Belyaletdinov, R.R., Popova, O.V., Tischenko, P.D. and Shevchenko, S.Yu. (2021). [Bioethical challenges of human genome editing technologies in embryos]. *Voprosy Filosofii*. No. 5, pp. 70–82. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-5-70-82>

Bor, N. (1971). *Izbrannye nauchnye trudy: v 2 t. T. 2* [Selected scientific papers in 2 vols. Vol. 2]. Moscow: Nauka Publ., 676 p.

Chesterton, G.K. (1911). *Appreciations and Criticisms of the Works of Charles Dickens*. London: J.M. Dent & Sons, LTD Publ.; N.Y.: E.P. Button & Co Publ., 296 p. Available at: <https://ia902607.us.archive.org/25/items/appreciations00hesuoft/appreciations00chesuoft.pdf> (accessed 27.07.2021).

Golod, S.I. (2003). [Prospects for a monogamous family: a comparative cross-cultural analysis]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 6, no. 2, pp. 106–119.

Kon, I.S. (2010). [Childhood as a social phenomenon]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 2, no. 2, pp. 151–174.

Noskova, M.V. and Shikhova, E.P. (eds.) (2014). *Sem'ya v sovremennom sotsiume: mezhdistsiplinarnye svyazi* [Family in modern society: interdisciplinary connections]. Yekaterinburg: USMA Publ., 388 p.

Ovcharova, L.N., Pishnyak, A.I. and Popova, D.O. (2007). [Measurement and analysis of well-being: possible approaches based on the data of PDMW (Parents and Children, Men and Women in Family and Society)]. *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenschiny v sem'e i obschestve* [Parents and children, men and women in the family and society]. Moscow: IISP Publ., iss. 1, pp. 377–420.

Ozhiganova, A.A. (2020). [Authoritative knowledge of childbirth and obstetrics: analysis of discursive practices of Russian perinatal specialists]. *Naseleniye i ekonomika* [Population and Economics]. Vol. 4, no. 4, pp. 84–99. DOI: <https://doi.org/10.3897/popecon.4.e57267>

Plakhov, V.D. (1985). *Sotsial'nye normy: filosofskie osnovaniya obschey teorii* [Social norms: the philosophical problems of general theory foundations.]. Moscow: Mysl' Publ., 255 p.

Rossyanov, K.O. (2000). [The price of progress and the values of science: a new book on the history of eugenics]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Studies in

the History of Science and Technology]. No. 1, pp. 178–186.

Savvina, O.V. (2018). *Detorozhdenie. Ot prezhnikh tabu do tekhnologii uluchsheniya cheloveka: proshloe, nastoyashee i budushee meditsinskikh vmeshatel'stv v reproduksiyu cheloveka* [Childbearing. From old taboos to technology for human improvement: the past, present and future of medical interventions in human reproduction]. Moscow: URSS Publ., Lenand Publ., 200 p.

Sidorova, T.A. (2020). [Philosophical analysis of procreation in the value dimension]. *Naseleniye i ekonomika* [Population and Economics]. Vol. 4, no. 4, pp. 57–66. DOI: <https://doi.org/10.3897/popecon.4.e57249>

Simmel, G. (2007). *Izbrannoe. Sozertsanie zhizni* [Selected works. Contemplation of life]. Moscow, Saint Petersburg: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ Publ., 392 p.

Pope, C.C. and Mays, N.B. (1995). Reaching the parts other methods cannot reach: an introduction to qualitative methods in health and health services research. *British Medical Journal*. Vol. 311(6996), pp. 42–45. DOI: <https://doi.org/10.1136/bmj.311.6996.42>

Sinyavskaya, O.V., Zakharov, S.V. and Kartseva, M.A. (2007). [Women's behavior in the labor market and childbearing in modern Russia]. *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenschiny v sem'e i obschestve* [Parents and children, men and women in the family and society]. Moscow: IISP Publ., iss. 1, pp. 421–476.

Smirnov, L.M. (2002). [An empirical study of basic values]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. Vol. 11, no. 1, pp. 166–183.

Smirnov, L.M. (2014). [Dynamics and stability: value choices of Russians]. *Istoricheskaya psikhologiya i*

sotsiologiya istorii [Social Evolution and History]. Vol. 7, no. 2, pp. 80–92.

Vishnevsky, A.G. (2004). [The demographic reality in the context of theory and ideology]. *Nauchnye teorii i geograficheskaya real'nost'*. *Chetvertye Sokraticheskie chteniya po geografii* [Scientific Theories and Geographical Reality. Fourth Socratic Readings in Geography]. Moscow: Eslan Publ., pp. 35–47.

Vishnevsky, A.G. (2017). [Unsolved problems in the theory of demographic revolution]. *Naseleniye i ekonomika* [Population and Economics]. Vol. 1, no. 1, pp. 3–21. DOI: <https://doi.org/10.3897/popecon.1.e36030>

Zabaev, I.V., Emel'yanov, N.N., Pavlenko, E.S., Pavlyutkin, I.V. (2012). *Sem'ya i detorozhdenie v Rossii: kategorii roditel'skogo soznaniya* [Family and childbearing in Russia: categories of parental consciousness]. Moscow: STOUH Publ., 222 p.

Zakharov, S.V. (2007). [Population demographic surveys: past, present, future]. *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenschiny v sem'e i obschestve* [Parents and children, men and women in the family and society]. Moscow: IISP Publ., pp. 9–35.

Zakharov, S.V. (ed.) (2020). *Naselenie Rossii 2018: dvadtsat' shestoy ezhegodnyy demograficheskiy doklad* [Russia's population in 2018: 26rd annual demographic report]. Moscow: HSE Publ., 352 p.

Zborovskiy, G.E. and Shuklina, E.A. (2016). *Empiricheskaya sotsiologiya* [Empirical sociology]. Surgut: SurSPU Publ., 314 p.

Received: 01.08.2021. Accepted: 31.08.2021

Об авторе

Сидорова Татьяна Александровна

кандидат философских наук,
доцент кафедры фундаментальной медицины,
Институт медицины и психологии В. Зельмана

Новосибирский государственный университет,
630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1;
e-mail: t.sidorova@g.nsu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8985-092X>
ResearcherID: AAX-2059-2021

About the author

Tatiana A. Sidorova

Candidate of Philosophy, Associate Professor
of the Department of Fundamental Medicine,
V. Zelman Institute for Medicine and Psychology

Novosibirsk State University,
1, Pirogov st., Novosibirsk, 630090, Russia;
e-mail: t.sidorova@g.nsu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8985-092X>
ResearcherID: AAX-2059-2021

Проблема ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Сидорова Т.А. Нормативное значение подходов к изучению прокреации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 333–341. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-333-341

For citation:

Sidorova T.A. [Normative value of approaches to the study of procreation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 3, pp. 333–341 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-333-341

УДК 130.2+[304.44:316.4:316.7

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-342-351

ФРЕЙМЫ ПОВСЕДНЕВНОГО ПРОКРЕАТИВНОГО ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Сандакова Людмила Борисовна

Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск)

Феноменологическая традиция в социально-гуманитарном познании обращается к изучению повседневности как сферы, где складываются, апробируются и закрепляются нормы человеческого бытия. Повседневный прокреативный дискурс в этом отношении представляет особый интерес, поскольку, с одной стороны, является сферой воспроизводства человека как человека, обеспечивает творческий потенциал культуры; с другой стороны, он оказывается под массивным воздействием современных биотехнологий. Исследования в этой области сталкиваются с трудностями методологического разнообразия и междисциплинарного диалога. В данной работе осуществляется попытка структурировать современный повседневный прокреативный дискурс через выявление базовых мировоззренческих фреймов и ключевых концептуальных идей, с ними связанных. Фрейм-анализ представляется продуктивным исследовательским инструментом работы с полифоничным дискурсом в сфере прокреации, хотя исследователи в данной области к нему пока не обращались. Выделены и проинтерпретированы системы мировоззренческих фреймов: объясняющие, ценностно-нормативные и фреймы отношения. Обозначены основные содержательно-смысловые компоненты данных систем. Показана пролиферация институциональных и теоретических дискурсов в повседневный прокреативный (в виде знаниевых структур, когнитивных и ценностных установок), а также их творческая интерпретация участниками дискурса. Выдвинуто предположение, что идея ценности детства, характерная для постфигуративных (по М. Мид) типов культур, часто связана с антинатальными фреймами отношения. Появление новых социальных практик, обусловленный этим кризис объяснительных и ценностно-нормативных систем фреймов, а также их конкуренция за авторитетность в дискурсе, создают этически напряженные зоны. В качестве таковых в современном обществе выделяются практики ВРТ, репродуктивное право и семейно-ролевые отношения.

Ключевые слова: прокреация, мировоззренческие фреймы, повседневный дискурс, полифоничный дискурс, инодискурс, пронатальность, антинатальность.

FRAMES OF EVERYDAY PROCREATIVE DISCOURSE IN MODERN CULTURE

Ljudmila B. Sandakova

Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk)

The phenomenological tradition in humanities and social studies everyday life as a sphere where the norms of human existence are formed, tested, and consolidated. In this respect, procreative discourse is of interest because this sphere reproduces man as actor and creator of culture. In addition, this sphere is under the increased influence of modern biotechnology. Research in this field faces some difficulties associated with methodological diversity and interdisciplinary dialogue. The article attempts to structure contemporary everyday procreative discourse by identifying basic worldview frames. Frame analysis appears to be a productive research tool for dealing with polyphonic discourse in the field of procreation. The article identifies and interprets the systems of worldview frames: explanatory, axiological-normative and attitude-centered frames. The main content and semantic components of these systems are outlined in the article. The proliferation of institutional and theoretical discourses into everyday procreative discourse is shown, their creative interpretation by discourse participants is discussed. The paper puts forward an assumption that the idea of the value of childhood, character-

istic of postfigurative (according to M. Mead) types of culture, is connected with antinatal frames of attitude. Emergence of new social practices, crisis of explanatory and axiological-normative systems of frames, as well as their competition for authority in discourse, create ethically tense zones. As such, the practices of ART, reproductive law and family-role relations stand out in contemporary society.

Keywords: procreation, worldview frames, everyday discourse, polyphonic discourse, foreign discourse, pronatalism, antinatalism.

Введение

Прокреация, понимаемая как воспроизведение человека в культуре, весьма многомерная и внутренне противоречивая сфера человеческого бытия, вбирающая в себя психофизические, социальные аспекты, духовные смыслы. Разнообразные социокультурные практики прокреации не только отражают понимание человеком самого себя и своего будущего, но и заключают в себе его творческий потенциал. Поэтому наряду с теоретическими вопросами исследователи обращаются к изучению повседневных практик и к сфере индивидуальных решений, где и происходят процессы социального нормогенеза. Изучение различных аспектов прокреации, прогнозирование и управление процессами воспроизводства человека именно как человека, с учетом его творческого самоизменения, требуют удержания в исследовательской оптике всей многомерности этой сферы, ее текучести, нередуцируемости к биологическому или социальному. Дисциплинарный подход в такой ситуации методологически ограничен, а междисциплинарные проекты сталкиваются с проблематичностью общего языка и продуктивного диалога.

Общей целью данной работы в контексте обозначенной сложности является попытка структурировать современный повседневный прокреативный дискурс через выявление базовых мировоззренческих фреймов и концептуальных идей, с ними связанных. Достижение этой цели предполагает решение следующих задач: 1) выбрать и обосновать исследовательский инструментарий, определить информационную базу исследования; 2) выявить мировоззренческие системы фреймирования в повседневном прокреативном дискурсе; 3) апробировать эвристичность полученной модели.

Теоретическая и информационная база исследования

Дискурс — зонтичный термин, объединяющий достаточно многообразные толкования, используемые в различных дисциплинах. В нашем исследовании под дискурсом мы будем понимать, во-

первых, коммуникативное событие, в котором соотносятся текст и структура коммуникации, взаимодействия [Дейк Т.А. ван, 1978, с. 334.], во-вторых, совокупность коммуникативных событий, объединенных некоторой тематикой (в нашем случае это — прокреация) и осуществляемых на различных уровнях: теоретическом, институциональном и повседневном.

Интересующие нас повседневные прокреативные дискурсивные практики полифоничны [Тубалова И.В., 2016, с. 8], поскольку являются результатом произвольного пересечения, переплавления институциональных, теоретических и лично ориентированных дискурсов в субъективном преломлении участников дискурса¹. Хотя повседневный дискурс в рамках социолингвистического подхода противопоставляется институциональному, как имеющий принципиально открытые границы [Тубалова И.В., 2011, с. 42], он все-таки структурируется, хотя и не так определенно и жестко, как институциональный или теоретический.

Фрейм-анализ (*Framing analysis*) дает возможность вычленить структурные составляющие дискурса, некие концептуальные схемы, которые организуют сознание и обеспечивают общие системы интерпретаций, а следовательно, и состоятельность коммуникативных взаимодействий. Концепт фрейма, позволяющий структурировать социальные и языковые практики с учетом субъективно-объективного восприятия и понимания действительности, достаточно востребован в социальных и гуманитарных исследованиях, имеет множество интерпретаций. В дискурс-анализе текстов, связанных с повседневными коммуникативными практиками, чаще всего обращаются к трактовке Р. Энтмана, который понимает под фреймингом отбор и процесс выявления отличии-

¹ Идея полифоничности текста основана на его понимании как вербальной последовательности, обладающей цельностью и связностью не только за счет внутренней организации его элементов, но и за счет его включенности во внешний вербальный контекст, в результате чего как его отдельные элементы, так и текст в целом получают динамический потенциал множественной интерпретации, обеспечивающий генерацию нового смысла [Тубалова И.В., 2016, с. 8].

тельных черт воспринимаемой реальности, зафиксированных в коммуникационных текстах. Эти черты позволяют идентифицировать, интерпретировать и оценивать проблему, предлагать некоторое ее решение [Entman R., 1993]. Отличительные черты могут иметь отношение к синтаксической и/или семантической структуре текстовых сообщений, прагматике или контексту. В связи с этим можно выстраивать различные модели систем фреймов.

В нашем исследовании вычлняются мировоззренческие системы фреймов. Поскольку это метауровень по отношению к повседневным дискурсивным практикам, в работе использовался анализ вторичных текстов — материалы исследований повседневного прокреативного дискурса. Критерии для отбора теоретических материалов: научная достоверность, различие методологических подходов к рассмотрению прокреации, выход на повседневный прокреативный дискурс. В качестве первичных текстов рассматривались: 1) материалы интервью, приведенные авторами анализируемых исследований; 2) интервью, приведенные в фильме Ю. Ахметовой «Репродуктивное насилие» (2021); 3) интервью, взятые К. Милоховой и размещенные на сайте «Kloop.kg – Новости Кыргызстана» (2018); 4) материалы сайтов, предназначенных для родителей. Первичные тексты использовались с целью верификации выдвигаемых в исследовании гипотез.

Результаты, полученные в ходе исследования

Информация, используемая участником повседневного прокреативного дискурса, может иметь совершенно различные источники. Однако можно вычлнить некое «общее» знание, отношение, оценочное восприятие, организованное в концептуальные «схемы интерпретации» или «первичные системы фреймов» [Гофман И., 2003, с. 81], которые можно обозначить как мировоззренческие. Базовые мировоззренческие фреймы — это достаточно устойчивые и узнаваемые в социальном взаимодействии концептуальные схемы, лежащие в основе локализации, узнавания, объяснения событий, отношения к ним и оценки. В исследовании 1) выделены объяснительные (уровень миропонимания) системы фреймов, фреймы отношения (уровень мироощущения), ценностно-нормативные (аксиологический уровень) фреймы; 2) выявлены основные содержательно-смысловые компоненты данных систем фреймов.

Анализ материалов исследования показывает, что посредством объяснительных (природные, социальные, экзистенциальные и религиозные) систем фреймов, фреймов отношения (пронатальные и антинатальные) и ценностно-нормативных фреймов создаются основные концептуальные объяснительные схемы прокреативного дискурса, как повседневного, так и институционального. В повседневный прокреативный дискурс в качестве инодискурса чаще всего включены элементы медицинского, технологического, политического, экономического, демографического, социологического, педагогического, психологического, религиозного дискурсов. Часть из них выступает в качестве институциональных (управляющих и обладающих авторитетом власти), а часть — в качестве теоретических (создающих устойчивые знаниевые структуры, когнитивные и ценностные установки). Обнаруживается, что представленность научного и технологического инодискурса в повседневных прокреативных практиках связана с модернистским типом установления связи природных и социальных систем фреймов. Появление новых социальных практик и кризис объяснительных и ценностно-нормативных систем фреймов, а также их конкуренция за авторитетность в дискурсе создают этически напряженные зоны. В качестве таковых в современном обществе выделяются практики ВРТ, репродуктивное право и семейно-ролевые отношения.

Интерпретация и обсуждение результатов исследования

Объяснительные мировоззренческие системы фреймов: природные, социальные, экзистенциальные, религиозные

Объяснительные системы фреймов связаны с идентификацией события в плане отнесения его к некоторым объяснительным моделям. Это принципиально важная составляющая любого мировоззрения. В прокреативном дискурсе мы можем вслед за И. Гофманом выделить *природные и социальные системы фреймов*. В представлении Гофмана, природные системы фреймов определяют события как не имеющие осмысленного направления и цели, никем не управляемые. Здесь нет места волеизъявлению, позитивным или негативным санкциям, господствует детерминизм. Социальные же системы фреймов предполагают участие воли, целеполагания, разумности, здесь можно «договориться, задобрить, запугать». Это «целенаправленное делание», которое непременно

но связано с социальным контролем, стандартами и коррекцией [Гофман И., 2003, с. 82]. Возможна институционализация данных систем фреймов в особом профессиональном или теоретическом знании, которое включается в повседневный дискурс как авторитетное.

Идентификация одного и того же события может осуществляться одновременно в разных системах фреймирования: рождение ребенка как биологически детерминированный процесс может быть определено как природное событие, а рождение наследника, например, или незаконнорожденного — как социальное. Уход за ребенком, с одной стороны, обусловлен природными особенностями этапа онтогенетического развития, с другой — спецификой культурных практик социализации. Такой же подход мы обнаруживаем и в связи с традиционными представлениями о семье и родстве как о базовых, естественным образом формирующихся отношениях, которые при этом имеют высокосозначимые социально организующие смыслы. Антропологи и социологи уже не первое десятилетие изучают эти сложные феномены как объединяющие биологическое и социальное измерение [Ткач О.А., 2013, с. 52].

В прокреации очевидна сложная и вариативная связь природного и социального фреймирования, требующая определенного культурного закрепления в виде ценностей, традиций, ритуалов, образцов. Их можно обозначить как культурные фреймы прокреации. В модернистской культуре определяющую роль в понимании и закреплении связи природных и социальных систем фреймов играет наука: объективированное знание о естественных закономерностях тех или иных процессов представляется инструментом целеполагающей человеческой деятельности. Этим обусловлены авторитетность научного знания и представленность научного и технологического инодискурса в повседневных прокреативных практиках. Для ряда исследователей прокреации эта ситуация представляется проблемной [Беляева М.А., 2013; Сидорова Т.А. и др., 2016].

В логике нашего исследования проблематичность объяснима: там, где при столкновении или соотнесении разных типов фреймирования в культуре еще не сформировалось устойчивое отношение к событию, возникает объяснительная напряженность (Гофман остроумно заметил: «...мы допускаем необъясненное, но необъяснимое принять не можем» [Гофман И., 2003, с. 90]), которая в повседневных практиках может полу-

чить свое выражение в этическом или политическом конфликте. Что мы и обнаруживаем, например, в дискуссиях, посвященных использованию вспомогательных репродуктивных технологий и проблематизации традиционных представлений о семье и связи между родителями и детьми [Strathern M., 1992; Edwards J. et al., 1993; Голлод С.И., 2012; Ткач О.А., 2013; Исупова О. и др., 2014; Тарусина Н.Н., 2020].

К обозначенным выше природным и социальным системам мировоззренческих фреймов следует добавить экзистенциальные и религиозные. В *экзистенциальных системах фреймов* события определяются как субъективно значимые переживания, связанные (воспользуемся терминологией экзистенциальной философии) с проектом самого себя в мире. В вопросах о мотивации рождения ребенка они играют едва ли не важнейшую роль. Это не просто знание о существующем и возможном, транслируемое из каких-то разной степени авторитетности источников, это та субъективная призма, которая детерминирована человеческой способностью и потребностью к самопониманию, к построению собственной идентичности. Так, например, позиция «я — мать» может быть воспринята в биологическом фрейме (я выносила и родила этого ребенка, «плоть от плоти»), в социальном фрейме (я выполняю социальную роль матери: забота, воспитание и т.д. — что-то предполагаемое для данной роли в определенной культуре), в экзистенциальном фрейме (у меня возникает новая экзистенциально переживаемая идентичность — быть матерью). В повседневном дискурсе такие способы фреймирования событийствуют, не разделяются и не рефлексировываются специальным образом. Однако поскольку они связаны с разным восприятием действительности и самого себя, то могут противоречить друг другу и обуславливать внутрилличностные конфликты (например, когда нет привязанности к ребенку, а есть только обязанности, или же, напротив, родитель привязан к ребенку, но по какой-то причине не может выполнять родительскую роль), создавать различные репродуктивные сценарии: «яжемать», «мать», «немать», «небиологическая мать», «чайлдфри», «чайлд-хейт» [Клименко Н.С., 2020, с. 43], а в социальном взаимодействии обнаруживают серьезный конфликтный потенциал.

Категории экзистенциального фреймирования прокреативных практик насыщены аксиологически и разнообразны, поскольку здесь приобщение

к духовному наследию культуры сопряжено с индивидуальным опытом проживания. Интересным и содержательно успешным в осмыслении основных категорий родительского сознания, частично репрезентирующих экзистенциальные фреймы прокреации, представляется исследование Н.Н. Емельянова с соавт. «Семья и деторождение в России. Категории родительского сознания» [Емельянов Н.Н. и др., 2011]. На основе качественного анализа глубинных интервью группа исследователей выделяет категории «ответственность», «своя жизнь» (гл. 1–4) и «опыт детодержания» (гл. 5), аккумулирующие основные экзистенциальные переживания и опыт, связанные с рождением детей.

Категория «своя жизнь» подразумевает потребность в удержании большого спектра альтернатив и возможностей реализации себя в мире. Исследователи отмечают, что такой тип самоопределения характерен для современного состояния общества: ребенок воспринимается как «пауза» в жизни родителя или же его окончательное самоопределение, закрывающее «потенциальное многообразие возможностей» [Емельянов Н.Н. и др., 2011, с. 11–12]. Тенденция эта достаточно широко представлена в современном прокреативном дискурсе, фиксируется исследователями как антинатуралистская и связывается с социокультурными процессами индивидуализации [Van de Kaa D., 1996; Беляева М.А., 2013; Милохова К., 2018]².

Категория ответственности фиксирует важное экзистенциальное переживание, которое в прокреации может иметь различные уровни: «перед самим собой (согласование индивидуального прошлого-настоящего-будущего, ведь настоящее — сфера решений, где человек ответственен за реализацию жизненного сценария и оправдание ожиданий, за возможность использовать шанс); ответственность перед другими (Другой как часть или условие персональной идентичности); ответственность перед миром (перед тем, что есть, перед тем, что было (история), перед тем, что может

быть); ответственность перед Абсолютом (Богом, бытием)» [Сидорова Т.А. и др., 2016, с. 2]. В прокреативном дискурсе, как справедливо полагают Емельянов с соавт., категория ответственности удерживается институционально медициной и образованием.

Еще одним значимым экзистенциальным переживанием является ощущение полноценности/неполноценности в возможности рождения детей. Так, обращение к репродуктивным технологиям зачастую мотивировано именно преодолением ощущения неполноценности [Исупова О.Г. и др., 2014]. Это переживание может быть инструментом репродуктивного насилия — давления со стороны родственников, супругов [Милохова К., 2018].

В *религиозных системах фреймирования* все происходящее понимается как целесообразное и управляемое, но уже не человеческой волей и сознанием, а абсолютной силой, как правило, разумной и реализующей Высшее Благо. Фреймы такого типа связаны со способностью человека к трансцендентному и его стремлением к идеальному. Целесообразность трансцендентного толка трудно постижима рациональным путем, но это не исключает рационального и продуманного отношения воцерковленного человека к рождению и воспитанию детей [Емельянов Н.Н. и др., 2011, с. 32–35]. А абсолютный характер ценностных ориентиров придает устойчивость мировоззрению. Здесь тоже можно говорить о формировании институционального дискурса и его влиянии на повседневный.

В исследовании Н.Н. Емельянова с соавт. была выдвинута и рассмотрена гипотеза о пронатальном смысле православного дискурса. Воцерковленные респонденты гораздо увереннее берут на себя ответственность за рождение и воспитание более чем одного ребенка в современном обществе риска. Осознавая всю сложность современной жизни, они не демонстрируют страха. Ученые небезосновательно предполагают, что это связано со спецификой представлений о человеке, «его пути в мире, о ребенке, о Боге — личностном добре, объемлющем этот мир» [Емельянов Н.Н. и др., 2011, с. 35]. Большое значение придается и примеру других семей из сообщества прихожан.

Мировоззренческие фреймы отношения

Необходимой составляющей прокреативного дискурса являются фреймы отношения: как отно-

² Справедливости ради стоит отметить, что в последнее десятилетие ситуация начинает меняться: многие молодые люди с раннего возраста вводят своих детей в мир собственных интересов и увлечений: нередки путешествия с малышами и даже туристические походы, на многих музыкальных, театральных и спортивных площадках пользуются популярностью программы с возраста «0+», а сайты для мам и пап пестрят советами и предложениями об активном досуге с детьми различных возрастов.

ситься ко всему, что связано с воспроизводством человека именно как человека. Подчеркивая амбивалентный характер репродуктивного поведения человека, М.А. Беляева в исследовании репродуктивной культуры выделяет пронатальную и антинатальную ее подсистемы: «Пронатальная подсистема репродуктивной культуры несет в себе социокультурную регламентацию действий, направленных на рождение детей. Антинатальная — отвечает за противодействие способности продолжения рода с целью поддержания обратимой или необратимой инфертильности» [Беляева М.А., 2013, с. 17]. Прокреацию Беляева связывает исключительно с пронатальной системой. Однако в повседневном дискурсе прокреации пронатальность и антинатальность очевидным образом обнаруживают себя как асимптомы спектра отношения к процессам и событиям. Поэтому в нашем исследовании в качестве базовых систем фреймов отношения выбраны пронатальные и антинатальные: одни и те же знания, ценности, события и процессы получают разную идентификацию в случае пронатального и антинатального отношения. Рассмотрим несколько примеров.

Знание о естественных (природных) рисках процессов вынашивания и рождения ребенка может стать мотивацией для поиска «хорошей клиники», «хорошего врача», альтернативных практик ведения беременности и родовспоможения, а может — основанием для формирования различных страхов, тревог и отказа от рождения ребенка, особенно часто в случае, когда в семье уже есть один ребенок. Много споров в этом отношении вызывают вспомогательные репродуктивные технологии. Суррогатное материнство — показательный пример того, как в различных контекстах эта технология может быть воспринята как пронатальная или антинатальная. Если обращение к суррогатному материнству обусловлено медицинской (природной) невозможностью самостоятельно выносить и родить ребенка, то суррогатное материнство определяется как помощь, т.е. пронатально фреймируется. Если же обращение к технологии имеет своей причиной нежелание, неготовность женщины проходить данный путь самой, а «ребенок нужен», «хочется», то фрейминг ситуации антинатален: можно говорить о расщеплении материнства, ставить вопросы о разрушении ценностных оснований прокреации.

Понимание того, что *ребенок предполагает ответственность*, в случае пронатального отношения связано с готовностью и желанием взять на

себя эту ответственность и обуславливает реализацию культурных практик обеспечения прокреации (поиск и применение авторитетного знания о рождении, вынашивании, уходе и воспитании, аккумуляция необходимых для обеспечения будущего ребенка ресурсов и т.д.). В случае антинатального отношения то же самое чувство ответственности может стать причиной множества легальных и нелегальных практик поддержания инфертильности и основанием для проблематизации репродуктивной автономии, прокреативных предпочтений и т.п.

«Опыт детодержания», который Н.Н. Емельянов с соавт. рассматривают в контексте вопросов формирования мотивации рождения детей, тоже может быть реализован как пронатально (*нас было много в семье, я тоже хочу много детей*), так и антинатально (*нас было много, всем внимания и любви не хватало, не хочу, чтобы мой ребенок был обделен*) [Емельянов Н.Н. и др., 2011, с. 106–128].

Пронатальные и антинатальные системы фреймов имеют сложную и многомерную природу, которая не объясняется только эмоциональным отношением к детям. Кажется парадоксальным, но идея ценности детства, характерная для постфигуративных (по М. Мид) типов культур, часто связана с антинатальными фреймами отношения: если не можешь гарантировать благополучную во всех отношениях жизнь и безопасность ребенка, нужно отказаться от его рождения. В плане выражения в пронатальном фреймировании воспроизводятся такие чувства и переживания, как любовь, забота, умиление, желание *«рождения родного человечка»*, продолжение себя, обретение смысла, в антинатальном озвучивается ощущение ответственности, которую не хотят или не могут на себя брать, страх неведения (*непонятно, как с ним обходиться*), ощущение отказа от себя (*«не смогу делать то, что люблю/хочу»*, *«не успею сделать карьеру»*) или чувство, что *«завести ребенка всегда успеется»*.

Ценностно-нормативные фреймы

Ценностно-нормативный фрейм — это достаточно определенная, но при этом часто нерелексивная оценочная идентификация события, процесса, состояния как нормального — не нормального, хорошего — плохого — нейтрального. Ценностно-нормативные фреймы представляют собой сложную обусловленность социального, экзистенциального и трансцендентного и имеют большое

мировоззренческое значение. Именно поэтому они часто транслируются в институциональном дискурсе, являются объектом для идеологических манипуляций, а также для бурных этических и политических дискуссий.

Отечественный культуролог М.А. Беляева выделяет ряд ценностей репродуктивной культуры, которые обнаруживаются как в повседневном прокреативном дискурсе, так и в институциональных нормах, связанных с регуляцией прокреативного поведения: 1) витальные ценности: жизнь, здоровье, безопасность; 2) социальные: семья, дети, родительство, свобода; 3) духовные: чувство любви, долга, ответственности перед природой, обществом, собой; 4) эстетические: красота, гармония [Беляева М.А., 2013, с. 17]. Обратим внимание на проблематичные в современной культуре ценностно-нормативные фреймы.

Ключевой витальной ценностью является жизнь, которая подразумевается как благо, поэтому ее защита и сохранение признается важнейшей моральной нормой. Однако сегодня все чаще поднимается вопрос о том, безусловное ли это благо и благо ли вообще. Так, например, Р. Вайнберг [Weinberg R., 2016] обосновывает идеи, которые приобретают характер ценностно-нормативных фреймов, входящих в прокреативный дискурс повседневности: решение о рождении ребенка — это всегда конфликт между интересами потенциальных родителей и детей³; если мы не можем гарантировать детям хорошего качества жизни, то стоит ли рожать детей?

Проблематичными сегодня оказываются ценности семьи, родства, родительства и детства, что связывается исследователями с множеством причин: от глобальных социокультурных изменений до «автономизации матримониального, сексуального и прокреативного поведения» [Голод С.И., 2012, с. 30] и появления вспомогательных репродуктивных технологий [Edwards J. et al., 1993; Ткач О.А., 2013; Клименко Н.С., 2020]. Семья и родство становятся сложными социальными конструктами [Ткач О.А., 2013, Тарусина Н.Н., 2020], теряющими свою былую очевидность, обосновывавшую многие повседневные практики. Возникают новые концепты, фиксирующие фрагментацию материнства и отцовства: «дисперсное род-

ство», «генетическая мать», «вынашивающая мать», «кормящая мать», «обобщенная мать» [Ткач О.А., 2013, с. 52–53]⁴. Этот же тренд поддерживает «модификация гендерной культуры» и «популяризация идеи отказа от бинарности восприятия пола в пользу многообразия гендерных форм» в западных обществах [Клименко Н.С., 2020, с. 42].

Анализ материалов исследования позволяет говорить о следующих тенденциях трансформации духовных оснований современной прокреативной сферы: смещение ценностной сферы к вопросам прав и самореализации личности [Van de Kaa D., 1996, p. 425], «деинтимизация и коммерциализация повседневных репродуктивных практик», «доминирование ценностей свободы и безопасности» [Беляева М.А., 2013, с. 11]. В прокреативный дискурс входят специфические термины, отражающие эти изменения: репродуктивное право, прокреативные предпочтения, репродуктивное насилие, репродуктивная автономия, квалифицированный пронатализм. Приоритетными в прокреативной сфере становятся вопросы не духовно-нравственного содержания, а правовые. Можно согласиться с позицией Н.Н. Емельянова с соавт., что среди различных дискурсов, переплавляющихся в дискурсе прокреации, «сегодня, пожалуй, только религиозное сознание способно устойчиво удерживать понятие предельной ценности» [Емельянов Н.Н. и др., 2011, с. 12].

Заключение

Сложный полифоничный характер повседневного прокреативного дискурса обуславливает сложность междисциплинарного диалога, построения прогнозов развития сферы прокреации и управления ее процессами. Попытка структурировать повседневный прокреативный дискурс с удержанием его многомерного и динамичного характера в данной работе осуществлена через выделение базовых мировоззренческих фреймов. Полученная модель достаточно абстрактна, требует уточнения и дальнейшей апробации, но уже имеет эвристический потенциал. Объяснительные системы фреймов (природные, социальные, экзистенци-

³ Под интересами родителей Вайнберг подразумевает возможность свободно принимать решение о возрасте, когда они готовы рожать и воспитывать ребенка, о самостоятельном выборе параметров воспитания (чему и как учить) и пр.

⁴ Следует указать, что исследования О.А. Ткач 2013 г. показали, что в России в первое десятилетие XXI века диверсификация семейных ролей и родственных связей ни в правовом поле, ни в общественном дискурсе нормой не признаются [Ткач О.А., 2013, с. 49]. Исследователь подчеркивает и проблематизирует общественный и институциональный консерватизм России [Ткач О.А., 2013, с. 65].

альные, религиозные) обеспечивают идентификацию любого процесса, события, переживания через отнесение его к каким-либо объяснительным моделям. Системы фреймов отношения (пронатальный и антинатальный) образуют асимптоты спектра отношения к процессам и событиям прокреации. Становится понятным, почему даже при одинаковой идентификации события мы можем обнаружить совершенно различные типы поведения. Выдвинуто предположение, что идея ценности детства, характерная для постфигуративных (по М. Мид) типов культур, часто связана с антинатальными фреймами отношения. Ценностно-нормативные фреймы задают оценочную идентификацию события, процесса, состояния в системе этических категорий и существующих представлений о норме. Здесь особый интерес для нас представляли те категории, которые отражают процессы трансформации ценностно-нормативного комплекса прокреации в современном мире. Сложная сопряженность фреймов индивидуальна и контекстуальна, что порождает бесконечное многообразие самовыражения в сфере прокреации при некоторой общности социокультурных прокреативных практик.

Выражение признательности

Работа проведена при поддержке РФФИ № 20-011-00609 «Прокреация: фундаментальные и прикладные аспекты социокультурных норм — язык междисциплинарного дискурса».

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project № 20-011-00609 «Procreation: fundamental and applied aspects of socio-cultural norms — the language of interdisciplinary discourse».

Список литературы

- Беляева М.А.* Репродуктивная культура: тенденции развития и механизмы трансляции в современном российском обществе: автореф. дис. ... д-ра культурологии. Киров, 2013. 44 с.
- Голод С.И.* Семья: прокреация, гедонизм, гомосексуализм // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15, № 2. С. 20–38.
- Гофман И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: пер. с англ. / под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой; вступ. ст. Г.С. Батыгина. М.: Ин-т социологии РАН, 2003. 752 с.
- Дейк Т.А. ван.* Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8: Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 259–336.
- Емельянов Н.Н., Забаев И.В., Павленко Е.С., Павлюткин И.В.* Семья и деторождение в России. Категории родительского сознания / под ред. М.С. Ковалевой. М.: ПСТГУ, 2011. 222 с.
- Исупова О.Г., Белянин А.В., Гусарева А.А.* ВРТ — современность в помощь традициям // Демоскоп Weekly. 2014. № 615–616. 20 октября – 2 ноября. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0615/demoscope615.pdf> (дата обращения: 21.07.2021).
- Клименко Н.С.* Гендерные интерпретации репродуктивных стратегий в культуре современного российского общества // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. № 3(44). С. 41–45. DOI: <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2020-3-41-45>
- Милохова К.* Живи, чтобы рожать. Четыре истории репродуктивного насилия / Клооп. 2018 6 июня. URL: <https://kloop.kg/blog/2018/06/06/zhivi-chtoby-rozhat-chetyre-istorii-reproduktivnogo-nasiliya/> (дата обращения: 13.06.2021).
- Сидорова Т.А., Сандакова Л.Б., Жичина Е.Ю.* Динамика границ прокреативных норм: из опыта участия в программе ЭКО // Медицинская антропология и биоэтика. 2016. № 1(11). URL: http://www.medanthro.ru/?page_id=2698 (дата обращения: 15.07.2021).
- Тарусина Н.Н.* Семья как общеправовая конструкция // Lex russica (Русский закон). 2020. № 4(161). С. 21–33. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.161.4.021-033>
- Ткач О.А.* «Наполовину родные»? Проблематизация родства и семьи в газетных публикациях о вспомогательных репродуктивных технологиях // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11, № 1. С. 49–68.
- Тубалова И.В.* Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2016. 539 с.
- Тубалова И.В.* Специфика организации дискурсов повседневности // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 4(16). С. 41–52.
- Edwards J., Franklin S., Hirsch E., Price F., Strathern M.* Technologies of Procreation: Kinship in the Age of Assisted Conception. Manchester; N.Y.: Manchester University Press, 1993. 185 p.
- Entman R.* Framing: Toward clarification of a fractured paradigm // Journal of communication. 1993. Vol. 43, iss. 4. P. 51–58. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x>
- Strathern M.* Reproducing the Future. Essays on Anthropology, Kinship and the Assisted Reproductive Technologies. Manchester: Manchester University Press, 1992. 224 p.

Van de Kaa D. The Story and Findings of Half a Century of Research into the Determinants of Fertility // *Population Studies*. 1996. Vol. 50, iss. 3. P. 389–432. DOI: <https://doi.org/10.1080/0032472031000149546>

Weinberg R. *The Risk of a Lifetime: How, When, and Why Procreation may be Permissible*. Oxford: Oxford University Press, 2016. 280 p. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-16999-6_465-1

Получена: 01.08.2021. Принята к публикации: 31.08.2021

References

Belyaeva, M.A. (2013). *Reproduktivnaya kul'tura: tendentsii razvitiya i mekhanizmy translyatsii v sovremennom rossiyskom obshchestve: avtoref. dis ... d-ra kul'turologii* [Reproductive culture: development trends and transmission mechanisms in modern Russian society: Abstract of D.Sc. dissertation]. Kirov, 44 p.

Dijk, T.A. van (1978). [Questions of pragmatics of the text]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 8: Lingvistika teksta* [New in foreign linguistics. Iss. 8: Text linguistics]. Moscow: Progress Publ., pp. 259–336.

Edwards, J., Franklin, S., Hirsch, E., Price, F. and Strathern, M. (1993). *Technologies of procreation: Kinship in the age of assisted conception*. Manchester, New York: Manchester University Press, 185 p.

Emel'yanov, N.N., Zabaev, I.V., Pavlenko, E.S. and Pavlyutkin, I.V. (2011). *Semya i detorozhdenie v Rossii. Kategorii roditel'skogo soznaniya* [Family and childbearing in Russia. Categories of parental consciousness]. Moscow: STOUH Publ., 222 p.

Entman, R. (1993). Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication*. Vol. 43, iss. 4, pp. 51–58. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x>

Goffman, E. (2003). *Analiz freymov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta* [Frame analysis. An essay on the organization of experience]. Moscow: IS RAS Publ., 752 p.

Golod, S.I. (2012). [The family: procreation, hedonism, homosexuality]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 15, no. 2, pp. 20–38.

Isupova, O.G., Belyanin, A.V. and Gusareva, A.A. (2014). [ART — modernity to help traditions]. *Demoskop Weekly*. No. 615–616. Oct. 20 – Nov. 2. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0615/demoscope615.pdf> (accessed 21.07.21).

Klimenko, N.S. (2020). [Gender interpretations of reproductive strategies in the culture of modern Russian society]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Vestnik of Saint Petersburg State University of Culture]. No. 3(44), pp. 41–45. DOI: <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2020-3-41-45>

Milochova, K. (2018). *Zhivi, chtoby rozhat'. Chetyre istorii reproduktivnogo nasiliya* [Live to give birth. Four stories of reproductive abuse]. *Kloop*. Jun. 6. Available at: <https://kloop.kg/blog/2018/06/06/zhivi-chtoby-rozhat-chetyre-istorii-reproduktivnogo-nasiliya/> (accessed 13.06.2021).

Sidorova, T.A., Sandakova, L.B. and Zhichina, E.Yu. (2016). [Dynamics of the boundaries of procreative norms: from the experience of participating in the IVF program]. *Meditinskaya antropologiya i bioetika* [Medical Anthropology and Bioethics]. No. 1(11). Available at: http://www.medanthro.ru/?page_id=2698 (accessed 15.07.2021).

Strathern, M. (1992). *Reproducing the future. Essays on anthropology, kinship and the assisted reproductive technologies*. Manchester: Manchester University Press, 224 p.

Tarusina, N.N. (2020). [Family as a general legal structure]. *Lex russica (Russkiy zakon)* [Lex russica (The Russian Law)]. No. 4(161), pp. 21–33. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.161.4.021-033>

Tkach, O.A. (2013). [«Half-related»? Problematisation of kinship and family in print media discussing assisted reproductive technologies]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 11, no. 1, pp. 49–68.

Tubalova, I.V. (2011). [Official-business discourse as prototext environment of everyday dialectic text]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Philologiya* [Tomsk State University Journal of Philology]. No. 4(16), pp. 41–52.

Tubalova, I.V. (2016). *Polifonicheskiy tekst v ustnykh lichnostno-orientirovannykh diskursakh: dis. ... d-ra filol. nauk* [Polyphonic text in oral personality-oriented discourses: dissertation]. Tomsk, 539 p.

Van de Kaa, D. (1996). The story and findings of half a century of research into the determinants of fertility. *Population Studies*. Vol. 50, iss. 3, pp. 389–432. DOI: <https://doi.org/10.1080/0032472031000149546>

Weinberg, R. (2016). *The risk of a lifetime: How, when, and why procreation may be permissible*. Oxford: Oxford University Press, 280 p. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-16999-6_465-1

Received: 01.08.2021. Accepted: 31.08.2021

Об авторе

Сандакова Людмила Борисовна

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии

Новосибирский государственный
технический университет,
630092, Новосибирск, пр. К. Маркса, 20;
e-mail: l.sandakova@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0823-4157>
ResearcherID: AAP-5834-2021

About the author

Lyudmila B. Sandakova

Candidate of Philosophy, Associate Professor
of the Department of Philosophy

Novosibirsk State Technical University,
20, K. Marx av., Novosibirsk, 630092, Russia;
e-mail: l.sandakova@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0823-4157>
ResearcherID: AAP-5834-2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Сандакова Л.Б. Фреймы повседневного прокреативного дискурса в современной культуре // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 342–351.

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-342-351

For citation:

Sandakova L.B. [Frames of everyday procreative discourse in modern culture]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 3, pp. 342–351 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-342-351

УДК 130.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-352-360

РЕБЕНОК КАК «АРХЕТИП», «ПРОТОТИП» И «ТОЧКА СБОРКИ»*Пономарева Галина Михайловна**Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)*

Новый этап в развитии гуманитарного знания во многом связан с осмыслением последствий «антропологического поворота», начало которого относят к 60-м – 70-м гг. XX в. Многочисленные дискуссии этого периода привели к формированию новых тенденций, связанных со сменой научных парадигм и переходом к постнеклассическому истолкованию «феномена человека». Целью данной статьи является исследование тех возможных теоретико-методологических перспектив, которые открываются перед философской антропологией в результате появления новых экспликационных моделей и новых научных лексиконов. Для реализации данной цели исходной точкой анализа выбран образ Ребенка, аккумулирующий в себе самые существенные черты человека и человеческого и трактуемый метафорически. Ребенок позиционируется как «антропологическая константа», обозначающая способность человека к новаторству и оперированию воображаемыми феноменами, наделяемыми статусом реальных. В качестве «антропологической константы» Ребенок обретает архетипические черты, значимые для понимания природы и смысла любой человеческой деятельности и интерпретации процессов паттернизации человеческих состояний. Развиваемый в статье подход позволяет сделать несколько допущений. Во-первых, Ребенка следует рассматривать в контексте драмы человеческого существования, состоящей в бесконечной изменчивости и принципиальной незавершенности «человеческого проекта». В данном случае на первый план выходит задача исследования не границ человеческого, но определение действительных возможностей человека. Во-вторых, образ Ребенка олицетворяет состояние переходности, случайности. Это требует более широкого использования в рамках современной философской антропологии метода множественных интерпретаций и подходов постфеноменологического толка. В-третьих, образ Ребенка воплощает в себе экзистенциальный конфликт, что дает возможность выявить сложную динамику человеческих состояний и описать их контекстуально.

Ключевые слова: архетип, антропологические конфигурации, архетипическая психология, интерпретация, культурная антропология, прототип, пуэр, феноменология, философская антропология, человеческая ситуация.

**THE CHILD AS AN «ARCHETYPE», «PROTOTYPE»
AND «ASSEMBLAGE POINT»***Galina M. Ponomareva**Lomonosov Moscow State University (Moscow)*

A new stage in the development of the humanities is largely connected with the understanding of the consequences of the «anthropological turn», the beginning of which is attributed to the 1960s-70s. Numerous discussions of this period led to the formation of new trends associated with the change of scientific paradigms and the transition to a post-non-classical interpretation of the «human phenomenon». The purpose of this article is to study the possible theoretical and methodological prospects that open up to philosophical anthropology due to the emergence of new explication models and new scientific lexicons. To achieve this goal, we chose the image of the Child, accumulating the most essential features of a person and a human being and interpreted metaphorically, as the starting point of the analysis. The Child is presented as an «anthropological constant» denoting a person's ability to innovate and operate with imaginary phenomena endowed with the status of real ones. As an «anthropological constant», the Child acquires archetypal features that are significant for understanding the nature and meaning of any human activity and interpreting the processes of patterning human

states. The approach developed in the article allows us to make several assumptions. First, the Child should be considered in the context of the drama of human existence, which consists in the infinite variability and fundamental incompleteness of the «human project». In this case, what comes to the fore is not the task of studying the boundaries of the human but the definition of the actual capabilities of a person. Secondly, the image of the Child embodies a state of transience, randomness. This requires a wider use of the method of multiple interpretations and post-phenomenological approaches within the framework of modern philosophical anthropology. Thirdly, the image of the Child embodies an existential conflict, which makes it possible to identify the complex dynamics of human states and describe them contextually.

Keywords: archetype, anthropological configurations, archetypal psychology, interpretation, cultural anthropology, prototype, puer, phenomenology, philosophical anthropology, human situation.

Хорошо известны слова Джона Брэдшоу, сказанные им после прочтения работ американского психолога и антрополога Ллойда Демоза [Демоз Л., 2000], автора одного из первых фундаментальных исследований культурной истории детства: «...Прежде чем говорить о том, что такое человек, надо уяснить ...ребенок — это прототип нашего времени» [Bradshaw J., 1990, p. 11]. В качестве такого образ Ребенка аккумулирует в себе те взаимодополняющие признаки и свойства, которые в определенном историческом контексте предписываются человеку в силу его «человечности».

Каждая эпоха рождает свою особую модель человека, аккумулируя в ней представления о его природе, сущности, характерных чертах и свойствах. Данная модель определяется экспликационной парадигмой, которая с той или иной мерой полноты репрезентирует картину мира данной эпохи, определяет вектор изучения человека и сумму приписываемых/предписанных ему качеств. В этом плане любая парадигмальная модель человека всегда остается незавершенным проектом, как и сам объект, который она репрезентирует. Сложность выбора методологических оснований парадигмальных моделей человека обуславливает перманентный поиск дополнительных оснований для его понимания. Интерес к генезису человека и человеческого в качестве принципиально незавершаемого проекта заставил многих европейских исследователей, работающих в сфере культурной, исторической, социальной антропологии, в 60-х – 70-х гг. XX в. обратиться к тому, с чего/кого формально начинается человек и в кого он перевоплощается, обретая способность к возрастной трансформации, — к ребенку. При этом ребенок стал активно исследоваться не только в рамках возрастной специфики и поэтапной социализации/ аккультурации, но и как архетип и прототип человека. Этому способствовало несколько факторов, в первую очередь, популярность психоаналитической традиции и появление многочисленных работ по так называемой «пси-

хоистории» и «истории ментальностей» [История ментальностей..., 1996], в которых детство впервые стало рассматриваться как особый культурный феномен с присущими ему свойствами и особенностями.

Как объект научного интереса образ Ребенка стал укореняться в культурно-антропологическом дискурсе с конца 70-х гг. XX в., пространство которого до сих пор медленно расширяется за счет освоения новых типов культурных текстов, новых источников, новых систем интерпретаций, а также за счет формирования новой оптики, позволяющей рассматривать Ребенка в качестве «метافоры человеческого».

Интерпретация Ребенка в качестве образа, метафоры, архетипа и прототипа человеческого давала возможность при решении определенных исследовательских задач оперировать не редуцируемыми далее жизненными ситуациями, задающими человеку модели миро- и самопонимания. Как правило, такие ситуации обозначаются как «антропологические конфигурации» и позволяют диагностировать значимые подвижки в сфере человеческого: Ребенок рассуждает, чувствует и выражает себя одновременно и «так» и «не так», как это делают представители других возрастных поколений. В данном контексте Ребенок часто обозначается как «трансгрессивная фигура» или как «фигура медиативного перехода».

Кроме того, метафоризация фигуры Ребенка, часто встречающаяся в работах представителей современной философской и культурной антропологии, позволяет иметь в виду когерентное целое ментальных элементов, которое интерпретируется как универсальное основание феномена человеческого, дающее возможность понять, что означает «быть человеком», и исследовать различные способы такого бытия.

Метафоризация фигуры Ребенка в философской антропологии помогает, таким образом, придавать смысловую ценность антропологическим конфигурациям и интерпретировать каче-

ства Ребенка как сущностные качества человека. Неслучайно на первое место в данном случае выдвигается такое свойство человеческой природы, как воображение.

Воображение, фантазия вменены Ребенку как один из признаков сугубо человеческого с момента рождения. Без них невозможна основная деятельность Ребенка, определяющая первоначальный смысл его присутствия в мире, — игра как творческое трансформационное преобразование мира и условие саморазвития. Фантазия в форме первичной витальной активности сознания разворачивается как непрерывный творческий процесс, чередой креативных актов. Оперирование ее образами Дж. Сантаяна назвал «животной верой», которая сопряжена с оперированием воображаемыми феноменами на основе инстинктивной убежденности человека в реальности происходящего, в реальности того, с чем он имеет дело, а также в реальной ценности приобретаемого им опыта.

Как отмечает Джеймс Хиллман, «...воображающая деятельность творит... реальность в тех формах и понятиях, в которых мы фактически постигаем мир, формулируем его и с которым взаимодействуем, фантазия является свидетельством негэнтропической активности сознания» [Хиллман Дж., 1996, с. 25].

В данном контексте архетип Ребенка рассматривается в качестве «антропологической константы» (термин М. Фуко). Под ней подразумевается спонтанная способность человека к творчеству и новаторству, способность создания и перманентного манипулирования воображаемой реальностью.

Как антропологическая константа архетип Ребенка аккумулирует качества, значимые для понимания природы и смысла любой формы творчества: эмотивность, аффективность, предельное выражение субъективности, транзитивность, игнорирование задаваемых правил, внеинституциональность, широкое использование игровых кодов и хронотопического моделирования.

Можно отметить еще три особенности данного архетипа, значимые для понимания прототипических оснований феномена человеческой креативности: тесное сопряжение с «принципом параллелизма» [Якобсон Р., 1996], культурный априоризм, оперирование различными режимами и регистрами творческих актов без их иерархизации.

Использование экспликационных возможностей архетипа Ребенка в качестве антропологической константы позволяет рассматривать, напри-

мер, искусство вне связи с отражением действительности, но исключительно в сопряжении с попытками решения значимых проблем человеческого существования. Архетип Ребенка вносит сложную композиционность туда, где первоначально распознается лишь простота и связанность, что обеспечивает возможность показать реальность как неоднозначное, многомерное, существующее во множестве взаимодополняющих картин мира явление.

Кроме того, данный архетип помогает воспринимать любые культурные практики с позиции «мудрой неуверенности» (теория Ж. Батая), демонстрируя, что человек всегда находится внутри смысловых координат, которые сам создает и использует в первую очередь для того, чтобы понять и исследовать те вопросы, которые только он сам способен задать миру и самому себе.

Таким образом, использование архетипа Ребенка в философско-антропологических контекстах сопряжено с интерпретацией феномена человеческого в первую очередь как креативного начала, присутствие которого в бытии создает возможность перманентной реструктуризации и преобразования последнего. В данном случае архетип Ребенка истолковывается в координатах «порядка», «значения» и «целеполагания», что позволяет трактовать человеческое как принципиально имеющее смысл и обеспечивающее «смысловую сетку» (термин М. Фуко) расположения антропологических конфигураций внутри определенной картины мира.

Корни интерпретации Ребенка в качестве «архетипа» и «прототипа», несомненно, определяют юнгианской традицией, в которой образ Ребенка тесно связан с образом «вечной юности» (юнгианский Пуэр), с «утром мира» [Юнг К.-Г., 1991, 1995]. В данном случае образ Ребенка как бы предшествует образу человека, прототипичен ему. Не образ Человека, но образ Ребенка как «потенциального человека» значит в данном дискурсе гораздо больше для понимания сущности человеческого, чем любой иной образ или архетип.

Использование «прототипических смыслов» образа Ребенка в философско-антропологическом дискурсе подчеркивает принципиальную незавершенность человека, его непредсказуемость, неоформленность, открытость, «процессуальность» и случайность.

Присутствие Ребенка в мире случайно именно вследствие его незавершенности. Принятие такой

трактовки Ребенка как прототипа человеческого в философской антропологии позволяет исследователю сосредоточиться не на том, *что* он видит и пытается объяснить в человеке, но на том, *как* он это делает и *как* он интерпретирует саму возможность человеческого. Данный подход способствует уходу от панлогизма и панрационализма в понимании человека и сосредоточиться на более продуктивном допущении, согласно которому в Ребенке «...не воображение пребывает в разуме, а разум в воображении. Воспринимаемое умом (ноэтическое) и воображаемое (имагинальное) утрачивают свое противостояние» [Хиллман Дж., 1996, с. 64].

Опираясь на указанное допущение, Джеймс Хиллман и Жильбер Дюран рассматривают внутреннюю структуру образного как возможную основу «психологического значения всего сознания» [Хиллман Дж., 1996, с. 68]. В этом смысле образ Ребенка в качестве прототипа человеческого позволяет построить иную, чем в философской антропологии классического типа, модель сознания и выявить иные доминанты его генезиса.

Ребенок, воспринимаемый как прототип человека, вписывается в структуры бытия и обретает ценность как тот, посредством кого осуществляется *предугадывание* реальности человеческого. «Ребенок-прототип» означает присутствие человеческого в мире и устанавливает с миром не рационально выверенные, но «художественные», имажинативные, аффективные взаимоотношения.

Пребывая в мире как «потенция человеческого», Ребенок заключает в себе особую темпоральность: он не пребывает в настоящем, но олицетворяет собой «прогностическое предчувствие будущего». Его бытие не есть «бытие-к-смерти», так как он ничего не знает о ней, не связан с ней, не предугадывает ее и не существует в страхе от ее постоянного присутствия рядом. Поэтому «Ребенок-прототип» олицетворяет своеобразный «исторический оптимизм», веру в будущее, не только в возможность своего собственного присутствия в нем, но и в свою способность влиять на течение времени, управлять им, приближая будущее и определяя его.

Такая интерпретация обеспечивает не только пресловутый «прогрессизм». Она маркирует интересную смысловую аберрацию, характерную в определенной мере для западноевропейского культурного самосознания: за прошлое и настоящее всегда отвечает генерация взрослых, будущее же всегда принадлежит молодым. Настоящее

оценивается молодыми как то, что требует преодоления, преобразования, переделки «под себя». В данном случае антропологические конфигурации, связанные с настоящим, воспринимаются как «проходные», «переходные», требующие не сохранения и кодирования в традиции, но бесконечной трансформации посредством деструкции. При этом внутренняя трансформация как необходимое условие трансформации внешнего не включается в перечень необходимых антропологических конфигураций.

На обратную сторону данного феномена обратил внимание Дж. Хиллман. С его точки зрения, при рассмотрении прототипических оснований антропологических конфигураций, в том числе определяющих темпоральное позиционирование человека и образ времени в качестве структурного элемента картины мира, следует иметь в виду, что «...воображение настолько тесно связано (как психологически, так и онтологически) со временем, что реальная работа с образом (мира и человека. — Г.П.) не только расходует душевное время... и превращает временные события в события душевные, но и воспроизводит время в душе» [Хиллман Дж., 1996, с. 72].

Поэтому «Ребенок-прототип» должен, как это ни парадоксально, быть тесно связан не только и не столько с будущим, сколько с прошлым: человечность Ребенка определяется в данном случае его памятью, сопряженностью с *уже* ставшим, иным и другим для него. Память структурирует неосознаваемые и бессознательные процессы, обеспечивая целостность и аутентичность Ребенка как прототипа Человека.

Воображение Ребенка и его игра с имажинативными образами дают толчок формированию прототипических антропологических конфигураций, связанных с феноменами «психопоэзиса» и «онтопоэзиса».

Психопоэзис — прототипическая способность человека создавать с помощью воображения многочисленные миры, наделять их статусом «реальности» и действовать в соответствии с этим присвоенным статусом. Психопоэзис выступает своеобразным способом позиционирования человека в мире с учетом особенностей его психической жизни. Он обеспечивает интуитивно полагаемую «точку центрации», «точку сборки» картины мира с означенным в ней местом человека и приписываемыми ему качествами. Благодаря воображению человек создает мир так, как художник творит картину. Особенности этого процесса

и его последствия для философской антропологии хорошо описаны Мартином Хайдеггером [Хайдеггер М., 1993].

Под онтопоэзисом понимается развертывание человеческой сущности от простейших форм через имагнитивную «виртуальность» к творческой самоиндивидуализации. Человек в данном случае интерпретируется как результат «разворачивающегося Логоса природы в человеческое состояние жизни» [Tumieniecka A.-T., 1990, p. 23]. Последнее выступает как совокупность постоянно изменяющихся действий, мыслительных процедур, индивидуальных поведенческих актов. Онтопоэзис позволяет рассматривать сферу человеческого расширительно — как результат эволюции жизни, в процессе которой постоянно возникают новые человеческие свойства, качества и смыслы. Доминанта человеческого в данном случае полагается в глубинах функционирования самой жизни.

Как отмечает А.-Т. Тименецки: «Мы можем определить человеческое состояние как человеческую ступень жизненного динамического непрерывного потока. Лишь один человек изобретает рациональные способы относительной стабильности, которые позволяют ему дальше продвигаться в потоке жизни. Человеческое состояние ставит человека в особую ситуацию относительно пространства жизни. На человека возлагается уникальная ответственность по отношению ко всему живому. Поток жизни... и все энтелехии мира культуры, полного конфликтов и дисгармоний, обнаруживают... свою точку сборки в человеке» [Tumieniecka A.-T., 1990, p. 107].

В этом контексте значимость образа Ребенка определяется тем, что с его помощью создаются «версии жизни», разворачивается многообразие жизненных стратегий [Tumieniecka A.-T., 1990, p. 9], закладывается «внутренняя и внешняя центрация жизни» [Tumieniecka A.-T., 1990, p. 41].

Концептуализация человеческой жизни в качестве особого «человеческого состояния» позволяет понять, каким образом Ребенок, интерпретируемый как «точка сборки», создает свой особый хронотоп и с его помощью укореняется в том образе мира, который он сам произвел. Для сохранения своего человеческого состояния он обретает «человеческое время» и «человеческий локус» — пересечение множества экзистенциальных пространств и витальных перспектив.

Время Ребенка, пространство Ребенка, его деятельность и память — «продукты» и «производные» онтопоэзиса, где все, с чем соприкасается

Ребенок, обретает определенный смысл и индивидуализируется: происходит высвобождение событий, наделение их значимым статусом, их погружение в неповторимый имагнитивный контекст данной личности.

Становясь «точкой сборки», в которой фокусируется жизненный мир личности, множество человеческих состояний, Ребенок перемещается в иную, чем прежде, сеть антропологических конфигураций, научается иметь дело с иными, чем прежде, Schemata (термин Аби Варбурга) [Варбург А., 2008]. Главными вопросами для него становятся вопросы: «Что это значит *именно для меня?* Что затрагивает в *моей* душе данное событие, данная вещь, данный момент времени? Какое отношение то, что я творю, познаю или наблюдаю, имеет *лично ко мне*, к *моему* существованию, к *моему* воплощению в жизни?».

В антропологических конфигурациях начинают преобладать проблемы смысловой направленности человеческого бытия, реализуемого в совокупности множества человеческих состояний. Бытие человека «пересобирается», переосмысливается на основе *самостояния*, *самопознания*, *самоактуализации*. Человек меняет свой воображаемый локус существования, окончательно становясь «точкой отсчета» не только для себя самого, но и для всего остального. Он аккумулирует в себе множество голосов, лиц, феноменов, экзистенций, событий. Их субординация и структуризация образуют новую, более сложную сеть антропологических конфигураций, в которой формируются и проявляются новые феномены человеческого.

Как своеобразная «точка сборки» Ребенок обретает химеричность, о которой много писали Ж. Делез [Делез Ж., 2011] и Х. Арендт [Арендт Х., 2013]. Для Х. Арендт, например, человек выступает как полиморфное, многообразное существо, пребывающее в постоянном становлении. Воплощаясь в архетипе Ребенка, он «сущностно множественен», но одновременно и «прототипичен» вследствие своей недооформленности, потенциальности, случайности. Поэтому «...наиболее точная модель человеческого существования должна учитывать присущее этому существованию *разнообразие* как среди индивидов, так и в каждом индивиде» [Арендт Х., 2013, с. 88].

Полагание Ребенка в качестве «архетипа» и «прототипа» и «точки сборки» человеческого позволяет не только создать такую модель, но и

приблизительно определить основные структуры и значения такого разнообразия.

Предварительно можно выделить несколько параметров, делающих образ Ребенка операциональным при исследовании человека в качестве «незавершенной модели» или «незавершенного проекта».

Образ Ребенка воплощает в себе драму человеческого существования, состоящую в непрекращающемся индивидуальном поиске все новых и новых идентичностей, все новых и новых человеческих состояний. Основная проблема здесь связана не с установлением границ человеческого, но с определением *действительных* возможностей человека.

Образ Ребенка олицетворяет состояние случайности, переходности, потенциальности. В нем воплощается проблема принципиальной незавершенности человеческих состояний и человеческого существа, для осознания и интерпретации которой лучше всего подходит язык метафор, но не стратегия поиска строгих дефиниций. С этим связаны не только трудности развития современной философской антропологии, но и проблемы конвертации дискурсивных практик в сфере антропологического знания.

Образ Ребенка олицетворяет собой разноуровневый и разноплановый экзистенциальный конфликт. В момент разрешения конфликта человек способен «внезапно увидеть» не только свои бессознательные импульсы, свою истинную сущность, но и свою химеричность, амбивалентность, глубинную противоречивость. Изучение таких человеческих состояний позволяет выявить сложную динамику сознательного и бессознательного, намеренного и непроизвольного, имплицитного и эксплицитного, рационального и интуитивного, культурного и природного.

Ребенок нем. Он погружен в пространство молчания и лишен возможности свидетельствовать о себе с помощью языка. В этом плане он «еще не человек», но уже существует как открытый и потенциально готовый к воплощению феномен человеческого. Вот почему интерпретация Ребенка в качестве архетипа и прототипа дает возможность лучше понять значение бессознательного, воображения, игры в становлении и развертывании антропологических конфигураций. По словам Э. Эриксона, Ребенок лишен инструмента освоения реальности, каким является речь, но он обладает большим — своей человечностью [Эриксон Э., 2019].

Речевые практики позволяют человеку не только осваивать, «обговаривать» мир, но и вырабатывать *правила* этого «обговаривания», правила самой речи, а значит, соответствующие мыслительные конструкции. Однако Ребенок не обладает речью именно в этом смысле. Он нем как животное и еще сохраняет способность выходить за пределы языка. В этом плане он олицетворяет собой то, что еще не нормировано, не оформлено социально или культурно: он сохраняет способность к спонтанному творчеству вне всяких правил как изначальному признаку человеческого.

Указанная способность обуславливает повышенное внимание к так называемому «искусству открытия» — человеческому состоянию непрекращающегося взаимодействия с миром, в том числе с помощью аффектации.

Таким образом, использование архетипа Ребенка в философско-антропологических исследованиях дает перспективу достаточно интересных подходов к случайной реальности человеческого.

В этом случае одним из следствий становится допущение, позволяющее интерпретировать Ребенка как носителя возможности лучшей реальности и связывать с ним соответствующие антропологические конфигурации утопического и прогностического толка. Другое допущение дает возможность связывать образ Ребенка с переходом от природного к культурному и обратно. В этом случае архетип Ребенка служит способом «переживать» культуру как природу и/или как человеческое бессознательное и истолковывать самого Ребенка как «просвет» между человеческим и нечеловеческим.

Олицетворяя случайность человеческого, Ребенок являет собой «точку встречи» внешней причинности и внутренней целеустремленности к воплощению: от случайного — через становящееся — к ставшему. На этом пути, строго говоря, Ребенку нет необходимости давать ответы и предлагать решения. Он *ставит вопросы* (в игре, в воображении, в спонтанном творчестве), которые вовсе не обязательно имеют ответы или знать ответы на которые, возможно, даже нежелательно. Архетип Ребенка в пространстве философско-антропологического дискурса олицетворяет собой в данном случае возможность рассмотрения человеческого опыта и опыта человеческого под самыми различными углами зрения, правильными и неправильными, логичными и алогичными, рациональными и интуитивными. Опыт ошибок, заблуждений, самообольщений, сомнений, смеще-

ний и смещений обнаруживает горизонт возможного воплощения Человека, определяя, на что он претендует, кем он пытается стать, неустанно экспериментируя с множеством доступных ему образов, феноменов и моделей.

Именно многозначность и интерпретативный потенциал образа Ребенка способствовали обращению к нему в рамках философско-антропологической проблематики. Однако можно указать и на иные факторы использования образа Ребенка в философско-антропологическом дискурсе.

Вторая половина XX в., которой был присущ так называемый «антропологический поворот», с одной стороны, характеризовалась кардинальными изменениями в условиях и образе жизни людей, утверждением социального эталона ювенальности в качестве культурного идеала и образца, существенным увеличением периода детства и молодости, что привело к пересмотру содержательной стороны ролевого и сценарного репертуара соответствующих возрастных генераций. Одновременно возросли требования, предъявляемые обществом к научному обоснованию и проверке результатов применения различных экспликационных гипотез в сфере философской, социальной и культурной антропологии.

С другой стороны, наблюдалась дальнейшая дифференциация подходов к исследованию человека и формирование плюралистического контекста, в рамках которого стало возможным выбирать различные взаимодополняющие способы моделирования человека и его свойств, ориентируясь на те или иные теоретические доминанты и признанные доминантными в данный момент времени антропологические конфигурации.

Одновременно в философской и культурной антропологии происходило нарастание интегративных тенденций, направленных на создание моделей, объединяющих различные модальности креативных экспрессий индивида, связанных с новативностью и неофилией человека, что стало аккумулироваться в первую очередь в образе Ребенка, и появились многочисленные исследования истории детства.

Кроме того, в изучении человека усиливалась мультидисциплинарность за счет конвертации идей и представлений из области современной философии, социологии, лингвистики, культурологии, биологии, психологии, истории, антропологии. Это позволило интерпретировать образ Ребенка в качестве «прототипического основания» человеческого.

Выбор образа Ребенка в качестве концептуального базиса объяснительных моделей в сфере человекознания был также связан с тем, что ювенальность стала рассматриваться как чрезвычайно значимый, относительно самостоятельный социокультурный феномен, сопряженный с особенностями формирования в человеке сугубо человеческих качеств.

Ребенок трактуется в данном случае не как конкретный индивид, но как «*особое состояние*» человеческого существа, способное изменяться в зависимости от средового контекста, но сохраняющее в себе при этом устойчивые, неизменные признаки и свойства человеческого.

Таким образом, выбор образа Ребенка в качестве экспликационной модели позволяет применять в рамках философско-антропологических исследований множественную интерпретативную стратегию.

Востребованность в философской антропологии образа Ребенка и его истолкование в качестве «архетипа», «прототипа» и «точки сборки» Человека обеспечило появление достаточно интересных результатов уже в конце 80-х гг. XX в.

Если сравнительно недавно в философско-антропологических исследованиях Ребенок рассматривался скорее как асоциальное существо, содержащее в себе протокультурные потенции, то в эпоху постмодерна его образ становится иным: к самой культуре постмодернизм относится как к изначально данной человеку природе — в этом случае детство как «начало человека» уже являет собой культурную ценность.

Данная установка отражает возможность использования образа Ребенка для исследования aberrаций эмоциональных состояний современного человека (концепции «шизоидальности» Ж. Делеза, «безумия» М. Фуко, «аутистичности» Ж. Батая, «химеричности» Х. Арендт) [Фуко М., 1994; Батай Ж., 1997; Делез Ж., 2011; Арендт Х., 2013], а также для понимания личных стратегий коммуникации и личных форм невербальной экспрессии в процессе аккумуляции.

В указанном контексте химеричность Ребенка позволяет трактовать его как «точку сборки» «своего» — «чужого» — «другого» — «иного». Кроме того, такая интерпретация образа Ребенка дает возможность рассматривать антропологические конфигурации в координатах жизненного мира, в процессе складывания их новой организации и паттернирования. Ребенок в данном случае воплощает социальные стратегии очеловечивания, связанные с феноменами так называемого «бес-

предпосылочного поведения» и «спонтанных поведенческих актов».

Таким образом, истолкование образа Ребенка в качестве «архетипа», «прототипа» и «точки сборки» в рамках философской и культурной антропологии позволяет поставить вопрос о взаимодополнительности дискурсивных моделей, развиваемых в их рамках, и о необходимости формирования новых концептов, сопряженных с попытками на современном уровне понять феномен человека и человеческого.

Список литературы

- Арендт Х.* Жизнь ума / пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Наука, 2013. 517 с.
- Батай Ж.* Внутренний опыт. СПб.: Аxiома/Мифрил, 1997. 336 с.
- Варбург А.* Великое переселение образов. Исследование по истории и психологии возрождения античности. СПб.: Азбука-классика, 2008. 382 с.
- Делез Ж.* Логика смысла. М.: Академ. проект, 2011. 472 с.
- Демоз Л.* Психоистория. Ростов н/Д.: Феникс, 2000. 510 с.
- История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах / сост. Е.М. Михина. М.: РГГУ, 1996. 255 с.*
- Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-cad, 1994. 408 с.
- Хайдеггер М.* Время и бытие. Статьи и выступления / сост., пер., вступ. ст. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. 447 с.
- Хиллман Дж.* Архетипическая психология / пер. с англ. Ю.М. Донца, В.В. Зеленского. СПб.: Б.С.К., 1996. 157 с.
- Эриксон Э.* Детство и общество. СПб.: Питер, 2019. 448 с.
- Юнг К.-Г.* Архетип и символ / пер. с нем. М.: Ренессанс, 1991. 300 с.
- Юнг К.-Г.* Конфликты детской души / пер. с нем.. М.: Канон+, 1995. 336 с.
- Якобсон Р.* Язык и бессознательное / пер. с англ., фр. К. Голубович и др. М.: Гнозис, 1996. 248 с.
- Bradshaw J.* Homecoming: reclaiming and championing your inner child. N.Y.: Bantam Books, 1990. 288 p.
- Tymieniecka A.-T.* Introduction to Phenomenology of Life and the Human Condition. Logos and Life: Passions of the Soul and Elements in the Onto-Poiesis of Culture. Book 3. Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers, 1990. 141 p.

Получена: 01.08.2021. Принята к публикации: 31.08.2021

References

- Arendt, H. (2013). *Zhizn' uma* [The life of the mind]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 517 p.
- Bataille, G. (1997). *Vnutrenniy opyt* [Inner experience]. Saint Petersburg: Axioma/Mifril Publ., Mifril Publ., 336 p.
- Bradshaw, J. (1990). Homecoming: reclaiming and championing your inner child. New York: Bantam Books Publ., 288 p.
- Deleuze, G. (2011). *Logika smysla* [The logic of meaning]. Moscow: Akademichedkiy Proekt Publ., 472 p.
- Erikson, E. (2019). *Detstvo i obschestvo* [Childhood and society]. Saint Petersburg: Piter Publ., 448 p.
- Foucault, M. (1994). *Slova i veschi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [The order of things: an archaeology of the human sciences]. Saint Petersburg: A-Cad Publ., 408 p.
- Heidegger, M. (1993). *Vremya i bytie. Stat'i i vystupleniya* [Time and being. Articles and speeches]. Moscow: Pespública Publ., 447 p.
- Hillman, J. (1996). *Arkhetipicheskaya psikhologiya* [Archetypal psychology]. Saint Petersburg: B.S.K. Publ., 157 p.
- Jakobson, R. (1996). *Yazyk i bessoznatel'noe* [Language and the unconscious]. Moscow: Gnozis Publ., 248 p.
- Jung, K.-G. (1991). *Arkhetip i simbol* [Archetype and symbol]. Moscow: Renessans Publ., 300 p.
- Jung, K.-G. (1995). *Konflikty detskoy dushi* [Conflicts of the child's soul]. Moscow: Kanon+ Publ., 336 p.
- Mause, L. de (2000). *Psikhoistoriya* [Psychohistory]. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 510 p.
- Mikhina, E.V. (comp.) (1996). *Istoriya mental'nostey, istoricheskaya antropologiya. Zarubezhnyye issledovaniya v obzorakh i referatakh* [The history of mentalities, historical anthropology. Foreign research in reviews and abstracts]. Moscow: RSHU Publ., 255 p.
- Tymieniecka, A.T. (1990). *Introduction to phenomenology of life and the human condition. Logos and life: passions of the soul and elements in the onto-poiesis of culture. Book 3.* Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publ., 141 p.
- Warburg A. (2008). *Velikoe pereselenie obrazov. Issledovanie po istorii i psikhologii vrozhdeniya antichnosti* [The great migration of images. A study on the history and psychology of the Renaissance of Antiquity]. Saint Petersburg: Azbuka-Klassika Publ., 382 p.

Received: 01.08.2021. Accepted: 31.08.2021

Об авторе

Пономарева Галина Михайловна

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философской антропологии

Московский государственный университет

им. М.В. Ломоносова,

119991, Москва, Ломоносовский пр., 27/4;

e-mail: forever31@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8420-4988>

About the author

Galina M. Ponomareva

Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department
of Philosophical Anthropology

Lomonosov Moscow State University,

27/4, Lomonosovsky av., Moscow, 119991, Russia;

e-mail: forever31@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8420-4988>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Пономарева Г.М. Ребенок как «архетип», «прототип» и «точка сборки» // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 352–360. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-352-360

For citation:

Ponomareva G.M. [The child as an «archetype», «prototype» and «assemblage point»]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 3, pp. 352–360 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-352-360

УДК 130.3+314

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-361-369

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОКРЕАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РУТИНИЗАЦИИ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Русанова Нина Евгеньевна

Институт социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук (Москва)

Исупова Ольга Генриховна

Национальный исследовательский университет «Высшая Школа Экономики» (Москва)

Анализ первых результатов, полученных в ходе обработки 106 анкет, заполненных во время электронного опроса студентов и аспирантов московского и новосибирского вузов в апреле–мае 2021 г., показал, что 74,7 % респондентов, среди которых 67,9 % в возрасте 18–20 лет, $\frac{2}{3}$ — девушки, $\frac{3}{4}$ проживает в городах, 92,9 % не состоит в браке, хотя и имеет детей, причем каждый пятый — троих. 91,8 % опрошенных считает, что их индивидуальное здоровье не помешает реализовать эти планы, а вспомогательные репродуктивные технологии они рассматривают как «шанс для людей, которые не способны естественным путем завести ребенка, стать родителями». Осведомленность о конкретных программах ВРТ разная: 81,2 % знает о суррогатном материнстве, 75,3 % — о донорстве спермы, но лишь 55,3 % — о донорстве яйцеклеток, 51,8 % — о криоконсервации репродуктивного материала, 49,4 % — об ИКСИ и только 31,8 % — о давно применяемой искусственной инсеминации, а 28,2 % — об относительно новом донорстве эмбрионов. Для большинства это «абстрактное» знание, т.к. $\frac{3}{4}$ опрошенных не имеет среди своих родных и знакомых реальных примеров обращения к вспомогательной репродукции, но 56,5 % респондентов готовы сами использовать экстракорпоральное оплодотворение, если естественная беременность и роды окажутся противопоказанными или физически невозможными; от более «морально сложных» программ, связанных с репродуктивным донорством и суррогатным материнством, отказываются $\frac{2}{3}$ опрошенных. Это позволяет говорить о новых социокультурных прокреативных нормах, обусловленных принципиальной возможностью медиализации репродуктивных процессов, но ставит процедуры зачатия и вынашивания плода в зависимость от организационных ресурсов и устойчивости системы общественного здравоохранения.

Ключевые слова: прокреация, вспомогательные репродуктивные технологии, экстракорпоральное оплодотворение, демографический переход, социокультурные нормы, морально-этические барьеры.

SOCIODEMOGRAPHIC FEATURES OF PROCREATIVE BEHAVIOR IN THE ROUTINE USE OF ASSISTED REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES

Nina E. Rusanova

Institute of Social and Economic Problems of Population of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Olga G. Isupova

National Research University Higher School of Economics (Moscow)

The article describes the first results of an electronic survey of Moscow and Novosibirsk university students and postgraduates in April–May 2021. The analysis of 106 questionnaires showed that 74.7 % of the respondents (among whom 67.9 % are aged from 18 to 20 years, $\frac{2}{3}$ are female, $\frac{3}{4}$ live in cities, 92.9 % are not married) want to have children, and every fifth of them — three ones. 91.8 % of the respondents believe that their individual health will not prevent them from implementing these plans, and they consider assisted reproductive technologies to be «a chance for people who are not able to have a child naturally to become parents». Aware-

ness of specific ART programs varies: 81.2 % know about surrogacy, 75.3 % — about sperm donation, but only 55.3 % — about egg donation, 51.8 % — about cryopreservation of reproductive material, 49.4 % — about ICSI, while only 31.8 % — about long-used artificial insemination and 28.2 % — about the relatively new technology of embryo donation. For the majority of the respondents this is «abstract» knowledge since $\frac{3}{4}$ of them have not heard of real cases of applying assisted reproduction among their relatives and acquaintances. 56.5 % of the respondents are ready to use in vitro fertilization themselves if natural pregnancy and childbirth turn out to be contraindicated or physically impossible. However, $\frac{2}{3}$ of the respondents deny the possibility of using more «morally complex» programs related to reproductive donation and surrogacy. These results allow us to speak of new sociocultural procreative norms due to the fundamental possibility of medicalization of reproductive processes. However, this makes the conception and gestation procedures dependent on organizational resources and the stability of the public health system.

Keywords: procreation, assisted reproductive technologies, in vitro fertilization, demographic transition, sociocultural norms, moral and ethical barriers.

Введение

Вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ), основанные на экстракорпоральном оплодотворении (ЭКО), сегодня признаны почти во всем мире в качестве инструмента регулирования рождаемости, позволяющего не только нивелировать общественные последствия инфертильности (физиологического бесплодия) и субфертильности (ограниченных физиологических возможностей деторождения, не связанных с нарушениями репродуктивной функции), но и сформировать индивидуальный календарь рождений и расширить репродуктивные возможности демографического развития. Только с созданием ВРТ появился шанс осуществить полное влияние на способность человека к воспроизводству — от ограничения ее через контрацепцию и аборты до расширения за счет инновационных методов альтернативного зачатия. В отличие от многих отраслей здравоохранения, где возрастные границы определяются весьма расплывчато, в репродуктологии эти параметры очень четкие, поскольку привязаны к биологическим характеристикам человека: с 35 лет наступает так называемый «старший репродуктивный возраст», а возраст 15–34 лет считается «репродуктивной молодостью», которая не только занимает большую часть репродуктивного возраста человека (15–49 лет), но и несет на себе основную функциональную нагрузку, потому что именно в этот период происходит большинство деторождений. Специфической проблемой исследования этих вопросов является их «гендерный дисбаланс», связанный с тем, что репродуктивные проблемы традиционно считались проблемами женщин.

Начавшись как единичные клинические случаи, ВРТ за четыре десятилетия стали распространенными общедоступными рутинными прак-

тиками, применяемыми как при репродуктивных нарушениях различного генеза, так и при выборе числа и времени рождений репродуктивно здоровым населением. Реакцией на такие изменения явилась модификация репродуктивного (прокреативного) поведения, диапазон которого расширился от абсолютной антинатальности («чайлдфри», т.е. добровольной бездетности) до абсолютной пронатальности (деторождения «безусловного», не ограниченного никакими физиологическими или социальными нормами). Специфика репродуктивного поведения в процессе второго демографического перехода обусловила диверсификацию смыслов деторождения, в результате чего в дальнейшем произошел консервативный поворот общественного сознания, связанный с сомнениями в оправданности существования многих из этих смыслов. Это привело к необходимости анализа социально-демографических особенностей прокреации на разных этапах: от формирования репродуктивных установок до рождения последнего ребенка.

Актуальность проблемы

Современный этап развития населения в большинстве стран характеризуется индивидуализацией демографического поведения, допускающей, кроме прочего, не просто планирование деторождения, но и откладывание его часто на неопределенный срок, вплоть до полного отказа от репродукции. Это происходит на фоне физиологического возрастного снижения индивидуальной фертильности, что обуславливает рост общественной потребности в ВРТ, насчитывающих более 10 методов, среди которых наиболее популярны ЭКО, ИКСИ (при мужском бесплодии), суррогатное материнство (далее — СМ), ПГД (преимплантационная диагностика генетических заболеваний), использование мужских и женских

донорских половых клеток, криоконсервация (замораживание эмбрионов и половых клеток). В России уже к 1990-м гг. потребность в ВРТ стала очевидной, поскольку для преодоления начавшейся депопуляции потребовались все резервы воспроизводства населения. В XXI в. ВРТ из лабораторной инновации стали обычной, рутинной,

процедурой, применяемой при проблемах с зачатием, о чем свидетельствует и рост числа новорожденных, появившихся на свет с помощью ВРТ, и расширение масштабов процедур, основанных на ЭКО, и увеличение количества специализированных репродуктивных клиник, и размещение их по территории (таблица).

Некоторые показатели развития ВРТ в России в 1995–2018 гг.

Some indicators of ART development in Russia in 1995–2018

Показатель	1995 г.	2018 г.
Число клиник, применяющих ВРТ	12	230
Количество циклов ВРТ	3690	158 815
Число циклов ВРТ/1 млн населения	24,9	1082

Рассчитано по: [Национальные регистры ВРТ...].

Хотя в России в результате применения ВРТ, по официальным данным, рождается пока не более 2 % детей в год (в лидирующих Дании, Бельгии, Словении — 6 %), общая динамика позитивна: за 1995–2018 гг. на свет появилось около 300 тыс. новорожденных. Такой впечатляющий рост не снижает остроты дискуссий о принципиальной допустимости программ вспомогательной репродукции для населения, в которые помимо медиков и биологов вовлекаются представители все большего числа наук — от теоретической философии до практического маркетинга. Прочное место ВРТ в повседневной жизни населения признано даже медицинской этикой [Brezina P.R., Zhao Y., 2012; Asplund K., 2020 и др.]. Если стратегической целью репродуктологических исследований является максимальное приближение ЭКО к естественным процессам, в первую очередь за счет снижения многоплодия, возникающего при «зачатии в пробирке», то тематика «немедицинских» публикаций во всем мире постоянно расширяется в связи с изучением факторов применения ВРТ, их финансовых, правовых, психологических и морально-этических аспектов [Исупова О.Г. и др., 2015; Melo-Martín I. de, 2014; Ravitsky V., 2010; Sobotka T. et al., 2008].

В России актуальность исследований возрастает в контексте двух «полюсов» репродуктивного выбора — вынужденного бесплодия и добровольной бездетности [Бронфман С.А., 2020], новых прокреативных норм [Сидорова Т.А., 2020] и ценностных установок [Исупова О.Г., 2020], что отражается на социальном портрете пациентов российских репродуктивных клиник [Исупова О.Г., Русанова Н.Е., 2010; Русанова Н.Е., 2020]. В 2009 г. за ВРТ обращались преимущественно

женщины с диагностированным бесплодием, состоящие в официальном браке [Исупова О.Г., Русанова Н.Е., 2010, с. 90], чему способствовало существовавшее тогда квотирование ВРТ, поддерживавшее социальные нормы, которые детерминировали отказы в материнстве бесплодным женщинам в незарегистрированном браке и одиноким женщинам независимо от их репродуктивного статуса. С 2013 г. ВРТ стали доступны при «социальном бесплодии», означающем отсутствие потенциального отца ребенка, что свидетельствует об изменении отношения общества и к одинокому родителю, и к вспомогательной репродукции в целом, и к этически неоднозначной программе репродуктивного донорства. Это подтвердил опрос московских студентов (2013 г., 38 юношей и 38 девушек 18–23 лет), 2/3 которых владели информацией о современных методах ВРТ, положительно относились к ним и были готовы применить [Русанова Н.Е., Гордеева В.Л., 2016]. После включения ЭКО в программы обязательного медицинского страхования, заметно снизившего не только финансовые, но и возрастные барьеры ВРТ, возник вопрос о том, повлияло ли такое расширение доступности на репродуктивные планы тех, кто их еще только составляет?

На текущем этапе исследования особое внимание было уделено вопросам, вызывающим наибольший общественный резонанс: СМ, репродуктивному донорству, морально-этическим и финансовым аспектам ВРТ, а также криоконсервации половых клеток и эмбрионов.

Материалы и методы

В апреле–мае 2021 г. проведено пилотажное исследование методом анкетирования (электронный

опрос) 106 студентов и аспирантов Российского национального исследовательского медицинского университета им. Пирогова (Москва, 22 чел.) и Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, 84 чел.) (рис. 1). Хотя выборка не является репрезентативной ни по

стране в целом, ни по городскому населению, она позволяет получить общее представление о взглядах и ценностях студенческой молодежи в мегаполисах: 96,5% респондентов — студенты, из которых 67,9% в возрасте 18–20 лет.

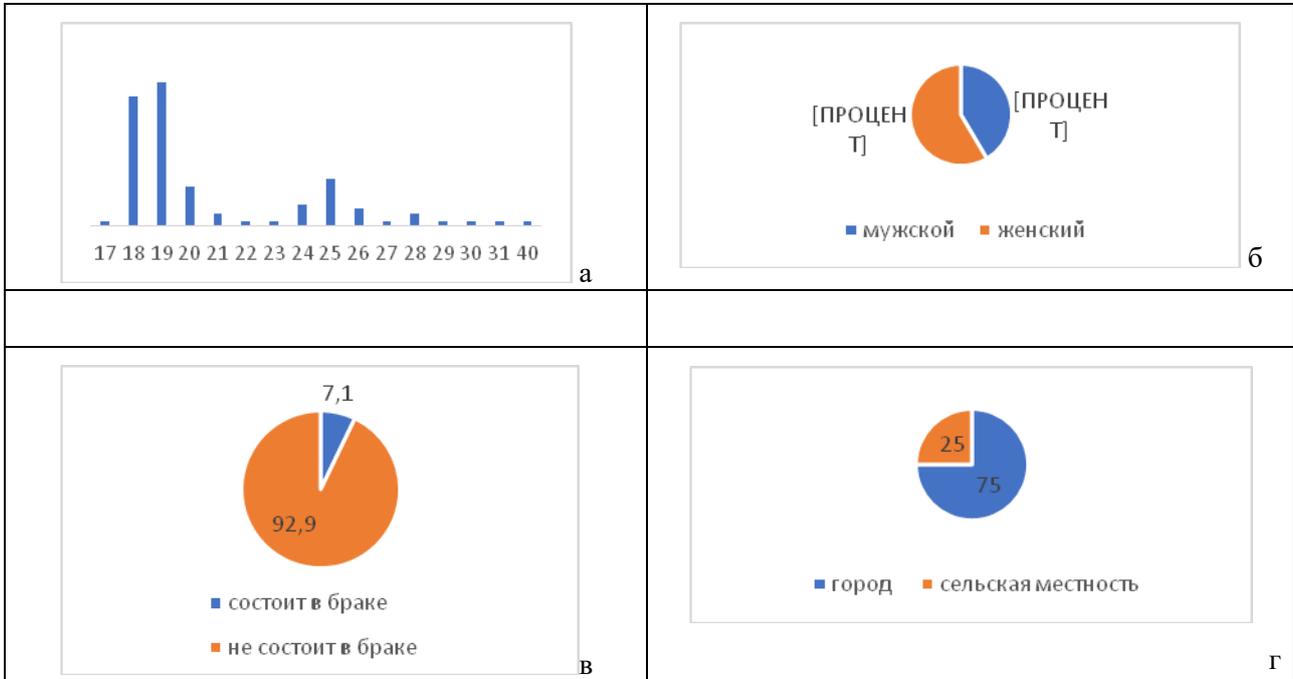

Рис. 1. Распределение респондентов по возрасту (а), полу (б), семейному статусу (в), месту постоянного проживания (г)

Fig. 1. Distribution of respondents by age (a), gender (б), marital status (в), place of permanent residence (г)

Из-за небольшого объема и локальности выборки на текущем этапе исследование было ограничено описательными статистиками — распределениями и перекрестными таблицами (построение регрессии с зависимой переменной об этической допустимости ВРТ и независимыми переменными, являющимися социально-демографическими индикаторами, показало, что ни одна из последних не является значимо определяющей вариацию зависимой переменной, а R^2 не превышает 10 %).

Результаты и обсуждение

Согласно данным опроса, 74,7 % респондентов хотят иметь детей, причем каждый пятый — троих. 91,8 % опрошенных считает, что их здоровье не мешает реализовать эти планы, а 64,7 % называет ВРТ способом увеличения рождаемости и «шансом для людей, которые не способны естественным путем завести ребенка, стать

родителями», склоняясь к тому, чтобы считать ЭКО достаточно естественным процессом, — при максимальной оценке («наиболее допустимо») допустимости методов ВРТ 8 баллов (1 балл — «совсем недопустимо») средняя оценка составляет 5,43 балла. Пронатальные намерения и осознание отсутствия проблем с репродуктивным здоровьем усиливают позитивную этическую оценку ЭКО.

Однако осведомленность о конкретных программах ВРТ разная: 81,2 % знает о СМ, 75,3 % — о донорстве спермы, но лишь 55,3 % — о донорстве яйцеклеток, 51,8 % — о криоконсервации репродуктивного материала, 49,4 % — об ИКСИ, но только 31,8 % — об искусственной инсеминации, практикуемой еще с XIX в., и 28,2% — о донорстве эмбрионов, одной из самых современных программ. Для большинства это «абстрактное» знание, т.к. $\frac{3}{4}$ опрошенных не имеет среди своих родных и знакомых реальных примеров обращения к ВРТ, но 56,5 % респон-

дентов готовы сами использовать ЭКО, если естественная беременность и роды будут им противопоказаны или физически невозможны; от более «морально сложных» программ, связанных с репродуктивным донорством и СМ, отказываются $\frac{2}{3}$ опрошенных. Примерно так же распределились ответы на вопрос о возможности использовать эти программы бесплатно для пациентов.

СМ не только модифицирует внутреннюю связь между женщиной и вынашиваемым ребенком, но и формирует новые отношения между родителями, число и пол которых может быть разным, — судя по анализу тематических интернет-сайтов, самым распространенным вариантом является «гетеросексуальная супружеская пара+суррогатная мама», хотя российские репродуктивные законы не ограничивают доступ к ВРТ одиноким женщинам и никак не упоминают одиноким мужчин. Парадоксом является увеличивающийся разрыв между этико-правовым регулированием и медицинскими возможностями СМ. За последнее десятилетие доля программ СМ сохранялась на уровне 1,4 % относительно общего числа циклов ВРТ, что, с одной стороны, косвенно отражает постоянство доли тех, кто не способен к самостоятельному вынашиванию и родам среди всех пациентов с бесплодием, а с другой — свидетельствует о наличии четких критериев применения СМ: просто по желанию генетических родителей программы СМ в России не практикуются. При этом по отдельным показателям СМ опережает ВРТ: за 2007–2018 гг. число родов в программах ВРТ увеличилось в 7,32 раза (с 107 до 784), число программ СМ — в 6,33 раза (с 367 до 2323), общее число циклов ВРТ — в 5,95 раза (с

26 670 до 158 815) [Русанова Н.Е., 2020]. Судя по опросу, молодежь относится к СМ достаточно сдержанно: средняя оценка чуть превысила 4,9 балла, а допустимость этого метода в определенной степени зависит от дохода (хотя он и не может быть высоким, поскольку основным доходом студентов и аспирантов является стипендия). 35 % респондентов считает СМ абсолютно допустимым методом, выставляя ему высший балл, из них $\frac{2}{3}$ — со средним доходом; примерно такая же взаимосвязь между доходом и допустимостью отмечается и для ЭКО в целом, где высший балл выставили 49 % респондентов, 63,5 % которых назвали свой доход средним (рис. 2).

Отличительной чертой практических программ ВРТ является преобладание женщин среди пациентов, хотя во всех случаях, кроме «социального бесплодия», «зачатие в пробирке» предполагает участие пары потенциальных родителей. В этой связи возникает вопрос о принятии решения об использовании конкретных методов вспомогательной репродукции, отношение к которым может различаться у мужчин и женщин (см. рис. 3). Причиной является как близость всех аспектов репродуктивного выбора именно к женской физиологии при некоторой их абстрактности для мужчин, так и значимость метода для достижения результата, т.е. рождения здорового ребенка. Поэтому ИКСИ как единственный эффективный метод при мужском бесплодии воспринимается почти одинаково мужчинами и женщинами, а самым допустимым его считают 47,2 % респондентов: 42 % мужчин и 58 % женщин; совсем недопустимым — лишь 14,2 % опрошенных, среди которых 40 % мужчин и 60 % женщин (см. рис. 3, А).

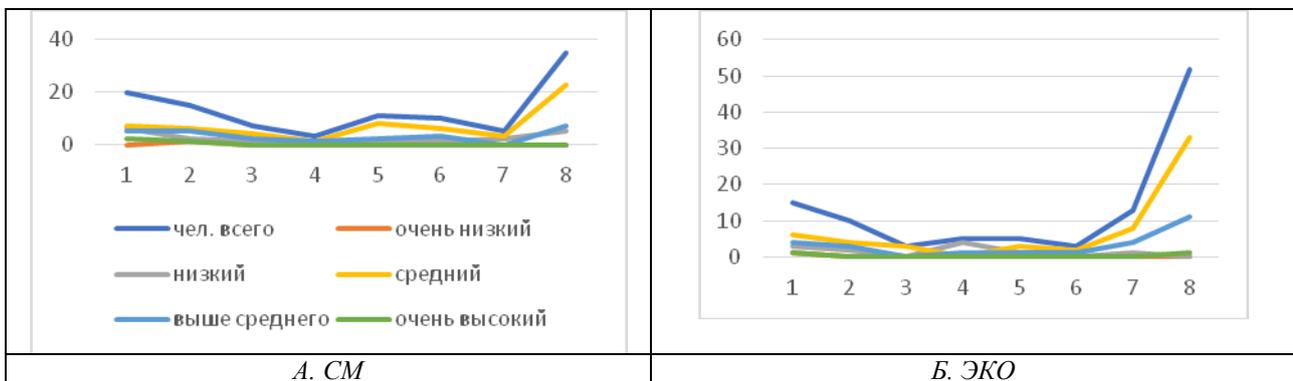

Рис. 2. Допустимость ЭКО и СМ в зависимости от дохода респондентов
 Fig. 2. Permissibility of IVF and surrogacy depending on the respondents' income
 (A — surrogacy, B — IVF)

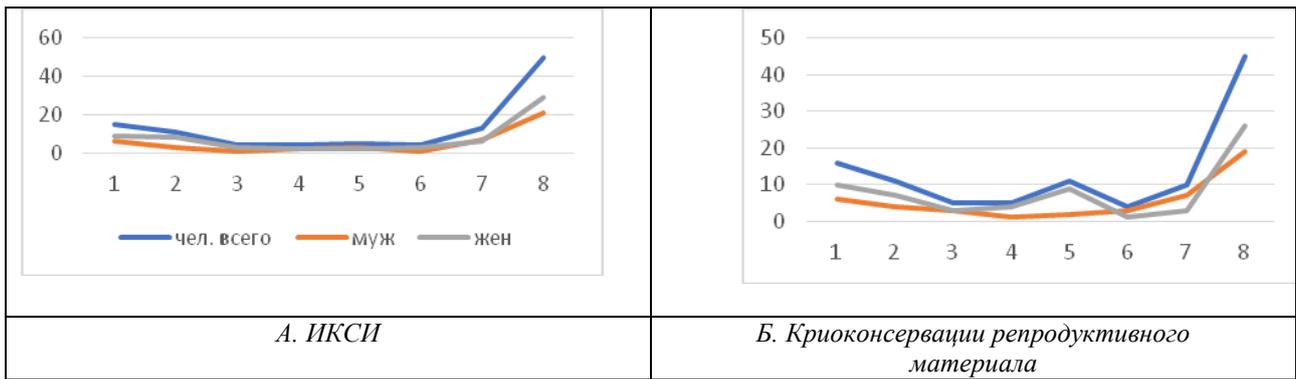

Рис. 3. Допустимость ИКСИ и криоконсервации репродуктивного материала в зависимости от пола

Fig. 3. Permissibility of ICSI and cryopreservation of reproductive material depending on gender (A — ICSI, B — cryopreservation)

Примерно также воспринимается возможность криоконсервации репродуктивного материала, т.е. мужских и женских половых клеток и эмбрионов. Самым допустимым этот метод назвали 42,5 % респондентов, среди которых — 42,2 % мужчин и 57,8 % женщин, а совсем недопустимым — 15,1 % (37,5 % мужчин, 62,5 % женщин) (рис. 3, Б). Но мужская реакция здесь более «вялая», даже мнение о полной недопустимости высказали лишь 13,6 % респондентов, хотя максимальную оценку поставили 43,2 %, т.е. почти половина опрошенных мужчин не определила свое отношение к такому «разделенному во времени» способу продолжения рода. Женщины ответили точнее, возможно потому, что лучше осведомлены о криоконсервации как избавлении от повторной процедуры забора яйцеклеток, связанной с дополнительной нагрузкой на репродуктивную систему.

Гендерные характеристики отношения студенческой молодежи к ВРТ ярко проявились в ответе на вопросы о репродуктивном донорстве (см. рис. 4). Донорская сперма (ДС) в репродуктологии применяется гораздо дольше, чем донорская яйцеклетка (ДЯ), что связано со сложностями ее извлечения, хранения и применения: потребность в ДС возникла еще при внедрении в клиническую практику искусственной инсеминации, а потребность ДЯ актуализировалась лишь спустя полтора столетия, на достаточно высокой стадии развития ВРТ. Тем не менее ДС считают наиболее допустимой 40 % респондентов (45,2 % мужчин и 54,8 % женщин), а ДЯ — 36,2 % (42,1 % мужчин и 57,9 % женщин). Совсем недопустимо ДЯ для 17,1 % респондентов (44,4 % мужчин и 55,6 % женщин), а ДС — для 14,3 % (40 % мужчин, 60 % женщин).

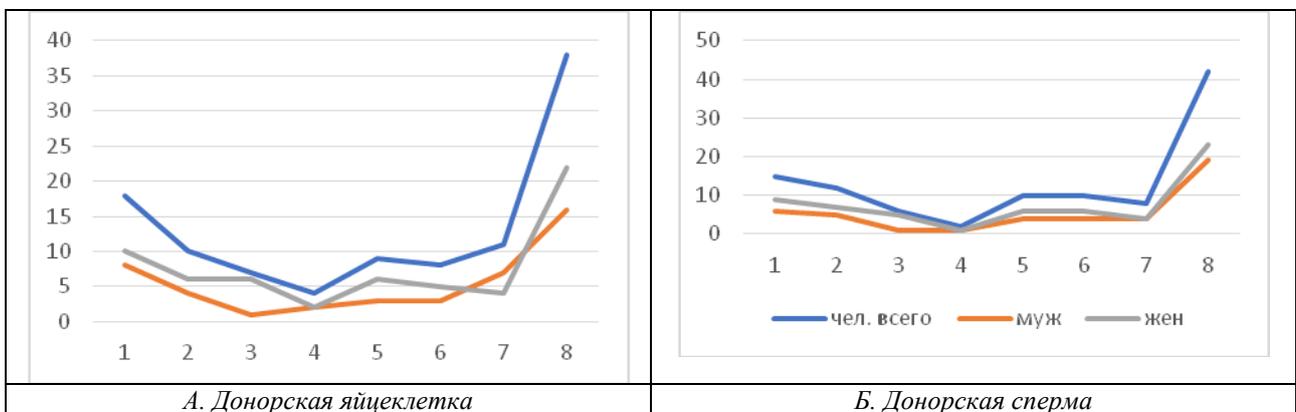

Рис. 4. Допустимость репродуктивного донорства в зависимости от пола

Fig. 4. Permissibility of reproductive donation depending on gender (A — donor egg, B — donor sperm)

Таким образом, проведенный опрос подтверждает тенденцию, статистически зафиксированную в последние годы: в условиях снижения и старения рождаемости, характерных для второго демографического перехода, индивидуализации репродуктивного поведения, а также внедрения в практику общественного здравоохранения ВРТ и медикаментозной репродукции, не связанной с ЭКО, прокреативные возможности общества расширяются, меняя количественные и качественные показатели населения. Набирающая популярность медицина репродуктивного здоровья позволяет планировать беременность и роды, преодолевать субфертильность и инфертильность в любом возрасте, что учитывается молодежью уже на стадии определения репродуктивных ориентаций, предшествующей формированию репродуктивных установок. Это обуславливает актуализацию вопросов, сама постановка которых ранее просто не имела смысла, а на практике ставит процедуры зачатия и вынашивания плода в зависимость от организационных ресурсов и устойчивости системы общественного здравоохранения. Например, практикующие репродуктологи отмечают ежегодный рост и омолаживание «социального бесплодия»: если первые такие диагнозы ставили женщинам старше 35 лет, то сегодня уже 20–25-летним, причем появились и одинокие женщины, сознательно желающие родить ребенка от анонимного донора, и женщины старше 50 лет, намеревающиеся родить с использованием донорского эмбриона, т.е. генетически неродного ребенка. Среди обращающихся за ВРТ сохраняется преобладание средних и старших репродуктивных возрастов (30–39 лет), на которые приходится $\frac{2}{3}$ обращений в репродуктивные клиники, но соотношение числа обращений и числа рождений составляет 0,53, что почти втрое ниже, чем в более молодых возрастах [Русанова Н.Е., 2018]. Тем самым ВРТ сначала способствуют откладыванию рождений на более поздний возраст, а затем ставят реальную рождаемость в еще большую зависимость от медицинской помощи.

Заключение

Прокреативное поведение населения сегодня определяется репродуктивным выбором молодежи и во многом зависит от государственной политики в области рождаемости. Включение ВРТ в практику общественного здравоохранения изменило многие социально-демографические параметры — от увеличения количества новорожденных до появления качественно новых форм семейных и трудо-

вых отношений. Переход ВРТ из категории уникальных высокотехнологичных лабораторных процедур в категорию рутинных общедоступных программ не только расширил репродуктивные ориентиры молодежи, но и создал возможности для реализации репродуктивных установок даже в случае их изменений как на протяжении всего репродуктивного возраста, так и после него. Интернет-опрос достаточно типичной совокупности респондентов, представляющих современную молодежную студенческую среду, свидетельствует о сохранении традиционной пронатальной доминанты и стремлении иметь желаемое число детей в желаемые сроки, но с учетом новых социокультурных прокреативных норм, обусловленных принципиальной возможностью медикализации репродуктивных процессов.

Выражение признательности

Работа проведена при поддержке РФФИ № 20-011-00609 «Прокреация: фундаментальные и прикладные аспекты социокультурных норм — язык междисциплинарного дискурса».

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project № 20-011-00609 «Procreation: fundamental and applied aspects of socio-cultural norms — the language of interdisciplinary discourse».

Список литературы

- Бронфман С.А. Новая нормативность и репродуктивный выбор: попытка осмысления // Население и экономика. 2020. Т. 4, № 4. С. 74–83. DOI: <https://doi.org/10.3897/popcon.4.e58814>
- Исупова О.Г. Делегирование родительства и язык репродукции: эксперты и пациенты о рождении ВРТ-детей // Население и экономика. 2020. Т. 4, № 4. С. 43–56. DOI: <https://doi.org/10.3897/popcon.4.e57400>
- Исупова О.Г., Белянин А.В., Гусарева А.А. Модернизация «устоев и корней»: семья и новые репродуктивные технологии // XV апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. / отв. ред. Е.Г. Ясин. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2015. Кн. 3. С. 19–30.
- Исупова О.Г., Русанова Н.Е. Социальный портрет пациентов репродуктивной медицины // Социологические исследования. 2010. № 4. С. 88–98.
- Национальные регистры ВРТ за 2007–2018 гг. / Российская Ассоциация Репродукции Человека. URL: http://www.rahr.ru/d_registr_otchet/ (дата обращения: 22.09.2020).

Русанова Н.Е. Вспомогательные репродуктивные технологии в России: медицинские прорывы и общественные проблемы // *Население и экономика*. 2020. Т. 4, № 4. С. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.3897/popecon.4.e58271>

Русанова Н.Е. Вспомогательная медикаментозная репродукция как фактор изменения рождаемости: новые возможности и новые проблемы // XXVIII Ежегодной Международной конференции РАРЧ «Репродуктивные технологии сегодня и завтра»: сб. тез. 2018. С. 19–20.

Русанова Н.Е., Гордеева В.Л. Вспомогательные репродуктивные технологии как фактор рождаемости: потребность, регулирование, социально-демографический эффект // *Народонаселение*. 2016. № 3. С. 34–46.

Сидорова Т.А. Философский анализ прокреации в ценностном измерении // *Население и экономика*. 2020. Т. 4, № 4. С. 57–66. DOI: <https://doi.org/10.3897/popecon.4.e57249>

Asplund K. Use of in vitro fertilization — ethical issues // *Upsala Journal of Medical Sciences*. 2020. Vol. 125, no. 2. P. 192–199. DOI: <https://doi.org/10.1080/03009734.2019.1684405>

Brezina P.R., Zhao Y. The Ethical, Legal, and Social Issues Impacted by Modern Assisted Reproductive Technologies // *Obstetrics and Gynecology International*. 2012. Vol. 2012. URL: <https://downloads.hindawi.com/journals/ogi/2012/686253.pdf> (accessed: 22.09.2020). DOI: <https://doi.org/10.1155/2012/686253>

Melo-Martín I. de. The Ethics of Anonymous Gamete Donation: Is There a Right to Know One’s Genetic Origins? // *The Hastings Center Report*. 2014. Vol. 44, iss. 2. P. 28–35. DOI: <https://doi.org/10.1002/hast.285>

Ravitsky V. Knowing Where You Come From: The Rights of Donor-Conceived Individuals and the Meaning of Genetic Relatedness // *Minnesota Journal of Law Science & Technology*. 2010. Vol. 11, iss. 2. P. 665–684.

Sobotka T., Hansen M.A., Kold J.T., Pedersen A.T., Lutz W., Skakkebaek N.E. The contribution of assisted reproduction to completed fertility: an analysis of Danish data // *Population Development Review*. 2008. Vol. 34, iss. 1. P. 79–101. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2008.00206.x>

Получена: 01.08.2021. Принята к публикации: 31.08.2021

References

Asplund, K. (2020). Use of in vitro fertilization - ethical issues. *Upsala Journal of Medical Sciences*. Vol. 125, no. 2, pp. 192–199. DOI: <https://doi.org/10.1080/03009734.2019.1684405>

Brezina, P.R. and Zhao, Y. (2012). The ethical, legal, and social issues impacted by modern assisted reproductive technologies. *Obstetrics and Gynecology International*. Vol. 2012. Available at: <https://downloads.hindawi.com/journals/ogi/2012/686253.pdf> (accessed 22.09.2020). DOI: <https://doi.org/10.1155/2012/686253>

Bronfman, S.A. (2020). [New normativity and reproductive choice: an attempt at comprehension]. *Naselenie i ekonomika* [Population and Economics]. Vol. 4, no. 4, pp. 74–83. DOI: <https://doi.org/10.3897/popecon.4.e58814>

Isupova, O.G. (2020). [Delegation of parenting and language of reproduction: experts and patients on the birth of ART children]. *Naselenie i ekonomika* [Population and Economics]. Vol. 4, no. 4, pp. 43–56. DOI: <https://doi.org/10.3897/popecon.4.e57400>

Isupova, O.G., Belyanin, A.V. and Gusareva, A.A. (2015). [Modernization of «foundations and roots»: the family and new reproductive technologies]. *XV april'skaya mezhdnarnodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obschestva: v 4 kn.* [April 15 International Scientific Conference on the Problems of Economic and Social Development: in 4 books]. Moscow: HSE Publ., book 3, pp. 19–30.

Isupova, O.G. and Rusanova, N.E. (2010). [Social portrait of reproductive medicine patients]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Studies]. No. 4, pp. 88–98.

Melo-Martín, I. (2014). The ethics of anonymous gamete donation: is there a right to know one’s genetic origins? *The Hastings Center Report*. Vol. 44, iss. 2, pp. 28–35. DOI: <https://doi.org/10.1002/hast.285>

Natsional'nye registry VRT za 2007–2018 gg. [National ART registers for 2007–2018 years]. Russian Association of Human Reproduction. Available at: http://www.rahr.ru/d_registr_otchet/ (assessed 22.09.2020).

Ravitsky, V. (2010). Knowing where you come from: the rights of donor-conceived individuals and the meaning of genetic relatedness. *Minnesota Journal of Law Science & Technology*. Vol. 11, iss. 2, pp. 665–684.

Rusanova, N.E. (2020). [Assisted reproductive technologies in Russia: medical breakthroughs and social problems]. *Naselenie i ekonomika* [Population and Economics]. Vol. 4, no. 4, pp. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.3897/popecon.4.e58271>

Rusanova N.E. (2018). [Assisted drug reproduction as a factor in fertility changes: new opportunities and new problems]. *XXVIII Yezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii RARCH «Reproduktivnyye tekhnologii segodnya i zavtra»* [28th Annual International Conference of RAHR «Reproductive Technologies Today and Tomorrow»]. RAHR, pp. 19–20.

Rusanova, N.E. and Gordeeva, V.L. (2016). [Assisted reproductive technologies: requirement and regulation at a low birth rate]. *Narodonaselenie* [Population]. No. 3, pp. 34–46.

Sidorova, T.A. (2020). [Philosophical analysis of procreation in the aspect of values]. *Naselenie i ekonomika* [Population and Economics]. Vol. 4, no. 4, pp. 57–66. DOI: <https://doi.org/10.3897/popecon.4.e57249>

Sobotka, T., Hansen, M.A., Kold, J.T., Pedersen, A.T., Lutz, W. and Skakkebaek, N.E. (2008). The contribution of assisted reproduction to completed fertility: an analysis of Danish data. *Population Development Review*. Vol. 34, iss. 1, pp. 79–101. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2008.00206.x>

Received: 01.08.2021. Accepted: 31.08.2021

Об авторах

Русанова Нина Евгеньевна

доктор экономических наук,
ведущий научный сотрудник

Институт социально-экономических проблем
населения Российской академии наук,
117218, Москва, Нахимовский пр., 32;
e-mail: ninrus238@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1859-2345>
ResearcherID: E-3915-2017

Исупова Ольга Генриховна

Ph.D. в социологии,
доцент кафедры демографии

Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики,
117312, Москва, ул. Вавилова, 7;
e-mail: oisupova@hse.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4189-2063>
ResearcherID: I-4179-2015

About the authors

Nina E. Rusanova

Doctor of Economics, Leading Researcher

Institute of Social and Economic Problems
of Population of the Russian Academy of Sciences,
32, Nakhimovsky av., Moscow, 117218, Russia;
e-mail: ninrus238@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1859-2345>
ResearcherID: E-3915-2017

Olga G. Isupova

Ph.D. in Sociology, Associate Professor
of the Department of Demography

National Research University
Higher School of Economics,
7, Vavilov st., Moscow, 117312, Russia;
e-mail: oisupova@hse.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4189-2063>
ResearcherID: I-4179-2015

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Русанова Н.Е., Исупова О.Г. Социально-демографические особенности прокреативного поведения в условиях рутинизации вспомогательных репродуктивных технологий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 361–369. DOI: [10.17072/2078-7898/2021-3-361-369](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-3-361-369)

For citation:

Rusanova N.E., Isupova O.G. [Socio-demographic features of procreative behavior in the routine use of assisted reproductive technologies]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 3, pp. 361–369 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2021-3-361-369](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-3-361-369)

Раздел III. ПРАКТИКИ ЭВОЛЮЦИОННОГО ОПТИМИЗМА В ПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

УДК 130.31

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-370-375

ЧЕЛОВЕК В ЦИФРОВОМ МИРЕ: «РАСПРЕДЕЛЕННЫЙ» И ЦЕЛОСТНЫЙ

*Труфанова Елена Олеговна**Институт философии РАН (Москва)*

Цифровые технологии являются сейчас важнейшей силой, не только трансформирующей общественные отношения, но и оказывающей влияние на самого человека. Цифровая среда на раннем этапе развития представлялась как возможность для человека пребывать в особом мире, оторванном от обыденного физического мира; однако со временем «офлайн» и «онлайн», переплетаясь, создают новую «гибридную» среду, и человек начинает существовать одновременно в двух мирах. Главный вызов цифровой среды — это вызов целостности человека, которая рассматривается как его фундаментальная характеристика, позволяющая человеку быть самостоятельным субъектом и отвечать за свои поступки, а также лежащая в его основе способность признавать и уважать другого человека. Между тем в современной цифровой среде человек является «распределенным» — он фрагментарно представлен в различных коммуникативных ситуациях, в различных цифровых файлах, распределен между «онлайн»- и «офлайн»-миром. Ранее взаимодействия людей осуществлялись непосредственно, лицом к лицу, что обеспечивало возможность целостного восприятия друг друга. Развитие телекоммуникаций приводит к искаженному, фрагментарному восприятию Другого, в результате чего он видится как цифровая сущность, лишенная реального содержания и, следовательно, не заслуживающая уважения и признания. Демонстрируется, что беспредпосылочное уважение человека к другому человеку является важнейшим эволюционным приобретением, обеспечивающим успешное существование человеческих сообществ. Для сохранения этой ценности необходима выработка умения воспринимать Другого как целостную личность в новых условиях «гибридного» мира.

Ключевые слова: человек, цифровые технологии, целостность, уважение, цифровая среда.

HUMAN IN THE DIGITAL WORLD: «DISTRIBUTED» AND INTEGRAL

*Elena O. Trufanova**Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow)*

Today digital technologies are the most important force that transforms both social relations and the human. At its early development stages, digital environment was seen as an opportunity for a human to be in the new world that exists independently of the physical world. Nowadays, online and offline worlds intertwine and form a «hybrid» environment where human exists in both worlds simultaneously. The main challenge of the digital environment is the challenge to the human integrity, which is seen as a fundamental human trait that allows human to be an independent and responsible actor who can acknowledge and respect another human being. In the present digital environment, human is «distributed», i.e. represented «fragmentarily» in different communications, various digital files, «distributed» between the online and offline worlds. Interaction between people used to be based on face-to-face communication, which gave the possibility to perceive another human integrally. The development of telecommunications creates a distorted, fragmented perception of the Other, who is thus seen as a digital being that has no real essence and hence does not deserve respect. It is shown in

the paper that unconditional respect for the other human being is one of the most important evolutionary acquisitions, ensuring the existence of human communities. For this value to be preserved, it is important today to develop an ability to see the Other as an integral person in the new situation of the «hybrid» world.

Keywords: human, digital technologies, integrity, respect, digital environment.

Человек как биологический вид обеспечивает свое существование за счет творческого преобразования окружающего мира, развития культуры и технологий. Однако новые технологии, будучи плодом человеческого воображения и творчества, в свою очередь также меняют человека, дополняя и трансформируя привычную среду его обитания. С начала становления техногенной цивилизации доминирующие технологии определенного исторического периода становятся поставщиком метафор для соответствующего эпохе понимания человека. В нововременном механицизме организм человека сравнивается с машиной — Зигмунд Фрейд проводит аналогию вытесненного в психике с паровым котлом, у которого от давления пара срывает крышку, — а в XX в. сознание человека уподобляется компьютеру. В современности одной из таких метафор становятся цифровые сети с множеством узлов, при этом человек является не узлом сети, а «распределен» по множеству из них.

Именно цифровые технологии предстают сейчас наиболее мощной трансформационной силой. Их быстрое и практически повсеместное внедрение провоцирует изменения не только в различных социальных процессах, но и в самом человеке.

Человек в цифровой среде: от трансценденции до гибридизации

Цифровую среду, возникающую в результате развития цифровых технологий, можно определить как «третью природу», в которой обитает человек (по аналогии со «второй природой» — миром культурных артефактов). В ранний период становления цифровых коммуникаций (1990-е гг.) возникает множество надежд и ожиданий, связанных с этой особой средой, где изменяются пространственно-временные характеристики человеческого опыта, а человек предстает оторванным от своего тела: «цифровой человек» видится трансцендентной, чисто духовной сущностью, избавленной от ограничений телесной природы [Carr N., 2005]. Цифровая среда изначально представлялась особым, самодостаточным миром, а «цифровая жизнь» — особой «второй» жизнью, разворачивающейся параллельно первой и зачастую не пересекающейся с ней. Однако по мере распространения и роста доступности цифровых

технологий цифровая среда становится обязательным «расширением» «физической» («офлайн») среды. «Онлайн» и «офлайн» миры переплетаются, становясь все более взаимозависимыми, так что человек не может больше пребывать исключительно цифровой или исключительно телесной сущностью — он включен в оба мира, его «онлайн»-образ и его «офлайн»-личность неразрывно связаны. Все большее проникновение цифровых технологий в социальные отношения делает практически невозможным отказ от «онлайн»-составляющей человеческой жизни: цифровые коммуникации становятся повседневностью, а их избегание — моветоном, показателем социальной дезадаптации и даже преступлением. Как итог цифровая среда «уже не является “конечной областью значений”, отделенной от мира повседневности своего рода “проницаемой мембраной”. Виртуальное присутствует в самом реальном, становится его неотъемлемым элементом. Речь идет уже о “гибридном мире”» [Фролов А.В., 2018, с. 22]. В результате подобного слияния и «гибридизации» возникает представление о некоем «цифровом» человеке, который, предположительно, является новой ступенью в человеческой эволюции; ведется множество исследований специфики «цифрового поколения» [Пронькина А.Н., 2020] — людей, с рождения включенных во взаимодействия с цифровыми технологиями, «цифровых аборигенов» [Prensky M., 2001].

Человек целостный

Главный вызов цифровой среды для человека — это вызов его целостности. Большинство важных характеристик человека основывается на представлении человека как целостного существа. Понятие «индивид» дословно означает «неделимый»: этот неделимый человек рассматривается как носитель свободной воли, субъект права, политический и экономический агент и т.д. Идея целостности поддерживается в картезианстве, где подчеркивается неделимость духовной субстанции. Одним из залогов целостности является концепция души, которая предполагается постоянной и неизменной (вариантом является представление о Я), другим — тело, которое обеспечивает любые взаимодействия человека и мира, а также

позволяет людям идентифицировать друг друга. Благодаря телу место человека в пространстве несомненно и жестко зафиксировано — мы не можем находиться физически в двух местах одновременно или мгновенно перемещаться в пространстве. Подобная «жесткая сцепка» человека и мира была данностью вплоть до появления теле-технологий, т.е. технологий, способных почти мгновенно передавать человеческую коммуникацию на расстоянии — телеграф, радио, телефон, телевизор и др. С помощью этих средств человек получил возможность «виртуально» находиться в другой точке пространства, не покидая при этом границ своего тела, и взаимодействовать с другими людьми, физически удаленными от себя. Появление подобных технологий принципиально изменяет область социальных коммуникаций, размывая понятия «далекий» и «близкий», объединяя людей в разных концах земного шара новыми, ранее не существовавшими, способами.

Сомнения в подобной целостности человека выражались в различных психологических и философских концепциях XIX–XXI вв. — от психоанализа до постмодернизма и социального конструкционизма [Труфанова Е.О., 2017]. Характерной чертой, объединяющей эти подходы, является отказ от «индивидуализма», представление о «размывании» индивида в его социальных коммуникациях. Человек, таким образом, видится как существо, чья индивидуальность мнима, контекстуально зависима и распадается на фрагменты, значимые лишь в рамках конкретных социальных ситуаций.

Индивидуализация человека, формирование личности и чувства персональной ответственности за свои действия являлись историческим приобретением человечества: противопоставляясь обществу как отдельная единица, человек все более четко артикулировал один из важнейших принципов, лежащих в основе человеческого взаимодействия, — уважение к другому человеку. Этот принцип (выраженный во многих этических системах, наиболее ярко в категорическом императиве И. Канта) предполагал признание другого равным мне, имеющим такое же право на мир, как и я, уважение к другому человеку лишь за то, что он является человеком. Без подобного взаимного признания невозможно существование людских сообществ. Однако подобный императив трудно реализуем, если человек видится фрагментарным, рассыпанным по различным коммуникативным ситуациям: воспринимая себя как целост-

ную личность, я ожидаю этой целостности в другом, чтобы признать его достойным уважения.

Человек «распределенный»

В цифровую эпоху «рассредоточенность» человека по разным средам приобретает новые масштабы. Принципиальной особенностью для бытия человека в современной «гибридной» («онлайн»/«офлайн») среде является его пребывание в нескольких «местах» одновременно: это не просто последовательное переключение от одной коммуникативной ситуации к другой, возникает новый тип переключения — параллельное. Как отмечают исследователи, для поиска информации в Интернете характерно использование «параллельных сессий» — открытие нескольких окон с разной информацией и постоянное переключение между этими окнами [Войскунский А.Е., 2017]. Аналогично, находясь физически у себя дома за компьютером, я могу одновременно присутствовать в сеансе видеосвязи, писать в мессенджере на смартфоне и просматривать новостную ленту. Мое бытие фрагментарно представлено также в различных социальных медиа в виде текстов, изображений, медиафайлов и т.д.

Такого рода особенности цифровой среды создают новые вызовы для человека. При увеличении количества коммуникаций и росте доступности информации страдает качество — коммуникации и ознакомление с информацией становятся поверхностными, полученная информация хуже фиксируется в долгосрочной памяти, а потребление цифрового контента напоминает потребление «фастфуда» — вместо полезной информации мы забываем свои ресурсы привлекательными «пустышками» [Труфанова Е.О., 2019]. Происходят изменения в том, как человек использует свою память, — все чаще вместо запоминания мы доверяемся внешним носителям «цифровой памяти», а большую часть информации предпочитаем вовсе не запоминать, поскольку ее всегда можно найти в Сети [Spartow B. et al., 2011]. Так, познание, по мнению ряда исследователей, становится «расширенным», активно используя ресурсы внешней среды [Clark A., Chalmers D.J., 1998], а память «овнешняется», делегируется искусственным помощникам [Лекторский В.А., 2020]. Наконец, с распространением социальных медиа изменяются представления о частной жизни в ситуации цифрового контроля [Труфанова Е.О., 2021].

Так, сейчас, говоря о человеке, мы должны учитывать не только его биологическую природу

и внутренний мир, но и его цифровые «расширения». Такого рода «распределенность» человека является ключевой характеристикой *homo digitalis*. Здесь в центре внимания стоит проблема того, как человек, будучи «распределенным» между «онлайн» и «офлайн» средой, может сохранять свою субъектность, координировать свою деятельность в разных «средах», неся ответственность за свои поступки и поддерживая целостность личности. В этой распределенности все сложнее удерживать контроль над разными ипостасями. К примеру, изменяется такое понятие, как «алиби», — в доцифровую эпоху физическое нахождение человека в месте, отличном от места преступления, могло считаться достаточным доказательством непричастности, тогда как сейчас человек имеет возможность совершить преступление на расстоянии, например, управляя дроном.

Отсутствие взаимодействия лицом к лицу приводит к искажению коммуникации [Kohler P. et al., 2009]. Человек в цифровом взаимодействии утрачивает чувство реальности и действует так, как будто его оппонент является цифровой сущностью, не содержащей за собой ничего реального. Физическую разобщенность людей как причину утраты уважения к другому человеку и его жизни описывал Эрих Фромм: он отмечает, что военные летчики, сбрасывая бомбы, вряд ли осознавали, что они убивают тысячи людей, — поскольку они взаимодействовали лишь с машиной, а не с людьми. Рационально осознавая свои действия и их последствия, члены экипажей самолетов, тем не менее, не были вовлечены в ситуацию эмоционально, были отстранены [Фромм Э., 2017]. Подобным же образом, как находящиеся на земле люди не воспринимались летчиками как человеческие существа, в цифровых отношениях, где вместо человека — набор символов, этот цифровой Другой обезчеловечивается, и, как следствие, теряется потребность отношения к нему как к человеку в полном смысле слова. Взаимодействие с компьютерными программами-ботами, голосовыми помощниками, системами ИИ с голосовым интерфейсом и т.д. запутывает, еще больше затрудняет проведение грани между не-человеческой цифровой сущностью и человеком, репрезентированным в цифровом мире. Увеличение числа цифровых взаимодействий по сравнению нецифровыми приводит к нарастанию агрессии: там, где нет чувства непосредственного контакта с другим человеком, возникает взаимонепонимание, а также снижается уровень ответственности за свои слова и виртуальные действия.

Мы не воспринимаем цифровые проявления человека как человека в полном смысле слова и неосознанно строим свое поведение таким образом, как будто он таковым не является и по ту сторону экрана нет равноправного со мной субъекта, но лишь цифровая сущность, которая не требует уважения или соблюдения моральных принципов.

Эта ситуация разбивает иллюзии о человеческом духе как самостоятельной субстанции, тело для которой является лишь случайным пристанищем. Телесная природа человека играет важную социальную роль — она подает сигнал, что мы имеем дело с человеком, с живым существом, испытывающим желания, потребности, эмоции и т.д. Телесная природа «приземляет» человека в мире, предопределяет его возможности взаимодействия с миром [Гибсон Дж.Дж., 1988], фиксирует его уникальное место в пространстве и времени. Именно с телесной природой связаны основные экзистенциальные проблемы человека — тело испытывает удовольствие, оно же страдает и умирает. *Homo digitalis*, будучи человеком «распределенным», выходит за пределы телесных ограничений, частично утрачивая связь с теми ценностями, которые были сформулированы в ту эпоху, когда единственным выходом за пределы тела было воображение человека.

Однако утрата связи с этими ценностями не обязательно означает, что все они теряют значимость. Человеческая культура меняется, ряд культурно зависимых ценностей утрачивает смысл, и на их смену приходят другие, но не меняется сам человек — у него остаются те же базовые потребности, которые предопределяют существование неизменного набора базовых ценностей. И важнейшей из таких ценностей можно считать беспредпосылочное уважение человека к другому человеку. Оно является, вероятно, главным эволюционным приобретением человечества, поскольку только благодаря ему люди способны наиболее эффективно взаимодействовать друг с другом, создавая сообщества, которые в свою очередь помогают выжить каждому отдельному индивиду. «Распределенность» человека в цифровых и нецифровых взаимодействиях приводит к тому, что становится все сложнее видеть целостную личность, собранную из этих фрагментов, что затрудняет установление личных связей, которые необходимы для сохранения подобного уважения к Другому. Требуется перенастройка не только социальных и правовых норм, учитывающих новые способы участия человека в социальной жизни, но в первую очередь перенастройка

психологических установок человека, выработка умения видеть и уважать Другого в каждом цифровом или нецифровом фрагменте его бытия.

Список литературы

Войскунский А.Е. Интернет как пространство познания: психологические аспекты применения гипертекстовых структур // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6, № 4. С. 7–20. URL: <https://psyjournals.ru/jmfp/2017/n4/Voiskounsky.shtml> (дата обращения: 21.07.2021). DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2017060401>

Гибсон Дж.Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988. 464 с.

Лекторский В.А. Трансформации индивидуальной и коллективной памяти в контексте глобальной цифровизации // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11, № 9(95). URL:

<https://history.jes.su/s207987840012305-4-1/> (дата обращения: 21.07.2021). DOI: <https://doi.org/10.18254/s207987840012305-4>

Пронькина А.Н. Трансформация памяти в условиях информационного перенасыщения // Философия науки и техники. 2020. Т. 25, № 1. С. 110–124. DOI: <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2020-25-1-110-124>

Труфанова Е.О. Информационное перенасыщение: ключевые проблемы // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2019. № 1(16). С. 4–21. URL: http://cyberspace.pglu.ru/issues/detail.php?ELEMENT_ID=320213 (дата обращения: 21.07.2021). DOI: <https://doi.org/10.17726/philit.2019.1.16.1>

Труфанова Е.О. Приватное и публичное в цифровом пространстве: размывание границ // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. Т. 3, № 1. С. 14–38. DOI: <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i1.130>

Труфанова Е.О. Я как реальность и как конструкция // Вопросы философии. 2017. № 8. С. 100–112.

Фролов А.В. Экзистенция и мир в цифровую эпоху // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2018. № 3. С. 18–30.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2017. 736 с.

Carr N. The amorality of Web 2.0. 2005. Oct. 3. URL: http://www.rougtype.com/archives/2005/10/the_amorality_o.php (accessed: 21.07.2021).

Clark A., Chalmers D.J. The extended mind // Analysis. 1998. Vol. 58, iss. 1. P. 7–19. DOI: <https://doi.org/10.1093/analys/58.1.7>

Kohler P., Pannasch S., Velichkovsky B.M. Enhancing mutual awareness, productivity and feeling: Cognitive science approach to design of groupware systems // Future Interaction Design II. London, UK: Springer,

2009. P. 31–53. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-84800-385-9_2

Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants. Part 1 // On the Horizon. 2001. Vol. 9, iss. 5. URL: <https://marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf> (accessed: 21.07.2021). DOI: <https://doi.org/10.1108/10748120110424816>

Sparrow B., Liu J., Wenger D.M. Google effects on memory: Cognitive consequences of having information at our fingertips // Science. 2011. Vol. 333, iss. 6043. P. 776–778. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.1207745>

Получена: 01.08.2021. Принята к публикации: 31.08.2021

References

Carr, N. (2005). *The amorality of Web 2.0*. Oct. 3. Available at: http://www.rougtype.com/archives/2005/10/the_amorality_o.php (accessed 21.07.2021).

Clark, A. and Chalmers, D.J. (1998). The extended mind. *Analysis*. Vol. 58, iss. 1, pp. 7–19. DOI: <https://doi.org/10.1093/analys/58.1.7>

Frolov, A.V. (2018). [Human existence and his world in digital epoch]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* [Russian Studies in Philosophy. Series 7. Philosophy]. No. 3, pp. 18–30.

Fromm, E. (2017). *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti* [The anatomy of human destructiveness]. Moscow: AST Publ., 736 p.

Gibson, J.J. (1998). *Ekologicheskij podkhod k zritel'nomu vospriyatiju* [The ecological approach to visual perception]. Moscow: Progress Publ., 464 p.

Kohler, P., Pannasch, S. and Velichkovsky, B.M. (2009). Enhancing mutual awareness, productivity and feeling: Cognitive science approach to design of groupware systems. *Future interaction design 2*. London: Springer Publ., pp. 31–53. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-84800-385-9_2

Lektorskiy, V.A. (2020). [Transformation of individual and collective memory in the context of digitalization]. *Electronic scientific and educational journal «History»*. Vol. 11, no. 9(95). Available at: <https://history.jes.su/s207987840012305-4-1/> (accessed 21.07.2021). DOI: <https://doi.org/10.18254/s207987840012305-4>

Prensky, M. (2001). Digital natives, digital immigrants. Part 1. *On the Horizon*. Vol. 9, iss. 5. Available at: <https://marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf> (accessed 21.07.2021). DOI: <https://doi.org/10.1108/10748120110424816>

Pron'kina, A.N. (2020). [Memory transformation in an information oversaturation environment]. *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of Science and Technology]. Vol. 25, no. 1, pp. 110–124. DOI: <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2020-25-1-110-124>

Sparrow, B., Liu, J. and Wenger, D.M. (2011). Google effects on memory: Cognitive consequences of having information at our fingertips. *Science*. Vol. 333, iss. 6043, pp. 776–778. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.1207745>

Trufanova, E.O. (2019). [Information oversaturation: key problems]. *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologii i kiberprostranstva* [Philosophical Problems of IT and Cyberspace]. No. 1(16), pp. 4–21. DOI: <https://doi.org/10.17726/philit.2019.1.16.1>

Trufanova, E.O. (2021). [Private and public in the digital space: blurring of the lines]. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. Vol. 3, no. 1, pp. 14–38. DOI: <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i1.130>

Trufanova, E.O. (2017). [The Self as reality and as construction], *Voprosy filosofii*. No. 8, pp. 100–112.

Voyskunskiy, A.E. (2017). [The Internet as a space of knowledge: psychological aspects of hypertext structures]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Journal of Modern Foreign Psychology]. Vol. 6, no. 4, pp. 7–20. Available at: <https://psyjournals.ru/jmfp/2017/n4/Voiskounsky.shtml> (accessed 21.07.2021). DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2017060401>

Received: 01.08.2021. Accepted: 31.08.2021

Об авторе

Труфанова Елена Олеговна

доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник, руководитель
сектора теории познания

Институт философии РАН,
109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1;
e-mail: eltrufanova@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2215-1040>
ResearcherID: P-2266-2016

About the author

Elena O. Trufanova

Doctor of Philosophy, Leading Researcher,
Head of the Department of Theory of Knowledge

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya st. Moscow, 109240, Russia;
e-mail: eltrufanova@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2215-1040>
ResearcherID: P-2266-2016

Просьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Труфанова Е.О. Человек в цифровом мире: «распределенный» и целостный // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 370–375. DOI: [10.17072/2078-7898/2021-3-370-375](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-3-370-375)

For citation:

Trufanova E.O. [Human in the digital world: «distributed» and integral]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 3, pp. 370–375 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2021-3-370-375](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-3-370-375)

УДК 130.2+159.922

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-376-385

ТВОРЧЕСКИЕ ИНКЛЮЗИВНЫЕ ПРАКТИКИ СТАНОВЛЕНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ: ПОДХОД К КОНЦЕПТУАЛЬНОМУ ОБОСНОВАНИЮ

Попова Наталья Тимофеевна

Центр детского творчества «Строгино» (Москва)

Шеманов Алексей Юрьевич

Московский государственный психолого-педагогический университет (Москва)

С учетом опыта работы по поиску «обходных путей» вхождения в культуру лиц с ментальными нарушениями (Л.С. Выготский) обосновывается возможность разработки творческих инклюзивных практик, способствующих становлению субъектности лиц с ментальными нарушениями. При этом субъектность понимается как способность к осознанной целенаправленной интенциональной деятельности в совокупности с поддерживающими ее процессами овладения культурными способами человеческой деятельности (телесно-аффективной саморегуляции, переживания себя и другого, символическими практиками освоения тела и эмоций и др.). Инклюзия рассматривается как выработка общего языка и культурных форм взаимодействия во включающей группе, а не как простая декларация равных прав на социальное включение. Подход к концептуальному обоснованию применяемых творческих инклюзивных практик строится на переосмыслении биосемиотического понятия Umwelt (Я. фон Икскуль) в свете концепции человека как существа, творящего символический мир культуры как сферу своей жизни и закладывающего основы своей культурной субъектности, развивая свои способности к выразительному движению (Э. Кассирер). В итоге Umwelt предстает не просто как окружающий мир, биологическая значимость которого задана специфической активностью живого существа, а как символический мир культурных значений, заданных символотворческой активностью человека (на основе развития его выразительного движения) во включающем его коллективе творческого общения, моделью которого выступает в процессе работы интегрированная театральная студия. Разработка творческих инклюзивных практик, таких как тренинги выразительного движения, опирается на теорию построения движения Н.А. Бернштейна как основы для «замещающего онтогенеза» и становления собственной субъектности и культурного символотворчества лиц с ментальными нарушениями уже на преэксpressивном (Е. Гротовски, Э. Барба) этапе работы.

Ключевые слова: творческая инклюзия, становление субъектности, включающее сообщество, «обходные пути» (Л.С. Выготский), Umwelt (Я. фон Икскуль), символические формы культуры (Э. Кассирер), уровни построения движения (Н.А. Бернштейн), преэксpressивность (Е. Гротовский, Э. Барба).

CREATIVE INCLUSIVE PRACTICES OF SUBJECTIVITY FORMATION: AN APPROACH TO CONCEPTUAL SUBSTANTIATION

Natalia T. Popova

Centre for children's creativity «Strogino» (Moscow)

Alexey Yu. Shemanov

Moscow State University of Psychology and Education (Moscow)

The article is based on the experience of searching for «roundabout ways» of development (L.S. Vygotsky) for entering the culture of persons with mental disabilities. The possibility of developing creative inclusive practices that contribute to the formation of the subjectivity of persons with mental disorders, where subjectivity is considered as the ability for conscious purposeful intentional activity in conjunction with the processes supporting it of maturation of the foundations of conscious mastery of cultural ways of human activity (bodily-

affective self-regulation, experiencing oneself and others, symbolic practices of mastering the body and emotions, etc.). Inclusion is seen as the development of a common language and cultural forms of interaction in an inclusive group, and not as a simple declaration of equal rights to social inclusion. The approach to the conceptual substantiation of the applied creative inclusive practices is based on rethinking the biosemiotic concept of *Umwelt* (J. von Uexküll) in the light of the concept of human as a being who creates the symbolic world of culture as a sphere of his life and lays the foundations of his cultural subjectivity, developing his abilities for expressive movement (E. Cassirer). As a result, *Umwelt* appears as not just the surrounding world, the biological significance of which is given by the specific activity of a living being, but as a symbolic world of cultural meanings set by the symbolic activity of a person (based on the development of his/her expressive movement) in the collective of creative communication that includes him/her, a model of which the integrated theater studio acts in the course of its work. The development of creative inclusive practices is based on N.A. Bernstein's theory of construction of movements as the basis for «substitute ontogenesis» and the formation of their own subjectivity and cultural symbolism of persons with mental disorders already at the pre-expressive (J. Grotovsky, E. Barba) stage of performers' training.

Keywords: creative inclusion, the formation of subjectivity, the including community, «roundabout ways» (L.S. Vygotsky), *Umwelt* (J. von Uexküll), symbolic forms of culture (E. Cassirer), levels of construction of movements (N. A. Bernstein), pre-expressiveness (J. Grotovsky, E. Barba).

Введение

Исследование опирается на опыт тридцатилетней работы по поиску «обходных путей» вхождения в культуру лиц с интеллектуальными нарушениями [Выготский Л.С., 1983а, с. 38; 1983б, с. 171, 173, 176] (см. также о содержании данного понятия, напр.: [Леонтьев Д.А. и др., 2017, с. 105–106]) на примере работы с людьми с аутизмом, церебральным параличом, Даун-синдромом и другими генетическими заболеваниями с использованием средств самой же культуры [Попова Н.Т., 2001, 2005; Попова Н.Т., Попова Е.А., 2013]. Этот поиск осуществлялся руководимым Н.Т. Поповой коллективом региональной общественной организации «Круг», одним из важных направлений работы которой является театральная деятельность в рамках интегрированной театральной студии «Круг».

Не вступая здесь в обширную дискуссию о соотношении понятий интеграции и инклюзии, об их сходстве и различии, а также об инклюзивной культуре (см. об этом, напр.: [Connor D.J., Ferri V.A., 2005; Шеманов А.Ю., Попова Н.Т., 2011; Шеманов А.Ю., Екушевская А.С., 2018]), отметим только, что одной из насущных задач современного общества, в котором разворачиваются глобальные процессы, актуализирующие требование вхождения в него ранее маргинализированных лиц (сейчас — при доминировании слогана *инклюзии*), является поиск равноправных оснований для диалога различных социальных групп и методов их инкультурации. Инклюзия, притом понимаемая по-разному, часто декларируется, но

найти реальные примеры результативных практик не так-то просто.

В качестве модели включающего сообщества предлагаем рассматривать инклюзивную театральную студию, в которой разворачиваются процессы инклюзии. Спектакль описывается как результат аутентичной деятельности нормотипичных и инклюзивных актеров, продукт их совместного культурного творчества. Тренинги и комплексы упражнений выполняют функции культурных практик, поддерживающих становление субъектности и культурную идентичность актеров.

В рассуждении о становлении субъектности имеется в виду не только формирование осознанного свободного творческого участия в исторически сложившихся культурных способах деятельности, но и проявление более ранних процессов вызревания основ осознанного овладения культурными способами человеческой деятельности (телесно-аффективной саморегуляции, переживания себя и другого, символическими практиками освоения тела и эмоций и др.).

В англоязычной литературе с понятием субъектности можно соотнести *агентность*, понимаемую как способность действующего быть источником своих намеренных (интенциональных) актов [Schlosser M., 2019]. Однако понятие субъектности, по-видимому, шире по содержанию, поскольку можно говорить, например, о *субъекте созерцания*, в то время как понятие «агентность», как представляется, не включает в себя такого применения, так как агентность описывает способность к действию, а не рецепцию воспринимающим воздействием на него предмета восприятия, хотя бы и при допущении активности по-

следного. При этом субъектность созерцания легитимирована идущей от И. Канта традицией понимания созерцания как процесса, хотя и рецептивного, но активно задаваемого субъектом априорными формами пространства и времени, что включает созерцание в трансцендентальную структуру познавательной активности субъекта. Поэтому в данной работе речь идет именно о становлении субъектности, поскольку данное понятие можно распространить на процессы, лежащие в основе намеренных действий (а не только на сами такие действия). Это тем более актуально, что в современной культуре, с одной стороны, можно отметить дефицит культурных форм, поддерживающих становление таких основ субъектности, а с другой — именно из-за этого в ней возникает тенденция к смещению фокуса внимания на эту базисную сферу [Попова Н.Т., 2005].

Чтобы последовательно и системно описать практики, поддерживающие становление субъектности, особенно у лиц с ментальными нарушениями (а это важнейшая часть обеспечения их полноценного участия в созидании культуры, без чего их инклюзия останется декларацией), исследователям пришлось опираться на работы психологов, клинических психологов, невропатологов, физиологов, культурологов, биосемиотиков, философов, театральных антропологов и др. По сути, это является непростой задачей — описать переход от природы к культуре на примере того, как человек овладевает своим выразительным поведением.

Биосемиотические основы становления субъектности и современная культура

Одним из важнейших условий приспособления к окружающей среде любого живого существа, не говоря уже о человеке, является его активность на основе его специфического восприятия окружающего мира (связки восприятие – активность). Вслед за представителями биосемиотической школы (Я.И. фон Икскуль и др.), предлагаем использовать понятие *Umwelt*, обозначающее окружающую среду, активно строимую каждым живым существом на основе своего уникального восприятия (см. напр.: [Князева Е.Н., 2015; Fultot M., Turvey M.T., 2019]). Удивительно, но ситуация с людьми с интеллектуальными нарушениями порой труднее, чем таковая «в мире животных», где каждая особь не должна отстаивать свое право на уникальность восприятия и право на построение своего жизненного мира. В нашей же социальной, об-

разовательной и культурной практике в понятие социальной работы, специального образования до сих пор не вошло представление об уникальности и ценности восприятия конкретного ребенка с интеллектуальной недостаточностью и о необходимости опираться на его собственную активность и не мешать построению его собственного *Umwelt*'а. Люди с интеллектуальной недостаточностью искусственно включены в доминирующую культуру, которая выстроена на специфике восприятия нормотипичных людей и, следовательно, развивает и поддерживает только их активность. Особенности восприятия таких людей если и изучаются, то исключительно в определенном коррекционном контексте. Большинство работ закономерно выстраивается исходя из нормотипичного восприятия и подобной же активности, но неправомерно заканчиваются ими (см. напр.: [Белимова П.А., 2020]).

В то же время активность людей с интеллектуальной недостаточностью (даже на уровне аффекта!) ничего не меняет в их окружении, поскольку этим окружением не принимается или патологизируется. Дело в том, что в современной культуре нет таких культурных форм, которые могли бы поддерживать и развивать их активность, подобных, например, коллективным и аффективным формам взаимодействия, которые в традиционных ритуалах или народных играх эксплицитно выполняли аналогичную функцию поддержки становления социального участия членов традиционного коллектива, не овладевших инструментами индивидуальной, рациональной саморегуляции телесно-аффективной жизни. Отсутствие сейчас таких повседневных культурных форм, легитимных также для современного человека, способствует социальной инвалидизации лиц с ментальными особенностями [Попова Н.Т., 2005].

Аффективное поведение находится под запретом. В быту оно неприемлемо, а специалистов, способных работать с ним, практически нет. Чаще всего, оно как неудобное гасится лекарственными препаратами. Но, во-первых, это порой единственно возможная форма коммуникации, что подтверждается работами психопедагога из Франции П. Сансона, который приводит описание множества случаев: когда люди с аутизмом, овладев способами альтернативной коммуникации, например, языком Макатон, перестали впадать в аффективные состояния, у них сокращались также или сходили на нет приступы аутоагрессии [Сансон П., 2012, с. 87–90, 92–101]. Во-вторых, только сам человек может овладеть своим аффек-

том (ему нужна в этом только помощь), так как от этого зависит его дальнейшая активность и социальная успешность. Лекарства же отключают его от телесно-эмоциональной реальности, а значит, и его ресурсов и могут рассматриваться только как временная и хорошо продуманная мера [Никольская О.С. и др., 1997, с. 70–72]. Следовательно, если не гасить аффект, а, напротив, научиться с ним работать, то он может стать отправной точкой для дальнейшей коммуникации. Именно поэтому нужны специалисты, умеющие работать с этим состоянием, находить и создавать такие культурные практики, в которых аффект станет способом выражения — средством коммуникации.

Театр как культурная форма поддержки становления телесно-аффективных основ субъектности

С нашей точки зрения, в современной культуре подобной культурной практикой, способной работать с аффектом, развивая и поддерживая становление субъектности у лиц с ментальными нарушениями, является театр [Попова Н.Т., 2013].

Театральная деятельность отличается от других видов деятельности. Театр не ориентируется жестко на нормы, правила и стандарты поведения, а уж современный театр тем более — его больше интересует именно уникальное и даже девиантное, т.е. формы небытового поведения, которые порой неприемлемы в обычной жизни.

Театр формирует измененное отношение к аффекту. В нем одни люди «плачут», «кричат» друг на друга и даже «убивают» (!), а другие на это смотрят. И это социально приемлемо постольку, поскольку подразумевает отношение к этим проявлениям аффекта именно как к его изображениям, разделяя и отделяя изображение аффекта, аффект и его поведенческие проявления, т.е. порождаемые им действия, которые помещены в сферу зрительского воображаемого. Тем самым формируется культура символического дистанцирования от аффекта. Интересно, что и сейчас существует создающий намеренный конфликт, отрицающий эту символическую дистанцию или не «врастающий» в нее «театр жестокости», собирающий значительные аудитории и эксплуатирующий дефицит культурных форм телесно-аффективного переживания себя и другого в современной культуре. Его аналогом в древности можно считать цирк гладиаторов в античном Риме, публичные казни и экзекуции в прежние века. Сейчас как пример можно назвать «трэш-

стрим», т.е. интернет-трансляцию издевательств или насилия над человеком, с целью превращения ее в продаваемое зрелище [Фомина Е., 2020].

Но театр также поддерживает необходимое для становления субъектности развитие рефлексии. Профессия актера требует высокого уровня контроля над своим поведением. При этом история культуры, история театра, особенно прототеатральные формы, показывают, что фокус рефлексии постоянно перемещался (например, предметом интереса в ранних формах театра были довольно простые объекты — варка еды и разрывание мяса при делении, ритмические действия, блестящие предметы, по сути, то, что привлекает и удерживает внимание), да и протоактер не сразу научился контролировать свое поведение. Индивидуально-рациональные формы контроля зарождались и вызревали внутри телесно-аффективных и коллективных форм действия [Попова Н.Т., 2013].

Актер — человек действующий, именно в театральной деятельности у него есть возможность научиться действовать и контролировать свое поведение начиная с самых примитивных форм активности и взаимодействия в группе. Конечно, если постановка сосредоточится на овладении такими способами действия и аффективного контроля, то это будет уже другой театр, не тот академический театр, к которому мы привыкли. В современной культуре есть подобный театр: это перформанс.

При этом важно понимать, что театральная деятельность — только просвет в новое пространство возможностей, для реализации которых история театра предоставляет доступ, открывает поле для размышлений и поиска. На пути к такому театру еще много чего надо понять и сделать, чтобы простое, часто произвольное действие человека с интеллектуальной недостаточностью стало осознанной деятельностью. Здесь отправным пунктом для нас является понимание значения движения в эволюции сознания. Поэтому далее мы будем говорить о выразительном движении.

Выразительное движение как символическая форма становления субъектности

Согласно Э. Кассиреру [Кассирер Э., 2002, с. 11–48], существуют три основные формы, в которых осуществляется фундаментальная функция сознания: в «функции выражения», в «функции репре-

зентации», в «функции значения». В онто- и филогенезе эти формы предстают как этапы эволюции сознания. Выразительное движение, по Э. Кассиреру, при этом оказывается одним из трех источников символотворчества [Кассирер Э., 2002, с. 109–130]. Два из них хорошо знакомы в специальной педагогике и используются для развития символической деятельности у детей — речь и графическое изображение, ряд исследователей добавляет к ним игровую деятельность (см.: [Будякова Т.П., 2005; Гаврилушкина О.П., 2006; Кузнецова Л.В. и др., 2003; Салмина Н.Г., 1988, 1996; Ульенкова У.В., 1990]). Все формы игровой деятельности опираются на подражание. В ряде случаев приходится начинать работу с детьми, когда и такое базовое поведение, как подражание, отсутствует (например, у аутичных детей); оказывается, что оно не запускается автоматически. Наш опыт показывает, что, чтобы подражание стало возможным, необходима глубокая работа с телом в соответствии с этапностью построения движения в филогенезе, по Н.А. Бернштейну (см. также: [Архипов Б.А. и др., 2011]).

При поверхностном взгляде на развитие движения в онтогенезе мы видим, что ребенок поднимает голову, переворачивается с боку на бок, пытается сесть, ползает на четвереньках, встает и начинает ходить. Далее эти действия только усложняются (бег, прыжки и т.д.). Эта последовательность детально разработана и изложена в Стандартах ВОЗ по моторному развитию детей [WHO Multicentre Growth Reference Study Group, Onis M, 2006] и положена в основу работы разных специалистов. На наш взгляд, при нарушениях развития совершенно бесполезно напрямую следовать этой схеме и тренировать конкретные движения, так как они представляют собой верхушку айсберга и являются только маркерами сложных процессов развития движений в филогенезе.

С точки зрения Н.А. Бернштейна [Бернштейн Н.А., 2012], каждый новый уровень построения движения представляет собой и определенный тип восприятия, который ему соответствует, и конкретную область, в которой движение совершается, и характер активности (например, общения), а также и принципиально возможное к освоению жизненное пространство (соотносимое с понятием *Umwelt*). Например, уровень А — пространство своего тела, В — ближайшего окружения, С — пространственного поля, D — поля культуры, Е — индивидуальной рефлексии.

В соответствии с каждым уровнем мы разработали упражнения и тренировки, стимулирующие успешную компенсацию особенностей его формирования, что выражается в появлении активности у человека на этом уровне. В театральной работе это, как правило, способность к импровизации с наработанными на этом уровне инструментами. Например, на уровне А — это импровизация в тесном контакте с партнером в партере, где партнер является то продолжением тела, способным откликаться и усиливать даже минимальную активность нарождающегося субъекта, то окружающей средой, активно реагирующей на проявляемую активность. Люди с интеллектуальными нарушениями являются людьми ближнего пространства. Развитие А, В, С-уровней предполагает ближний контакт. Именно поэтому мы осваиваем ближнее пространство, в том числе и как пространство коммуникации. Из этого пространства можно увидеть простые события и ситуации как бы глазами человека с ментальной инвалидностью, и эти события и ситуации становятся задачами тренингов и темами будущих спектаклей.

В пределах данной статьи несколько подробнее описывается работа только на уровне А, по Н.А. Бернштейну. Уровень А (руброспинальный, палеокинетический, уровень тонической организации) является самым древним, но и самым важным, базовым в нашей работе. На этом уровне мы формируем тонус, развиваем проприоцептивную чувствительность и вестибулярный аппарат. В норме это происходит у детей шести месяцев жизни. По нашему опыту, практически у всех людей, даже совершенно здоровых, он нуждается в коррекции. Даже незначительные дисфункции на данном уровне могут накапливаться и перерастать в серьезные соматические или психологические проблемы. Практически у всех людей с инвалидностью есть нарушения уровня А. Гипо-, гипер- или дистонии, соответственно, показательны для людей с Даун-синдромом, детским церебральным параличом, аутизмом.

Но важно подчеркнуть, что мы ставим задачу не исправить какой-либо дефект развития, а сформировать основу для становления субъектности. Уровень тонической организации отвечает за восприятие себя целостным существом, пусть всего лишь кожно-мышечным мешком, но сформированная целостность ляжет в основу такого базового чувствования, как «доверие к миру», поможет в работе со страхами и таким симптомом, как деперсонализация. Физический тонус

связан с эмоциональным тонусом, его коррекция дает стабильный фон для терапии любых психических заболеваний. Это важные эффекты в нашей работе, но терапевтический аспект не является ее существом. Самое главное, что, скорректировав телесный тонус, мы получаем шанс пережить целостность нашего тела, его представленность в нашем сознании и в дальнейшем его осознание, обращенность «на себя» и активность по отношению к жизненной среде. На этой основе формируется база для рождения символической деятельности, возможность управлять своим поведением, т.е. начинается путь в культуру. Очень важно сопровождать активность человека на уровнях А и В, постепенно отдавая инициативу на уровень С — уровень индивидуального освоения пространственного поля.

Далее возникают другие проблемы, которые приходится решать конкретному человеку самостоятельно. Например, работать со стереотипами и индивидуальной выразительностью. Работа со стереотипами не так однозначна, как кажется, поэтому мы и говорим о том, что мы не боремся со стереотипами, а работаем с ними. Здесь начинается работа в рамках соответствующих тренингов, которые являются аналогами культурных практик, причем кроме сценических задач они помогают участникам решать важные задачи своего развития (см., напр., тренинг «Лавочка» [Попова Н.Т., Попова Е.А., 2013]).

Заключение

Каждый этап терапевтической работы, таким образом, ставит задачу раскрытия определенного мира возможностей, развития активности участника студии и поиска соответствующего этому этапу эстетического эквивалента. В итоге появляется аутентичный для него мир символической, культурной активности конкретного человека с ментальной инвалидностью, т.е. своего рода соответствующий ему культурно-выразительный Umwelt, если использовать термин Я. фон Иксюля вне его первоначальной сферы применения.

Несколько похожую работу в терапевтических целях совершают специалисты, опирающиеся на метод «замещающего онтогенеза» [Семенович А.В., 2015, с. 70–109; Архипов Б.А. и др., 2011] или сенсорного синтеза [Айрес Э.Дж., 2009; Кислинг У., 2010]. Интересным, с нашей точки зрения, является и описание практик взаимодействия с детьми с аутизмом, опирающихся на теорию уровневой организации движений Н.А. Бернштейна [Максимова Е.В., 2015].

Наша работа отличается от данных исследований тем, что мы встраиваем реабилитационный этап в процесс театральной деятельности и осуществляем его в группе. Создавая терапевтическую среду, делаем ее социальной изначально, т.е. не в парадигме клиент-пациент. Меняется и цель работы: ею становится поиск индивидуальной телесной выразительности, становление собственной символически-выразительной субъектности участника студии, а не коррекция его нарушений и дефектов. Мы также находим разнообразные средства символизации каждого этапа занятий. Вся работа происходит в инклюзивной группе, т.е. совместно с участниками студии без ментальной инвалидности, и нашей задачей становится сделать ее актуальной как для нормотипичного участника, так и для участника с инвалидностью, так как и те и другие (затрачивая разные усилия) проходят путь «от природы к культуре» и прикладывают собственный труд, чтобы стать культурно выразительными.

Были рассмотрены некоторые концептуальные основания нашего исследования без включения в них собственно театроведческих. Если же говорить об аналогичных практиках непосредственно в театре, то можно сослаться на понятия биоса и преэксpressивности, которые, развивая Е. Гротовского, вводят Э. Барба и Н. Саварезе в Словаре театральной антропологии [Барба Э., Саварезе Н., 2010, с. 107, 116–135]. Преэксpressивность — это центральное понятие в театральной антропологии Е. Гротовского и Э. Барбы. На понимание значения преэксpressивного этапа театральной работы Е. Гротовский и Э. Барба вышли при знакомстве с театральными практиками Индии, Китая, Японии, Мексики и др. Европейский театр до сих пор с трудом осознает смысл преэксpressивного этапа работы с телом. С нашей точки зрения, эта работа затрагивает А, В, С-уровни организации движения, по Н.А. Бернштейну, и связана с развитием контроля над движением (например, понимание того, как перемещается вес тела при движении, что способствует накоплению энергии в теле, и как направить ее для совершенствования усилия-действия).

На этом пути актерам с инвалидностью удается освоить средства индивидуальной выразительности, которые делаются частью становления их культурной субъектности исходя из специфики их собственной психофизики. В социокультурной общности инклюзивной театральной студии создается невербальный язык коммуникации (сценический и бытовой), возникают основания для

общего взгляда на мир ее разных участников. Таким образом, инклюзия рассматривается как выработка общего языка и культурных форм взаимодействия во включающей группе, моделью которой выступает интегрированная театральная студия, а не как простая декларация равных прав на социальное включение. Инклюзия начинается на глубоком уровне телесного взаимодействия, эмпатии и доверия, а не с установок на толерантность. Опираясь на этот уровень, мы все можем встретиться на общих основаниях и в долгосрочной и устойчивой перспективе.

Список литературы

- Айрес Э.Дж.* Ребенок и сенсорная интеграция. Понимание скрытых проблем развития / пер. с англ. Ю. Даре. М.: Теревинф, 2009. 272 с.
- Архипов Б.А., Максимова Е.В., Семенова Н.Е.* Нарушения восприятия себя, как основная причина формирования искаженного психического развития особых детей: сб. ст. М.: Диалог-МИФИ, 2011. 64 с.
- Барба Э., Саварезе Н.* Словарь театральной антропологии: Тайное искусство исполнения / пер. И. Васюченко и др. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2010. 320 с.
- Белимова П.А.* Исследование визуального восприятия с помощью айтрекинга у детей с интеллектуальной недостаточностью // Современное образование: Актуальные вопросы. Достижения и инновации: сб. ст. XXXVI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза: Наука и Просвещение, 2020. С. 47–50.
- Бернштейн Н.А.* О построении движений. М.: Книга по Требованию, 2012. 254 с.
- Будякова Т.П.* Знаково-символическая деятельность и ее генез: учеб. пособие. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2005. 48 с.
- Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3: Проблемы развития психики / под ред. А.М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983. 368 с.
- Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5: Дефектология и учение о развитии и воспитании / под ред. Т.А. Власовой. М.: Педагогика, 1983. 368 с.
- Гаврилушкина О.П.* Использование знаково-символических средств со школьниками с интеллектуальной недостаточностью. Психокоррекционный аспект // Культурно-историческая психология. 2006. Т. 2, № 1. С. 40–47.
- Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 1: Язык. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 272 с.
- Кислинг У.* Сенсорная интеграция в диалоге. Понять ребенка, распознать проблему, помочь обрести равновесие / пер. с нем. К. Шарр; под ред. Е.В. Ключковой. М.: Теревинф, 2010. 240 с.
- Князева Е.Н.* Понятие «Umwelt» Якоба фон Иксюля и его значимость для современной эпистемологии // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 30–44.
- Кузнецова Л.В., Переслени Л.И., Петрова В.Г. и др.* Основы специальной психологии: учеб. пособие / под ред. Л.В. Кузнецовой. М.: Академия, 2003. 480 с.
- Леонтьев Д.А., Лебедева А.А., Костенко В.Ю.* Траектории личностного развития: реконструкция взглядов Л.С. Выготского // Вопросы образования. 2017. № 2. С. 98–112. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-2-98-112>
- Максимова Е.В.* Уровни общения. Причины возникновения раннего детского аутизма и его коррекция на основе теории Н.А. Бернштейна. М.: Диалог-МИФИ, 2015. 288 с.
- Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М.* Аутичный ребенок: пути помощи. М.: Теревинф, 1997. 341 с.
- Попова Н.Т.* Культурологические аспекты развивающей педагогики // Постигание культуры: ежегодник. Вып. 11 / ред. О.К. Румянцев. М.: Рос. ин-т культурологии, 2001. С. 96–108.
- Попова Н.Т.* Культурные механизмы развития человека (культурные формы, культурный дефицит, субкультуры) // Теоретическая культурология / отв. ред. О.К. Румянцев, ред. А.Ю. Шеманов. М.: Академ. проект; Екатеринбург: Деловая книга, РИК, 2005. С. 324–336.
- Попова Н.Т.* Проблемы репертуара театра с участием актеров с ментальными нарушениями // Искусство как творчество социальности и проблемы социокультурной реабилитации: сб. ст. по материалам II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Москва, 1–2 октября 2013 г.) / отв. ред. А.Ю. Шеманов; Моск. гор. психолого-педагогический ун-т; Ин-т философии РАН. М.: ООО «Принтберри», 2013. С. 47–55.
- Попова Н.Т., Попова Е.А.* Развитие индивидуальной выразительности актера с ограниченными возможностями здоровья в групповом театральном тренинге: синтез эстетических и реабилитационных задач // Актуальные проблемы психологической реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья: сб. науч. ст. / ред. А.М. Щербакова. М.: МГППУ, 2013. С. 80–96.
- Салмина Н.Г.* Знак и символ в обучении. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. 288 с.
- Салмина Н.Г.* Знаково-символическое развитие детей в начальной школе // Психологическая наука и образование. 1996. Т. 1, № 1. С. 73–81.
- Сансон П.* Психопедагогика и аутизм: опыт работы с детьми и взрослыми. 2-е изд. М.: Теревинф, 2012. 208 с.
- Семенович А.В.* Нейропсихологическая коррекция в детском возрасте. Метод замещающего онто-

гене́за : учеб. пособие. 9-е изд. М.: Генезис, 2017. 476 с.

Ульянкова У.В. Шестилетние дети с задержкой психического развития. М.: Педагогика, 1990. 184 с.

Фомина Е. Бунт маленького человека, или Почему популярны смерти в прямом эфире // Deutsche Welle. 2020. 17 окт. URL:

<https://www.dw.com/ru/tresh-strim-kak-bunt-malenkogo-cheloveka/a-55964467> (дата обращения: 28.07.2021).

Шеманов А.Ю., Екушевская А.С. Формирование инклюзивной культуры при реализации инклюзивного образования: вызовы и достижения // Современная зарубежная психология. 2018. Т. 7, № 1. С. 29–37. DOI:

<https://doi.org/10.17759/jmfp.2018070103>

Шеманов А.Ю., Попова Н.Т. Инклюзия в культурологической перспективе // Психологическая наука и образование. 2011. Т. 16, № 1. С. 74–82.

Connor D.J., Ferri B.A. Integration and Inclusion: A Troubling Nexus: Race, Disability, and Special Education // The Journal of African American History. 2005. Vol. 90, no. 1–2. P. 107–127. DOI:

<https://doi.org/10.1086/jaahv90n1-2p107>

Fultot M., Turvey M.T. Von Uexküll's Theory of Meaning and Gibson's Organism–Environment Reciprocity // Ecological Psychology. 2019. Vol. 31, iss. 4. P. 289–315. DOI:

<https://doi.org/10.1080/10407413.2019.1619455>

Schlosser M. Agency // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. by E.N. Zalta. 2019. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/win2019/entries/agency/> (accessed: 27.07.2021).

WHO Multicentre Growth Reference Study Group, Onis M. WHO Motor Development Study: Windows of achievement for six gross motor development milestones // Acta Paediatrica. 2006. Vol. 95, suppl. iss. 450. P. 86–95. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1651-2227.2006.tb02379.x>

Получена: 01.08.2021. Принята к публикации: 31.08.2021

References

Arkhipov, B.A., Maksimova, E.V. and Semenova, N.E. (2011). *Narusheniya vospriyatiya sebya, kak osnovnaya prichina formirovaniya iskazhennogo psikhicheskogo razvitiya osobykh detey: sbornik statey* [Disorders of self-perception as the main reason for the formation of distorted mental development of special needs children: collection of articles]. Moscow: Dialog-MIFI Publ., 64 p.

Ayres, A.J. (2009). *Rebenok i sensornaya integratsiya. Ponimanie skrytykh problem razvitiya* [The child and sensory integration. Understanding hidden developmental issues]. Moscow: Terevinf Publ., 272 p.

Barba, E. and Savarese, N. (2010) *Slovar' teatral'noy antropologii: Taynoe iskusstvo ispolneniya* [A dictionary of theatre anthropology: the secret art of the performer]. Moscow: Artist. Rezhisser. Teatr Publ., 320 p.

Belimova, P.A. (2020). [Visual impairment study on children with intellectual disabilities]. *Sovremennoe obrazovanie: Aktual'nye voprosy. Dostizheniya i innovatsii: Sbornik statey XXXVI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Contemporary Education: Topical Issues. Achievement and Innovation. Collection of Articles of the 36th International Scientific and Practical Conference]. Penza: Nauka i Prosvetshenie Publ., pp. 47–50.

Bernstein, N.A. (2012). *O postroenii dvizheniy* [On the construction of movements]. Moscow: Kniga po Trebovaniyu Publ., 254 p.

Budyakova, T.P. (2005). *Znakovo-simvolicheskaya deyatel'nost' i ee genez* [Sign-symbolic activity and its genesis]. Elets: Bunin Elets State University Publ., 48 p.

Cassirer, E. (2002). *Filosofiya simvolicheskikh form. T. 1: Yazyk* [The philosophy of symbolic forms. Vol. 1: Language]. Moscow, Saint Petersburg: Universitetskaya Kniga Publ., 272 p.

Connor, D.J. and Ferri, B.A. (2005). Integration and inclusion: a troubling nexus: race, disability, and special education. *The Journal of African American History*.

Vol. 90, no. 1–2, pp. 107–127. DOI:

<https://doi.org/10.1086/jaahv90n1-2p107>

Fomina, E. (2020). [The riot of a insignificant man, or why live deaths are popular]. *Deutsche Welle*.

Oct. 17. Available at: <https://www.dw.com/ru/tresh-strim-kak-bunt-malenkogo-cheloveka/a-55964467> (accessed 28.07.2021).

Fultot, M. and Turvey, M.T. (2019). Von Uexküll's theory of meaning and Gibson's organism–environment reciprocity. *Ecological Psychology*. Vol. 31, iss. 4, pp. 289–315. DOI:

<https://doi.org/10.1080/10407413.2019.1619455>

Gavrulushkina, O.P. (2006). [The use of sign-symbolic tools by preschool children with intellectual deficiency. The psychocorrectional aspect]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology]. Vol. 2, no. 1, pp. 40–47.

Kiesling, U. (2010). *Sensornaya integratsiya v dialoge. Ponyat' rebenka, raspoznat' problemu, pomoch' obresti ravnovesie* [Sensory integration in the dialogue: to understand the child, recognize the problem, help to find a balance]. Moscow: Terevinf Publ., 240 p.

Knyazeva, E.N. (2015). [J. von Uexküll's concept of Umwelt and its significance for the modern epistemology]. *Voprosy filosofii*. No. 5, pp. 30–44.

Kuznetsova, L.V., Peresleni, L.I., Petrova, V.G. et al. (2003). *Osnovy spetsial'noy psikhologii* [Fundamentals of special psychology]. Moscow: Akademiya Publ., 480 p.

- Leont'ev, D.A., Lebedeva, A.A. and Kostenko, V.Yu. (2017). [Pathways of personality development: following Lev Vygotsky's guidelines]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies]. No. 2, pp. 98–112. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-2-98-112>
- Maksimova, E.V. (2015). *Urovni obscheniya. Prichiny vozniknoveniya rannego detskogo autizma i ego korrektsiya na osnove teorii N.A. Bernsteina* [Communication levels. The causes of early childhood autism and its correction based on the theory of N.A. Bernstein]. Moscow: Dialog MIFI Publ., 288 p.
- Nikol'skaya, O.S., Baenskaya, E.R. and Libling, M.M. (1997). *Autichnyy rebenok: puti pomoschi* [Autistic child: ways to help]. Moscow: Terevinf Publ., 341 p.
- Popova, N.T. (2001). [Cultural aspects of developing pedagogy]. *Postizhenie kul'tury: Ezhegodnik. Vyp. 11* [Comprehension of Culture. Annual. Iss. 11]. Moscow, RICR Publ., pp. 96–108.
- Popova, N.T. (2005). [Cultural mechanisms of human development (cultural forms, cultural deficits, sub-cultures)]. *Teoreticheskaya kul'turologiya* [Theoretical cultural research]. Moscow: Akademicheskiiy Proekt Publ.; Ekaterinburg: Delovaya Kniga Publ., RICR Publ., pp. 324–336.
- Popova, N.T. (2013). [Problems of the theater repertoire with the participation of actors with mental disabilities]. *Iskusstvo kak tvorchestvo sotsial'nosti i problemy sotsiokul'turnoy rehabilitatsii. Sb. statey po materialam II Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Moskva, 1–2 oktyabrya 2013 g.)* [Art as Creativity of Sociality and Problems of Socio-Cultural Rehabilitation: Collection of Articles Based on the Materials of the 2nd All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation (Moscow, October 1–2, 2013)]. Moscow: Printberri Publ., pp. 47–55.
- Popova, N.T. and Popova, E.A. (2013). [The development of the individual expressiveness of an actor with disabilities in group theater training: a synthesis of aesthetic and rehabilitation tasks]. *Aktual'nye problemy psikhologicheskoy rehabilitatsii lits s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya: sbornik nauchnykh statey* [Actual problems of psychological rehabilitation of persons with disabilities: collection of articles]. Moscow: MSUPE Publ., pp. 80–96.
- Salmina, N.G. (1988). *Znak i simbol v obuchenii* [Sign and symbol in training]. Moscow: MSU Publ., 288 p.
- Salmina, N.G. (1996). [Sign-symbolic development of children in primary school]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. Vol. 1, no. 1, pp. 73–81.
- Sanson, P. (2012). *Psikhopedagogika i autizm: opyt raboty s det'mi i vzroslymi* [Psychopedagogy and autism: experience with children and adults]. 2nd ed. Moscow: Terevinf Publ., 208 p.
- Schlosser, M. (2009). Agency. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, ed. by E.N. Zalta. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/win2019/entries/agency/> (accessed 27.07.2021).
- Semenovich, A.V. (2017). *Neyropsikhologicheskaya korrektsiya v detskom vozraste. Metod zameschayushchego ontogeneza* [Neuropsychological correction in childhood. Method of replacement ontogenesis]. 9th ed. Moscow: Genezis Publ., 476 p.
- Shemanov, A.Yu. and Ekushevskaya A.S. (2018). [Formation of inclusive culture in the implementation of inclusive education: challenges and achievements]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Journal of Modern Foreign Psychology]. Vol. 7, no. 1, pp. 29–37. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2018070103>
- Shemanov, A.Yu. and Popova, N.T. (2011). [Inclusion in culturological perspective]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. Vol. 16, no. 1, pp. 74–82.
- Ul'enkova, U.V. (1990). *Shestiletnie deti s zaderzhkoy psikhicheskogo razvitiya* [6-year-old children with mental retardation]. Moscow: Pedagogika Publ., 184 p.
- Vygotsky, L.S. (1983). *Sobranie sochineniy: v 6 t. T. 3: Problemy razvitiya psikhiki* [Collected works: in 6 vols. Vol. 3. Problems of the development of the psyche]. Moscow: Pedagogika Publ., 368 p.
- Vygotsky, L.S. (1983). *Sobranie sochineniy: v 6 t. T. 5: Defektologiya i uchenie o razvitii i vospitanii* [Collected works: in 6 vols. Vol. 5: Defectology and the doctrine of development and education]. Moscow: Pedagogika Publ., 368 p.
- WHO Multicentre Growth Reference Study Group, Onis, M. (2006). WHO Motor Development Study: Windows of achievement for six gross motor development milestones. *Acta Paediatrica*. Vol. 95, suppl. iss. 450, pp. 86–95. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1651-2227.2006.tb02379.x>

Received: 04.03.2021. Accepted: 24.04.2021

Об авторах

Попова Наталья Тимофеевна

руководитель подразделения социокультурной реабилитации «Круг»

Центр детского творчества «Строгино»,
123592, Москва, Строгинский б-р, 7/3;
e-mail: exnatus@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7646-6697>
ResearcherID: AAV-4783-2021

Шеманов Алексей Юрьевич

доктор философских наук,
профессор кафедры специальной психологии
и реабилитологии, ведущий научный сотрудник
научно-методического центра Института проблем
инклюзивного образования

Московский государственный
психолого-педагогический университет,
127051, Москва, ул. Сретенка, 29;
e-mail: ShemanovAYu@mgppu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3925-3534>
ResearcherID: Y-2363-2019

About the authors

Natalia T. Popova

Head of the Structural Unit of the Social-Creative Rehabilitation «Krug»

Centre for children's creativity «Strogino»,
7/3, Stroginsky blvd., Moscow, 123592, Russia;
e-mail: exnatus@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7646-6697>
ResearcherID: AAV-4783-2021

Alexey Yu. Shemanov

Doctor of Philosophy, Docent,
Professor of the Department of Special Psychology
and Rehabilitology, Leading Researcher
of the Scientific and Methodological Center
of the Institute for Inclusive Education Problems

Moscow State University of Psychology
and Education,
29, Sretenka st., Moscow, 127051, Russia;
e-mail: ShemanovAYu@mgppu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3925-3534>
ResearcherID: Y-2363-2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Попова Н.Т., Шеманов А.Ю. Творческие инклюзивные практики становления субъектности: подход к концептуальному обоснованию // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 376–385. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-376-385

For citation:

Popova N.T., Shemanov A.Yu. [Creative inclusive practices of subjectivity formation: an approach to conceptual substantiation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 3, pp. 376–385 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-376-385

УДК 130.3:159.9.01

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-386-394

СУБЪЕКТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ РЕАБИЛИТАНТА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ТРЕЗВЕННИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ

Зотова Варвара Алексеевна

Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Литинская Джинна Григорьевна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)

Проводится сравнительный анализ представлений о субъектности личности реабилитанта с точки зрения подходов к лечению алкоголизма, применяемых различными трезвенническими движениями. Под реабилитантом в статье вслед за Р.М. Войтенко подразумевается адресат процесса реабилитации. Сопоставляется восприятие субъектности реабилитанта в традиционной наркологии с таковым с позиций трезвеннических движений: Анонимных Алкоголиков, Союза утверждения и сохранения трезвости «Трезвый Урал» (методика Шичко) и Попечительства о народной трезвости Свердловской области (Свердловская епархия РПЦ). Исследовательский фокус выстраивается вокруг концепта «субъектность», формулируется гипотеза о том, что концептуальное отношение к реабилитанту, заложенное в парадигме того или иного метода лечения, напрямую влияет на успех терапии. В основу гипотезы легла социально-философская неопределенность, возникшая вокруг обсуждений границ влияния личности реабилитанта и влияния веществ, принимаемых реабилитантом во время заболевания и лечения от алкоголизма. Авторы обращают внимание на проблему того, что традиционный наркологический подход десубъективирует реабилитанта, что приводит к снижению успешности лечения. При этом прикладная деятельность различных трезвеннических движений также дифференцируется в зависимости от заложенной на идеологическом уровне парадигмы субъектности реабилитанта. В результате сравнительного анализа авторы приходят к выводу, что в идеологии некоторых трезвеннических движений заложен отказ от личной субъектности реабилитанта в угоду формирования до известной степени субъектности группы, коллектива. Теоретическая возможность формирования коллективного субъекта позволяет по-новому взглянуть на критерии эффективности лечения от зависимости и является методологическим «мостом» к объяснению феномена территорий трезвости.

Ключевые слова: субъектность, здоровый образ жизни, трезвость, трезвеннические движения, анонимные алкоголики, аддиктивное поведение, метод Шичко.

THE SUBJECTIVITY OF THE REHABILITANT'S PERSONALITY AS CONCEIVED BY TEMPERANCE MOVEMENTS

Varvara A. Zotova

Russian State University for the Humanities (Moscow)

Jinna G. Litinskaya

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)

The article presents a comparative analysis of the ideas about the subjectivity of the rehabilitant's personality in terms of approaches to the treatment of alcoholism used by various temperance movements. Following the definition offered by R.M. Voitenko, the authors use the term «rehabilitant» to denote the an aid recipient in the rehabilitation process. The article compares how the subjectivity of a person undergoing rehabilitation is perceived in traditional narcology, in Alcoholics Anonymous, in the Union of Approval and Preservation of Sobriety «Sober Ural» (Shichko's methodology), and in the People's Sobriety Organization of the Sverdlovsk region (Sverdlovsk diocese of the Russian Orthodox Church). The research focuses on the concept of «subjec-

tivity». A hypothesis is formulated that the conceptual attitude towards a rehabilitant embedded in the paradigm of a particular treatment method directly affects the success of therapy. The hypothesis is based on the socio-philosophical uncertainty that arose around the discussion on the influence of the rehabilitant's personality and the influence of medicine taken by the rehabilitant during the illness and treatment for alcoholism. The authors draw attention to the problem that the traditional narcological approach causes desubjectification of rehabilitants, which leads to a decrease in the treatment success. At the same time, the practical activities of various temperance movements are also differentiated depending on the paradigm of the rehabilitant's subjectivity laid down at the ideological level. Using comparative analysis, the authors come to a conclusion that the ideology of some temperance movements is based on the rejection of the rehabilitant's personal subjectivity in order to form, to a certain extent, the subjectivity of a group, a collective. The theoretical possibility of forming a collective subject allows a new view of the criteria for assessing the effectiveness of addiction treatment and represents a methodological «bridge» to explain the phenomenon of the territories of sobriety.

Keywords: subjectivity, healthy lifestyle, sobriety, subjectivity, temperance movements, anonymous alcoholics, addictive behavior, Shichko method.

История алкоголизма как болезни, требующей системного лечения, известна еще с древности, но сама возможность говорить о нем в том числе и с позиций современного лечения появилась как минимум 170 лет назад — в 1849 г. шведский врач Магнус Гусс ввел термин «хронический алкоголизм» в медицинский научный вокабуляр. Спустя чуть более 100 лет Всемирная Организация Здравоохранения внесла алкоголизм в перечень заболеваний, отделив, таким образом, его от понятия «бытовое пьянство». Это принципиально важный момент для субъектного подхода к проблеме, т.к. с момента, когда поставлен диагноз, происходит несколько важных метаморфоз: во-первых, человек попадает в сферу медицинского дискурса, который в любом случае ограничивает его не только в потреблении алкоголя, но и в других субъектных выборах; во-вторых, он может считать себя больным, что, с одной стороны, может привести к становлению рентной установки, с другой же — стать первым шагом к лечению; в-третьих, субъектная составляющая выбора алкоголя нивелируется — это болезнь, человек может лечиться, но пока он болен, он не может не испытывать зачастую непреодолимую тягу к алкоголю.

Вопрос «излечим ли алкоголизм?» был дискуссионным во времена, предшествовавшие Магнусу Гуссу, и остается таким и по сей день. Существует множество принципиально разных подходов к лечению алкоголизма, которые, помимо различий в конкретных методиках лечения, различаются и отношением к личности алкоголика (реабилитанта — термин, примененный Р.М. Войтенко к адресату процесса реабилитации для подчеркивания его субъектности в этом процессе) [Войтенко Р.В., 2011]. Эти различия выражаются в числе прочего по двум наиболее интересным, на наш взгляд, параметрам: в наделении реабилитанта разной степенью субъектности и в

фундаментально разной интерпретации понятия «трезвость». Кроме того, надо помнить, что, как только мы говорим о болезни, мы попадаем в то поле, где очень важно понимать, где заканчивается личность и начинается болезнь?

Проблема субъектности при лечении зависимости: к постановке проблемы

В. Маньян в 1893 г. так говорил об опьянении: «Возбуждение постепенно возрастает, мысли утрачивают ясность, хуже формулируются, ум перестает подчиняться законам разума. Пьяный человек в эту минуту может выглядеть самым различным образом: веселым, грустным, нежным, и до сих пор не ясно, чем это определяется — характером ли больного, его наследственными задатками, физиологическими обстоятельствами, в которых застаёт его опьянение, или же (или в дополнение ко всему прочему) свойствами того или иного горячительного напитка и количеством и способом его принятия» [Маньян В., 1995]. Как видно, понимание границ влияния свойств личности и свойств вещества размыто, нет его и сейчас; существует бесконечное количество мифов о том, что от водки мрачнеют, от шампанского веселятся и т.п., причем подчас эти мифы можно видеть и среди медиков. Нет определенных границ между субъектностью пациента и воздействием лекарств (как и прочих методов лечения); в этой области все еще сложнее, т.к. лечение назначает врач, а значит, оно как будто бы является выбором врача, а пациент, который до того был объектом воздействия собственной зависимости и алкоголя, становится объектом воздействия и врача и лекарства.

Исходя из этого, мы сформулировали гипотезу о том, что *чем меньше с точки зрения терапевтической парадигмы уровень субъектности реабилитанта, тем менее эффективна терапия.*

Для того чтобы подтвердить или опровергнуть выдвинутую гипотезу, был сделан сравнительный анализ представлений о субъектности реабилитанта трех антиалкогольных движений: Анонимных Алкоголиков, Союза утверждения и сохранения трезвости «Трезвая Россия» («Трезвая Тюмень») и Попечительства о народной трезвости Свердловской области (Свердловская епархия РПЦ). Эти три общественных движения были отобраны на основании следующих принципов: доступность развернутой информации о сути метода лечения, укорененность и распространенность общественного движения, ассоциированного с методом лечения, наличие активной антиалкогольной деятельности, а также гетерогенность в отношении к личности реабилитанта. Немаловажным фактором выбора был также доступ к анализу результативности работы этих методик.

В анализе мы будем опираться на концепт субъектности. Идея такого методологического хода не случайна — субъектность плотно встроена в структуру мотивации, которая особенно важна при реабилитации зависимых от алкоголя, т.к. никакое лечение не поможет, если человек не желает реадaptации в условно нормальное соционирование, не желает или не находит в себе сил изменить всю структуру жизни. Существует множество подходов к категории «субъектность», сравнительный анализ которых неуместен в рамках данной статьи. Мы опираемся на представление о субъектности как о «свойстве личности производить взаимообусловленные изменения в мире и человеке, в основе которого лежит отношение к себе как к деятелю» [Волкова Е.Н., 2005]. В работе с зависимостью первичным является вопрос мотивации к лечению. Немало людей, страдающих алкоголизмом, осознанно отказываются от лечения, что выглядит как субъектный выбор, но на деле предстает как *выбор отказа от субъектности*, которую после депривирует еще и болезнь. Именно поэтому в данном случае мы не можем говорить об активности человека как о детерминанте его развития, приводящей к самоформированию субъектности человека. Процессы саморазвития, самоформирования, самовоспитания, самоактуализации, саморегуляции возможны, когда человек начинает преодолевать барьеры как природной, так и социальной ограниченности [Петровский В.А., 2003]. В.А. Петровским была разработана идея неадаптивной активности и отраженной субъектности, которая дала возможность переосмыслить феномен развития личности в контексте процессов самодвижения, и, следуя

ему, мы должны уважать выбор пациента, даже если он ведет к усугублению болезни [Мухтарова Л.М. и др., 2019].

Влияние алкогольной зависимости на изменение субъектности личности исследовала И.В. Запесоцкая, сравнивая степень деформации субъектности у трех групп людей — бытовых пьяниц, больных алкоголизмом и находящихся в состоянии алкогольной ремиссии после прохождения курса лечения Анонимных Алкоголиков. Она приходит к выводу, что у респондентов из группы бытовых пьяниц субъектность соответствует критериям заявленной нормы, в то время как у людей из двух других групп структура субъектности оказалась в разной мере деформирована [Запесоцкая И.В., 2011].

Таким образом, представляется научно значимым сравнение основных подходов к лечению алкоголизма по предлагаемой исследователями концепции субъектности реабилитанта. Считаем, что это позволит скорректировать прикладные исследовательские методики для дальнейшего изучения людей, прошедших тот или иной вид лечения от алкогольной зависимости, а также поможет нам в интерпретации данных, полученных в ходе такого исследования.

Традиционный подход к субъектности реабилитанта

Прежде чем приступить к краткому описанию выбранных общественных антиалкогольных движений и их сравнительному анализу, обозначим, как наш предмет изучения — субъектность реабилитанта — рассматривает современная наркология. Традиционно в отечественном наркологическом дискурсе выделяются четыре стадии развития алкоголизма. На первой стадии больной часто испытывает тяжелопреодолимую тягу к алкоголю, критичность его мышления снижается, он начинает все чаще искать поводы для того, чтобы выпить. На второй стадии у больного вырастает толерантность к алкоголю, появляется абстинентный алкогольный синдром, затрудняется контроль количества выпитого, а также страдает контроль поведения в целом и начинает проявляться поражение внутренних органов и ЦНС. Именно реабилитационной работе с больными на этой стадии посвящена большая часть современных публикаций, и, что особенно важно для нашего рассуждения, на этой стадии, по сути, теряется свобода выбора — уже не человек выбирает, принимать ему алкоголь или нет, а его болезнь во многом задает поведение, т.е. поражается субъек-

ектность. На третьей стадии у больного резко падает толерантность к алкоголю, он впадает в запой, у него часто случаются алкогольные амнезии, повреждения внутренних органов становятся необратимыми, «человек уже бессознательно испытывает нестерпимое влечение к выпивке» [Мирошниченко Л.Д., 2016]. На этой же стадии происходит переориентация жизни в целом на употребление алкоголя, существенно страдают соционирование и близкие межличностные связи. На четвертой стадии становятся очевидны и необратимы органические повреждения мозга. Ярко выражен синдром отмены (вплоть до алкогольного делирия). Окончательно разрушается социальная жизнь и теряются навыки трезвой жизни.

Еще в 1970-х гг. Б.С. Братусь сделал вывод о том, что значимые изменения личности происходят на каждой стадии развития зависимости, от самого незаметного со стороны начала алкоголизации до полного разрушения психических структур и поражения физиологии. По МКБ-10 синдром алкогольной зависимости определяется как сильная тяга к алкоголю, ведущая к регулярному употреблению спиртного. Больной воспринимается как безвольный человек, имеющий непреодолимое, неподконтрольное желание выпить, которое практически становится важнее всего остального в его жизни. Уточняется, что именно это плохо преодолимое, страстное желание выпить, проблемы с ограничением количества выпиваемого алкоголя, возникновение абстинентного синдрома отличают алкогольную зависимость от злоупотреблений алкоголем (регулярного потребления в неумеренных количествах) [Братусь Б.С., 1973]. Трезвость в наркологии (и ВОЗ) интерпретируется предельно утилитарно — как «непрерывное воздержание от приема алкоголя и других психоактивных веществ» [Всемирная организация здравоохранения...].

Как видно, в рамках традиционного наркологического подхода реабилитант обладает нулевой степенью субъектности — он безволен, руководствуется инстинктами, не способен самостоятельно лечиться. В этой парадигме реабилитант предстает не субъектом, а объектом, на который оказывают соответствующее воздействие: метод условно-рефлекторной терапии, метод сенсibilизирующей терапии («подшивка» от алкоголя), плацебо-терапия («кодирование» от алкоголизма), а также метод, базирующийся на применении блокаторов опиоидных рецепторов. У этих наиболее распространенных методов лечения, применяемых в отечественной наркологии, есть

две общие черты — все эти методы оказывают воздействие на объект терапии в ультимативном одностороннем порядке и все они имеют довольно низкий уровень эффективности. Их действие носит кратковременный характер, направленный на устранение следствия, а не на искоренение причины заболевания. Эти методы не подразумевают самостоятельного «включения» больного в лечение, в их парадигме нет места субъектности реабилитанта. Собственно говоря, в современном отечественном медицинском дискурсе это достаточно обычно — пациент не занимает субъектной позиции, а только обязан пассивно выполнять предписания врачей.

Субъектность реабилитанта: три подхода

Перейдем к описанию и сравнительному анализу выбранных антиалкогольных движений. Анонимные алкоголики (АА) — движение возникло в 1935 г. в США, основной метод лечения базируется на групповой терапии по программе «12 шагов». С точки зрения АА, с момента вступления в программу и до конца своих дней зависимый человек (при удачном раскладе) становится «непьющим алкоголиком». АА считают, что даже однократное употребление алкоголя членом группы после или во время прохождения терапии — неважно, через какое время и в каких объемах, — требует повторного прохождения всех 12 шагов программы. Трезвость понимается АА не только как непрерывное воздержание от алкоголя, но и как «достижение и поддержание человеком общего контроля и равновесия в жизни» [12 шагов, 2017].

Подход АА к субъектности реабилитанта во многом схож с традиционной наркологией. На наш взгляд, он зафиксирован в первых двух шагах программы «12 шагов». Первый шаг заключается в признании своего бессилия перед алкоголем и признании того, что жизнь стала неуправляемой — т.е. признание своей десубъективизации. Второй шаг состоит в формировании убеждения, что только Сила, более могущественная, чем человек, может вернуть ему здравомыслие, что опять-таки человека во многом десубъективирует, он уже не может выступать как субъект своего выздоровления и своей ресоциализации, а передает ответственность за себя чему-то большему («вверяет себя»). Помимо программы «12 шагов АА» существуют и так называемые «12 традиций АА» — принципов функционирования группы, составленных в форме пожеланий, основывающихся на накопленном опыте АА как об-

щественного движения. В этих традициях групповое (общее) благополучие признается доминирующим над индивидуальным (личным) успехом, а лидеры групп называются «облеченными доверием исполнителями», которые, как и вся группа, признают лишь один высший авторитет — «любящего Бога, воспринимаемого нами в том виде, в котором Он может предстать в нашем групповом сознании» [12 традиций, 2017]. Таким образом, с позиции АА человек лишается субъектности. *На символическом уровне реабилитант заключает сделку — отказывается от своей субъектности ради терапии.* Он признает, что не в силах самостоятельно справиться с зависимостью и через посредника в лице группы перепоручает высшим силам взять ответственность за его дальнейшую судьбу. Здесь стоит отметить, что, несмотря на широкую распространенность групп АА, этот метод лечения подвергается обоснованной критике за низкий уровень эффективности, развитие у реабилитанта «магического мышления» и, по сути, замену одной зависимости — от алкоголя, на другую — от группы АА [Gelten L., 2019]. Это подтверждается и исследованием И.В. Запесоцкой, которая показала, что у респондентов, прошедших лечение в группе АА, наблюдается деформация субъектности. В частности, это выражается в разбалансированности, низком уровне автономности, снижении степени самоактуализации, зависимости от близкого окружения при принятии решений, подверженности давлению внешних обстоятельств и других негативных критериях [Запесоцкая И.В., 2011, с. 153].

Еще одно популярное трезвенническое движение в России — Союз утверждения и сохранения трезвости «Трезвый Урал» («Трезвая Тюмень»). Движение основано в 1983 г. и является одной из старейших в новой российской истории общественной организацией, занимающейся пропагандой трезвого образа жизни и лечением алкоголизма по методу советского физиолога, канд. биол. наук Г.А. Шичко. Метод Шичко — это разработанная в 1970-х гг. методика самостоятельного пошагового освобождения от табачно-алкогольной зависимости, основанная на коррекции проалкогольной запрограммированности человека с помощью прослушивания лекций, саморефлексии, самонаблюдения и самовнушения. Проалкогольная запрограммированность — это система устойчивых негативных убеждений о безвредности алкоголя и допустимости питья, с раннего детства навязываемая индивиду обществом. В рамках этой методики трезвость пони-

мается как «естественное состояние человека, семьи, общества (свободное от запрограммированности на самоотравление любыми интоксикантами и физического отравления ими в любых количествах)» [«Трезвая Тюмень»...]. Методологически лечение по методу Шичко имеет структурное и методическое сходство с когнитивно-бихевиоральной психотерапией и нейролингвистическим программированием. Основные принципы лечения Г.А. Шичко изложил в авторской программе «18 шагов» — комбинации теоретических и практических пунктов терапии, неукоснительное соблюдение которых гарантирует (по словам Шичко) избавление от зависимости.

В парадигме Шичко заложено восприятие субъектности реабилитанта, отличное от традиционной наркологии (где субъектность не учитывается) и от АА (где она приносится в жертву во имя интересов группы). Метод Шичко предполагает, что реабилитант в силу «проалкогольной запрограммированности» изначально лишен субъектности, но может *обрести ее* в процессе лечения. Это становится возможным благодаря набору методик, которые заключаются в ведении реабилитантом дневника самонаблюдений (самоотчетов) с ежедневным анализом эмоций и чувств, возникающих при желании выпить алкоголь, а также разбором жизненных ситуаций, в которых он или его знакомые обычно употребляют алкоголь. Всякий раз, сталкиваясь с «проалкогольной» жизненной ситуацией, реабилитант должен выполнять простые упражнения, направленные на повышение осознанности. Например, он замечает, что его коллеги собираются вместе выпить по пятницам: «когда люди (описание действия, связанного с привычкой)», «зачем они это делают?», «что в этом неправильного и плохого?», «как при аналогичной ситуации поступите вы?». Через саморефлексию реабилитант повышает свою осознанность и обретает субъектность, освобождаясь от зависимости. Таким образом, *зависимость противопоставляется субъектности, что задает абсолютно новую мотивацию для лечения, ресоциализации и реадaptации.*

По информации «Трезвая Тюмень» и ряда других общественных трезвеннических организаций, метод Шичко имеет высокую степень эффективности. Эффективность метода Шичко была косвенно подтверждена независимым исследованием, проведенном в 2011 г. канд. социол. наук Ю.Ю. Беловой. Исследование включало в себя организацию экспериментальных занятий по методике Шичко для 10 человек, в ходе которых ис-

пользовались психодиагностические методики; проведение факторного анализа 51 случая лечения по методу Шичко в течение года; экспертный опрос 6 специалистов, применяющих метод Шичко в своей практике. В результате исследования у испытуемых была обнаружена положительная динамика изменения деятельности психических процессов по всем измеряемым показателям. Факторный анализ выявил, что среди 51 человека, прошедшего курс лечения по методу Шичко в течение года, положительный результат был достигнут в 41 случае. В остальных 10 случаях произошел рецидив, вызванный, по всей видимости, отступлением от методики лечения, — эти реабилитанты самовольно прекратили ведение дневника раньше положенного срока. Опрошенные Ю.Ю. Беловой эксперты высоко оценили эффективность метода Шичко [Белова Ю.Ю., 2011].

Наконец, рассмотрим такую форму трезвеннического движения, как *Попечительство о народной трезвости* Свердловской области (Свердловская епархия РПЦ). Попечительство о народной трезвости — впервые возникшее в XIX в., а в 2008 г. вновь возрожденное общественно-государственное движение, представляющее собой союз органов государственной власти, РПЦ и общественников, созданный в целях духовно-нравственного просвещения, формирования установки на трезвый образ жизни, охраны здоровья населения Свердловской области и улучшения демографической ситуации. Основная деятельность Попечительства направлена на профилактику зависимостей и асоциального поведения с помощью открытых лекций, организации культурно-массовых мероприятий, распространения социальной рекламы, проведения Школ Трезвости.

Школа Трезвости — это «цикл занятий, который проводится в виде курса лекций или семинаров, имеющий целью формирование и закрепление мотивации к трезвой жизни и являющийся частью процесса реабилитации» [Бачинин И.В., 2017, с. 15]. Методологическое и методическое сопровождение для проведения Школ Трезвости разработал председатель Иоанно-Предтеченского братства «Трезвение», канд. пед. наук, протоиерей И.В. Бачинин. Методология Школы Трезвости носит синкретический характер. Она частично опирается на метод групповой терапии (как у АА) и переосмысленный метод Шичко, в котором основной акцент сделан не на субъектности, а на духовно-нравственном воспитании и особом понимании трезвости как нравственной ценности.

И.В. Бачинин пишет, что «трезвость — это не только свобода от зависимостей, но, прежде всего, — здравомыслие, способность человека мыслить, чувствовать, действовать ответственно на основе норм и ценностей христианской традиции» [Синодальный отдел...]. Методология решения проблемы зависимостей опирается на 4 принципа: «принцип **достижения** трезвости» (конструирование позитивного образа цели терапии); «принцип **просвещения** человека» (иницирование у человека эмоционально-смыслового переживания и понуждение его к активным действиям); «принцип **соборности**» (создание условий для возникновения различных групп трезвящихся людей); «принцип **со-работничества**» (сотрудничества общества, государства и Церкви в области утверждения трезвости) [Бачинин И.В., 2018]. Из этих четырех принципов возникают два основных метода трезвеннического просвещения — метод духовно ориентированного диалога и метод построения со-бытийной общности.

Со-бытийная общность — форма неструктурированной общности (**коммунитас**, по В. Тернеру), которая складывается на общей ценностно-смысловой основе ее участников. Особенность со-бытийной общности заключается в невозможности применения формальных методов для ее создания (указов, распоряжений), ее возникновению можно лишь поспособствовать, создав необходимые для этого условия. Со-бытийная общность несет в себе «и целевые ориентиры совместной деятельности, и ценностные основания своего единства как ее коллективного субъекта» [Слободчиков В.И., 2010]. Однако «в отличие от социальных структур (организованностей), со-бытийная общность не распадается после достижения цели, а продолжает существовать как среда, в которой разными способами сохраняются и передаются ценности, объединившие людей» [Бачинин И.В., 2018, с. 251]. Высокая значимость ценностей, остро переживаемых в значимых событиях, преобразует субъектность участников. Таким образом, в системе описанного церковного трезвенного просвещения субъектами трезвения являются **люди**, субъектами трезвенного просвещения — **общности**, а **события** становятся механизмами трезвенного просвещения.

Методика работы церковного трезвенного просвещения направлена на инициирование качественных изменений в сознании реабилитанта. Она нацелена на формирование и укрепление его личной субъектности, а также способствует появлению и развитию субъектов более сложного

уровня организации — *коллективных субъектов трезвенного просвещения (общностей)*. Курсы церковного трезвенного просвещения, как правило, завершаются принесением реабилитантом осознанного обета трезвости, что значительно снижает риск рецидива. Отметим, что во многих случаях завершение курсов трезвенного просвещения не означает окончания работы с реабилитантом. При благоприятном стечении обстоятельств, участвуя в ценностно-значимых событиях, к окончанию курсов реабилитант встраивается в событийную общность, становясь частью коллективного субъекта трезвенного просвещения. При этом важно сказать, что в данном случае продолжение отношений человека с группой после окончания курсов реабилитации не несет негативных последствий, как это распространено у АА. Здесь есть существенная разница: группы АА строятся на принципах совместного целедостижения, они относятся к социальным структурам (организованностям), в которых присутствует внутренняя иерархия (статусы, роли). Группа АА, сколь долго бы она ни существовала, организационно не способна стать коллективным субъектом терапии, поскольку ее участники находятся в заведомо неравном социальном положении. А событийная общность, возникающая в процессе проведения курсов трезвенного просвещения, как указано выше, имеет неструктурированную природу — она возникает на основе общих ценностей, совместное проживание которых с помощью значимых событий приводит к трансформации субъектности участников и появлению коллективного субъекта, который в философско-психологическом смысле субъектом не является, а, наоборот, по сути, растворяет личную субъектность в групповой динамике.

Данная методика реабилитации демонстрирует хорошие показатели эффективности, однако стоит отметить, что в данном случае эффективность обусловлена совокупностью факторов — грамотной методологией, балансом групповых и индивидуальных терапевтических методик, а также предрасположенностью самих реабилитантов, обращающихся за помощью в православное общество трезвости. Мы подразумеваем, что речь идет о тех, кто уже обратился к духовно-нравственным поискам и имеет дополнительную мотивацию, но часто не к ресоциализации, а к принципиально новой социализации — полному воцерковлению, это заставляет предполагать, что мы имеем дело не с реабилитацией, а с абилитацией, что ставит

вопрос о правомерности прямого сравнения указанного метода с первыми двумя.

Заключение

В результате проведенного сравнительного анализа были выявлены основные различия между концепциями субъектности личности в понимании традиционной наркологии и различных трезвеннических движений. Выдвинутая нами гипотеза о прямой зависимости между уровнем субъектности реабилитанта в базисной концепции методики лечения и эффективностью терапии частично подтвердилась. За время создания статьи разразилась пандемия COVID-19, что актуализировало этико-философские вопросы о границах субъектности реабилитанта как частного от субъектности пациента.

Проведенный анализ, в числе прочего, может быть расценен как попытка методологического подхода к объяснению феномена коллективной трезвости, который можно наблюдать на примере территорий трезвости (сельских поселков и поселений, жители которых добровольно ввели сухой закон). Кроме того, мы надеемся, что результаты анализа послужат методологической основой проведения прикладного исследования.

Выражение признательности

Статья написана в рамках гранта РФФИ № 19-013-00780 «Субъектность как детерминанта самоповреждающего поведения в современной культуре: междисциплинарный подход».

Acknowledgements

The article was written in the framework of the RFBR grant № 19-013-00780 «Subjectness as determinant of autodestructive behavior in the modern culture: interdisciplinary approach».

Список литературы

12 шагов / Анонимные Алкоголики Москвы и области. 2017. URL: <https://aamos.ru/index.php/what-is-aa/12-steps-aa> (дата обращения: 29.11.2019).

12 традиций / Анонимные Алкоголики Москвы и области. 2017. URL: <https://aamos.ru/index.php/what-is-aa/12-traditions-aa> (дата обращения: 29.11.2019).

Бачинин И.В. Реализация богословско-педагогических принципов и методологии трезвенного просвещения в различных его формах // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. Т. 19, № 3. С. 249–260.

Бачинин И.В. Школа трезвости: методическое пособие для приходских обществ трезвости. М.: Сам Полиграфист, 2017. 122 с.

Белова Ю.Ю. Врачевание алкогольной зависимости методом Г.А. Шичко (на примере Республики Марий Эл) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2011. № 2. С. 157–163.

Братусь Б.С. Изменения личности при алкоголизме. М.: Знание, 1973. 96 с.

Войтенко Р.В. Основы реабилитологии и социальная медицина: концепция и методология. СПб., 2011. 104 с.

Волкова Е.Н. Субъектность как деятельное отношение к самому себе, к другим людям и миру // Мир психологии. 2005. № 3(43). С. 33–40.

Всемирная Организация Здравоохранения. URL: https://www.who.int/substance_abuse/terminology/who_lexicon/en/#sobriety (дата обращения: 29.11.2019).

Занесоцкая И.В. Критерии деформации субъектности в состоянии алкогольной зависимости // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 3(3). С. 149–153.

Маньян В. Клинические лекции по душевным болезням. Алкоголизм. М.: Изд-во психиатров 67-ой Московской больницы, ТОО «Закат», 1995. 428 с.

Мирошниченко Л.Д. Алкоголизм // Большая российская энциклопедия. 2016. URL: <https://bigenc.ru/sociology/text/1813568> (дата обращения: 27.08.2021).

Мухтарова Л.М., Волов В.В., Мухаметзянова Ф.Г. Социокультурный феномен субъектности // Казанский вестник молодых ученых. 2019. Т. 3, № 2. С. 48–56.

Синодальный отдел по благотворительности выпустил новое пособие по организации школы трезвости на приходе / Официальный сайт Московского Патриархата РПЦ. 2018. 20 фев. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5149779.html> (дата обращения: 29.11.2020).

Петровский В.А. Личность: феномен субъективности. Ростов н/Д, 2003. 342 с.

Слободчиков В.И. Со-бытийная образовательная общность — источник развития и субъект образования // Ученые записки Педагогического института СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Серия: Психология. Педагогика. 2010. Т. 3, № 2(10). С. 3–8.

«Трезвая Тюмень»: общественная организация утверждения и сохранения Трезвости. URL: <http://trezvayatyumen.ru/yazyk-ust.html#trezvost> (дата обращения: 29.11.2020).

Gelten L. How Alcoholics Anonymous lied to the American people // New York Post. 2019. Apr. 13. URL: <https://nypost.com/2019/04/13/how-alcoholics-anonymous-lied-to-the-american-people/> (accessed: 29.11.2020).

Получена: 01.08.2021. Принята к публикации: 31.08.2021

References

[12 steps] (2017). Anonymous alcoholics of Moscow and the region. Available at: <https://aamos.ru/index.php/what-is-aa/12-steps-aa> (accessed 29.11.2019).

[12 traditions] (2017). Anonymous alcoholics of Moscow and the region. Available at: <https://aamos.ru/index.php/what-is-aa/12-traditions-aa> (accessed 29.11.2019).

Bachinin, I.V. (2017). *Shkola trezvosti* [Sobriety school]. Moscow: Sam Polygraphist Publ., 122 p.

Bachinin, I.V. (2018). [Realization of theological and pedagogical principles and methodology of christian sobriety education in its different forms]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Review of the Christian Academy for the Humanities]. Vol. 19, no. 3, pp. 249–260.

Belova, Yu.Yu. (2011). [Treatment of alcoholic dependence by G.A. Shichko's method (on the basis of the republic of Mari El)]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva* [Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University]. No. 2, pp. 157–163.

Bratus', B.S. (1973). *Izmeneniya lichnosti pri alkogolizme* [Personality changes in alcoholism]. Moscow: Znanie Publ., 96 p.

Gelten, L. (2019). How alcoholics anonymous lied to the American people. *New York Post*. Apr. 13. Available at: <https://nypost.com/2019/04/13/how-alcoholics-anonymous-lied-to-the-american-people/> (accessed 29.11.2020).

Man'yan, V. (1995). *Klinicheskie lektsii po dushevnyim boleznyam. Alkogolizm* [Clinical lectures on mental illness. Alcoholism]. Moscow: Psychiatrists at the 67th Moscow Hospital Publ., 428 p.

Miroshnichenko, L.D. (2016). [Alcoholism]. *Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya* [Big Russian encyclopedia]. Available at: <https://bigenc.ru/sociology/text/1813568> (accessed: 27.08.2021).

Mukhtarova, L.M., Volov, V.V. and Mukhametzyanova, F.G. (2019). [The phenomenon of subjectivity in the historical context of the Christian psychology of spirituality]. *Kazanskiy vestnik molodykh uchenykh* [Kazan Bulletin of Young Scientists]. Vol. 3, no. 2, pp. 48–56.

Petrovskiy, V.A. (2003). *Lichnost': fenomen sub'ektivnosti* [Personality: the phenomenon of subjectivity]. Rostov-on-Don, 342 p.

Slobodchikov, V.I. (2010). [Social educational community — a source of development and a subject of education]. *Uchenyye zapiski Pedagogicheskogo instituta SGU im. N.G. Chernyshevskogo. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika* [Scientific notes of the Pedagogical Institute of SSU named after

N.G. Chernyshevsky. Series Psychology. Pedagogy]. Vol. 3, no. 2(10), pp. 3–8.

[The Synodal Department for Charity has released a new manual on organizing a school of sobriety in a parish] (2018). Official site of the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church. Feb. 20. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5149779.html> (accessed 29.11.2020).

«Trezvaya Tyumen'»: *obschestvennaya organizatsiya utverzhdeniya i sokhraneniya Trezvosti* [«Sober Tyumen»: public organization for the approval and preservation of Sobriety]. Available at: <http://trezvayatyumen.ru/yazyk-ust.html#trezvost> (accessed 29.11.2020).

Volkova, E.N. (2005). [Subjectivity as an active relation to oneself, to other people and the world]. *Mir psikhologii* [The World of Psychology]. No. 3(43), pp. 33–40.

Voytenko, R.V. (2011). *Osnovy rehabilitologii i sotsial'naya meditsina: kontseptsiya i metodologiya* [Fundamentals of rehabilitation and social medicine: concept and methodology]. Saint Petersburg, 104 p.

Vsemirnaya Organizatsiya Zdravookhraneniya [World Health Organization]. Available at: https://www.who.int/substance_abuse/terminology/who_lexicon/en/#sobriety (accessed 29.11.2019).

Zapesotskaya, I.V. (2011). [Deformation criterion of subjectivity in a condition of alcoholic dependence]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Herald of Vyatka State University]. No. 3(3), pp. 149–153.

Received: 01.08.2021. Accepted: 31.08.2021

Об авторах

Зотова Варвара Алексеевна

старший преподаватель
кафедры политической социологии

Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Москва, Миусская пл., 6;
e-mail: zotova1987@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3822-9815>
ResearcherID: AAU-5201-2021

Литинская Джинна Григорьевна

кандидат философских наук,
доцент кафедры психологии
Института общественных наук

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
119571, Москва, пр. Вернадского, 82

About the authors

Varvara A. Zotova

Senior Lecturer of the Department
of Political Sociology

Russian State University for the Humanities,
6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia;
e-mail: zotova1987@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3822-9815>
ResearcherID: AAU-5201-2021

Jinna G. Litinskaya

Candidate of of Philosophy, Associate Professor
of the Department of Psychology,
Institute of Social Sciences

Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
82, Vernadskiy av., Moscow, 119571, Russia

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Зотова В.А., Литинская Д.Г. Субъектность личности реабилитанта в представлении трезвеннических движений // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 386–394.
DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-386-394

For citation:

Zotova V.A., Litinskaya J.G. [The subjectivity of personality in the presentation of sober movements]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 3, pp. 386–394 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-386-394

УДК 130.3:159.9

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-395-404

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА НЕОСОЗНАВАЕМЫЕ СМЫСЛЫ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Агарков Всеволод Александрович

Институт психологии Российской Академии наук,

Московская группа психоаналитиков (Международная психоаналитическая ассоциация) (Москва)

Статья посвящена анализу внутренней психической динамики людей, участвующих в процессах вспомогательных репродуктивных технологий. Важную роль в этой динамике, согласно психоаналитической теории, играют неосознаваемые фантазии и смыслы, источники которых могут корениться как во внутриспсихических конфликтах и дефицитах индивида, так и вызваны давлением социума. При работе с пациентами в психодинамическом ключе важно учитывать социально-экономический контекст, который в современном мире во многом задан глобальной экономикой неолиберализма. Игнорирование этого контекста, как и игнорирование значения важных событий в истории жизни пациента, как правило приводит к заключению «перверсного» пакта между аналитиком и пациентом. Биомедицина фертильности стала конститутивной частью неолиберального этоса. В рамках глобальной экономики созданы условия для коммодификации и фрагментации женского и мужского репродуктивного тела. Однако, несмотря на включенность гамет в свободный товарообмен они не являются безличными или аффективно нейтральными. Схемы тканевого обмена ВРТ, помимо того, что они выступают элементом технологических цепочек, несут в себе реляционные и социальные смыслы. Донорство гамет, даже при сознательном приятии новых социальных конструкций репродукции и родительства в зрелом возрасте, может активировать неосознаваемую фантазию о незаконном «тройственном союзе» и связанные с ней бессознательные конфликты. Донорство яйцеклеток, помимо этической дилеммы, чревато спутанностью родительской идентичности и чувства принадлежности к социальной группе. В психоаналитической теории развития важное место отведено мифам как важному элементу обучения через опыт. В статье рассматриваются сюжеты мифов о деторождении в контексте практик ВРТ.

Ключевые слова: психоанализ, психоаналитическая психотерапия, вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ), неолиберальный этос, расщепление, нарциссическая травма, идентичность, перенос.

PSYCHOANALYTIC VIEW ON THE UNCONSCIOUS MEANINGS OF ASSISTED REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES

Vsevolod A. Agarkov

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences,

Moscow Group of Psychoanalysts (International Psychoanalytic Association) (Moscow)

The article analyzes the internal mental dynamics of people involved in the processes of assisted reproductive technologies (ART). According to psychoanalytic theory, unconscious fantasies and meanings play an important role in these dynamics. The sources of these fantasies could be traced down to both intrapsychic conflicts and deficits of the individual and pressure of society. When working with patients in a psychodynamic way, it is important to take into account the socio-economic context, which in the modern world is largely set by the global economy of neoliberalism. Ignoring this context, as well as ignoring the significance of important events in the patient's life history, usually leads to the collusion between the analyst and the patient in a «perverse» pact. Biomedicine of fertility has become a constitutive part of the neoliberal ethos. Within the framework of the global economy, conditions have been created for the commodification and fragmentation of the

female and male reproductive bodies. However, despite the inclusion of gametes in the free exchange of goods, they are not stripped from personal meaning or affectively neutral. Tissue exchanges during ART procedures, in addition to the fact that they act as an element of technological chains, carry relational and social meanings. Gamete donation, even with the conscious acceptance of new social structures of reproduction and parenthood in adulthood, can activate the unconscious fantasy of an illegal «triple alliance» and the unconscious conflicts associated with it. Egg donation, in addition to an ethical dilemma, is fraught with confusion of parental identity and a sense of belonging to a social group. Myths rank high in the psychoanalytic theory of development among its other core constructs. They are considered as an important element of learning through experience. The article discusses the plots of myths about childbirth in the context of ART practices.

Keywords: psychoanalysis, psychoanalytic psychotherapy, assisted reproductive technologies (ART), neoliberal ethos, splitting, narcissistic trauma, identity, transference.

Введение

Согласно критериям ВОЗ [Определения бесплодия..., 2010], бесплодие определяется как «неспособность сексуально активной, не использующей контрацепцию пары добиться беременности в течение одного года». Между тем, по данным Американского общества репродуктивной медицины, пары часто обращаются в специализированные клиники, желая воспользоваться процедурами ВРТ для зачатия своего ребенка уже спустя 3–6 месяцев после неудачных попыток зачатия в половом акте [Gentile K., 2013, p. 255]. В России, по данным Росстата за 2018 г., распространенность бесплодия составляет 273,8 случаев на 100 тыс. женщин от 18 до 49 лет. В Соединенных Штатах около 10 % женщин в возрасте от 15 до 44 лет имеют диагноз бесплодия, а около половины женщин, испытывающих проблемы с зачатием ребенка, прибегают к процедурам ВРТ. Каждый год благодаря ВРТ в США рождается примерно 1 % детей [Simon T.L., 2013, p. 299].

В целом прибыль на рынке ВРТ в 2006 г. оценивалась примерно в 3 млрд. долл., не включая прибыли, полученной консультантами, терапевтами, юристами, поставщиками оборудования или лабораторными работниками. М. Лева [Leve M., 2013, p. 280–281] отмечает, что наиболее стабильным сегментом рынка ВРТ в США является суррогатное материнство в силу наличия здесь и в развивающихся странах большого предложения со стороны женщин из бедных слоев общества, согласных за относительно небольшую плату выступить в роли суррогатной матери. По данным и прогнозу Fortune Business Insight, в 2018 г. общий объем мирового рынка ВРТ составил 21,32 млрд. долл. США и, по прогнозам, достигнет 45,06 млрд. долл. к 2026 г., что в среднем составит рост в 9,8 % в течение прогнозируемого периода [Assisted Reproductive Technology..., 2021].

В рамках глобальной экономики неолиберализма созданы условия для коммодификации и фрагментации женского и мужского репродуктивного тела. В структуре ценностей неолиберального этоса большое место занимает потребление и трансформация «я» идентичности и социальной жизни через потребление: я и мой успех — это то, что я потребляю [Leve M., 2013, p. 279–280]. Имоген Тайлер [Tyler I., 2011, p. 28] считает, что культурный климат современности, который она обозначила как «дисциплинарный неолиберализм», создает условия «капитализации» самых интимных аспектов телесности. Репродуктивные органы превращены в средства производства с продаваемыми частями. Биомедицина фертильности стала конститутивной частью неолиберального этоса, понимаемого как набор согласованных норм, социальный код, эмоционально воспринимаемый комплекс институционально одобренных и защищаемых правил, предписаний, суждений. Материнство, как и женственность, открыто для капитализации — международные «материнские рынки» [Tyler I., 2011, p. 29] торгуют не только одеждой, косметическими товарами, но и лечением бесплодия, яйцеклетками, эмбрионами и детьми.

Спрос на вспомогательные репродуктивные технологии обусловлен множеством факторов, таких как рост распространенности бесплодия в связи с изменением образа жизни, повышение уровня стресса среди населения в целом и активизации правительственных инициатив по поддержке услуг в области фертильности. Как считает Велдон [Welldon E.V., 2018, p. 59], этой тенденции способствуют радикальные изменения в традиционной модели семьи, происходящие в том числе под влиянием феминистских и социал-радикальных движений, которые наиболее явно начали обозначаться после 1960-х гг. Например, Р.Д. Лэнг (Лэйнг) [Лэнг Р.Д., 1995, с. 104, 110, 130] в своей знаменитой книге «Расколотое “Я”» рассматривал семью как систему буржуазного

подчинения, акцентируя роль семейного давления в возникновении и развитии шизофрении. В книге «Смерть семьи» коллега Лэнга Дэвид Купер [Власова О.А., 2014, с. 132–140] утверждал, что семья, навязывая индивиду роль конформиста, подчиненного господствующей системе, закладывает основы конфликта между этой пассивной установкой и активным проживанием реальности. Семья отождествлялась с представлениями об угнетении женщин в рамках патриархального уклада на протяжении веков.

Фактор общественных отношений

Линн Лейтон указывает на необходимость учета социального контекста психических проблем аналитических пациентов. «Перверсный» пакт между аналитиком и пациентом, направленный на искажение или сокрытие событий в жизни пациента, имевших катастрофические последствия, может также касаться и катастрофических социальных событий, послуживших причиной страдания пациентов. Рассуждая об аспекте перверсности неолиберального этоса, Л. Лейтон опирается на модель фетиша, предложенную З. Фрейдом [Фрейд З., 2006, с. 405–414]. Она пишет: «Когда мы упускаем [это] из виду, мы вступаем в сговор с индивидуалистической ложью о том, что психическое и социальное отделены друг от друга», и поэтому мы не анализируем, согласно автору, наиболее важный фактор, повлиявший на развитие патологии пациента [Layton L., 2010, p. 317].

Лиана Пистинер де Кортинас, современный аргентинский психоаналитик, последователь Биона, пишет: «Развивая свою концепцию, согласно которой мысли предшествуют мышлению, Блон утверждал, что мысль не нуждается в мыслителе. Однако ложь не может появиться без “мыслителя”, ибо “мыслитель” является тем, что “производит” лживые “мысли”. Подоплекой психической боли являются особые отношения между беспомощностью и всемогуществом. Благодаря мыслям и развитию мышления достигается способность справляться с теми эмоциями, которые вызывают ощущение беспомощности, а именно неопределенность, незнание и отношения конечного и бесконечного. Что же касается лжи, то, когда дело доходит до чувства беспомощности, она приводит к увеличению концентрации всемогущества и понуждает к сговору, направленному на отрицание беспомощности» [Pistiner de Cortiñas L., 2009, p. 121]. Ключевым элементом способности говорить правду является способность выносить не-

определенность, беспомощность и уязвимость, а не отрицать реальность, которая вызывает эти состояния. В неолиберальном этосе неопределенность, зависимость и уязвимость могут вызывать только стыд.

Когда правительство снимает с себя ответственность за «контейнирование» тревоги и «холдинг» уязвимых и нуждающихся, зависимость становится все более и более постыдной. Как следствие, люди предоставлены сами себе, защищаются от чувства оставленности, беспомощности и уязвимости «ложными» фантазиями о самодостаточности. В наши дни те, кто относится к профессиональному среднему классу, сформировали субъективность в соответствии с доминирующими индивидуалистическими нормами, которые даже в большей степени, чем в прошлые эпохи, отделяют социальное от индивидуального [Rose N., 1999, p. 55–60].

Так называемый «феминизм второй волны» неолиберального уклада от социалистического феминизма, ориентированного на трансформацию структуры домашних и трудовых отношений, отличается компромисс с неолиберализмом и матрицей патриархальных отношений. То есть новая версия феминизма просто создает условия, в которых женщины помещены в одни социально-экономические условия наравне с мужчинами. Психологическое функционирование и женщин, и мужчин во многом приобретает схожие черты, а именно: требование отказа от способностей к воспитанию, эмоциональности и к отношениям зависимости, а также усиление фантазий о всемогущей автономии. Все это составляет доминирующую версию неолиберальной субъектности и служит причиной того, что современные женщины наравне с мужчиной участвуют в «бегах на выживание», ставят на первое место карьеру и профессиональный рост, тогда как к роли матери и воспитателя своих детей формируется скорее негативное отношение как к чему-то насильственно навязываемому женщине обществом, в котором довлеют патриархальные стереотипы. Все это создает «дефицит заботы» и необходимость ввоза женщин из стран третьего мира для выполнения функций по уходу, которые семьи среднего класса «первого» мира уже не успевают выполнять; рекрутирование доноров гамет для того, чтобы компенсировать урон, нанесенный репродуктивной системе ухудшением экологии, стрессом чрезмерных рабочих нагрузок.

Другой полюс амбивалентного отношения к рождению детей формируется за счет того, что в

современных семьях ребенок становится символом статуса и власти. Обладание ребенком стало признаком полной реализации как политического, экономического и социального субъекта. Желание иметь ребенка только усиливается при столкновении с проблемой бесплодия и неудачами ВРТ [Simon T.L., 2013, p. 292].

Сексуальность и ВРТ

Несмотря на доминирование товарной модели в передаче тканей, человеческие ткани не являются безличными или аффективно нейтральными; скорее они сохраняют некоторые ценности личности для многих, если не для большинства доноров и реципиентов. Следовательно, схемы тканевого обмена являются не только техническими и терапевтическими, но и реляционными и социальными [Leve M., 2013, p. 284–285]. Похоже, что на предсознательном или бессознательном уровне донорство связано с фантазией о приглашении третьего на супружеское ложе, незаконного брака на троих «ménage à trois». Примером этому может послужить исторический факт: в 1954 г. суд штата Иллинойс постановил, что искусственное оплодотворение донорской спермой является прелюбодеянием, супруга, соответственно, — прелюбодейкой, а ребенок — незаконнорожденным. Предположительно, эти фантазии могут быть активны и вызывать глубокое беспокойство по поводу решения прибегнуть к процедурам ВРТ даже у индивидов в зрелом возрасте, даже с утверждением более широкого социального принятия донорского оплодотворения и даже после радикальных изменений в наших социальных конструкциях воспроизводства и родительства. Это беспокойство, в свою очередь, потребует активации защитных механизмов, таких, например, как отрицание, изоляция или избегание [Ehrensaft D., 2000, p. 379]. Донорство яйцеклеток было легализовано в 1980-х гг., что увеличило вероятность беременности и деторождения для довольно большого числа женщин. Однако, наряду с этической дилеммой, донорство яйцеклеток может служить также основанием таких проблем, как путаница родительской идентичности и нарушение чувства принадлежности к социальной группе [Levaque C., 2017, p. 528–529].

В силу достижений современной медицинской науки и биотехнологий стало возможным полное отделение репродукции от сексуальных отношений в новых формах вспомогательных репродуктивных технологий. Однако такое разделение затрагивает лишь верхние слои «социальной лично-

сти», не проникая в более глубокие слои пред- и бессознательного. Создается впечатление, что изъятие репродукции из секса на сознательном уровне технологических манипуляций возможно, но на уровне бессознательных фантазий нельзя разделить секс и репродукцию. По-видимому, в силу либо генетического программирования, либо глубоко укоренившихся социальных конструкций, наша психика оказывает серьезное сопротивление такому разделению на эмоциональном уровне. Как отмечает Д. Эрензафт, судя по психо-социальным реакциям на одновременное появление эффективных форм контроля над рождаемостью и новых форм вспомогательных репродуктивных технологий, можно сделать разумный вывод, что на сознательном уровне, манипулируя биотехнологическими процедурами, можно изъять репродукцию из сексуальных отношений, но нельзя изъять секс из репродукции на уровне бессознательных фантазий [Ehrensaft D., 2000, p. 380; 2018, p. 25].

Мифологические сюжеты в динамике проблемам репродукции

Во второй половине XIX в. в работах представителей динамической психиатрии, а позже — психоанализа, появляются представления о мифопоэтической функции бессознательного. Фрейд предпринимает попытку воссоздания истории индивида через интерпретацию симптомов с помощью расшифровки мифов. «Мифопоэтическая функция ... соответствует “средней области” сублиминальной самости, где происходит непрерывное создание ... фантазий... [О]дним из предназначений бессознательного является постоянное создание фантазий и мифов, часто остающихся в пределах бессознательного и проявляющихся лишь в сновидениях» [Элленбергер Г.Ф., 2018, с. 386].

Психическое развитие является одной из центральных тем в теоретических построениях У.Р. Биона. Он отводил важное место мифам, отмечая их роль в усилиях индивида обучению через опыт: «миф является объектом исследования, выступая в качестве одного из примитивных аппаратов индивидуального арсенала средств научения» [Бион У.Р., 2008, с. 75]. В частности, он рассматривал мифы об Эдипе, о Вавилонской башне и миф об Эдеме как «примитивные» модели психического развития, на основании которых он предлагал строить интерпретации, призванные «...осветить аспекты проблем, связанных с развитием пациента» [Бион У.Р., 2008, с. 72]. Утвер-

ждения о личном мифе пациента Бион считал необходимой частью «аналитических научных процедур и средств». Благодаря развитию психоанализа стала возможной переоценка таких, например, особенностей, как аналогия между связями, устанавливаемыми мифом, между различными компонентами истории и фиксацией элементов, включаемых в научную дедуктивную систему.

Описание бессознательных конфликтов современных женщин, психоаналитических пациенток, вокруг деторождения можно встретить в произведениях литературы, начиная с древних мифов и библейских повествований и заканчивая современными авторами. К ним относятся конфликты между матерями и дочерьми, следствием которых является замораживание материнского потенциала дочери; сознательную, а также бессознательную амбивалентность по поводу рождения детей из-за проецируемой зависти, ярости конкуренции и страха возмездия со стороны материнской фигуры или сестры зарождающейся матери и их суррогатов; унижение и презрение к бесплодной женщине со стороны фертильной женщины; задержка развития у молодых женщин с сопутствующими нарушениями образа тела, задержкой менархе и вторичной аменореей; страх поглощения и уничтожения вынашиваемым плодом, воспринимаемым как злокачественное новообразование; анально-садистские фантазии о сексе и рождении; злоупотребление фертильностью в попытке разрешить конфликт посредством разыгрывания (например, сохранить брак или сохранить семейный статус и права наследования); страх телесных повреждений и даже смерти от осложнений беременности и родов как сопротивление беременности; бездетность, рассматриваемая как нарциссическая рана, и ее последствия для жизненного пути, и процесс старения [Mann M., 2014].

Репродуктивная первичная сцена занимает центральное место как в личных, так и в коллективных нарративах о зарождении. Эти нарративы отражают как индивидуальную фантазийную разработку, так и мифологическую космологию. Мифы о сотворении мира можно найти повсеместно, во всех культурно-языковых контекстах и традициях. Их функция двойка: выражение фундаментальных закономерностей и компенсация ограничений, диктуемых генеративной идентичностью [Morris M.G., 1997, p. 110–112].

Императив воспроизводства потомства приходит к нам с древних времен и утверждается библейским призывом «плодиться и размножаться».

Использование чужой способности к зачатию ребенка при невозможности реализовать желание иметь детей из-за нарушений собственной плодovitости имеет долгую историю. Уже в Книге Бытия этому посвящен рассказ о Рахили и Валле [Levaque C., 2017, p. 525]:

И увидела Рахиль, что она не рождает детей Иакову, и позавидовала Рахиль сестре своей, и сказала Иакову: дай мне детей, а если не так, я умираю. Иаков разгневался на Рахиль, и сказал [ей]: разве я Бог, Который не дал тебе плода чрева? Она сказала: вот служанка моя Валла; войди к ней; пусть она родит на колени мои, чтобы и я имела детей от нее. И дала она Валлу, служанку свою, в жену ему; и вошел к ней Иаков [Библия, Бытие, 1988, 30: 1–4, с. 31].

Этот мотив обыгран в фавуле антиутопического романа¹ канадской писательницы Маргарет Этвуд «Рассказ служанки» [Этвуд М., 2016], которая построена на том, что сегодня мы назвали бы вспомогательной репродукцией и суррогатным материнством. В романе описано будущее, в котором ухудшение экологической ситуации из-за саботажа и утечек на крупных химических производствах и атомных электростанциях, распространенность новых видов венерических заболеваний, в том числе эпидемия СПИДа, приводят к резкому нарушению репродуктивного здоровья большинства людей во все мире и, как следствие, к резкому снижению рождаемости. Способность к зачатию и вынашиванию ребенка становится товаром, обладающим высокой рыночной стоимостью.

Повествование ведется от лица женщины, Служанки Фредовой (*Offred* — букв. «принадлежащая Фреду»). Она из тех женщин, которых правящая элита держит в качестве наложниц (суррогатных матерей). Главная героиня воспринимает себя как матку на двух ногах. Она должна зачать от командора. Сцена акта зачатия суррогатной матерью, изображенная в романе, напоминает сюжет из Книги Бытия: во время попытки зачатия ребенка Служанка Фредова и жена командора лежат так, как будто бы они являются собой одно тело. Эта сцена будто бы отражает фантазию супруги командора о включении в образ ее тела плода, который станет вынашивать сурро-

¹ По этому роману (Margaret Atwood «The Handmaid's Tale») сняты одноименные фильм (в 1990 г., режиссер Фолькер Шлэндорф) и сериал (начиная с 2017 г. вышло 5 сезонов).

гатная мать. Обе женщины чувствуют унижение — жена командора из-за своего бесплодия, а Служанка Фредова — из-за того, что ее используют как бездушный объект. В этой сцене очень ярко передана асексуальность механистического акта суррогатного зачатия, что, как правило, характерно и для современной практики ВРТ.

Антиутопия М. Этвуд ставит перед читателем важные вопросы, в том числе и относительно технологий ВРТ: что значит материнство, вынашивание ребенка, беременность в современном мире, каковы последствия суррогатного материнства? Какую ценность люди придают беременности как аспекту материнства? Что означает для общественного и индивидуального сознания коммерциализация женского тела, плода, ребенка? Какими последствиями чревата диссоциация субъектности и тела — своего или чужого, что означает отношение к телу как к частичному объекту? М. Этвуд ярко описывает разрыв между сексуальностью и репродуктивной функцией, унижение бесплодия [Levaque С., 2017, p. 527].

История Сары, жены Авраама, и ее служанки Агари может служить сюжетной основой динамики конфликтов вокруг репродуктивной функции, которые могут возникать в контексте иерархических отношений между двумя женщинами, например, в отношениях между матерью и дочерью. Сара испытывает огромное давление социальных ожиданий: женщина должна рожать детей. Между ней и Агарью возникает соперничество. Бесплодную женщину одолевает ненависть к женщине, способной к зачатию и вынашиванию ребенка. Агарь же смотрит на бесплодную Сару с чувством превосходства и презрения. Эта история также иллюстрирует проблему стареющей женщины с угасшей фертильностью, которая должна поощрять и поддерживать плодовитость женщины, которая годится ей в дочери. Она также раскрывает нам переживания девочки, проходящей фазу Электры, или девушки-подростка, ее ярость из-за того, что она вынуждена откладывать исполнение желания зачать и родить своего ребенка. Другой важной проблемой является крайняя нарциссическая инвестиция родителей в детей, которые, как считается, определяют будущее цивилизации [Morris M.G., 1997, p. 113–116].

Психоаналитическая работа с пациентками с проблемами фертильности

Среди психоаналитиков нет согласия относительно пользы психоанализа для женщин с бесплодием, которые воспринимают это как проблему и

пытаются найти ее решение. Так, некоторые аналитики считают, что так называемое «психогенное бесплодие» связано с психически непереработанным опытом ранней резкой сепарации и/или утраты [Apfel R.J., Keylor R.G., 2002; Morris M.G., 1997; Raphael-Leff J., 2003]. Они убеждены, что работа в психодинамическом ключе с такой пациенткой и/или с парой может стать важным фактором успеха применения ВРТ и психологической подготовкой к материнству.

Между тем Д. Пайнз отмечает, что большинство бесплодных женщин, с которыми она работала как психотерапевт и аналитик, имели трудные, конфликтные и разочаровывающие отношения со своими матерями. Многие из них сознательно или бессознательно презирали своих матерей и одновременно завидовали им, так как их матери, в отличие от них, как правило, легко и естественно зачинали и рожали детей. Согласно мнению Пайнз, для этих пациенток характерна глубокая нарциссическая травма и регрессия к базовому образу тела и состоянию психики, при этом для них характерна неудовлетворенность своими сексуальными партнерами, продолжающаяся неудовлетворенность в отношении своих матерей. Бессознательно они, по-видимому, фиксировали на более ранней стадии своего женского развития, когда доминирует фантазия, что мать еще не разрешила им рожать своих собственных детей. Бессознательные отчаяние и зависть к своим матерям служат центральным мотивом все новых и новых попыток оплодотворения, несмотря на предыдущие неудачи. При этом другие сферы жизни этих женщин могут быть обеднены, так как все инвестиции, в том числе на уровне психики, направлены на исполнение желания забеременеть. Пайнз высказывает довольно пессимистичный прогноз: признание своей неспособности к зачатию, которое позволило бы им оплакивать свои надежды и возобновлять жизнь, представляется невыполнимой задачей, пока менопауза неизбежно не положит конец этим надеждам [Pines D., 1990, p. 561–562].

В то же время Е.В. Велдон предупреждает о рисках долгосрочной психоаналитической или психотерапевтической работы с такими пациентками. Психотерапевт, работающий в парадигме долгосрочной психодинамической психотерапии или психоанализа, считает Велдон, часто, не отдавая себе в этом отчета, может быть втянут в тайный сговор на стороне негативной установки относительно рождения ребенка, как бы выступив в качестве «оппонента» подлинному желанию и

здоровой мотивации иметь ребенка. В самом деле, психодинамическая терапия и тем более психоанализ могут занять довольно продолжительный период времени, за который естественные биологические процессы, протекающие в женском организме, сделают задачу рождения ребенка крайне трудной, если не невозможной [Welldon E.V., 2018, p. 62].

Сегодня многие женщины, желающие утвердиться в карьере, предпочитают отложить беременность и роды на более поздний срок, продолжая верить в свои репродуктивные возможности. Столкнувшись с болезненной реальностью, которую они не в состоянии переработать психически, женщины чувствуют себя опустошенными, особенно если их репродуктивное время истекает. Осознание невозможности контроля над репродуктивными способностями собственного тела порождает весьма серьезный личный кризис и является сильным ударом по нарциссизму, по самопрезентации зрелой телесности. Решение этой проблемы через ВРТ может внести свою лепту в изменение в худшую сторону отношения к себе и сексуальным отношениям, которые могут предстать механическим аспектом медицинской технологии, особенно если методы ВРТ ограничивают их спонтанность. При этом врачи-репродуктологи становятся важными фигурами в интимных аспектах жизни пары, так как регулируют сексуальную жизнь пары, разрешая половой акт или отказывая в этом разрешении. Проблема усложняется, так как теперь неосознаваемая картина супружеского ложа содержит три фигуры и даже четыре — фигуру психотерапевта или аналитика в случае прохождения, соответственно, психотерапии или анализа, согласно рассуждениям Пайнз [Pines D., 1990, p. 562]. Таким образом, эмоциональная жизнь пары, чувству зрелости которой наносится урон, становится еще более сложной из-за сознательного или бессознательного регрессивного переноса его на врача и аналитика, как если бы они были могущественными родителями прошлого.

Заключение

Исследование затрагивает неосознаваемые темы, которые могут активизироваться во внутренней психической динамике женщин с проблемами фертильности, планирующих воспользоваться ВРТ или уже начавших лечение с применением методов новых репродуктивных технологий.

Было рассмотрено состояние рынка ВРТ, а также влияние доминирующего в современном

западном обществе неолиберального этоса на социальные процессы и индивидуальные установки, в том числе амбивалентное отношение к рождению ребенка, связанные с проблемой бесплодия, обращением за помощью в решении проблемы рождения ребенка к ВРТ.

Отмечена необходимость для психоаналитической работы или психоаналитически ориентированной психотерапии таких пациенток учета влияния контекста общественных отношений. Безразличие к человеческим страданиям политических лидеров, работодателей, социальных институтов снижает уровень доверия в отношениях между людьми и повышает уровень тревоги по поводу своей собственной значимости как личности, как активного субъекта. Политические и социальные институты, моделями развития которых все чаще выступают «передовые» корпоративные культуры, способствуют формированию идеального я, основной чертой которого выступает явное избегание долгосрочной зависимости от других людей, а также углублению раскола между частным и социальным аспектом жизни индивида.

Новые репродуктивные технологии как будто бы исключают секс из процесса зачатия, однако сексуальность по-прежнему остается важной действующей силой в психике индивида. Бессознательными фантазиями наделяются донорские гаметы, биоматериалы, элементы технологической цепочки, казалось бы, полностью лишённые какой-либо сексуальности.

В бессознательном пациенток с проблемами фертильности могут оживать и иметь самостоятельное значение для внутренней динамики сюжеты мифов о создании человека, библейских историй о проблемах с бесплодием и попытками их решения.

В заключение приводятся соображения практикующих психоаналитиков с опытом работы с пациентками, имеющими проблемы фертильности. Отмечается, что в случае удачного применения психоаналитического метода такие пациентки будут лучше готовы к прохождению процедур ВРТ, а далее — к материнству. Однако следует учитывать и риск того, что фактор долгосрочности психоаналитической работы сам по себе может «сыграть» на одной из сторон амбивалентного отношения к рождению собственного ребенка, а именно в направлении негативного отношения к этому факту.

Выражение признательности

Работа проведена при поддержке РФФИ № 20-011-00609 «Прокреация: фундаментальные и

прикладные аспекты социокультурных норм — язык междисциплинарного дискурса».

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project № 20-011-00609 «Procreation: fundamental and applied aspects of socio-cultural norms — the language of interdisciplinary discourse».

Список литературы

- Библия*. Книги Ветхого и Нового Завета. М.: Изд-во Моск. Патриархии, 1988. 1376 с.
- Бион У.Р.* Научение через опыт переживания. М.: Когито-Центр, 2008. 128 с.
- Власова О.А.* Антипсихиатрия: социальная теория и социальная практика. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. 432 с.
- Лэнг Р.Д.* Расколотое «Я». СПб.: Белый кролик, 1995. 352 с.
- Определения бесплодия / ВОЗ: Сексуальное и репродуктивное здоровье.* URL: <https://www.who.int/reproductivehealth/topics/infertility/definitions/ru/> (дата обращения: 12.06.2021).
- Фрейд З.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3: Психология бессознательного. М.: ООО «Фирма СТД», 2006. 447 с.
- Элленбергер Г.Ф.* Открытие бессознательного. Т. 1: История и эволюция динамической психиатрии. От первобытных времен до психологического анализа. М.: Академ. проект, 2018. 550 с.
- Этвуд М.* Рассказ Служанки. М.: Эксмо, 2016. 384 с.
- Apfel R.J., Keylor R.G.* Psychoanalysis and Infertility: Myths and Realities // *The International Journal of Psychoanalysis*. 2002. Vol. 83, iss. 1. P. 85–104. DOI: <https://doi.org/10.1516/4089-jbcw-ynt8-qtcn>
- Assisted Reproductive Technology (ART) Market Size, Share & Industry Analysis, By Technique (In-Vitro Fertilization (IVF), Artificial Insemination (AI-IUI), Frozen Embryo Transfer (FET), and Others), By Procedure (Fresh Donor, Fresh Non-donor, Frozen Donor, and Frozen Non-donor), By End User (Fertility Clinics, and Hospitals) and Regional Forecast, 2019–2026 / Fortune Business Insight.* 2021. URL: <https://www.fortunebusinessinsights.com/industry-reports/assisted-reproductive-technology-art-market-101811> (accessed: 11.08.2021).
- Ehrensaft D.* Alternatives to the Stork Fatherhood Fantasies in Donor Insemination Families // *Studies in Gender and Sexuality*. 2000. Vol. 1, iss. 4. P. 371–397. DOI: <https://doi.org/10.1080/15240650109349165>
- Ehrensaft D.* Motherhood in a fertile new world // *Motherhood in the twenty-first century / ed. by A.M. Alizade.* N.Y.: Routledge, 2018. P. 24–34. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429477355-3>
- Gentile K.* The business of being made — exploring the production of temporalities in assisted reproductive technologies // *Studies in Gender and Sexuality*. 2013. Vol. 14, iss. 4. P. 255–276. DOI: <https://doi.org/10.1080/15240657.2013.848318>
- Layton L.* Irrational exuberance: Neoliberal subjectivity and the perversion of truth // *Subjectivity*. 2010. Vol. 3, iss. 3. P. 303–322. DOI: <https://doi.org/10.1057/sub.2010.14>
- Levaque C.* Margaret Atwood and Assisted Reproduction: From Fantasy to Reality // *Psychoanalytic Inquiry*. 2017. Vol. 37, iss. 8. P. 525–529. DOI: <https://doi.org/10.1080/07351690.2017.1373565>
- Leve M.* Reproductive bodies and bits: Exploring dilemmas of egg donation under neoliberalism // *Studies in Gender and Sexuality*. 2013. Vol. 14, iss. 4. P. 277–288. DOI: <https://doi.org/10.1080/15240657.2013.848319>
- Mann M.* Psychoanalytic Understanding of Repeated In-Vitro Fertilization Trials, Failures, and Repetition Compulsion // *Reproductive System and Sexual Disorders: Current Research*. 2014. Vol. 3, iss. 3. URL: <https://www.longdom.org/open-access/psychoanalytic-understanding-of-repeated-invitro-fertilization-trials-failures-and-repetition-compulsion-2161-038X-3-140.pdf> (accessed: 12.06.2021). DOI: <https://doi.org/10.4172/2161-038x.1000140>
- Morris M.G.* Psychoanalytic and Literary Perspectives on Procreation Conflicts in Women // *The Psychoanalytic Review*. 1997. Vol. 84, iss. 1. P. 109–128.
- Pines D.* Emotional Aspects of Infertility and its Remedies // *The International Journal of Psychoanalysis*. 1990. Vol. 71. P. 561–568.
- Pistiner de Cortiñas L.* The Aesthetic Dimension of the Mind. Variations of a Theme of Bion. London: Karnac Books, 2009. 350 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429481000>
- Raphael-Leff J.* Eros and ART // *Inconceivable conceptions: Psychological aspects of infertility and reproductive technology / ed. by J. Haynes, J. Miller.* N.Y.: Brunner-Routledge, 2003. P. 25–35.
- Rose N.* Governing the Soul: The Shaping of the Private Self. London: Free Association Books, 1999. 352 p.
- Simon T.L.* Spoken through desire: Maternal subjectivity and assisted reproduction // *Studies in Gender and Sexuality*. 2013. Vol. 14, iss. 4. P. 289–299. DOI: <https://doi.org/10.1080/15240657.2013.848321>
- Tyler I.* Pregnant beauty: Maternal femininities under neoliberalism // *New Femininities: Postfeminism, Neoliberalism and Subjectivity / ed. by R. Gill, C. Scharff.* London, UK: Palgrave Macmillan, 2011. P. 21–36. DOI: https://doi.org/10.1057/9780230294523_2

Welldon E.V. Why do you want to have a child? // Motherhood in the twenty-first century / ed. by A.M. Alizade. N.Y.: Routledge, 2018. P. 56–71. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429477355-6>

Получена: 01.08.2021. Принята к публикации: 31.08.2021

References

- Apfel, R.J. and Keylor, R.G. (2002). Psychoanalysis and infertility: myths and realities. *The International Journal of Psychoanalysis*. Vol. 83, iss. 1, pp. 85–104. DOI: <https://doi.org/10.1516/4089-jbcw-ynt8-qtc>
- Assisted Reproductive Technology (ART) Market Size, Share & Industry Analysis, By Technique (In-Vitro Fertilization (IVF), Artificial Insemination (AI-IUI), Frozen Embryo Transfer (FET), and Others), By Procedure (Fresh Donor, Fresh Non-donor, Frozen Donor, and Frozen Non-donor), By End User (Fertility Clinics, and Hospitals) and Regional Forecast, 2019–2026* (2021). Fortune Business Insight. Available at: <https://www.fortunebusinessinsights.com/industry-reports/assisted-reproductive-technology-art-market-101811> (accessed 11.08.2021).
- Atwood, M. (2016). *Rasskaz Sluzhanki* [The Handmaid's tale]. Moscow: Eksmo Publ., 384 p.
- Bibliya. Knigi Vetkhogo i Novogo Zaveta* [Bible. Books of the New and Old Testament]. Moscow: Moscow Patriarchate Publ., 1376 p.
- Bion, W.R. (2008). *Nauchenie cherez opyt perezhivaniya* [Learning from experience]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., 128 p.
- Ehrensaft, D. (2000). Alternatives to the stork fatherhood fantasies in donor insemination families. *Studies in Gender and Sexuality*. Vol. 1, iss. 4, pp. 371–397. DOI: <https://doi.org/10.1080/15240650109349165>
- Ehrensaft, D. (2018). Motherhood in a fertile new world. *Motherhood in the twenty-first century*. New York: Routledge Publ., pp. 24–34. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429477355-3>
- Ellenberger, H.F. (2018). *Otkrytie bessoznatel'nogo T. 1: Istoriya i evolyutsiya dinamicheskoy psikhologii*. Ot pervobytnykh vremen do psikhologicheskogo analiza [The discovery of the unconscious. Vol. 1: The history and evolution of dynamic psychiatry. From primitive times to psychological analysis]. Moscow: Akademicheskii Proekt, 550 p.
- Freud, S. (2006). *Sobraniye sochineniy: v 10 t. T. 3: Psikhologiya bessoznatel'nogo* [Collected works: in 10 vols. Vol. 3: Psychology of unconscious]. Moscow: OOO «Firma STD» Publ., 447 p.
- Gentile, K. (2013). The business of being made — exploring the production of temporalities in assisted reproductive technologies. *Studies in Gender and Sexuality*. Vol. 14, iss. 4, pp. 255–276. DOI: <https://doi.org/10.1080/15240657.2013.848318>
- Laing, R.D. (1995). *Raskolotoe «Ya»* [The divided self]. Saint Petersburg: Belyy Krol'ik Publ., 352 p.
- Layton, L. (2010). Irrational exuberance: neoliberal subjectivity and the perversion of truth. *Subjectivity*. Vol. 3, iss. 3, pp. 303–322. DOI: <https://doi.org/10.1057/sub.2010.14>
- Levaque, C. (2017). Margaret Atwood and assisted reproduction: from fantasy to reality. *Psychoanalytic Inquiry*. Vol. 37, iss. 8, pp. 525–529. DOI: <https://doi.org/10.1080/07351690.2017.1373565>
- Leve, M. (2013). Reproductive bodies and bits: exploring dilemmas of egg donation under neoliberalism. *Studies in Gender and Sexuality*. Vol. 14, iss. 4, pp. 277–288. DOI: <https://doi.org/10.1080/15240657.2013.848319>
- Mann, M. (2014). Psychoanalytic understanding of repeated *in-vitro* fertilization trials, failures, and repetition compulsion. *Reproductive System and Sexual Disorders: Current Research*. Vol. 3, iss. 3. Available at: <https://www.longdom.org/open-access/psychoanalytic-understanding-of-repeated-invitro-fertilization-trials-failures-and-repetition-compulsion-2161-038X-3-140.pdf> (accessed: 12.06.2021). DOI: <https://doi.org/10.4172/2161-038x.1000140>
- Morris, M.G. (1997). Psychoanalytic and literary perspectives on procreation conflicts in women. *The Psychoanalytic Review*. Vol. 84, iss. 1, pp. 109–128.
- Pines, D. (1990). Emotional aspects of infertility and its remedies. *The International Journal of Psychoanalysis*. Vol. 71, pp. 561–568.
- Pistiner de Cortiñas, L. (2009). *The aesthetic dimension of the mind. Variations of a theme of Bion*. London: Karnac Books Publ., 350 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429481000>
- Raphael-Leff, J. (2003). Eros and ART. *Inconceivable conceptions: Psychological aspects of infertility and reproductive technology*. New York: Brunner-Routledge Publ., pp. 25–35.
- Rose, N. (1999). *Governing the soul: The Shaping of the Private Self*. London: Free Association Books Publ., 352 p.
- Simon, T.L. (2013). Spoken through desire: maternal subjectivity and assisted reproduction. *Studies in Gender and Sexuality*. Vol. 14, iss. 4, pp. 289–299. DOI: <https://doi.org/10.1080/15240657.2013.848321>
- Tyler, I. (2011). Pregnant beauty: maternal femininities under neoliberalism. *New femininities: postfeminism, neoliberalism and subjectivity*. London, UK: Palgrave Macmillan Publ., pp. 21–36. DOI: https://doi.org/10.1057/9780230294523_2
- Vlasova, O.A. (2014). *Antipsikhiatriya: sotsial'naya teoriya i sotsial'naya praktika* [Anti-psychiatry: social theory and social practice]. Moscow: HSE Publ., 432 p.

[Definitions of infertility]. WHO. Sexual reproductive health. Available at: <https://www.who.int/reproductivehealth/topics/infertility/definitions/ru/> (accessed 12.06.2021).

Welldon, E.V. (2018). Why do you want to have a child? *Motherhood in the twenty-first century*. New

York: Routledge Publ., pp. 56–71. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429477355-6>

Received: 01.08.2021. Accepted: 31.08.2021

Об авторе

Агарков Всеволод Александрович

кандидат психологических наук,
научный сотрудник, медицинский психолог,
психоаналитик

Институт психологии Российской академии наук,
129366, Москва, ул. Ярославская, 13;
e-mail: agargor@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6405-744X>
ResearcherID: AAW-5721-2021

About the author

Vsevolod A. Agarkov

Candidate of Psychology, Sciences Researcher,
Clinical Psychologist, Psychoanalyst

Institute of Psychology of Russian Academy
of Sciences,
13, Yaroslavskaya str., Moscow, 129366, Russia;
e-mail: agargor@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6405-744X>
ResearcherID: AAW-5721-2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Агарков В.А. Психоаналитический взгляд на неосознаваемые смыслы вспомогательных репродуктивных технологий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 395–404.
DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-395-404

For citation:

Agarkov V.A. [Psychoanalytic view on the unconscious meanings of assisted reproductive technologies]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 3, pp. 395–404 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-395-404

УДК 100+130.3

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-405-412

КОНЦЕПТ «BRAIN-PSYCHE-(MIND/CONSCIOUSNESS...)» И ВОПРОС ГИПЕРТЕОРИИ КОНЦЕПТА

Ершова-Бабенко Ирина Викторовна

Международный гуманитарный университет (Одесса, Украина)

В контексте исследований проблематизации человека акцентируется аспект человеческого в человеке и выдвигается идея необходимости разработки гипертеории уровня такого концепта, как «brain-psyche-(mind/consciousness...)», как явления, природно действующего в человеческой жизни. Данное явление и, соответственно, концепт рассмотрены нами как нелинейная макро-/гиперцелостность. Основанием для подобной идеи — идеи гипертеории концепта, является то, что мозг и психика — составляющие концепта «br(m/c...)» рассматриваются и исследуются специалистами и нами в том числе как среда/система синергетического порядка, в поведении которой управляющую роль играют самоорганизация, хаос и диссипация. Включенные в его состав мозг и психика являются нелинейными целостностями по определению. Актуализация исследований целостности в настоящее время связана с трансдисциплинарностью как новым более глубоким уровнем интеграции, который предполагает не только конвергентное проникновение научных методов и дисциплин, но также создание таких познавательных ситуаций, в которых научный ум вынужден в поисках целостности осуществить переход к практической жизненной сфере. Кроме того, актуальным становится поиск теоретико-методологических инструментов исследования, адекватных явлениям подобного класса для их описания как нелинейных целостностей данного уровня сложности. Имеется в виду, что мозг и психика человека в единстве своей деятельности на протяжении его жизни выражают некоторое неделимое единство. Одним из таких методологических инструментов становится концептуальная модель (философская категория) «целое-в-целом», включающая целостность, нелинейность и сложность, позволяющая рассматривать представленную макро-/гиперцелостность в неразрывном единстве. В данной статье анализируется один из аспектов концепта «brain-psyche-(mind/consciousness ...)», связанный с хаотизацией, которая неизбежно присутствует в его нелинейном поведении и которая показывает, что и мозг, и психика являются непрерывно изменяющимися образованиями: от структурности и системности переходящие к проявлению средовости и динамического хаоса. Их неравновесность является обязательным условием поддержания их жизни.

Ключевые слова: «мозг-психика-ум/сознание», нелинейная целостность, гиперцелостность, «целое-в-целом», психосинергетика, самоорганизация, хаотизация, нечеловекомерность, «цифро-субъект», «цифро-социум».

THE CONCEPT «BRAIN-PSYCHE-(MIND/CONSCIOUSNESS...)» AND THE QUESTION OF HYPERTHEORY OF THE CONCEPT

Irina V. Yershova-Babenko

International Humanitarian University (Odessa, Ukraine)

In the context of research on problematization of human, the aspect of the human essence in a human is emphasized and the need to develop a hyper-level theory of the concept of «brain-psyche-(mind/consciousness...)» as a natural phenomenon in human life is proposed. We consider this phenomenon and, therefore, the concept, as non-linear macro-/hyperintegrity (holism). The basis for such an idea — the idea of hypertheory of the concept of «brain-psyche-(mind/consciousness...)» — is that the brain and the psyche, being components of the concept, are considered and investigated by specialists, including us, as an environment/system of synergistic order in whose behavior self-organization, chaos and dissipation play a controlling role. The brain and the psyche, included in the

concept, are non-linear by definition. The fact that the issues of integrity are currently in the focus of research attention is due to transdisciplinarity as a new, deeper level of integration, which implies not only convergent penetration of scientific methods and disciplines but also the creation of such cognitive situations in which the scientific mind is forced to make the transition to practical life in search of integrity. In addition, it becomes relevant to search for theoretical-methodological research tools adequate to phenomena of this class for their description as nonlinear integralities of a given level of complexity. It is understood that the human brain and mind, in the unity of their activities throughout human life, express some indivisible unity. One of such tools is the conceptual model (philosophical category) «the Whole in the Whole», which includes integrity, nonlinearity and complexity, making it possible to consider the presented macro-/hyperintegrity in an integral unity. The article analyzes one of the aspects of the concept of «brain-psyche-(mind/consciousness...)» related to chaotization, which is inevitable in its non-linear behavior and which shows that both brain and psyche are continuously changing entities: from structure and system to the manifestation of the quality of environment and dynamic chaos. Their non-equilibrium and extreme non-equilibrium are prerequisites for their survival.

Keywords: «brain-psyche-(mind/consciousness...)», nonlinear integrity, «whole in the whole», psychosynergetics, self-organization, non-humandimensionality, «digital subject», «digital society».

Введение

В настоящем исследовании в контексте проблематизации человека делается следующий шаг в поиске инструментов изучения гиперцелостности такого класса, как «brain-psyche-(mind/consciousness...)» — («мозг-психика-(разум/сознание ...)»). Данный шаг инициирован идеей гипертеории данного концепта в целом, а не только отдельно психики человека — одной из составляющих концепта, и связан с концептуальной моделью (философской категорией, принципом) «целое-в-целом», включающей нелинейную целостность. Последняя предполагает создание макро-/гиперцелостности, включающей в себя другие нелинейные целостности (мозг, психику, разум/сознание и т.д.). В этом и заключается **научная новизна** данной идеи.

Актуальность подобной постановки вопроса в контексте исследования человека связана с обозначившейся проблемой новой картины мира, приближением момента воплощения идеи искусственного интеллекта с высокой степенью подобия человеку, но таковым не являющегося. Человек, порожденный природой, породил социум, и он теперь порождает «цифро-субъект», который может породить свой «цифро-социум». Особенностью этой новой «цифровой цивилизации» является ее нечеловекомерный/непсихомерный характер, проявляющийся в том, что «цифро-субъект» не нуждается в биологическом носителе для своего существования и развития и, как правило, будет иметь искусственную природу (искусственный интеллект). Следовательно, «цифро-субъект» может стать параллельным человеку либо полностью заменить его, создав «постчеловеческий» и, возможно, «постприродный» — «циф-

ровой» искусственный мир, в котором человекомерности не будет места.

Кроме того, актуализация исследований целостности в настоящее время связана с трансдисциплинарностью как новым более глубоким уровнем интеграции, который предполагает не только конвергентное проникновение научных методов и дисциплин, но также создание таких познавательных ситуаций, в которых научный ум вынужден в поисках целостности осуществить переход к практической жизненной сфере [Киященко Л.П., 2015, с. 110]. Иными словами, к той сфере повседневной жизни человека, в которой реализуется предложенный нами концепт «мозг-психика-(разум/сознание...)», или «brain-psyche-(mind/consciousness...)», поскольку он фиксирует природное единство (целостность) человека. Таким образом, проблема целостности как одна из «вечных философских проблем» (Л.П. Киященко) приобретает сегодня как трансдисциплинарное, так и психологическое измерение.

Целью статьи является анализ концепта «brain-psyche-(mind/consciousness...)» («мозг-психика-(разум/сознание...)») как гиперцелостности, образующей природное единство человека и в человеке, данное ему при рождении, в перспективе построения гипертеории данного концепта.

Основное содержание

Основанием для подобной идеи — идеи гипертеории концепта — является то, что мозг и психика — составляющие концепта «br(m/c...)» рассматриваются и исследуются специалистами и нами в том числе как среда/система синергетического порядка, в поведении которой управляющую роль играют самоорганизация, хаос и диссипация [Хакен Г., 2001, 2014; Ершова-

Бабенко И.В., 1992, 2015; Психосинергетика..., 2020].

Так, например, в нашей работе «Методология исследования психики как синергетического объекта» (1992) впервые было предложено новое определение психики как гиперсистемы/среды, имеющей сложный фазовый характер. В ней были выделены три фазы: дожитенная — до момента зачатия, прижитенная — от момента зачатия до момента смерти (или иначе — «система психической реальности»), постмортальная — после смерти организма. Показано, что в поведении психики существенную роль играет принцип самоорганизации. Она стала рассматриваться как открытая нелинейная самоорганизующаяся среда/система, которая демонстрирует проявления фазовых и межфазовых переходов, в том числе и перехода нового типа по И.Р. Пригожину, и которая может находиться в состоянии динамики или плато (зависания), хаотической трансформации или явного разрушения [Ершова-Бабенко И.В., 2015, с. 32–33].

Как показали наши исследования, психика как гиперсистема может проявляться как специфическая система психической реальности живущего человека (именно эту форму обычно и фиксирует внимание окружающих или исследователей), т.к. она может и не иметь системных признаков и границ. В подобном состоянии она демонстрирует средовость/становление, которое обнаруживается в разных фазах психики, а также в межфазовом переходе неравновесного типа, по И.Р. Пригожину, который назван нами «межфазовое человеко-пространство-время», проявляющееся внутри прижитенной фазы. Этот переход может выступать «в форме непонятных для человека переживаний, состояний; в форме измененного сознания, возникающего целенаправленно или неосознанно; в моменты творческих взлетов, страданий, поисков и некоторых других состояний. С этих позиций весь психический, психомерный процесс рассматривается как колебания, переходы из цепочки мгновенного равновесия в дрящущую неравновесность» [Ершова-Бабенко И.В., 2015, с. 33]. В межфазовый переход оказываются вовлеченными также не только разнородные и разноплановые фрагменты психики индивида, но и фрагменты из мира искусства (картины, отрывки фильмов, музыкальных произведений, т.д.), воспоминания, ассоциативный ряд разного происхождения, что представляет собой разные фазы, выражающие фазовую структуру психики. Следовательно, можно рассматривать психику как дискретную, прерывистую в проявлении ее фаз, но эта дискретность соотносима с

определенным масштабом, а можно ее рассматривать как непрерывную, но относительно другого масштаба.

Таким образом, говоря о сложной фазовой, многомерной, но в то же время целостной среде/системе психики, мы имеем в виду задачу поиска максимальной адекватности наших методологических и концептуальных конструкций исследования психики самому явлению психики, степени его сложности как самого по себе, так и сложности его поведения. Поэтому нами была выдвинута идея новой постнеклассической области исследования психики — психосинергетики, задачей которой стала разработка нового фундаментального представления психики как среды/системы синергетического порядка с фазовой структурой, включая явление межфазового перехода нового типа [Ершова-Бабенко И.В., 1992, 2015; Психосинергетика..., 2020]. Кроме того, в рамках психосинергетики была разработана концептуальная модель новой нелинейной холистики «целое-в-целом», включая «нелинейное целое в нелинейном целом», а также сформулированы психосинергетические стратегии человеческой деятельности [Ершова-Бабенко И.В., 2015]. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что психосинергетика демонстрирует необходимость создания новой философской и общенаучной теории психики, разработки новых методологических и концептуальных ее оснований. Теоретико-методологической основой для подобной концептуализации психики является синергетика как общенаучная исследовательская программа [Добранова И.С., 1991, 2017].

Более того, выдвинутый нами проект психосинергетики как научного направления в постнеклассике, занимающийся изучением психомерных систем/сред, т.е. таких, которые являются продуктом психической/психомерной деятельности как отдельного человека внутри и вне себя, так и группы людей в разном масштабе и времени, уже на протяжении нескольких десятилетий, показал свою валидность и эвристичность в различных теоретических и практических исследованиях в Украине. Эти исследования затрагивают такие дисциплины, как социальная философия [Козобродова Д.М., 2019; Селиверстова Г.С., 2020], психология [Мадинова Ю.И., 2016; Кривцова Н.В., 2018] и другие, показывая, что психомерность является характеристикой разных сред/систем, которые существуют в социально-культурной действительности и которые относятся к антропо-социокультурным системам.

О применении синергетической методологии для исследований деятельности и активности мозга одним из первых стал писать ее основатель Г. Хакен, который отмечал, что человеческий мозг работает именно в точке потери устойчивости: «...мы рассматриваем мозг как гигантскую сложную систему, которая подчиняется законам синергетики, т.е. функционирует вблизи точек потери устойчивости, где макроскопические паттерны определяются параметрами порядка» [Хакен Г., 2001, с. 307]. Его идеи были подхвачены и развиты многими исследователями [Евин И.А., 2005; Белокопытов Ю.Н., 2012 и др.], которые позволили выдвинуть ряд концептуальных положений, связанных с деятельностью мозга: 1) мозг представляет собой нелинейную систему; 2) он функционирует в состоянии неустойчивости (в нем протекают процессы динамического хаоса); 3) мозг является открытой системой, а следовательно, он действует на основании принципа самоорганизации.

«Чрезвычайная чувствительность нашего мозга к малейшим изменениям, как внешних стимулов, так и внутренних психических процессов, указывает на то, что мозг как сложная система функционирует вблизи бифуркационного состояния. Исследования показывают, что такие явления, как сознание и подсознание (неосознаваемое), а также творчество, синестезия, нейропластичность, синхронизация как механизм интегративной функции мозга, восприятие неоднозначных образов и т.д. связаны с феноменологией критических явлений... В науках о мозге принцип неустойчивости сменил господствовавшее до него представление традиционных наук о высшей нервной деятельности — “все процессы в мозге стремятся к устойчивому состоянию» [Евин И.А., 2005, с. 8–9].

Интересной в связи с этим представляется идея о соединении синергетической и фрактальной концепций в исследованиях мозга, предложенная Ю.Н. Белокопытовым: «Мы рассматриваем человеческий мозг как когерентную взаимосвязь фрактальных структур внутреннего и внешнего мира человека. По нашему мнению, интерференция волн задает определенную фрактальную структуру и связи миров не только объемны, но и имеют голографический характер. В части любой фрактальной структуры отражается весь мир в целом. Реальность и сознание представляют собой единое когерентное целое. Следовательно, интерференция — это сложный и тонкий фрактальный узор запечатленных событий». Исследователь считает, что «при наличии голографической части процессы

самоорганизации могут достраивать недостающие структуры целого. Тем самым наблюдается взаимосвязь фрактально-голографической и синергетической парадигм» [Белокопытов Ю.Н., 2012].

Таким образом, возвращаясь к концепту «brain-psyche-(mind/consciousness...)», можно отметить, что основные его составляющие — психика и мозг, — безусловно, являются сложными открытыми средами/системами, которые функционируют в точках потери устойчивости, а значит, относятся к открытым самоорганизующимся системам, изучаемым сегодня на основании синергетических принципов и моделей. Однако в данной статье мы предлагаем их рассмотреть на новом уровне — в их единстве как природной целостности человека и в человеке. Сегодня такая необходимость ее теоретического осмысления обоснована угрозой потери человекомерности в новом «цифровом мире», образующемся под влиянием становления «цифросубъекта».

Вызовы «нечеловекомерности» (И.В. Ершова-Бабенко) довольно ощутимы в настоящий момент развития и формирования «цифровой культуры» и конвергенции нано-, био-, техно-и когнитивных технологий. Оказавшись в мире «цифровых технологий», человек начинает терять привычное «сознание», с которым соотносится его интеллект, он теряет способность различения естественного и искусственного, природного и техногенного. «Оказавшись в зоне цифровизации, мы уже не можем считать, что находимся на пути к новому синтезу, новой концепции природы. Потому что “цифра” — это неприродное, а не только “неживое”. Потому что “новая картина мира цифры” — это, фактически, картина мира, подразумевающая в будущем только “цифру”, только саму себя, т.е. “отдельно от природы” и “отдельно от человека”, “после природы”, “после человека”, т.д., символизировавших до недавнего времени постнеклассическую картину мира» [Ершова-Бабенко И.В., 2020, с. 53]. Следовательно, можно говорить о формировании новой формы цивилизации, субъектом которой является «цифро-субъект», т.е. «цифровая информация», воплощенная в некоторый носитель (не обязательно биологический). Этот «цифро-субъект» может стать (в определенной мере уже становится) самодостаточным и даже самостоятельно действующим субъектом.

Однако существует определенная трудность анализа концепта «brain-psyche-(mind/consciousness...)», связанная с ограниченностью имеющихся теоретико-концептуальных средств для охвата этой макро-/гиперцелостности, поскольку традиционные науки (психология,

нейрофизиология, медицина и т.д.) пытались разбить ее на отдельные составляющие элементы и изучать их как элементы на основании философского принципа «часть-целое». Между тем синтетическое исследование, на наш взгляд, имеет большие перспективы. В нашем случае мы говорим о нелинейной целостности («целое-в-целом»). Соответственно, она относится к более высокому уровню целостности, который не фиксируется с помощью инструментов более низкого уровня. Кроме того, для формирования гипертеории концепта необходимы трансдисциплинарные исследования, выходящие за рамки какого-то отдельного блока дисциплин (гуманитарных, естественных или медицинских). Мы не можем, к сожалению, рассматривать данный концепт как «новую коммуникативную среду, где прослеживается синергетическая связь психического, чувственного, ментального, телесного, материального как подсистем, которые вовлекаются в процессы самоорганизации. В этом комплексе связей и реализуется наше присутствие в меняющемся мире» [Белокопытов Ю.Н., 2012]. Это обусловлено тем, что позиция о подсистемах соотносится с другой концептуальной моделью, а именно, «часть-целое».

Исходя из сложной и разномерной, а не просто многомерной, природы рассматриваемого концепта, к его основным характеристикам можно отнести следующие: 1) нелинейность и неравновесность; 2) диссипативность; 3) хаотизация; 4) самоорганизация; 5) «целостно-целостность», подразумевающая «целостность-в-целостности», когда отделение «одной из» приводит к исчезновению всей.

В данной статье мы остановимся на вопросе о роли хаоса (хаотизации) как одного из параметров концепта «brain-psyche-(mind/consciousness...)». Выбор определен резко обозначившимся ростом актуальности темы и явления хаоса в современных социальных условиях в начале XXI в. Частично вопрос был сформулирован и рассматривался в аспекте «социального хаоса» в контексте социальной философии [Омельченко Н.О., 2006]. В социальное знание сегодня входят такие понятия, как «социальный порядок», «социальный хаос», «социальная самоорганизация», «социальная сложность», «бифуркация», т.д. «Теория социальной самоорганизации дает новое видение процессам социальных трансформаций и изменений, поскольку она раскрывает важнейшую роль хаоса в установлении нового социального порядка, представляющего собой усложнение и развитие социальной системы на структурном уровне. Социальный хаос, по нашему мнению, является необходимым и постоянно при-

существующим элементом сложной самоорганизующейся социальной системы, который способствует ее изменению и развитию» [Ершова-Бабенко И.В., Селиверстова А.С., 2020, с. 132]. В отношении же концепта «brain-psyche-(mind/consciousness ...)» тема хаоса не рассматривалась ранее.

Кроме того, актуальность темы хаоса в современной философской мысли конца XX – начала XXI в. связана с тем, что понятия «хаос» и «хаосмос» стали необычайно популярны в постмодернистской философии. Исходя из интерпретации мира как текста в понятии «хаос» получает отражение идея множественности и плюральности вариантов развития, т.е., по сути речь идет о возможности «неограниченного количества интерпретаций и переинтерпретаций. Согласно парадигме постмодерна мир/текст являет собой хаотическую совокупность потенциально способных к смыслопорождению центров и размещен в исходно асемантическом пространстве» [Новейший философский словарь..., 2007, с. 712].

В своей широко известной работе «Что такое философия?» (1998) Ж. Делез совместно с Ф. Гваттари, вводя тему хаоса в современную философию, понимают его как радикальную изменчивость: «Хаос — это не инертно-стационарное состояние, не случайная смесь. Хаос хаотизирует, растворяет всякую консистенцию в бесконечности» [Делёз Ж., Гваттари Ф., 1998, с. 59]. Для них хаос является также «неисчерпаемым резервуаром потенциальных возможностей. Эта текучесть — результат виртуальности хаоса, его мультиструктурности». Ф. Гваттари обращает внимание на то, что абсолютно недопустимо смешивать понятия хаоса и беспорядка в привычном смысле этого слова. «Хаос — символ гиперсложной системы, генерирующей случайность как исходный принцип возможных построений» [Рендл М., 2014, с. 133]. При этом они рассматривают три основных варианта взаимодействия с хаосом: наука, философия и искусство. Наиболее подходящим они считают философский подход к хаосу, поскольку он позволяет реализовать внутреннюю сущность хаоса — постоянную изменчивость.

Особенностью философского анализа хаоса, предпринятого французскими философами-постмодернистами, является также обращение к научной теории динамического хаоса, появившейся в середине XX в. в рамках естественных наук (физики, химии) и математики. Значительной областью естественнонаучного познания, которая затрагивала проблемы хаоса, неравновесности и нелинейности, стали исследования диссипативных

структур, проводимые И.Р. Пригожиным и его школой, положившие начало неравновесной термодинамике. Согласно определению И.Р. Пригожина, «диссипативными» называются структуры, которые возникают в открытых сильно неравновесных системах: «ныне мы знаем, что вдали от равновесия могут спонтанно возникать новые типы структур. В сильно неравновесных условиях может совершаться переход от беспорядка, теплового хаоса, к порядку. Могут возникать новые динамические состояния материи, отражающие взаимодействие данной системы с окружающей средой. Эти новые структуры мы назвали *диссипативными структурами*, стремясь подчеркнуть конструктивную роль диссипативных процессов в их образовании» [Пригожин И.Р., Стенгерс И., 2021, с. 54].

Проявление диссипативности как особого динамического состояния системы неразрывно связано с хаотизацией и самоорганизацией. В неравновесных открытых средах/системах (мозг, психика, сознание и их прижизненная совокупность) в силу чувствительности каждой из них к разным воздействиям (и внешним, и внутренним) происходит избирательное действие хаоса: одни образования он рассеивает, другие усиливает, способствуя тем самым структурированию и самоорганизации, с одной стороны, и разнородности среды — с другой. Иными словами, речь пойдет о том, что человек пользуется некоторой совокупной целостностью (прижизненным единством), присущей ему от природы и от рождения, что выражено концептом «*brain-psyche- (mind/consciousness...)*». Как сама данная целостность (концепт «*br(m/c...)*»), так и ее составляющие при жизни человека-индивида, их носителя, пользователя и соавтора (другими соавторами выступают природа и общество), по определению относятся к становящимся процессам, средам определенного класса. В работе мы дополнили этот образ «мерцательным принципом», утверждением о перманентной смене состояния как собственно концепта «*brain-psyche- (mind/consciousness...)*», так и его составляющих, т.к. исходно и в основном они являются средами, но по мере развития периодически проявляют себя как системы и структуры [Ершова-Бабенко И.В., 2015, с. 208]. Это приводит к нарушению симметрии на разных уровнях во времени и пространстве, в информационных и вещественных формах. При этом очевидно, что существуют в том числе и сквозные образования: оси-структура и система.

Более точным, наверное, будет утверждение, что существует многослойность и параллельность в данном образе его средовости, процессуальности,

системности и структурности в пространстве и времени, одновременно в пространственно-временном, осевом аспектах. Последнее согласуется с макроподходом Г. Хакена о поведении самоорганизующихся сложных информационных систем [Хакен Г., 2014], И.Р. Пригожина о самоорганизации и эволюции сложных систем и процессов [Пригожин И.Р., Стенгерс И., 2021].

Таким образом, мозг рассматривается как непрерывно изменяющееся образование, т.е. становящееся, однако проявляет системность и структурность. Психика также непрерывно изменяется, т.е. это становящееся образование, которое проявляет средовость, системность и структурность.

При этом будем рассматривать концепт «*br(m/c...)*» как такую целостность, которая исчезает в отсутствие одной из названных его составляющих. По характеру поведения концепт «*br(m/c...)*» можно классифицировать как гиперцелостность, а адекватную ему теорию как гипертеорию концепта данного класса.

Заключение

Предложенный в статье концепт «*brain-psyche- (mind /consciousness...)*» («мозг-психика-(разум/сознание...)») имеет важное значение для современных исследований человека, поскольку указывает на присущую ему природную целостность, на основании которой он живет и действует в окружающем его социальном мире. Отличительной особенностью концепта является его гиперцелостность, или нелинейная целостность, базирующаяся на философском принципе «целое в целом», что позволяет рассматривать входящие в него составляющие не как отдельные элементы (части), а как самостоятельные нелинейные целостности, каковыми и являются мозг, психика, сознание и другие составляющие психики, выделяемые в ней современной наукой. Таким образом, гипертеория концепта предполагает обращение к проблеме целостности на новом трансдисциплинарном уровне, в котором предполагается сопряжение сложности и нелинейности природной целостности человека и сложности окружающего его мира.

Исходя из теоретических положений синергетической парадигмы мозг и психика являются сложными синергетическими объектами, которые действуют как открытые неравновесные динамические системы, проявляя свойства нелинейности, диссипативности, хаотичности. В таких системах наблюдается образование самоорганизованных структур в результате их крайне неустойчивого

состояния и чувствительности к различным внешним и внутренним воздействиям. В концепте « $\text{br}(m/c\dots)$ » хаотизация проявляется в изменчивом состоянии фазового перехода между его составляющими, психикой и мозгом, от состояния структурности, или системности, к состоянию средовости, или потоковости.

Список литературы

Белокопытов Ю.Н. Человеческий мозг как фрактальная голограмма внешнего нелинейного мира // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2012. № 8(67). С. 232–236.

Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 288 с.

Добронравова И.С. Синергетика. Становление нелинейного мышления. Киев: Либідь, 1991. 150 с.

Добронравова И.С. Практична філософія науки. Суми: Университетська книга, 2017. 354 с.

Евин И.А. Синергетика мозга. Москва–Ижевск: НИИ «Регулярная и хаотическая динамика», 2005. 108 с.

Ершова-Бабенко И.В. Методология исследования психики как синергетического объекта. Одесса: ОДЭКОМ, 1992. 124 с.

Ершова-Бабенко И.В. Психосинергетика. Херсон: Гринь Д.С., 2015. 488 с.

Психосинергетика: методологический статус, теория и практика: юбил. сб. науч. тр. проф. И.В. Ершовой-Бабенко / ред.-сост. В.Б. Ханжи, Н.В. Кривцова. Одесса: Фенікс, 2020. 256 с.

Ершова-Бабенко И.В. Проблема новой научной картины мира. Мир «цифры» и «цифро-субъекта» // Norwegian Journal of development of the International Science. 2020. № 44(2). С. 53–60.

Ершова-Бабенко И.В., Селиверстова А.С. Хаотизация психомерности социальной реальности: социально-философский и психосинергетический контекст. Одесса: Украинское синергетическое общ-во, 2020. 192 с.

Киященко Л.П. Философия трансдисциплинарности: подходы к определению // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / под ред. В. Бажанова, Р.В. Шольца. М.: Навигатор, 2015. С. 109–135.

Козобродова Д.М. Самоорганизация как предмет социально-философского анализа: дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 2019. 219 с.

Кривцова Н.В. Психологічні особливості потенціалу самореалізації особистості: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Одесса, 2018. 23 с.

Мадінова Ю.І. Особливості деадаптації студентів-медиків: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Одесса, 2016. 19 с.

Новейший философский словарь / гл. ред. и сост. А.А. Грицанов. Минск: Совр. литератор, 2007. 816 с.

Омельченко Н.О. Феномен социального хаоса: философский анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Запоріжжя, 2006. 20 с.

Пригожин И.Р., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: пер. с англ. / общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича, Ю.В. Сачкова. М.: URSS, 2021. 320 с.

Рендл М. Актуализация метафизического хаоса в современной философии // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2014. № 3(16). С. 127–136.

Селиверстова Г.С. Хаос як предмет соціальної філософії: дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 2020. 185 с.

Хакен Г. Информация и Самоорганизация: Макроскопический подход к сложным системам. М.: URSS: Ленанд, 2014. 320 с.

Хакен Г. Принципы работы головного мозга: синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности. М.: ПЕР СЭ, 2001. 351 с.

Получена: 01.08.2021. Принята к публикации: 31.08.2021

References

Belokopytov, Yu.N. (2012). [Human brain as a fractal hologram of external nonlinear world]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Proceedings of Irkutsk State Technical University]. No. 8(67), pp. 232–236.

Deleuze, G. and Guattari, F. (1998). *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?]. Moscow: Institut Eksperimental'noy Sotsiologii Publ., Saint Petersburg: Aleteiia Publ., 288 p.

Dobronravova, I.S. (1991). *Sinergetika. Stanovlenie nelineinogo myshleniya* [Synergetics. The formation of nonlinear thinking]. Kiev: Lebed' Publ., 150 p.

Dobronravova, I.S. (2017). *Praktychnaya filosofiya nauky* [Practical philosophy of science]. Sumy: Unyversytetskaya Kniga Publ., 354 p.

Ershova-Babenco, I.V. (1992). *Metodologiya issledovaniya psikhiki kak sinergeticheskogo ob'ekta* [Methodology of the study of the psyche as a synergetic object]. Odessa: ODEKOM Publ., 124 p.

Ershova-Babenco, I.V. (2015). *Psikhosinergetika* [Psychosynergetics]. Kherson: Grin D.S. Publ., 488 p.

Khanzhi, V.B., Krivtsova, N.V. (ed.) (2020).

Psikhosinergetika: metodologicheskiiy status, teoriya i praktika: yubileinyiy sbornik nauchnykh trudov profesora I.V. Ershovoiy-Babenko [Psychosynergetics: methodological status, theory and practice: anniversary collection of scientific works of Professor I.V. Ershova-

Babenko]. Odessa: Feniks Publ., 256 p.

Ershova-Babenko, I.V. (2020). [The problem of a new scientific picture of the world. world of «digits» and «digital subject»]. *Norwegian Journal of Development of the International Science*. No. 44(2), pp. 53–60.

Ershova-Babenko, I.V. and Seliverstova, A.S. (2020). *Khaotizatsiya psikhomernosti sotsial'noy real'nosti: sotsial'no-filosofskiy i psikhosinergeticheskiy kontekst* [Chaoticization of the psychomericity of social reality: socio-philosophical and psychosynergetic context]. Odessa: USS Publ., 192 p.

Evin, I.A. (2005). *Sinergetika mozga* [Brain synergy]. Moscow-Izhevsk: NRC RCD Publ., 108 p.

Gritsanov, A.A. (ed.) (2003). *Noveishiy filosofskiy slovar'* [The latest philosophical dictionary]. Minsk: Sovremennyy literator Publ., 816 p.

Haken, H. (2001). *Printsipy raboty golovnoy mozga: sinergeticheskiy podkhod k aktivnosti mozga, povedeniyyu i kognitivnoy deyatel'nosti* [A synergetic approach to brain activity, behavior and cognition]. Moscow: PER SE Publ., 351 p.

Haken, H. (2014). *Informatsiya i samoorganizatsiya: Makroskopicheskiy podkhod k slozhnym sistemam* [Information and self-organization: a macroscopic approach to complex systems]. Moscow: URSS Publ., Lenand Publ., 320 p.

Kiyaschenko, L.P. (2015). [The philosophy of transdisciplinarity: approaches to the definition]. *Transdistsiplinarnost' v filosofii i nauke: podkhody, problemy, perspektivy* [Transdisciplinarity in philosophy and science: approaches, problems, perspectives]. Moscow: Navigator Publ., pp. 109–135.

Об авторе

Ершова-Бабенко Ирина Викторовна

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры искусствovedения и общегуманитарных дисциплин

Международный гуманитарный университет, Украина, 65000, Одесса, Фонтанская дор., 33; e-mail: chokaiv@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2365-5080>
ResearcherID: AAW-6939-2021

Kozobrodova, D.M. (2019). *Samoorganizatsiya kak predmet sotsial'no-filosofskogo analiza: dis. ... kand. filos. nauk* [Self-presentation as a subject of socio-philosophical analysis: dissertation]. Odessa, 219 p.

Kryvtsova, N.V. (2018). *Psikhologicheskie osobennosti potentsiala samorealizatsii lichnosti: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological features of the potential of self-realization of the individual: Abstract of PhD. dissertation]. Odessa, 23 p.

Madinova, Yu.I. (2016). *Osobennosti deadaptatsii studentov-medikov: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Features of de-adaptation of medical students: Abstract of PhD. dissertation]. Odessa, 19 p.

Omel'chenko, N.O. (2006). *Fenomen sotsial'nogo khaosa: filosofskiy analiz: dis. ... kand. filos. nauk* [The phenomenon of social chaos: a philosophical analysis: Abstract of PhD. dissertation]. Zaporizhzhya, 20 p.

Prigozhin, I.R. and Stengers, I. (2021). *Poryadok iz khaosa: Novyy dialog cheloveka s prirodoy* [Order out of chaos. Man's new dialogue with nature]. Moscow: URSS Publ., 320 p.

Rendl, M.V. (2014). [Actualization of metaphysical chaos in modern philosophy]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatischeva* [Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatischev]. No. 3(16), pp. 127–136.

Seliverstova, G.S. (2020). *Khaos kak predmet sotsial'noy filosofii: dis. ... kand. filos. nauk* [Chaos as a subject of social philosophy: dissertation]. Odessa, 185 p.

Received: 01.08.2021. Accepted: 31.08.2021

About the author

Irina V. Yershova-Babenko

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Art History and General Humanities

International Humanitarian University
33, Fontanskaya rd., Odessa, 65000, Ukraine;
e-mail: chokaiv@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2365-5080>
ResearcherID: AAW-6939-2021

Прoсьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Ершова-Бабенко И.В. Концепт «brain-psyche-(mind/consciousness...)» и вопрос гипертеории концепта // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 405–412.
DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-405-412

For citation:

Yershova-Babenko I.V. [Concept «brain-psyche-(mind/consciousness...)» and the question of hypertheory concept]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 3, pp. 405–412 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-405-412

УДК 141.5:17. 021.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-413-422

КОНЦЕПТ «ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА» КАК АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП

Сайкина Гузель Кабировна, Ибрагимова Зульфия Зайтуновна

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)

В философии XX в. утвердилось представление об отсутствии у человека природы, вследствие чего концепт «природа человека» стал рудиментом в антропологическом знании, а сам человек стал осмысляться как «безопорный». В эпоху «биотехнологической революции» данный концепт оказывается неудобным для трансгрессивной игры человека с собственными пределами. Однако проблематизация человека в современном антропологическом дискурсе может происходить во многом именно через вопрошание о природе человека. В эпоху развитых биотехнологий современной антропологии следует не столько отрицать, сколько утверждать природу человека, так как концепт «природа человека» указывает на онтологические рамки, сохраняющие аутентичность человека, обеспечивающие преемственность всех его исторических форм. В противовес толкованию концепта природы человека в оппозиции социальной сущности (как низменной физической, материальной, биологической, витальной части человеческого существа) эвристически значимым является возведение его в социально значимый аксиологический принцип, наполнение ценностным содержанием путем возвышения статуса человеческой природы. Это особенно важно вследствие того, что содержательно он оказывается включенным в этические и социально-гуманитарные экспертизы биотехнологических проектов. Без аксиологического разворачивания данного концепта потеряют силу и убедительность биоэтический и экологический дискурсы. Человек всегда незавершен, многомерен, многолик, поэтому не может быть единой сущностной идеей человека, способной стать цементирующим основанием антропологического знания, как на это уповали представители первого поколения направления «философская антропология». Но все же человек — это один антропологический тип с единой природой. В результате исследования выдвинута гипотеза о том, что именно реанимация концепта «природа человека» придаст антропологическому знанию единство, станет его «идейным стержнем».

Ключевые слова: природа человека, сущность человека, аксиология, философская антропология, биологическое, социальное, телесность, «первая природа», «вторая природа», Просвещение.

THE CONCEPT OF «HUMAN NATURE» AS AN AXIOLOGICAL PRINCIPLE

Guzel K. Saikina, Zulfiya Z. Ibragimova

Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan)

In the philosophy of the 20th century, the idea of the absence of nature in man was established, due to which the concept of «human nature» became a rudiment in anthropological knowledge, and man himself began to be comprehended as «unsupported». In the era of the «biotechnological revolution», this concept turns out to be inconvenient for the transgressive game of man with his own limits. However, the problematization of a person in modern anthropological discourse can occur in many respects precisely through questioning the human nature. In the era of developed biotechnologies, for the purposes of human ecology, modern anthropology should not so much deny as assert the nature of man, since the concept of «human nature» indicates an ontological framework that preserves the authenticity of man, ensuring the continuity of all his historical forms. In contrast to the interpretation of the concept of human nature as opposed to the social essence (as a base physical, material, biological, vital part of human being), it is heuristically significant to elevate it to a socially significant axiological principle, filling it with value content by raising the status of the human nature. This is especially im-

portant due to the fact that this concept is substantively included in ethical, social and humanitarian expertise of biotechnological projects. Without the axiological development of this concept, bioethical and ecological discourses will lose strength and persuasiveness. A person is always incomplete, multidimensional, multifaceted, therefore there cannot be a single essential idea of a person capable of becoming the cementing foundation of anthropological knowledge, as the first generation of «philosophical anthropology» representatives hoped for. Still, man is one anthropological type with a single nature. As a result of the study, a hypothesis has been put forward that it is the reanimation of the concept of «human nature» that will give unity to anthropological knowledge and become its «ideological core».

Keywords: human nature, human essence, axiology, philosophical anthropology, biological, social, corporeality, «first nature», «second nature», Enlightenment.

Введение

Э. Кассирер, анализируя современную теорию человека, указывал на необходимость выработки «общей точки отсчета», «референциальной рамки» вследствие существующего антагонизма идей человека: «современная теория человека потеряла свой идейный стержень, а взамен мы получили полную анархию мысли» [Кассирер Э., 1988, с. 25]. Данное обстоятельство философ рассматривал как угрозу для развития общества. Причем Кассирер, как известно, выразил общее настроение того времени относительно уровня антропологического знания (представленное прежде всего в учениях М. Шелера, М. Хайдеггера, Н.А. Бердяева). Антагонизм идей человека определялся в качестве симптома кризиса философской антропологии и даже ее отсутствия. Так, к примеру, Н.А. Бердяев считал, что только сейчас «наступило время для философской антропологии, которой до сих пор не существовало» [Бердяев Н.А., 1993, с. 54]. Можно ли говорить о современной антропологии в тех же терминах?

Как известно, отсутствие единой универсальной идеи человека первым констатировал Макс Шелер, конституировавший, по сути, «антропологический поворот» в философии. Из обозначенных Шелером [Шелер М., 1994] пяти идей человека (религиозной идеи, античной идеи человека как разумного существа, естественнонаучной идеи, идеи человека декаданса и идеи сверхчеловека) сегодня, возможно, господствуют идея декаданса человека и естественнонаучная идея, преимущественно в виде сциентистских проектов трансформации человека посредством биотехнологий. Причем последние выступают своеобразным ответом на идею упадка человека: человека стремятся улучшить. Сложно в этой связи говорить о какой-то конфронтации идей человека, их антагонизме, по крайней мере, в той же степени, что чувствовали философы антропологической направленности начала XX в., однако при этом ощущение анархии мысли не исчезает...

Шелеровский проект создания единой, универсальной идеи человека (на уровне построения антропологии как мета-философии) в каком-то смысле был изнутри подорван концептуализацией идеи незавершенности человеческой природы, вследствие чего проект сам оказался незавершенным. Он фактически был обречен на провал: человека в многообразии всех проявлений его сущностных черт невозможно уложить в единственное понятие. При этом он держался верой в уникальность природы человека, в безграничность его возможностей, в способность быть связующим онтологическим центром. В учениях М. Шелера, А. Плеснера, А. Гелена человек представлялся как неспециализированное, недостаточное, эксцентричное существо, что между тем обеспечивало ему открытость миру, духовность и свободу. Поэтому в целом природа человека оценивалась в них позитивно. Данный подход не отвергал принципов анализа природы человека классической философии, где он осмыслялся с довольно оптимистических позиций: как то, что дано человеку от рождения, но не мешает реализации его метафизического, аутопоэтического начала, не противоречит свободной универсальной сущности. В принципе даже позднее, в экзистенциализме, идея отсутствия природы у человека имела позитивные «зерна»: она утверждала идею проективности человека.

Специфика современной ситуации состоит в том, что благодаря развитию биотехнологий человек хочет не столько метафизически возвыситься над собственной природой, трансцендировать над эмпирической наличностью, сколько коренным образом трансформировать собственную природу и создать фактически совершенно новую природу, с новым способом воспроизводства и борьбы со смертью (вспомним, к примеру, идею клонирования, репродуктивные технологии, операции по смене пола, опыты со стволовыми клетками, киборгизацию человека и т.д.). Человеческая природа стала расцениваться в качестве фундаментальной преграды. В результате экспе-

рименты над собственной природой вплотную подвели человека к порогу, за которым он может потерять свою уникальную антропную форму.

Важный сдвиг в человеческом бытии обнаруживает С.С. Аванесов. Отталкиваясь от утверждения, что «для человека нормально быть проблемой», он делает серьезный вывод: «Вызов заключается не в технологических инновациях, а в программной деградации человеческого сознания, в его критическом приближении к уровню сознания животного — к сознанию вне морали и вне достоинства, вне ответственности (вменяемости) и, следовательно, вне свободы. Антропологический вызов настоящего времени состоит не в том, что человек как будто все больше проблематизируется, а, наоборот, в том, что человек перестает быть проблемой, становится все более понятным, редуцированным к простейшим процессам и “узлам”» [Аванесов С.С., 2017, с. 6].

Тем самым проблемность заключается не в том, что природа человека низменная или несовершенная, а в том, что уровень сознания (в том числе аксиологического характера) и субъектности не соответствует подлинно человеческому, в результате чего и происходит редукция человека к биологическому виду, к животному. Деградация сознания и культуры приводит к тому, что человек уничтожает ценное в своей природе, в своих задатках. В связи с этим проблематизация человека может «запускаться» аксиологическим подходом к проблеме человеческой природы.

Действительно, современный массовый человек потерял целостность и духовный центр, в итоге — свою субъектность. В этой связи возникает серьезный вопрос: как в эпоху развитых биотехнологий бессубъектный «дивид» может распорядиться данным ему биоматериалом, своей природой? На повестку дня выходит проблема разумного контроля над применением биотехнологий, т.е. по существу аксиологическая проблема нравственной ответственности.

Таким образом, биотехнологии запускают очередную серию проблематизации человека в первую очередь через вопрошание о его природе, а именно о содержании и границах человеческой природы, перейдя или разрушив которые, человек самоликвидируется.

Амбивалентность человеческой природы

Человек, по меткому выражению Ж.-П. Сартра, — это не *природа*, это драма. «Человеческое в человеке» не задано природой, не может быть полностью выведено из нее. Сущностная полнота ро-

да не дана человеческому индивиду от рождения: ему дан лишь определенный биологический субстрат человеческого. Драматичность человека состоит в том, что он рождается «недоношенным» существом и все сущностное (собственно человеческое) человек приобретает лишь после рождения посредством метафизических усилий, самозидания.

В соответствии со своей сущностью человек есть метафизическое существо, возвышающееся над своей природой. Он деятельно противопоставляет себя природе. Благодаря свободе, духовному началу человек способен отделить себя от природы и не отождествлять себя с ней. Однако, будучи социально деятельным и метафизическим существом, он все же не может полностью отринуть биологические законы существования, свою витальную часть.

Теоретически это противоречие выражается в идее несовпадения природы и сущности человека, причем выстраиваемой в виде их иерархии, естественно, не в пользу человеческой природы. Природа человека расценивается, как правило, как нечто низменное (недочеловеческое, животное) и второстепенное. Зачастую «природное в человеке» сводится лишь к витальному уровню существования человека, направленному на выживание.

Одновременно концепт «природа человека» отражает своего рода уверование в существование непреложных базовых констант в понимании природы человека. Важно отметить, что природное в противоположность социальной сущности человека нередко мыслится в логике «отсылки» к «доистории». И оценки «природного в человеке» здесь уже могут быть другими. Так, в интерпретации К. Ясперса «доисторическое» природное состояние расценивается как онтологическое основание «человеческого в человеке»: «Доисторическое становление человека — формирование человека как вида со всеми его привычными склонностями и свойствами, со всей присущей ему сферой бессознательного — составляет фундамент нашего человеческого бытия. Исторически осознанная передача свойств человека и его эволюция, которая показывает нам, на что был способен человек, и которая всем своим содержанием составляет источник нашего воспитания, нашей веры, нашего знания и умения, — этот второй момент в развитии человека — подобен тонкой оболочке над кратером вулкана. Может случиться, что эта оболочка будет сброшена, тогда как фундаментальные свойства человека как

представителя данного вида, сложившегося в доисторические времена, неотвратимо присущи его природе» [Ясперс К., 1991, с. 56].

Яркую идеализацию досоциального состояния человека, как известно, обосновал Ж.-Ж. Руссо, провозгласив: «Назад к природе!». Именно досоциальное существование людей с их гипотетической добротой и свободой он полагал выражением истинного нравственного порядка, исходящего от Бога. Эти добродетели могут быть воспитаны (!), они есть «не что иное, как следование самой природе», которая и определяет равенство людей [Руссо Ж.-Ж., 1981, с. 23]. В учении Руссо, с одной стороны, ценности человеческого существования признаются как органическое продолжение природных условий, с другой — нравственный порядок возможен лишь в общественной жизни, которая приобретает роль условия цивилизованного «облагораживания» человека. Ценности имманентно присущи природному состоянию человека, но без воспитания, без участия культуры они остаются метафорой. Таким образом, «первая природа» человека представлена как гораздо более предпочтительная, нежели «вторая природа». Идею фокусирования свободы воли и уважения к личности в природном состоянии можно считать парадоксальной, тем не менее она способствовала осмыслению аксиологических аспектов концепта «природа человека».

В субординации биологического и социального мы не оспариваем социальной и метафизической сущности человека (которая становится в итоге для него более «естественной», нежели само природное), но хотим акцентировать внимание на том, что и природа человеку дана **уникальная** — природа универсального свойства с огромным, безграничным, потенциалом способностей. Природа человека как будто сама «допускает» собственные изменения (в этой связи много говорящим является название круглого стола: «Природа человека — история самосозидания» [Малков С.М. и др., 2015; Мюрберг И. и др., 2014; Smith R., 2007]). Нередко данное обстоятельство становится площадкой для сомнения: «есть ли вообще у человека природа?», так как основанием для вопроса становится привычное представление о природе как устойчивой и изначальной данности.

Действительно, человек изначально есть биологически неприспособленное существо; у человека нет предзаданной биологической программы, он не приспособливается, а преобразует окружающую среду и т.д. Не случайно А. Гелен

считал человека «недостаточным существом»: в отличие от животного у него отсутствуют устойчивые биологические реакции. Х. Блюменберг писал: «Нехватка у человека специфических средств реактивного поведения по отношению к действительности, ограниченность его инстинктов являются исходным пунктом для центральной проблемы антропологии — как, вопреки своей биологической неоснащенности, человек оказывается в состоянии существовать. Ответ может быть сведен к формуле: благодаря тому, что он не связывает себя с этой действительностью непосредственно» [Блюменберг Х., 1995, с. 109–110].

Но свобода человека внутри своей природы позволяет определять человека одновременно и как избыточное существо. Человек в родовом измерении — это универсальное, пластичное существо с бездной возможностей. Человек способен разворачивать бесконечный спектр отношений к миру и поэтому бесконечный спектр способностей и возможностей. Шелер рассматривал отношение «Человек – Мир» как безграничное отношение, характеризующееся открытостью человека миру. Деятельностно-практическая способность человека делает природу человека неисчерпаемой.

В этой связи следует отметить, что природа человека в целом амбивалентна: она выступает одновременно и как материал, и как способность работы с этим материалом; и как стартовая площадка, и как финишная черта. Теоретические трудности оперирования понятием «природа человека» возникают вследствие того, что исследователи при анализе имеют в виду то один, то другой полюс его содержания, размытого и неопределенного по существу. Кроме того, природа человека может осмысляться одновременно и как нечто устойчивое, строго определенное, и как нечто пластичное, податливое для изменений; и как нечто заданное по своим параметрам, и как «чистая доска»; и как нечто недостаточное в биологическом разрезе, и как избыточное в родовой перспективе. Природа должна к тому же соизмеряться с сущностью человека. При этом необходимо иметь в виду, что то, что концептуализируется как «сущность человека», на уровне антропной (родовой) идентичности может вполне определяться как его природа. Разная смысловая нагрузка понятия «природа человека» налицо, и данное обстоятельство требует дальнейшего осмысления. Считаем, что в целом на концепт «природа человека» накладывается принцип

осмысления внешней природы в терминах «первой» и «второй» природы [Bertram G.W., 2020].

Э. Кассирер писал: «Неизбежный момент человеческого существования — противоречие. У человека нет “природы” — простого или однородного бытия. Он причудливая смесь бытия и небытия; его место — между двумя этими полюсами» [Кассирер Э., 1998, с. 14].

И здесь важно понять, что природа человека такова, что мы не можем знать, какие формы человека могут из нее произрасти. Родовая безграничность человеческих способностей подразумевает историческую бесконечность форм человека. Любопытно, что все, что не укладывается в наличную историческую форму, современный человек выносит за пределы человеческой формы (в постчеловека, в сверхчеловека). Однако по логике вещей все новые формы — не за пределами природы человека, они есть ее логическое продолжение.

Культура: в пространстве между природой и человеком

Интерес к натуралистическому аспекту бытия человека «вспыхивал» по-разному во все эпохи. Так, например, в XX в. этот познавательный импульс реализуется через потребность человека обратиться к истокам: к своей природе, к желанию овладеть своей собственной природой. У Й. Хёйзинга это звучит так: «Овладение человеческой природой может значить лишь одно: человечество, которое владеет собой, лично каждый индивидуум» [Хёйзинга Й., 1992, с. 263].

Хёйзинга в своих размышлениях о современной культуре упоминает о высоких требованиях, предъявляемых к культуре. Это касается и принципа равновесия между природным и культурным началами, и необходимости милосердия к культуре, которая рискует оказаться невеликой. Человеческое начало неизменно связано с артикуляцией отношения к ценностям, что в сущности порождает феномен культуры. «Культура должна быть метафизически ориентированной, либо ее нет вообще» [Хёйзинга Й., 1992, с. 264].

Каждая эпоха являет миру свои идеалы. Разумеется, они в своей оторванности от природных условий существования могут заключать и заключают абстрактный смысл, но в целом они несут в себе характер блага, имеющего в значительной степени общественный характер. Человек вне этих метафизических требований рискует оказаться за пределами не только культуры, но и вне своих границ человечности. Бытие человека

давно ассоциируется с признанием особенного, вне-природного начала в нем, того, что отчасти заглушает в нем «природного человека». Но отрицание ценностей ведет и к отказу в нем от «внеприродного», общественного существа, культуры в целом. «Термины, связующие воедино все современные культурные устремления, можно найти только в ряду “благоденствие, могущество, безопасность” (мир и порядок тоже входят в этот ряд) — все эти идеалы больше годятся, чтобы разделять, а не объединять, и все непосредственно вытекают из природного инстинкта, не облагороженного духом. Эти идеалы были знакомы уже пещерным людям» [Хёйзинга Й., 1992, с. 264]. Эта внутренняя оппозиция в содержании самой культуры присутствует соответственно и в идеалах самой культуры. Этот парадокс заметил не только Й. Хёйзинга, но и Г. Зиммель и другие. Человек абсолютно органичен в трансляции своей природы, когда оказывается способным преодолеть границы своего наличного бытия (отказаться от всего мнимого, но внешне аутентичного его природе) и не только, но и стремится к идеалу, который выходит «за пределы и поднимается выше интересов сообщества, которое этот идеал провозглашает» [Хёйзинга Й., 1992, с. 264].

Возможность состояться в качестве человека, полноценно выражающего свою природу, появляется на грани, в промежутке, «в пространстве между» — в метапространстве природного и культурного миров. Это происходит как состояние появления новых сущностей — интериоризованных, как формирование «внутреннего человека», ценностей, способных управлять, регулировать, противостоять «природному» в человеке. А.Л. Доброхотов пишет, что «во всяком случае у человека есть то, чего нет в природе и чем он не склонен поступаться: его ценности и императив их воплощения. К этому же надо добавить удивительный феномен сознания, которое как бы компенсирует неравномощность природы и человечества: природа охватывает человека, но охватывается его сознанием» [Доброхотов А.Л., 2016].

В этой логике к привычному соотношению природного и личностного миров добавляется третий мир. И сама культура (как мир, созданный человеком), чтобы стать таковой, должна перейти в состояние «второй природы», в реальность артефактов. Но это промежуточное состояние культуры. Пройдя через факт рождения авторства артефактов, культура фокусирует продукты человеческого освоения природного мира, человеческой

активности. Уникальность этого мира с его новыми символами, знаками, ценностями и мира человека порождает, по словам А.Л. Доброхотова, новую ситуацию — «она должна отличаться и от природы, и от субъекта. Почему природное начало — это не культура, понять легко. Труднее дается понимание того, что начало личное также не есть культура: разве человек не часть культуры?» [Доброхотов А.Л., 2016]. Ценности не утрачивают своего инвариантного метафизического смысла. Они трансформируются в этом метапространстве, обретают новые аспекты. Человеческое, субъективное приобретает новые — объективные характеристики, это «естественное» отделение делает мир культуры и мир ценностей общезначимым, новым опытом осмысления человеком своей природы. «Перед нами третья (не природная и не человеческая) реальность. Это очеловеченная природа, природа, “согласившаяся” соответствовать идеалам и требованиям человека. Или, с другой стороны, это воплотившийся в природе человек, который в какой-то мере стал ее частью» [Доброхотов А.Л., 2016]. В целом, отдельно взятые реальности нуждаются в гармонизации, синхронизации процессов, которые возможны при участии культуры. При этом важен вопрос о целостности метафизических смыслов, благодаря которым социальность воспроизводится.

Топос культуры в пространстве между природой и человеком логически предполагает его пограничное состояние, когда субъектность человека дополняется его объектностью. Именно в культуре человек формирует свою новую ипостась носителя метафизических состояний. Но для обретения этого качества человек постоянно, стихийно и намеренно, выходит за пределы своего наличного бытия («это выше моих сил», «я вышел за границы своих возможностей», «это невысказано» и т.д.). Это происходит в согласии и в противоречии и с природными предпосылками, и с социальными императивами. Стихийность и тотальность этих процессов ставит человека перед выбором, а следовательно, воспроизводит условия для свободы человека, признанной ценности человеческого бытия. А.А. Ивин говорит об этом назначении человека так: «“Метафизикой” можно назвать то, чему нельзя придать смысл в рамках человеческой жизни и ее условий. Например, есть такое понятие, или качество, — “доброта”. Человек не может придать смысл слову или представлению “доброта” в рамках условий и пределов собственной жизни, потому что если он должен

определить доброту только в рамках условий своей жизни, доброта не имеет смысла» [Ивин А.А., 2006, с. 288–289]. Человеку важно это определить за пределами своего личностного бытия, ибо ограниченность этими обстоятельствами не дает ему возможности понять хотя бы фрагмент глубины ценностей человеческой жизни.

Но есть позиции, согласно которым человеческая природа стала одним из наиболее спорных концептуальных пережитков современной европейской философии. В данном случае приводят позицию Н. Хомского о том, что человеческая природа обусловлена врожденными нормативами языковых способностей. Н. Хомский поддерживает категорию человеческой природы, он также коррелирует ее с вопросом о свободе. Но, признавая человеческую природу как естественный процесс, формирующий языковые способности, он тем не менее удаляет категорию человеческой природы из ее основных аксиологических утверждений [Madarasz N.R., Santos D.P., 2018].

В другом подходе мы видим новый аспект понимания природы человека в контексте ее связи с культурной идентичностью, который ведет к более фундаментальным вопросам, касающимся человеческой жизни, ее ценностных рамок и ее изменений во времени, которые есть сегодня. По словам автора, идея «благополучной жизни» воплощает в себе как психологические, так и этические и эстетические приоритеты. Тенденции современной жизни таковы, что более либеральные подходы к жизни и уход от твердо установленных правил обусловлены желанием успеха и одновременным снижением требований этических ценностей [Shulavikova V., 2006].

Тем более удивительна реакция определенного круга людей в социуме, которые видят в проблематике природы человека некую угрозу. Трансляция ценностей в рамках человеческой природы воспринимается в искаженном виде, на что появляются актуальные и продолжающиеся апологии. Так, С. Пинкер усматривает следующие позиции оппонентов: «Признать человеческую природу, по мнению многих, — значит, одобрить расизм, сексизм, войну, жадность, геноцид, нигилизм, реакционную политику и пренебрежение детьми и обездоленными». Подобные дискуссии позволяют нам утвердиться в мысли об актуальности и остроте рассматриваемой проблемы, носящей внешне сугубо академический характер [Mali M., 2017].

Концепт природы человека в аксиологическом ракурсе

М. Хайдеггер как-то заметил: «...имя “природы” выступает как основное слово, именующее существенные [сущностные] отношения западного исторического человека к тому существу, каковое не есть он и каковое есть он сам. Простое перечисление получивших распространение антитез делает это зримым: природа и благодать (сверх-природа), природа и искусство, природа и история, природа и дух» [Хайдеггер М., 2004, с. 119]. Здесь важно отметить, что характер отношений человека с природой, выраженный в форме антитез, бинарных оппозиций, показывает, что природа фактически предстает как антиценность. Категория «природа человека» находится сегодня фактически за пределами пространства аксиологических смыслов (отметим, что такая ситуация прочно утвердилась после кантовского разведения мира природы и мира свободы). К тому же данное обстоятельство может говорить о противостоянии природы и человека, несмотря на то, что природное есть и в самом человеке (а это беспокоит и страшит человека). Но есть еще один план: человек сам есть часть природы, биосферы. Пандемия продемонстрировала, что в определенном смысле это человек живет в мире вирусов, а не они — в нашем мире. Установка о том, что человек неподвластен законам природы, часто терпит фиаско.

В целом в мыслительном пространстве фигурирует двойной образ Природы: как инобытия человека и как его естества. Преобладает же восприятие природы как чего-то чуждого человеку; в данном случае сказывается инструментальное отношение к природе. Однако, согласитесь, даже «инструментальное» отношение к человеческой природе у человека обретает странную логику: если она — средство, то почему мы ее не используем как помощницу, а относимся как к «врагу», сопротивляясь ей?! Технократическое отношение к внешней природе исключительно как к сырью человек постепенно перенес и на собственную природу. Логическим продолжением такого принципа может стать отношение к биоматериалам человека как к ничему не значащим «отходам», объективно возникающим в ходе любого «производства» (в качестве примера можно привести проблему «лишних» эмбрионов в практике репродуктивных технологий).

Важно, что именно анализ природы человека в аксиологическом ключе актуализирует теоретически и практически значимый вопрос: что цен-

ного в природе человека? Такая постановка вопроса будто «проясняет глаза»: без уникальной природы человека мы бы и не проявили своей свободной универсальной сущности, не смогли бы стать безграничными. Выясняется, что аксиологический подход «снимает» противоречие между «природой» и «сущностью человека». К тому же, по нашему мнению, он способствует отношению к собственной природе как к неотъемлемой — органичной — части. Возведение человеческой природы в аксиологический принцип содержательно означает признание за ней самоценности.

Не будем забывать, что аксиологическое наполнение концепта «природа человека» необходимо для разрешения большого спектра биоэтических проблем. Аксиология ставит пределы трансгрессивным — беспредельным — действиям человека по самоизменению запуском принципиально важных вопросов: каковы с позиции моральной ответственности границы реализации идей генной инженерии, клонирования, киборгизации человека, репродуктивных технологий, экспериментов над человеческими эмбрионами, практики трансплантации органов; благостны ли современные проекты по переделке человека; какой отклик они будут иметь в перспективе [Фукуяма Ф., 2008; Хабермас Ю., 2002].

Недостаточность своей природы человек компенсирует наращиванием искусственных органов путем создания «неорганического тела», однако отчужденная сила искусственного мира стала сегодня столь велика, что фактически перестает быть «органичным» удлинением человеческой природы, а противостоит человеку как нечто враждебное. То же может случиться и с тем искусственным «человеком», с тем киборгом, созданным в результате трансгрессивной трансформации человека.

Человек действительно чрезмерно увлекся проектами трансформации своей природы: телесности, чувственности, пола, способов размножения. Крайним пределом биотехнологического редактирования человека можно считать на сегодняшний день идеи и практику движения трансгуманизма. В.С. Степин в свое время отмечал, что представители трансгуманизма утверждают: тот уровень бытия, который был создан природой, уже исчерпал себя. «Поэтому необходимо целенаправленно совершенствовать природный продукт, выходить за пределы человека и человеческой истории. Это приведет к созданию постчеловека как нового существа, который будет поко-

рять вселенную успешнее, чем мы с вами. Однако надо серьезно разобраться с рисками, которые грозят в этой связи человеку. Как только возникла техника, зародилась и идея изменить самого себя. Но есть ли предел, который заставит человека ограничить стремление к совершенствованию?» [Воронин А.А., 2015, с. 164]. Отметим, что объектом для критики трансгуманизма может быть от-правная идея исчерпанности природы, а также индифферентность к аксиологическим смыслам.

Идея безграничности и универсальности чело-веческих возможностей требует сегодня аксиоло-гических ограничений. Трансгуманистические проекты выражают некую претензию человека на божественную функцию. Между тем каждая при-родная сущность содержит определенную меру, обеспечивающую ей качественное своеобразие. Полагаем, что у человека также есть такая при-родная мера, нарушив которую, мы потеряем се-бя. Она определяет нашу антропную форму. При-чем данная мера не только определяется внутрен-ними свойствами человека, но и складывается из его отношений с внешним миром и из того, какая природа его окружает. Данная природная мера, вероятнее всего, имеет внутреннее сопротивле-ние: человека нельзя менять беспредельно. Поче-му нужны границы в понимании человеческой природы? Чтобы сохранить способность быть безграничными.

В этой связи актуальной может стать задача, обозначенная Шелером. Так, он писал: «То, чего я хочу, — это вновь укрепить, сделать определен-ным, прояснить неуверенное, колеблющееся че-ловеческое самосознание — не льстить ему, не унижать садистски, как дарвинисты, Фрейд и т.д. Я хочу придать ему форму, которая сохранится в течение нескольких тысячелетий! Я хочу научить тому, как человек может вынести себя самого, — не переоценивая себя и не впадая в манию вели-чия, но и не подвергая себя ложному самоуничи-жению» [цит. по: Денежкин А.В., 1994, с. VIII].

Заключение

Категория «природа человека» обладает стран-ным статусом в современном антропологическом знании: с одной стороны, категория природы че-ловека рассматривается как устаревшая, беспро-блемная, исчерпавшая свой эвристический потен-циал, с другой стороны, современные биотехно-логии, цифровизация, инструменты биополитики, вопросы культурной коммуникации в эпоху гло-бализации обнаруживают много «черных дыр» в концептуализации данного понятия.

Приращение природного в человеке способ-ствовало выведению понятия «природа человека» за пределы идеалов, норм и ответственности. Од-нако природу человека можно концептуализиро-вать как онтологический фундамент человека, как уникальную самоценность. Экологическое созна-ние требует защиты не только внешней природы, но и внутренней природы самого человека.

При этом при «редактировании человека» по-чему-то забывают о том, что человек сегодня пере-стал быть самоконтролируемым и ответственным существом, личностью, а потому непонятно, куда его приведут эксперименты с собственной приро-дой. Современный человек по существу пытается играть со своими пределами. Между тем он настроен на «переделку» органов, но не на пере-делку своего сознания и способа бытия. Однако если человеческое не вытекает из природы, то при редактировании человека переделывать необходи-мо как раз не органику, а сознание и моральные качества человека. Тем самым опасность пред-ставляют культурная невосзделанность человека, его безответственность. На одном полюсе — высо-коразвитые технологии, на другом — отсутствие цивилизационных структур сознания человека. По сути, необходимо задать вопрос: не **что** мы хотим преобразовать, а **кто** хочет преобразовывать? Об-ладает ли современный человек ценностным со-знанием для игры с природной формой человека? Эти важные вопросы «разворачивают» анализ концепта «природа человека» в сторону исследо-вательского поля аксиологии. К тому же размыш-ления о единой природе человека, о ее базисных константах позволяют говорить об объединяющей современное антропологическое знание силе кон-цепта.

Список литературы

- Аванесов С.С.* Антропология сегодня: коррекция базовых ориентиров // *Человек*. 2017. № 3. С. 5–32.
- Бердяев Н.А.* О назначении человека. М.: Рес-публика, 1993. 384 с.
- Блюменберг Х.* Антропологическое приближение к актуальности риторики // *Это человек: антология*. М.: Высш. шк., 1995. С. 101–124.
- Воронин А.А.* Совершенствование человека // *Че-ловек*. 2015. № 3. С. 164–169.
- Денежкин А.В.* От составителя // Шелер М. Избр. произв.: пер. с нем. М.: Гнозис, 1994. С. VII–XII.
- Доброхотов А.Л.* Телеология культуры. М: Прогресс-Традиция, 2016. 527 с.
- Ивин А.А.* Аксиология. М.: Высш. шк., 2006. 390 с.

Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии: переводы. М.: Прогресс, 1988. С. 3–30.

Малков С.М., Михайлов И.Ф., Юдин Б.Г., Ярославцева Е.И. Природа человека — история самосозидания: материалы круглого стола // Человек. 2015. № 1. С. 32–44.

Мюрберг И., Киселева М.С., Гусейнов А.А., Смит Р. Природа человека — история самосозидания: материалы круглого стола // Человек. 2014. № 6. С. 5–19.

Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании // Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: в 2 т. / под ред. Г.Н. Джибладзе; сост. А.Н. Джуринский. М.: Педагогика, 1981. Т. 1. С. 19–592.

Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: АСТ, 2008. 349 с.

Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Весь Мир, 2002. 144 с.

Хайдеггер М. О существе и понятии φύσις // Васильева Т.В. Семь встреч с М. Хайдеггером. М.: Изд-ль Савин С.А., 2004. С. 119–182.

Хёйзинга Й. Гл. IV. Основные условия культуры // Хёйзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс–Академия, 1992. С. 257–265.

Шелер М. Философское мировоззрение // Шелер М. Избр. произв.: пер. с нем. М.: Гнозис, 1994. С. 1–128.

Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

Bertram G.W. Two Conceptions of Second Nature // Open Philosophy. 2020. Vol. 3, iss. 1. P. 68–80. DOI: <https://doi.org/10.1515/opphil-2020-0005>

Madarasz N.R., Santos D.P. The concept of human nature in Noam Chomsky // Veritas (Porto Alegre). 2018. Vol. 63, no. 3. P. 1092–1126. DOI: <https://doi.org/10.15448/1984-6746.2018.3.32564>

Mali M. 15 Years Later, Why Do We Still Believe in the Blank Slate? 2017. URL: <https://malharmali.com/2017/08/02/15-years-later-why-do-we-still-believe-in-the-blank-slate/> (accessed: 11.07.2021).

Shulavikova B. The Ideal of a «Good Life» Seen from a Personal Perspective // Filozofia. 2006. Vol. 61, no 4. P. 295–308. URL: <http://www.klemens.sav.sk/fiusav/filozofia/?q=en/node/823> (accessed: 11.07.2021).

Smith R. Being Human: Historical Knowledge and the Creation of Human Nature. N.Y.: Columbia University Press, 2007. 256 p.

Получена: 01.08.2021. Принята к публикации: 31.08.2021

References

Avanesov, S.S. (2017). [Nowadays anthropology: How to correct basic guidelines]. *Chelovek* [Human Being]. No. 3, pp. 5–32.

Berdyayev, N.A. (1998). *O naznachenii cheloveka* [On the appointment of a person]. Moscow: Respublika Publ., 384 p.

Bertram, G.W. (2020). Two conceptions of second nature. *Open Philosophy*. Vol. 3, iss. 1, pp. 68–80. DOI: <https://doi.org/10.1515/opphil-2020-0005>

Blumenberg, H. (1995). [Anthropological approach to the relevance of rhetoric]. *Eto chelovek: Antologiya* [This is a man: Anthology]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., pp. 101–124.

Cassirer, E. (1998). [An essay on man. An introduction to a philosophy of human culture]. *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii* [The problem of man in Western philosophy]. Moscow: Progress Publ., pp. 3–30.

Denezhkin, A.V. (1994). [From the compiler]. *M. Sheler. Izbrannye proizvedeniya*: [Scheler M. Selected works]. Moscow: Gnozis Publ., pp. VII–XII.

Dobrokhotoy, A.L. (2016). *Teleologiya kul'tury* [Teleology of culture]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 527 p.

Fukuyama, F. (2008). *Nashe postchelovecheskoe budushee: Posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutsii* [Our posthuman future: consequences of the biotechnological revolution]. Moscow: AST Publ., 349 p.

Habermas, J. (2002). *Budushee chelovecheskoy prirody* [The future of human nature]. Moscow: Ves' Mir Publ., 144 p.

Heidegger, M. (2004). [On the essence and concept of φύσις]. *Vasil'eva T.V. Sem' vstrech s M. Khaydeggerom* [Vasileva T.V. Seven meetings with M. Heidegger]. Moscow: Savin S.A. Publ., pp. 119–182.

Huizinga, J. (1992). [Ch. IV. Basic conditions of culture]. *Homo Ludens. V teni zavtrashnego dnya* [Homo Ludens. In the shadow of tomorrow]. Moscow: Progress–Akademiya Publ., pp. 257–265.

Ivin, A.A. (2006). *Aksiologiya* [Axiology]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 390 p.

Jaspers, K. (1991). *Smysl i naznachenie istorii* [The origin and goal of history]. Moscow: Politizdat Publ., 527 p.

Madarasz, N.R. and Santos, D.P. (2018). The concept of human nature in Noam Chomsky. *Veritas (Porto Alegre)*. Vol. 63, no. 3, pp. 1092–1126. DOI: <https://doi.org/10.15448/1984-6746.2018.3.32564>

Mali, M. (2018). *15 years later, why do we still believe in the blank slate?* Available at: <https://malharmali.com/2017/08/02/15-years-later-why-do-we-still-believe-in-the-blank-slate/> (accessed 11.07.2021).

Malkov, S.M., Mikhaylov, I.F., Yudin, B.G. and Yaroslavtseva, E.I. (2015). [Human nature: The history of self-building. The roundtable]. *Chelovek* [Human Being]. No. 1, pp. 32–44.

Myurberg, I., Kiseleva, M.S., Guseynov, A.A. and Smit, R. (2014). [Human nature: The history of self-building. The roundtable]. *Chelovek* [Human Being]. No. 6, pp. 5–19.

Rousseau, J.-J. (1981). [Emil, or an education]. *Pedagogicheskiye sochineniya: v 2 t.* [Pedagogical works: in 2 vols]. Moscow: Pedagogika Publ., vol. 1, pp. 19–592.

Scheler, M. (1994). [Philosophical worldview]. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Gnozis Publ., pp. 1–128.

Šulavíková, B. (2006). The ideal of a «Good Life» seen from a personal perspective *Filozofia*. Vol. 61, no. 4, pp. 295–308. Available at: <http://www.klemens.sav.sk/fiusav/filozofia/?q=en/node/823> (accessed 11.07. 2021).

Smith, R. (2007). *Being human: historical knowledge and the creation of human nature*. New York: Columbia University Press, 256 p.

Voronin, A.A. (2015). [Perfection of the Human being]. *Chelovek* [Human Being]. No. 3, pp. 164–169.

Received: 01.08.2021. Accepted: 31.08.2021

Об авторе

Сайкина Гузель Кабировна

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры общей философии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Республика Татарстан, Казань,
ул. Кремлевская, 18;
e-mail: gusels@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7618-1835>
ResearcherID: B-5465-2019

Ибрагимова Зульфия Зайтуновна

кандидат философских наук, доцент кафедры общей философии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Республика Татарстан, Казань,
ул. Кремлевская, 18;
e-mail: yuldyz@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8648-6096>
ResearcherID: G-1495-2015

About the author

Guzel K. Saikina

Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of General Philosophy, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications

Kazan (Volga Region) Federal University,
18, Kremlevskaya st., Kazan, Republic of Tatarstan,
420008, Russia;
e-mail: gusels@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7618-1835>
ResearcherID: B-5465-2019

Zulfiya Z. Ibragimova

Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of General Philosophy, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications

Kazan (Volga Region) Federal University,
18, Kremlevskaya st., Kazan, Republic of Tatarstan,
420008, Russia;
e-mail: yuldyz@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8648-6096>
ResearcherID: G-1495-2015

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Сайкина Г.К., Ибрагимова З.З. Концепт «природы человека» как аксиологический принцип // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 413–422.
DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-413-422

For citation:

Saikina G.K., Ibragimova Z.Z. [The concept of «human nature» as an axiological principle]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 3, pp. 413–422 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-413-422

ФИЛОСОФИЯ

УДК 165:316.733

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-423-432

НЕКЛАССИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ ВИДЕНИЯ. ЧАСТЬ II***Комаров Сергей Владимирович, Лумпова Мария Анатольевна****Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)*

Статья является продолжением исследования, представленного в статье «Неклассический субъект видения. Часть I», и посвящена анализу событийности неклассического субъекта. В основу анализа неклассической субъективности авторами-положен предложенный В. Бенямином трехчастный механизм силы дистанции, силы взгляда и силы памяти. Рассматривается концепт образа как посредника, с помощью которого субъект восстанавливает утерянную дистанцию с миром. Обсуждаются концепции неклассического субъекта визуальности Ж.-П. Сартра и Ж. Диди-Юбермана как различные типы трансформации силы взгляда и роли памяти в неклассическом видении. Анализу подвергаются важные элементы концепта «скудного образа» Ж.-П. Сартра: критика наивного понимания имманентности сознания и мира, образов как слабой копии объекта наблюдения, разработка специфической данности в образе через дистантное присутствующее отсутствие вещи. Показано, что теория «скудного образа» разрывает ирреальные объекты образного сознания и чувственно воспринимаемый мир на два не связанных друг с другом полюса. Поэтому в концепции Сартра отношения субъекта с миром — как в образном, так и чувственном постижении реальности — оказываются проблематическими. В теории Ж. Диди-Юбермана, построенной на реорганизации понимания ауры в технически воспроизводимом искусстве, дается более глубокое понимание образа. Присутствие, равно как и отсутствие вещей мира, не выступают как оторванные друг от друга, но оказываются диалектическим единством игры близи и дали (Fort-Da). В статье рассматривается это диалектическое понимание отношений субъекта и мира, выступающее как непрерывающаяся ритмика приближения-удаления видимого объекта. В таком событийном пространстве видения *nothem* (Д. Джослит) вещь превращается в гибридный объект, а человек предстает как мерцающий субъект видения.

Ключевые слова: визуальная культура, современный субъект, мерцающий субъект, гибридный объект, Воображаемое, Сартр, Диди-Юберман, диалектический образ.

NON-CLASSICAL SUBJECT OF VISION. PART II***Sergey V. Komarov, Maria A. Lumpova****Perm State University (Perm)*

The article is a continuation of the previous article Non-Classical Subject of Vision. Part I and is devoted to the analysis of the eventivity of a non-classical subject. The analysis of non-classical subjectivity in the article is based on the three-part mechanism of the power of distance, power of gaze and power of memory proposed by W. Benjamin. The concept of the image as a mediator through which the subject regains the lost distance with the world is discussed. The article deals with the concepts of the non-classical subject of visuality by J.-P. Sartre and G. Didi-Huberman as different types of transformation of the power of gaze and the role of memory in non-classical vision. Important elements of the concept of «scanty image» by J.-P. Sartre are analyzed: criticism of the naive understanding of the immanence of consciousness and the world, criticism of images as a weak copy of the object of observation, the development of a specific givenness of a thing in an image through its distant present absence. It is shown that the theory of «scanty image» breaks the unreal objects of visual

consciousness and the sensually perceived world into two poles that are not connected with each other. Therefore, in Sartre's concept, the relationship with the world — both in visual and sensory comprehension of reality, turns out to be problematic. In the theory of G. Didi-Huberman, built on the reorganization of the understanding of the aura in technically reproducible art, a deeper understanding of the image is given. The presence as well as the absence of things of the world do not appear as separate from each other, but turn out to be the dialectical unity of the game of near and far (Fort-Da). The article discusses this dialectical understanding of the relationship between the man and the world, which acts as an incessant rhythm of approaching and removing a visible object. In this eventful space of a vision (D. Joselit) turns a thing into a hybrid object, and the person appears as a flickering subject of vision.

Keywords: visual culture, modern subject, flickering subject, hybrid object, Imaginary, Sartre, Didi-Huberman, dialectical image.

Итогом предыдущей статьи [Комаров С.В., Лумпова М.А., 2021] стало рассмотрение проблемы реорганизации визуального присутствия человека в мире, произошедшей в середине XIX в. Неклассический субъект концептуально обращается к своей индивидуальной самости, но для него остается проблемой целостное схватывание мира. Современный наблюдатель, лишенный дистанции с миром, оказывался перед постоянно ускользающим потоком событий и вещей, что стало следствием его неспособности как построить цельное понимание мира, так и найти себя в нем. Этот разрыв, отчуждение субъекта от мира, был схвачен в философии экзистенциализма [Сартр Ж.-П., 2002; Камю А., 1990; Анчел Е., 1979] и критически развит в концепции апатии современного наблюдателя и бессознательности зрения постнеклассических теоретиков [Липовецки Ж., 2001; Вирильо П., 2004]. Мы показали, что регистрация кризиса отношений человека с миром сопровождалась концептуальными разработками по осмыслению этой дистанции. Анализ дистантных отношений давал основу для построения концепций присутствия современного субъекта в мире через образную данность.

4. Неклассический наблюдатель и образная реальность в концепции Жана-Поля Сартра

Схватывание визуального опыта присутствия неклассического субъекта содержится практически в каждой работе Ж.-П. Сартра¹. Философ в произведении «Основополагающая идея феноменологии Гуссерля: интенциональность» обозначил концептуальную рамку, основу своей последую-

щей теоретизации. Сартр выступал борцом «пищеварительной философии», которая «пожирает глазами» вещи материального мира. Под маской критики эмпириокритицизма и неокантианства, конечно же, несложно заметить нападки философа на выходящую за ее пределы концепцию различной реальности, предложенную в рамках классической философии [Сартр Ж.-П., 1992]. Образы вещей не есть их слабые копии, попадающие в сознание наблюдателя, они также и не растворяют, ассимилируют сознание в реальности. Сознание «прорывается к вещам», направлено на них, к тому, чем оно не является. Но «прорываться» к вещам означает и постоянно ускользать от полноты понимания вещи, «это значит быть там, возле дерева и, однако же, вне его, потому что оно ускользает от меня, отталкивает меня и я не могу исчезнуть в нем, так же как и оно не может раствориться во мне» [Сартр Ж.-П., 2008, с. 178].

Эта борьба с классическим субъектом будет одной из важнейших тем философа на протяжении всего его творческого пути. Так, в одном из своих позднейших произведений «Критике диалектического разума» Сартр приводит пример стороннего наблюдателя, отрешенно смотрящего на Землю инопланетянина, который обладает знаниями, превосходящими любое наличное знание человечества. Инопланетный сторонний разум видит будущее планеты, но не может различить сиюминутных «ничтожных» мыслей и проектов индивидов. Но этот лапласовский демон Сартра, лишен того, что философ называет грядущим будущим. «Будучи существом, совершенно посторонним нашему миру и нашей истории, он видит только внешнюю сторону предметов и явлений, которые им не интериоризированы» [Монин Н., 2019, с. 230–231]. Иными словами, такой внешний разум видит, воспринимает и действует не согласно субъективной «материальности», а лишь согласно заданной объективированной структуре. Он остается невосприимчивым к тому, как тот или иной человекотреагирует на

¹ Несмотря на то, что наиболее полно разработка теории образа связана с работой «Воображаемое. Феноменологическая психология воображения», конечно же, нельзя не отметить и упоминаемые в первой части статьи наброски в «Дневниках странной войны», фрагменты из «Бытия и ничто», а также позднего, так и неоконченного труда «Критика диалектического разума».

ситуацию, не может помыслить иной способ существования в мире, оставаясь в поле заданного наличной структурой возможного. Он не может уйти от того, чтобы осмыслить общее без редуцирования субъективного фактора как поля «практической внутренней вовлеченности» [Монин Н., 2019, с. 232], а именно это является сартровским проектом построения неклассической онтологии человеческого присутствия в мире.

В работе «Воображаемое. Опыт феноменологической редукции» философ воплощает понимание образной данности в концепции «скудного образа». В отличие от чувственного восприятия, всегда неполного, присутствие в образе дает нам вещь полностью, но только как *отсутствующую*. «...Сказать “у меня есть образ Пьера” равносильно тому, чтобы не только отрицать, что “я вижу Пьера”, но и что “я вообще что-либо вижу”» [Сартр Ж.-П., 2001, с. 67]. Отсутствие в образном сознании принимает четыре различные формы: «можно полагать образный объект как несуществующий, либо как отсутствующий, либо как существующий в другом месте; можно <...> “нейтрализовать” себя, то есть не полагать свой объект как существующий» [Сартр Ж.-П., 2001, с. 65]. Таким образом, «Образ — не особая “вещь”, не посредник между моим сознанием и отсутствующим сейчас реальным предметом, который я вспоминаю, но это специфический акт сознания, направленный на отсутствующий или несуществующий предмет. У реального Пьера нет “двойников” — воображаемого, любимого и т.д. Пьеров — инертных сущностей “внутри” моего сознания: есть только реальный Пьер, внешняя материя, которую мое сознание полагает в различных актах — чувственного восприятия, воображения, эмоции и т.д. Поэтому образ — это чистая спонтанная активность сознания, в отличие от восприятия, где сознание пассивно» [Соколова Л.Ю., 2002, с. 144].

Скудность образа не имеет негативной коннотации, а обозначает такое существование объекта, которое дано нам всецело в себе завершенным; чувственно же данное присутствие всегда активно и больше любой суммы характеристик, описывающих его, укоренено в ускользающую от взгляда бесконечность. К тому же скудный образ отличает феномен «квазиаблюдения», когда в нем невозможно выделить и проанализировать отдельную черту или характеристику. Будучи данным нам разом весь и сразу, образ тем не менее лишен фрагментов. Образная реальность, по Сартру, характеризуется бездеятельностью и не-

развитием: ее пространство лишено частей, а ее время превращается в прерывистое симулятивное движение, подобно перескакиванию с одного телевизионного канала на другой. Движение в образе лишено живого времени прошедшего, настоящего и будущего [Сартр Ж.-П., 2001, с. 225–226] и скорее выступает только призраком реального движения. Объект, данный в скудном образе, не подчиняется принципу индивидуации, скорее он существует в контаминационном движении, когда, например, квазилицо ирреального объекта является мозаичным сложением черт нескольких личностей, видимых ранее [Сартр Ж.-П., 2001, с. 173–174].

Сартр отмечает, что реальность чувственного присутствия и образного присутствующего отсутствия объекта принципиально несовместимы. Тем не менее в своем попеременном существовании они являются формами взаимоотношений человека с вещами мира, с самим миром, которые позволяют *разыгрываться его субъективности*. Так, полностью схватываемый ирреальный объект, объект в образе, никогда не преобразуется в реальность. Примечательно высказывание философа о *дистанции* и ее связи с созданием образа. С одной стороны, образная реальность является кажущимся сокращением дистанции, почти по-детски наивным отказом ее соблюдать. Я «приказываю» (выражая желание обладать отсутствующим чувственным объектом) отсутствующему в реальности Пьеру явиться ко мне в виде образа, и он «появляется» передо мной. Но это присутствие ирреально, дистанция между мной и объектом есть, и она заключается в том, что я реальна, а Пьер-в-образе — нет [Сартр Ж.-П., 2001, с. 219]. Единственной формой отношений с ирреальным объектом является *ирреализация себя*, помещения самого себя в образ, и разыгрывание в воображаемом полноты отношений, лишенных конфликта, угнетающего в реальности нашу субъективность, так как образы «инертны, не давят на меня, и не к чему не принуждают: они суть чистая пассивность, ожидание» [Сартр Ж.-П., 2001, с. 220].

Согласно Сартру, человек не может в норме существовать лишь в режиме образного постижения реальности, каким бы привлекательным и удобным это постижение не представлялось в своей полноте и бесконфликтности. Образная реальность, завязанная, по Сартру, на субъективности того, кто продуцирует образ, оборачивается простым, можно даже сказать, тривиальным фактом — ирреальному объекту можно надавать только ирреальных пощечин [Сартр Ж.-П., 2001,

с. 220]. В норме образ ведет к желанию разыгрывания отношений с реально данным, чувственно присутствующим объектом, способным к уходящему в бесконечность развитием. Однако чувственно присутствующий объект, например Пьер, угнетает нашу субъективность своей самостью, своим радикально отличным и вечно ускользающим существованием. Отношения с реальностью и с Другими, по Сартру, всегда желаемы, но при их достижении оборачиваются скандалом и садомазохистским союзом. В этом случае либо мое «Я» поглощает другое «Я», либо, наоборот, оборачивается моим растворением в механике чуждой мне субъективной жизни Другого [Сартр Ж.-П., 2000].

Такая концепция, несмотря на кажущуюся непротиворечивость описания действительности, при детальном рассмотрении выявляет тот факт, что нахождение субъекта как в чувственно присутствующем мире, так и в образной, ирреальной форме не дает опыта отношений как с миром, так и с Другим. *Образное ирреальное квазичувственное пространство и реальный чувственный мир никак не соединены между собой* и даже не являются по отношению друг к другу причиной и следствием. Более того, и там и там человек находится в проблематичных отношениях с миром, с Другим и с самим собой. Он должен выбирать либо реальность, равнодушную и угнетающую его, либо ирреальный мир нарцисса, в котором все отсылает к нему самому и не дает разыграться желаемым отношениям. Более того, на поверку оказывается, что такая концепция не может описать интерсубъективный опыт ни в каком ином качестве, кроме отношений насилия. Одиночество современной субъективности, обделенность в своем присутствии миром, хотя и подвергаются Сартром, в частности и экзистенциализмом вообще всепоглощающей ревизии, не находят точек выхода из описанной ситуации. Но как справедливо отмечает Д. Бирнбаум, согласно Гуссерлю, на концепцию которого опирается Сартр, хотя «настоящее пронизано отсутствием и инаковостью, только впуская то, что становится иным, чем оно само, может настоящее остаться тем, чем оно является на самом деле. Стало быть, его нельзя интерпретировать как принцип исключения, исключаящий эго от чуждого и иного. *Учитывая фундаментальную роль разнообразных видов инаковости, живое настоящее следует, напротив, рассматривать как включающее в себя принцип гостеприимства*» (курсив наш. — С.К., М.Л.) [Бирнбаум Д., 2007, с. 65].

5. Неклассический наблюдатель и образная реальность в концепции Ж. Диди-Юбермана

Иное прочтение образной реальности и реального присутствия субъекта дано в концепции визуальности Ж. Диди-Юбермана. Так же как и Сартр, Диди-Юберман выступает и против концепций классического стороннего наблюдателя, и против редуцирующих опыт временности неклассического субъекта структуралистских и позитивистских концепций XX столетия. Эти концепции, по мнению Диди-Юбермана, выражают две формы уклонения, которые теоретик емко называет формами «веры» и «тавтологии». Обе формы уклонения отказываются от принятия факта ускользания воспринимаемой реальности, от тревожащего рассматривания мира в его процессуальности. Они проявляют скрытое безразличие к рассматриваемым вещам мира, хотя и разными способами. Первая форма уклонения («вера») всегда как бы остается «по ту сторону» относительно отношений смотрящего и видимого. Предмет предстает как абсолютно Другой, замкнутый в себе и не дающий к посягательствам на его «прочтение» никакого доступа. Вторая форма ограничивается лишь тем, что она видит, наблюдатель в ее рамках прочтения вещей удовлетворяется тем, что само собой разумеется или очевидно. Обе эти формулы отказываются не только от познания полноты рассматриваемого, но и от тревоги перед «темной стороной», недостаточностью того, что мы рассматриваем, — области «пустоты» или невидимого, поля нереализованных возможностей. Иными словами, в своем познании «вера» и «тавтология» делают все возможное, чтобы «отвергнуть темпоральность объекта, ведущуюся в нем работу времени или метаморфозы, работу памяти — или наваждения, ведущуюся во взгляде <...> все, чтобы отвергнуть ауру объекта, выказав своеобразное безразличие к тому, что спрятано, присутствует, покоится прямо перед ним» [Диди-Юберман Ж., 2001, с. 19].

Теоретик строит свою концепцию на ряде работ В. Беньямина [Беньямин В., 1996], З. Фрейда, М. Мерло-Понти, Ж. Деррида и др. Диди-Юберман отмечает, что понятие *разрушения дистанции*, как и однозначное прочтение ее у В. Беньямина, противоречиво². Более того, провозглашение заката ауры в первой половине XX в., по его мнению, оказалось преждевременным. Тем не менее, нужно

² Отметим, что на это также указывают, например, такие известные философы Г. Шолем (с его религиозно-мистической риторикой) и Т. Адорно (и его критически-марксистским прочтением трудов В. Беньямина).

признать, что культовая аура (а вместе с ней и теоретическая рамка классического наблюдателя) не может вернуться в современный мир, опосредованный технически-репродуцируемыми формами репрезентации. Поэтому философ выстраивает свою теорию на реконцептуализации этого понятия, лишив его культовой составляющей, которая как раз характеризовала классического трансцендентального субъекта наблюдения. Однако возможен ли такой отказ от культа без разрушения ауры?

Ж. Диди-Юберман пишет, что культовая аура — это лишь ее преходящая, историческая форма, разрушение которой и констатировал В. Беньямин [Диди-Юберман Ж., 2001, с. 146]³. В своей работе «То, что мы видим. То, что смотрит на нас» автор предлагает свою версию «секуляризированной» ауры современных объектов. Следует отметить, что его понятие ауры выходит за рамки узкой дисциплины искусствознания. Так, с помощью игры детей (играющий с катушкой ребенок, девочки и их взаимодействие с объектом — простыней и т.д.) философ показывает более фундаментальный уровень визуального взаимодействия человека с вещами в мире, выходящих за рамки культурно значимых произведений искусства. Как и у Сартра, у Диди-Юбермана речь идет о визуальности как *присутствия человека в мире*.

В самом деле, аура, лишенная власти культа, становится «чистой формой того, что возникает» [Диди-Юберман Ж., 2001, с. 137]. Она предстает как фундаментальная пространственно-временная форма чувствования; аура, раскрывающаяся в *образной дистантности*, становится одним из конститутивных элементов видения в целом [Диди-Юберман Ж., 2001, с. 138]. Такой ауратический опыт дистантности раскрывается через первичное «слепое» движение, именуемое Fort-Da, взятое Ж. Диди-Юберманом из работ З. Фрейда. Этот жест, ритмическое чередование Fort-Da, проявляется в мелькании исчезания (Fort) объекта из моего поля зрения и одновременно происходящего с ним момента Da (тут, вот), когда, отсутствующий объект притягивается снова, становится здесь, перед субъектом. Символизация в образ связана с Fort и всегда сопровождается тем, что мы как бы

«убиваем вещь». В акте «бросания» объекта в отсутствие и проявляется некоторое основание субъективности. Но бросание, делающее предмет отсутствующим (ирреализуя его, как выразился бы Сартр), всегда связано с тревожащим чувством. Это чувство тревоги, что вещь канула в небытие, что она больше не дана мне здесь и сейчас, запускает работу желаний. Я хочу вернуть вещь к ее присутствию. Если Сартр лишь указал на взаимосвязь возвращения к присутствию вещи и работы желаний, то Диди-Юберман попытался раскрыть этот механизм через взаимодействие руки и глаза. То, что отсутствует для взгляда, все еще связано с рукой, которая вслепую старается притянуть к себе невидимый, отсутствующий для меня визуально объект. *Тем самым Ж. Диди-Юберман отрицает кардинальное несовпадение (или разрыв) образа и реальности*, констатированное Ж.-П. Сартром.

Другим важным отличием концепции Ж.-П. Сартра от концепции Ж. Диди-Юбермана является то, что у первого образ дан как полностью заверченный. Сартровский «скудный» образ — это *застывшее присутствующее отсутствие*. Критика радикального противопоставления чувственного присутствия вещи и присутствующего отсутствия в образе (реального Пьера и Пьера-в-образе или ирреального Пьера) рождало прорехи в концепции Ж.-П. Сартра. На это, в частности, указывает отечественный философ Я.А. Слинин, анализируя проблематичные переходы одного Пьера в другого [Слинин Я.А., 2001, с. 33, с. 36–37]. Несмотря на постоянно разбросанные по книге такие неоднозначные, мелькающие, «гибридные» объекты, Сартр, кажется, не придает им огромного значения и игнорирует их. Для него остаются определяющими две полярные точки — реальный и ирреальный Пьер, а между ними — зияющая пропасть.

Но для Ж. Диди-Юбермана *образ объекта является диалектическим*: он проявляется не просто в чувственном отсутствии самого объекта и его «отсутствующем присутствии» с помощью репрезентанта (картина, фотография и т.д.), но выступает именно как игра присутствия и отсутствия, заданного объектом. Согласно французскому философу, недостаток видимого вместе со связующей нитью запускают своеобразную визуальную диалектику, в которой сами предметы, некогда определенные, статичные или стабильные, теряют свои контуры, становятся «зыбкими», как бы ускользают из-под взгляда субъекта. В таком режиме видимости их объемы становятся

³ По его мнению, В. Беньямин не отказывался от ауры как концепта. Лишь впоследствии ему был приписано канонизированное отрицание всякой ауратичности в современном мире после «смерти Бога». Согласно Ж. Диди-Юберману, немецкий философ не столько провозгласил смерть культовой ауры, сколько наметил набросок ее новой, диалектической формы.

полусокрытыми, почти «враждебными» или же «странными». Человек теперь не может с полной уверенностью сказать: «Я вижу то, что я вижу, и нечего сверх этого». Пространство Fort-Da оказывается как бы «нулевой» точкой, когда мы сталкиваемся с неопределенным, «зыбким», или виртуальным объектом.

Присутствие субъекта перед лицом такого образа приводит философа к крайне важному заключению. В отличие от Ж.-П. Сартра, у которого объект здесь либо есть, либо нет, виртуальный объект Ж. Диди-Юбермана одновременно и присутствует здесь, но одновременно отсылает к тому, что он «потерян», дан в своей неполноте. Он не является присутствующим или отсутствующим, он, присутствуя, присутствует не как «он сам».

Так, например, опыт смотрящей на Р. Барта с фотоснимка матери, с одной стороны заставляет его почувствовать присутствие человека в прошлом (аорист)⁴, а с другой — оборачивался признанием матери как анахронизма сейчас, того, что стало абсолютной историей [Барт Р., 2011, с. 169]. Но схватываемые им одновременно два режима — присутствие (в прошлом) и отсутствие (в настоящем) — схвачены единым виртуальным объектом (снимком матери) и запускают некую

⁴ В произведении «Camera Lucida» концепт «аорист» дословно обозначает мгновенное или предельное действие. Буквально термин переводится как «неопределенный» или «не имеющий точных границ». Также аорист представляет форму времени «настоящего в прошедшем», которое является противоположностью «простого прошедшего» времени [Барт Р., 2011, с. 213].

Отмечается, что в позднем тексте про фотографию у Барта аффектированный язык преобладает над критическим [Рыклин М.К., 2011, с. 227].

Следует сказать, что работа «Camera Lucida» важна в рамках более общего смещения ракурса, в возрастании интереса к поздним работам Р. Барта, в которых философ с исследований по раскрытию им смысла существования, в том числе и идеологического (затронутого, например, в «Мифологиях»), переходит на попытку теоретически описать сам процесс конструирования субъекта и смысла. На это, в частности, направлен выпуск «Theory, Culture & Society» [Theory, Culture & Society, 2020].

Возвращаясь к концепту «аорист», его можно связать с таким аффектированным конструирующимся (или как бы выразился Нил Бадмингтон, «нейтрализованным») субъектом в концепции Барта и «нечетким», «неясным», «нечетким» объектом. Более того, важно отметить, сцепленность, диалогическую связь между субъектом и объектом, которая выступает своеобразным «замковым камнем» позднего Барта. Актуальность такого перепрочтения работ французского философа с точки зрения «визуального поворота» можно найти в дискуссии, посвященной реконцептуализации индексальной силы изображений [Ball Ch. et al., 2020].

утраченную в современности ритмику памяти. Работа памяти больше не становится архивом, или каталогом всего вспоминаемого, но, наоборот, превращается в точку забывания, отправным пунктом потери. (Не власть или сила памяти, не отсутствие памяти, но порождение виртуализацией объекта ритмизированной памяти, которая схватывает в нулевой точке никогда неоконченного прошлого.)⁵

Диалектическое место, в котором объект становится под вопрос нами, когда мы не можем понять его, является местом, в котором мы только и можем его понять. Ибо это место его «виртуального присутствия», где мы однозначно хотим и желаем сделать его присутствующим, не зыбким, а более оформленным. Не виртуальным и «намекающим» на свое отсутствующее присутствие, но действительно присутствующим. Это не отсутствие места, но такое тревожащее место, которое помещает взгляд в никогда не успокаивающуюся *двойную дистанцию*. Это тут (Da), но это опустошаемое тут (Fort). И эта пустота рождает желание найти в нем присутствие. Это желание метко сформулировала внучка скульптора Тони Смита, увидев его работу-куб в виде вопроса: «Что же он хотел спрятать внутри?» [Диди-Юберман Ж., 2001, с. 73]. Каждый объект становится таким местом, которое потенциально прячет в себя все возможности своего присутствия.

Но более важным является то, что в таком видении виртуального объекта (диалектического образа) и конституируется субъект видения.

⁵ Так Элизабет Эдвардс говорит о случаях, связанных с хранением практически стертых, нечетких изображений. Эдвардс пишет: «Крис Райт <...> отмечает относительную незначительность “репрезентации”, как о ней обычно думают и теоретизируют. Ему вручили ценную фотографию члена семьи, на которой были стерты все репрезентативные качества. Указатель был там, как и материальный след химического вещества на бумаге, но референт находился не в репрезентативном следе, а в памяти. Мэрилин Стрэттерн сделала аналогичное наблюдение в отношении нагорья Новой Гвинеи: ценности “репрезентации” мало ценились по сравнению с очерчиванием поверхности, четкостью предка и чувством прогнозируемого будущего». По мнению Эвардс: «...такое фотографическое понимание могло бы быть объяснено и переосмыслено в альтернативных историографиях изображения, в которых глубокое желание силы индексального следа - онтологической силы фотографии: *это было там* – теоретически можно приспособить как историческую модальность, когда цепочка индексирования явно нарушена. Такой фокус бросает вызов предположениям о мире фотографических знаков. След и, следовательно, то, как работает “указатель”, – это не просто теоретическая концепция, но способ связи с фотографиями» [Ball Ch. et al., 2020].

Именно желание схватить, воплотить «виртуальный» объект становится событием присутствия субъекта. Такой объект презентует одновременно два режима: дистантность по отношению к «самому» объекту (объект непосредственно не присутствует, но в образной данности, «отсылающей» к нему размыто представлен как отсутствующий) и отсутствие такой дистанции (образ «отсылает» к объекту, связан с ним и «вызывает» его из отсутствия в присутствии).

Для субъекта это значит следующее. Субъект «оживляет» образ, наполняя его присутствием объекта, погружаясь в него. Объект при этом начинает присутствовать, а субъект, наоборот, «теряет» свое присутствие, *присутствует бессознательно, не-для-себя; он отсутствует как субъект*. Объект «говорит»: «Чем я могу стать?» — и становится собой, поглощая субъект⁶. Вслед за Бирнбаумом следует отметить, что это не говорит о смерти субъекта, его «пассивность» перед взглядом объекта означает, что он отнюдь не превращается в вещь, но становится возможностью вещи [Бирнбаум Д., 2007, с. 64]. Субъект, насыщая объект фантазматическим содержанием, следовательно, начинает относиться к нему как отсутствующему объекту. Это отсутствие объекта есть сила присутствия субъекта (сила памяти), в которой субъект присутствует именно как субъект, присутствует-для-себя.

С одной стороны, можно увидеть только мертвый взгляд, что-то безвозвратно ушло. На нас смотрит взгляд «умершей матери». Однако от такого однобокого прочтения отказывается сам Ж. Диди-Юберман. Но, с другой стороны, если следовать диалектике взгляда, виртуальный объект смотрит на нас не скандализованно, не объективируя нас, а наоборот, прося субъективировать, оживить себя для будущего. Перед нами не только взгляд из неоконченного прошлого, но и взгляд грядущего будущего.

Такая история становления пространства между субъектом и объектом представляет собой «абстрактный чистый переход или subjectobject» [Джослит Д., 2019]. Этим словом теоретик Дэвид Джослит стремился охарактеризовать «протеере-

во многоликое неоформленное состояние», в котором происходит взаимопереход субъекта и объекта, одного в другого, и наоборот. В процессе становления, прохождения времени Джослит говорит о своеобразном месте, *овремененном пространстве*, в котором сходятся вместе различные темпоральности. Данное место (Джослит для его идентификации вводит термин *powthem*) воплощается в моменте материализации краски на холсте. Именно тогда, по мысли теоретика, происходит «размывание образа». Именно размывание образа или его виртуализация показывает дистанцию, заключенную в неотступном присутствии краски на холсте [Джослит Д., 2019].

Следует вслед за Адорно отметить, что репрессивным является не только разделение на субъект и объект, с приматом трансцендентального самотождественного самому себе субъекта, или поверхностного признания верховенства объекта, в котором растворяется само понимание субъективности. Философ отвергает и представление субъекта и объекта в виде недеференцированного существования, которое, по мысли Адорно, является переходом к предыдущей ступени развития теоретической мысли и к которому может отсылать неоднозначное прочтение Джослитом состояния *subjectobject*.

Возвращаясь к концепту тройственного отношения силы дистанции, силы взгляда и силы памяти, отметим, что виртуальное пространство взаимодействия субъекта и объекта *Fort-Da* дает следующую схему ауратичности, которая отвечает мысли Адорно. Присутствие субъекта раскрывается: 1) не в силе дистанции, каковой она представляла в классическом субъекте, не в ее ирреальном присутствии, данном в фантазматическом пространстве в концепции Сартра, но в *мерцании близи и дали, которое схватывается в размытом, гибридном объекте*; 2) не во власти взгляда и не в его разрушении, а в непрекращающемся движении, в одновременном схватывании *вещи как, с одной стороны, статичного объекта, но с другой, ее темной стороны, иного способа существования*, причем «продиктованного» ей же самой; 3) не в силе памяти или места, не в ее полном отсутствии, развитое в концепции не-мест, а в событийном *движении или ритмике памяти*, нахождении в некотором виртуальном пространстве *nothem* [Джослит Д., 2019], не просто в становлении из ничего, а в *процессе переконфигурации или пересобирания* уже привычного в непривычное и обратно.

⁶ Заметим, что Сартр, который отрицал психоанализ и, следовательно, концепции бессознательного, конечно же, не мог прийти к такому выводу. Настаивая на полной абсолютной свободе и активности сознания, философ игнорировал не только бред больного, но, например, и грезы, сводя все к патологическим формам, в которых субъект «отказывается» взять на себя ответственность за то, что он воображает [Соколова Л.Ю., 2002].

6. Заключение

В действительности мы имеем дело с событийным диалектическим присутствием в режиме Fort-Da, описывающим существование «виртуального объекта» и «виртуального субъекта», точнее постоянное движение от актуального к виртуальному присутствию того и другого. Это мерцание, присутствие/отсутствие и есть характеристика ауратичности, выходящее за рамки существования как классического, так и неклассического субъекта видения. Некультовая аура оказывается колебанием дистанции близости и дали, колебанием силы власти между властью отсутствия и безвластием присутствия, колебанием между памятью и живым присутствием.

Приведенная выше концепция «мерцания» или ритмики Fort-Da предлагает помыслить визуальное взаимоотношение субъекта и объекта как «соединение того, что дифференцированно» [Adorno T., 2005, с. 247]. Такая «дифференциация без господства, когда дифференцированные [субъект и объект] участвуют в каждом другом» [Adorno T., 2005, с. 247] позволяет не просто пересмотреть отношение между субъектом и объектом, но выстроить новое понимание субъективности. Субъект при таком прочтении, как отмечает Бирнбаум, представляет собой «не вещь, но возможность вещей» [Бирнбаум Д., 2007, с. 64]. Субъект диалектизируясь, неминуемо соотносится с объектом «тем больше субъект, чем меньше он является таковым; и чем больше он воображает, что он есть — причем есть объективная сущность для себя, — тем меньше он является субъектом» [Бирнбаум Д., 2007, с. 65].

Таким образом, данное прочтение становления неклассического субъекта видения является спецификацией концепта мерцающего субъекта, выступающего как субъект различия или субъект события [Комаров С.В., 2007, с. 724–725]. Но такое понимание позволяет не только раскрыть диалектику ауратичности данного феномена при переходе от классической к неклассической субъективности, но прежде всего понять визуальный опыт как особенную форму присутствия в мире.

Список литературы

Анчел Е. Мифы потрясенного сознания. М.: Политиздат, 1979. 176 с.

Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии. М.: AdMarginem, 2011. 272 с.

Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспро-

изводимости: избр. эссе. М.: Медиум, 1996. С. 15–65.

Бирнбаум Д. Хронология. М.: Новое лит. обозрение, 2007. 116 с.

Вирлио П. Машина зрения. СПб.: Наука, 2004. 144 с.

Джослит Д. Помещая живопись в контекст времени: лекция. 2019. URL:

<https://www.youtube.com/watch?v=R0mmaE8malk> (дата обращения: 20.01.2021).

Диди-Юберман Ж. То, то мы видим, то, что смотрит на нас. СПб.: Наука, 2001. 264 с.

Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. 415 с.

Комаров С.В. Метафизика и феноменология субъективности: исторические пролегомены к фундаментальной онтологии сознания. СПб.: Алетейя, 2007. 736 с.

Комаров С.В., Лумнова М.А. Неклассический субъект видения. Часть I // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 2. С. 179–190. DOI:

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-2-179-190>

Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб.: Владимир Даль, 2001. 336 с.

Монин Н. Сартр. М.: РИПОЛ классик, 2019. 416 с.

Рыклин М.К. Роман с фотографией // Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии. М.: AdMarginem, 2011. С. 216–260.

Сартр Ж.-П. Воображение // Логос. 1992. № 3. С. 98–115.

Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 639 с.

Сартр Ж.-П. Основополагающая идея феноменологии Гуссерля: интенциональность // Сартр Ж.-П. Проблемы метода. М.: Академ. проект, 2008. С. 177–180.

Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения. СПб.: Наука, 2001. 319 с.

Слинин Я.А. На подступах к экзистенциализму: размышления Ж.-П. Сартра о воображении и воображаемом // Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения. СПб.: Наука, 2001. С. 5–48.

Соколова Л.Ю. Ж.-П. Сартр и Г. Башляр: две феноменологические концепции воображения // Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий. СПб.: 2002. С. 141–150.

Adorno T.W. On Subject and Object // Adorno T.W. Critical models: Interventions and Catchwords. N.Y.: Columbia University Press, 2005. P. 245–258.

Ball Ch., Barker M., Edwards E., Kolich T., Mitchell W.J.T., Morgan D., Nakassis C.V. Opening Up the Indexicality of the Image, Again: A Virtual Roundtable // Semiotic Review. 2020. Vol. 9: Images. URL:

<https://semioticreview.com/ojs/index.php/sr/article/view/62> (accessed: 20.01.2021).

Theory, Culture & Society. 2020. Vol. 37, iss. 4. July. URL: <https://journals.sagepub.com/toc/tcsa/37/4> (accessed: 20.01.2021).

Получена: 04.03.2021. Принята к публикации:
24.04.2021

References

- Adorno, T. (2005). On subject and object. *Critical models: Interventions and catchwords*. New York: Columbia University Press, pp. 245–258.
- Ancsel, E. (1979). *Mify potryasennogo soznaniya* [The myths of shaken self]. Moscow: Politizdat Publ., 176 p.
- Ball, Ch., Barker, M., Edwards, E., Kolich, T., Mitchell, W.J.T., Morgan, D. and Nakassis, C.V. (2020). Opening up the indexicality of the image, again: A virtual roundtable. *Semiotic Review*. Vol. 9: Images.. Available at: <https://semioticreview.com/ojs/index.php/sr/article/view/62> (accessed 20.01.2021).
- Barthes, R. (2011). *Camera lucida. Kommentariy k fotografii* [Camera Lucida]. Moscow: Ad Marginem Publ., 272 p.
- Benjamin, V. (1996). [The work of art in the age of mechanical reproduction]. *Benyamin V. Proizvedeniye iskusstva v epokhu yego tekhnicheskoy vosproizvodimosti: Izbrannye esse* [Benjamin V. The work of art in the age of mechanical reproduction: Selected essays]. Moscow: Medium Publ., pp. 15–65.
- Birnbaum, D. (2007). *Khronologiya* [Chronology]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 116 p.
- Camus, A. (1990). *Buntuyuschiy chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo* [The rebellious man. Philosophy. Politics. Art]. Moscow: Politizdat Publ., 415 p.
- Didi-Huberman, G. (2001). *To, chto my vidim, to, chto smotrit na nas* [What we see looks back at us]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 264 p.
- Joselit, D. (2019). *Pomeschaya zhivopis' v kontekst vremeni* [Timing painting, revising history]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=R0mmaE8malk> (accessed 20.01.2021).
- Komarov, S.V. (2007). *Metafizika i fenomenologiya sub'ektivnosti: istoricheskie prolegomeny k fundamental'noy ontologii soznaniya* [Metaphysics and phenomenology of subjectivity: historical prolegomena to the fundamental ontology of consciousness]. Saint Petersburg: Aleteya Publ., 736 p.
- Komarov S.V., Lumpova M.A. (2021). [Non-classical subject of vision. Part I]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 2, pp. 179–190. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-2-179-190>
- Lipovetsky, G. (2001). *Era pustoty. Esse o sovremennom individualizme* [The era of emptiness. Essays on Contemporary Individualism]. Saint Petersburg: Vladimir Dal Publ., 336 p.
- Monin, N. (2019). *Sartr* [Sartre]. Moscow: RIPOL klassik Publ., 416 p.
- Ryklin, M.K. (2011). An affair with a photograph. *Bart R. Camera lucida. Kommentariy k fotografii* [Barthes R. Camera Lucida]. Moscow: Ad Marginem Publ., pp. 216–260.
- Sartre, J.-P. (1992). [Imagination]. *Logos*. No. 3, pp. 98–115.
- Sartre, J.-P. (2000). *Bytiye i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology]. Moscow: Respublika, 639 p.
- Sartre, J.-P. (2001). *Voobrazhaemoe. Fenomenologicheskaya psikhologiya voobrazheniya* [The imaginary: A phenomenological psychology of the imagination]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 319 p.
- Sartre, J.-P. (2008). [Intentionality: A fundamental idea Husserl's fenomenology]. *Problemy metoda* [Search for a method]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., pp. 177–180.
- Slinin, Ya.A. (2001). [On the approaches to existentialism: J.-P. Sartre's reflections on the imagination and the imaginary]. *Sartr Zh.-P. Voobrazhaemoe. Fenomenologicheskaya psikhologiya voobrazheniya* [Sartre J.-P. The imaginary: A phenomenological psychology of the imagination]. Saint Petersburg: Nauka Publ., pp. 5–48.
- Sokolova, L.Yu. (2002). [J.-P. Sartre and G. Bachelard: two phenomenological concepts of the imagination]. *Razmyshleniya o filosofii na perekrestke vtorogo i tret'yego tysyacheletiy* [Reflections on philosophy at the crossroads of the second and third millennia]. Saint Petersburg, pp. 141–150.
- Theory, Culture & Society* (2020). Vol. 37, iss. 4, July. Available at: <https://journals.sagepub.com/toc/tcsa/37/4> (accessed 20.01.2021).
- Virilio, P. (2004). *Mashina zreniya* [The vision machine]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 144 p.

Received: 04.03.2021. Accepted: 24.04.2021

Об авторах

Комаров Сергей Владимирович
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: philos.perm@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7358-6151>
ResearcherID: AAS-4823-2021

Лумпова Мария Анатольевна
аспирант кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: ma.lumpova@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9530-8179>
ResearcherID: AAS-4601-2021

About the authors

Sergey V. Komarov
Doctor of Philosophy, Docent,
Professor of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: philos.perm@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7358-6151>
ResearcherID: AAS-4823-2021

Maria A. Lumpova
Postgraduate Student of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: ma.lumpova@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9530-8179>
ResearcherID: AAS-4601-2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Комаров С.В., Лумпова М.А. Неклассический субъект видения. Часть II // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 423–432. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-423-432

For citation:

Komarov S.V., Lumpova M.A. [Non-classical subject of vision. Part II]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 3, pp. 423–432 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-423-432

УДК 101.8+130.1

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-433-444

ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С ПОЗИЦИИ КОНКРЕТНО-ВСЕОБЩЕЙ ТЕОРИИ РАЗВИТИЯ

Коромыслов Виталий Валерьевич

Пермский государственный аграрно-технологический университет им. Д.Н. Прянишникова (Пермь)

Рассматривается проблема наиболее фундаментальных оснований для анализа различных ситуаций и смыслов, связанных с ответственностью. Предлагаемое решение этой проблемы опирается на концепцию конкретно-всеобщего. Выводы конкретно-всеобщей теории развития позволяют связать объективные основы нравственности с динамикой взаимосвязей всеобщих моментов, аккумулировавшихся в человеческой сущности по мере глобального развития. Всеобщие моменты, которые мы абстрагируем в виде категорий, организованы в человеческом бытии в виде определенных сторон и взаимосвязей, уникальное переплетение которых конструирует те или иные социальные ситуации и отражающие их смыслы. На первом этапе исследования проводится анализ роли ключевых всеобщих моментов мира в формировании феномена ответственности. Он позволяет сформулировать наиболее фундаментальные характеристики ответственности. На втором этапе исследуются конкретные формы взаимосвязей всеобщих моментов, определяющие те или иные аспекты ответственности. В результате выявлен категориальный каркас из всеобщих моментов, лежащий в основе ответственности. Такой каркас неразрывно связан с особым и единичным содержанием, всегда наполнен конкретным содержанием исторических обстоятельств и жизненных ситуаций индивидов. В данной работе показано, как организованное таким образом конкретно-всеобщее определяет наиболее важные из ситуаций и смыслов, относящиеся к проблеме ответственности. Данный подход позволил отличить сущность ответственности, связанную с определенной объективной ситуацией, от ее проявлений в виде субъективной составляющей, коррелирующей с личностными характеристиками и состояниями человека, формулировками соглашений, социальных норм, с санкциями за их нарушение, различными формами подотчетности.

Ключевые слова: ответственность, конкретно-всеобщее, категории, взаимосвязи в обществе, сущность человека, сущность морали.

THE APPROACH TO UNDERSTANDING RESPONSIBILITY FROM THE POSITION OF THE CONCRETE-UNIVERSAL THEORY OF DEVELOPMENT THEORY

Vitaliy V. Koromyslov

Perm State Agrarian and Technological University named after D.N. Pryanishnikov (Perm)

The article deals with the problem of the most fundamental grounds for the analysis of different situations and meanings connected with responsibility. The proposed solution of this problem is based on concept of the concrete-universal. The conclusions of the concrete-universal theory of development make it possible to relate the objective principles of morality to the dynamics of interconnections of the universal moments that have been accumulating in the human nature in the course of the global development. The universal moments, abstracted by man in the form of categories, are organized in human existence in the form of certain aspects and interrelations that, being interwoven in a unique way, construct certain social situations and meanings reflecting thereof. The first stage of the research presents an analysis of the role of the world-inherent key universal moments in the formation of the phenomenon of responsibility. This helps to formulate the most fundamental characteristics of responsibility. The second stage offers a study of the specific forms of interconnections between the universal moments underlying certain aspects of responsibility. As a result, a categorical framework of univer-

sal moments representing a basis of responsibility was identified. This framework is inextricably linked with specific and unique content, is always filled with the concrete content of the circumstances existing at a particular period in time, of life situations of individuals. The paper shows how the concrete-universal organized in this way determines the most important situations and meanings related to the problem of responsibility. This approach made it possible to distinguish the substance of responsibility, connected with a certain objective situation, from its manifestations in the form of subjective components related to personal characteristics and states of a person, formulation of agreements, social norms and sanctions for their violation, various forms of accountability.

Keywords: responsibility, concrete–universal, categories, interconnections in society, human essence, the essence of morality.

Большинство современных исследований по этической проблематике обходят проблему сущности нравственного, одну из наиболее фундаментальных объективных основ морали, стороной. Так, Л.В. Максимов отмечает тенденцию подмены обоснования морали объяснением ее происхождения [Максимов Л.В., 2016, с. 23–27], а Ю.В. Лоскутов указывает на описательный характер определений морали и имеющиеся проблемы в методологии, затрудняющие теоретический переход от явлений морали к ее сущности [Лоскутов Ю.В., 2019, с. 93–94]. Эти тенденции сказались и на специфике исследований по проблеме ответственности. В то же время ситуация в культуре современного общества требует, на наш взгляд, пересмотра подобных подходов. Укоренение релятивизма и субъективизма снижает планку ответственности для индивидов, разрушает стимулы для познания объективного мира и развития чувства ответственности, волевых качеств, необходимых для нравственной дисциплины. В результате, когда это выгодно или удобно, индивид склонен смещать акценты в значимости и даже перевертывать ценности, оправдывая свои действия, а в большинстве случаев просто не принимать на себя ответственность, низводя свою роль в развитии ситуации до случайной.

В предыдущих исследованиях автора уже была изложена суть предлагаемого им подхода к исследованию объективных основ нравственности, а также была продемонстрирована его эффективность относительно анализа таких сущностных сил человека, как смысл жизни, альтруизм и эгоизм. Тем не менее для ознакомления мы приведем здесь краткое описание его обоснования, опирающегося на конкретно-всеобщую теорию развития [Барг О.А, 2006; Васильева Т.С., 1998; Лоскутов Ю.В., 2019; Орлов В.В., 2012 и др.] и концепцию конкретно-всеобщего [Вейнгольд Ю.Ю., 1982; Ильенков Э.В., 1984 и др.].

В рамках этой теории было показано, что по мере развития, материального обобщения взаимодействий с окружающим миром всеми субстра-

тами всеобщее содержание мира аккумулируется во все более развитых его проявлениях, достигая наибольшего богатства и сложности в человеке, его сущности. Как отмечает В.В. Орлов, человек ««собран», «сконструирован» из всеобщих моментов», объективных «категорий», они образуют каркас человеческой сущности [Орлов В.В., 2000, с. 121]. Он пишет: «Каждое из сущностных свойств человека представляет собой уникальный синтез всеобщих “категорий”, выраженных в особом и индивидуальном содержании человека как конкретного живого существа» [Орлов В.В., 1999, с. 104].

Всеобщее, только будучи наполненным конкретным особенным и единичным содержанием, будучи конкретно-всеобщим, способно к порождению нового, уникального. Это новое содержание существует в конкретно-всеобщем в качестве «зачатка, тенденции» [Орлов В.В., 1999, с. 70].

Таким образом, возникновение и развитие сущностных сил человека происходит на фундаменте всеобщих сторон и моментов, аккумулировавшихся в человеческой сущности. В основе каждой сущностной силы человека лежит определенный механизм из особым образом структурированных между собой объективных прототипов категорий, которые, будучи наполненными конкретным содержанием самой жизни, представляют собой определенные стороны и взаимосвязи, конструирующие те или иные социальные ситуации и отражающие их смыслы. Так, изучение структуры конкретно-всеобщего, лежащей в основе нравственных сущностных сил человека, позволяет выявить глубинную *логику нравственности*, отражающую фундаментальные взаимосвязи в обществе. Задачей данного исследования мы видим выявление той структуры конкретно-всеобщего, что составляет объективный каркас, на котором выстраиваются все возможные аспекты ответственности.

Абстрактно-всеобщий подход к анализу ответственности

Начнем исследование с того, что обозначим роль в формировании феномена ответственности ключевых всеобщих моментов мира, аккумулировавшихся в человеческой сущности. Это позволит выявить наиболее фундаментальные, но весьма абстрактные характеристики ответственности, которые потребуют конкретизации и более глубокого обоснования на втором этапе исследования.

Одним из наиболее важных всеобщих моментов, лежащим в основе феномена ответственности, является *причинность*. В человеке концентрирована наиболее богатая, универсальная форма причинности, он способен вмешиваться в любые причинные связи, перестраивать весь мир в собственных интересах [Орлов В.В., 1999, с. 102]. В сочетании с возможностью свободного выбора этот факт создает ситуацию ответственности человека за последствия, которые его деятельность приносит в окружающий его мир. Человеческие решения — это не просто одни из звеньев цепочек причинно-следственных связей в мире, они сами способны инициировать их ряд, направляя ход развития событий в нужное русло.

Большинство исследователей выводит понятие ответственности или из факта наличия в мире причинно-следственных связей, или из возможности свободы воли, свободы выбора, так или иначе понимаемой свободы индивида. Некоторые авторы жестко противопоставляют эти понятия, утверждая либо, что современные научные данные не оставляют возможности для существования свободной воли индивида [Горелов А.В., 2016], либо, что, исходя из детерминизма, обосновать ответственность не представляется возможным, а значит, для понимания ее сущности нужно обращаться не к консеквенциалистским концепциям, а к концепциям, опирающимся на ее субъективную составляющую [Агафонова Е.В., 2015, с. 143–149]. Однако более разумным, на наш взгляд, является подход, совмещающий научный принцип детерминизма с наличием определенной степени свободы индивида. Например, Л.В. Максимов отмечает: «Тот очевидный факт, что индивид может самостоятельно принимать решения, избирать способ действий в определенной ситуации, не говорит о том, что этот выбор совершается “свободно”, т.е. будто бы человеческое “Я” есть некая особая сущность, пребывающая вне мировой детерминации, не имеющая никаких — предустановленных или обретенных в социуме — ценностных установок...

Принцип детерминизма — фундаментальная методологическая основа всякого объяснения (и вообще познания) мира — как материального, так и духовного, поэтому любая попытка найти какой-то разрыв, лауну во всеобщей причинной связи может быть принята как достойная внимания гипотеза лишь при том условии, что она опирается на гораздо более серьезные доводы, нежели те, которые выдвигались прежде и на которых до сих пор фактически зиждется постулат о свободной воле» [Максимов Л.В., 2016, с. 28].

В рамках конкретно-всеобщей теории развития обоснование творческой активности человека, его способности инициировать причинный ряд событий в собственных интересах происходит через анализ специфики единого закономерного мирового процесса. Так, сущность человека здесь рассматривается как результат длительного процесса «материального обобщения» всего многообразия качеств, сторон и ступеней по мере развития всего мира. Как пишет В.В. Орлов: «В человеке все свойства материи выражены в наивысшей, универсальной и концентрированной форме... Субстанциальность материи, ее “свойство” “быть причиной самой себя” получило концентрированное выражение в уникальной сущностной способности человека творить свое бытие и сущность» [Орлов В.В., 1999, с. 102].

Индивид, выбирая тот или иной способ своей жизни, вставая в то или иное практическое отношение к происходящему, так или иначе его воспринимая, тем самым постепенно формирует себя как личность, во многом сам закладывает в себе характер, ценности, установки, а значит, и является хозяином своей жизни. Таким образом, субстанциальное свойство *материи* быть *causa sui*, выраженное в способности человека производить самого себя, свое бытие и сущность, предполагает ответственность за то, что человек производит.

Если говорить о творческой природе человека, то нельзя обойти вниманием такое свойство материи, как *отражение*, которое выражено в человеке в своей наивысшей форме в качестве сознания. Именно сознание с его возможностями критического анализа ситуации и рефлексии возвышает человека над детерминацией, существующей в нашей животной основе, наделяя нас не только относительной самостоятельностью, инициативностью, но и ответственностью. А способности сопоставлять события по важности, оценивать перспективы развития ситуации и учитывать то и другое в принятии решений формируют у индивида чувство ответственности.

Богатство и универсальность *возможностей*, заложенных в человеческой природе, помимо конструктивной мощи, несут в себе и колоссальный разрушительный потенциал. И чем более высокие риски несут в себе ситуации выбора, тем больше ответственности за принимаемые в них решения.

Объективная ситуация ответственности связана не только с необходимостью воздержания от каких-либо действий для предотвращения негативных последствий, но и необходимостью определенной *активности*. В то же время способ существования человека предполагает, что его активность представляет собой сложный и противоречивый путь в сторону *развития*. Развитие общества проявляется в усложнении форм ответственности. Форма ответственности дикаря бедна по сравнению с ответственностью современного человека, сфера деятельности которого простирается от элементарных частиц до космического пространства, от геной инженерии до создания искусственного интеллекта.

Развитие ведет, с одной стороны, к росту возможностей, что обостряет ситуацию ответственности, а с другой — к росту сознательности, к более глубокому пониманию индивидуальных и общечеловеческих интересов, что уравнивает увеличивающиеся риски более ответственным отношением к ним.

На начальном этапе формирования личности или при низком уровне ее социальной зрелости для нее характерно неадекватное понимание своей роли в происходящих событиях. Например, это проявляется в склонности снимать с себя ответственность за последствия своих действий, при этом положительные их результаты могут восприниматься исключительно в качестве собственных заслуг, а негативные — объясняться влиянием других людей или сложившимися обстоятельствами. По мере своего развития личность все более адекватно начинает осознавать и психологически принимать свою роль в происходящих и возможных событиях, все больше расширяет круг взятых на себя обязательств и обязанностей, все более вовлекая себя в сферу общественных интересов с целью внесения своего вклада в создание благоприятных условий жизни общества. Так, анализируя стадии развития ответственности как психологического феномена, Г.И. Кашапова приходит к следующему выводу: «Центральная тенденция эволюции ответственности в том, что должен возникнуть внутренний механизм контроля, а личность в своем развитии

проделать путь от простого исполнителя к активному субъекту. Следствием этого является перенос ответственности с внешней инстанции на внутреннюю» [Кашапова Г.И., 2012, с. 115].

Чем качественнее образование и воспитание получает индивид, тем больше его личные интересы совпадают с общечеловеческими интересами, глубже и точнее отражают реализующиеся в тех или иных ситуациях взаимосвязи и законы. Тогда индивид оказывается способен глубже понимать суть актуальных проблем и принимать на себя посильную долю ответственности за их решение.

Таким образом, углубление понимания ситуации ответственности и формирование развитого чувства должного, проявляющегося в более ответственном отношении к происходящим событиям, связано с процессом интериоризации, а точнее, с усвоением индивидом не всей культуры общества во всем ее многообразии, а той ее части, в которой аккумулировано необходимое касательно универсальной человеческой сущности содержание. При этом, чем больше в личности укореняется это содержание, тем глубже в ней альтруизм, способность сопереживания, чуткость к проблемам других, больше жертвенности, преданности необходимому для общества.

Ответственность — очеловеченная форма природной *необходимости*. Если социальная необходимость является своеобразным продолжением природной необходимости [Орлов В.В., 1999, с. 102–104], то ответственность — это ее конкретная форма выражения, которая образуется определенным практическим отношением к действительности, задействующим те или иные ее взаимосвязи и законы. Важно то, что сама по себе человеческая деятельность подразумевает запуск цепочек причинно-следственных связей, влияющих на окружение. В некоторых случаях даже определенную меру бездействия можно рассматривать как причину, имеющую свои последствия (например, несоблюдение инструкции, мер предосторожности). И индивид, в отличие от животных, способен этот факт осознавать и учитывать в своем поведении, в своем образе жизни. Поэтому, находясь в определенном практическом отношении к окружающему миру, индивид уже находится в ситуации ответственности по отношению к происходящему и будущему. Мы ответственны за все, что от нас зависит, но в разной степени, в меру вовлечения в ситуацию и возможности повлиять на ход ее развития. Долг является высшей степенью ответственности, в нем

сконцентрировано самое глубинное содержание социальной необходимости.

Однако недостаточная развитость культуры общества, недостаточно тонкое и глубокое отражение в ней социально-необходимого, заставляет смещать акценты в понимании ответственности с внутренних стимулов к самосовершенствованию и механизмов самоконтроля (которые связаны с осознанием самой ситуации ответственности) к внешнему принуждению подотчетностью и возможностью социальных санкций. Необходимость держать ответ перед кем-либо, которая наполнена многими субъективными моментами, вызывающими проблемы в этико-правовом дискурсе [Агафонова Е.В., 2015], оказывается более значимой, чем сама объективная ситуация ответственности, подразумевающая необходимость учитывать ее в своей деятельности, а значит, стремиться все глубже познавать, законы и взаимосвязи действительности.

Время, его направленность от прошлого к будущему, создающая возможность преемственности в развитии, задает момент ответственности настоящего, в котором человек находится, за надвигающееся будущее, в частности, ответственность перед будущими поколениями. Ответственность не ограничена рамками настоящего и ближайшего, она простирается на все протяжение времени. Будущее рано или поздно становится настоящим, и, откладывая выполнение своих обязательств и решение проблем постоянно «на завтрашний день», в один момент можно оказаться в экстремальной ситуации, требующей незамедлительного решения при очень ограниченных доступных для этого средствах и возможности выбора лишь «меньшего из зол». Таким образом, наше прошлое может накапливать в себе предпосылки формирования серьезного вызова в настоящем, от способности ответить на который будет зависеть качество нашей жизни в будущем.

Например, ответственность заключается не в том, чтобы в трудной финансовой ситуации для населения раздать ему финансовые средства «здесь и сейчас» и любой ценой, полностью удовлетворив их запросы, а в том, чтобы максимально смягчить эти тяжелые сложившиеся для них условия с учетом перспектив развития ситуации, способствовать благополучию и процветанию общества на наиболее продолжительном отрезке времени. Современная ситуация все более наглядно демонстрирует как недальновидный подход к повышению качества жизни за счет накопления долгов сверх всякой разумной ме-

ры приводит к тому, что в кризисных ситуациях не остается инструментов финансовой политики для решения возникающих проблем без последствий для будущего. Так, ситуация быстро растущего государственного и внешнего долга при отсутствии серьезных резервов, способная обрушить всю финансовую систему США, Греции, Италии, Испании и Великобритании (сложно обвинять в недальновидности страны, попавшие в подобную ситуацию, но обладавшие гораздо меньшими финансовыми возможностями для ее предотвращения) во время кризисов 2007–2015 гг. и текущего «коронакризиса», вынуждает переходить к беспрецедентным мерам по «количественному смягчению» монетарной политики, в том числе в его наиболее рискованных вариантах, которые уже вызвали в США рекордный за 40 лет всплеск базовой инфляции. Более того, по прогнозам многих наиболее авторитетных в мире экономистов (например, нобелевских лауреатов по экономике Н. Рубини, П. Кругмана, одного из самых авторитетных финансовых аналитиков Рэя Далио), такая ситуация способна перерасти в неконтролируемую и распространиться на большинство стран мира, в конечном счете обрушив всю мировую финансовую систему. Поэтому ответственность должна быть понята правильно, не исходя из поверхностных взаимосвязей действительности, определяющих лишь ближайшую перспективу развития ситуации, а исходя из наиболее глубинных взаимосвязей и законов, определяющих долгосрочные, более устойчивые последствия и тренды.

Конкретно-всеобщий подход к анализу ответственности

Как видим, данный подход к исследованию сущностных сил человека позволяет сформулировать лишь наиболее общие их характеристики, для обоснования которых к тому же требуется более глубокий анализ. Поэтому следующим, более важным шагом будет переход к исследованию конкретных форм взаимосвязей между этими абстрактно-всеобщими моментами. Такие структуры конкретно-всеобщего в целом должны выступать объективной основой нравственности, а каждый их цельный, узловый момент должен представлять собой объективный внутренний механизм, лежащий в основе конкретной сущностной силы человека, составлять ее суть. В данном случае нас интересует проблема ответственности.

В основе ответственности, по-видимому, лежит конструкция из всеобщих моментов, состав-

ляющих выбор. Например, Г.И. Кашапова отмечает фундаментальную роль выбора в ответственности как психологическом феномене: «Психологической предпосылкой ответственности является возможность выбора или сознательное предпочтение определенной линии поведения» [Кашапова Г.И., 2012, с. 111].

Выбор — это прежде всего *активность* по реализации тех или иных *возможностей* либо ее *отрицание*. Выбор является формой проявления и дополнения *необходимости* в человеке и в этом смысле очеловеченной формой *случайности*. (Далее под необходимостью и случайностью будем понимать «социальную необходимость и случайность», смысл которых гораздо богаче по сравнению с их природными формами. Подробнее об этом можно ознакомиться в предыдущих работах автора по диалектике социальных форм необходимости и случайности.) Выбор и необходим и случаен. С одной стороны, выбор обусловлен обстоятельствами, исходит из особенностей материальной и духовной организации индивида, и в этом смысле он несет в себе *необходимое* содержание. А с другой — он связан с *относительной случайностью*, относительной самостоятельностью мыслей, чувств, которые образуются как результат пересечения необходимых рядов событий, т.е. *противоречивости элементов* прошлого опыта, а также *противоречивости* целей и реалий (*противоречия необходимой части возможного и сложившейся в данный момент действительности*).

Однако сама ситуация ответственности состоит не просто в возможности выбора, а в *возможности* неверного выбора, который приведет к негативным *последствиям*. Для уточнения смысла понятий «неверный выбор» и «негативные последствия» проанализируем структуру всеобщих моментов, лежащую в основе ситуации ответственности, подробнее.

Как уже отмечалось, выбор, реализуя те или иные *возможности*, исходит из внутренней и внешней человеку *необходимости*. Однако, по мнению автора, такая необходимость имеет градации по объективной значимости в отношении универсальной сущности человека. Относительная *случайность* выбора, всегда недостаточно полное и глубокое понимание реализуемых им взаимосвязей и законов, делает возможными отклонения от этой необходимости. И чем больше это отклонение (*мера отражения необходимого*) от наиболее важных интересов личности и общества, от глубинных потребностей человеческой

сущности, тем больше реализуется *возможностей*, в конечном итоге способных привести к их гибели (*отрицание сущности*). Таким образом, верный, ответственный выбор всегда в той или иной степени *необходим*, а неверный, безответственный — несет в себе *случайное* по отношению к нему *содержание*. Поэтому ситуация ответственности — это ситуация некоего напряжения случайного перед необходимым. Далее этот элемент конструкции из всеобщих моментов, создающих это «напряжение» будем обозначать кратко.

Несмотря на то что выбор индивида в конкретной ситуации *случаен* по отношению к общей линии его поведения, а выбор им своего жизненного пути *случаен* по отношению к общему направлению развития рода, тем не менее, любой выбор привносит свой вклад в *необходимость* личности и рода. Индивид может по-разному относиться к одной и той же ситуации, извлекать из нее разные выводы, по-разному реагировать на нее. Изначальное отношение к ней может быть переосмыслено. Он волен выбирать свою позицию по отношению к происходящему, но этот выбор является и выбором самого себя, постепенно формирует его как личность. Выбор может остановиться на первых же не всегда адекватных чувствах ненависти, злости, зависти, жадности и т.д. и позволить им завладеть сознанием, стать определяющими в поведении. А может исходить из более конструктивного подхода, например, прежде чем делать выводы, провести самокритичный анализ, применить эмпатию и попытаться найти точки соприкосновения, возможности для компромисса. Тот или иной выбор направления хода мысли формирует, а при его повторении делает более устойчивыми определенные ментальные структуры, ассоциации, тем самым закладывая соответствующие особенности восприятия в подобных ситуациях в будущем (например, формируя цели, установки, ценности, привычки и стереотипы). Таким образом, даже единичный факт малозначимого выбора вносит свой вклад в формирование образа мышления индивида, а значит, и черт его характера, его сущности.

Точно так же совокупный выбор индивидом направленности своего жизненного пути, видения им своих целей, задач и приоритетов, своего смысла жизни способен оказать влияние на родовую человеческую сущность, так как сказывается и на жизни общества, привносит в нее свои тенденции, по крайней мере, в рамках своего ближайшего окружения. Особенно это верно для вы-

дающихся личностей, способных своим особым колоритом, своим подвигом, своими оригинальными, подчас гениальными идеями подать пример жизни для всего человечества, сформулировать общечеловеческие идеалы, цели и задачи развития. Однако такой пример может быть и дурным, который, как известно, имеет свойство быть заразительным. Девиантное, деструктивное поведение одного может заставить усомниться и других в необходимости разумных самоограничений, устремлений к нравственному совершенствованию. И чем большим авторитетом и талантом обладает индивид, тем большее влияние он может оказать на необходимое содержание общества. Так, оригинальность мысли и афористичность стиля Ф. Ницше, импонируя молодежи XX–XXI вв., во многом способствовали переоценке традиционных ценностей, что в конечном итоге пошатнуло самые устойчивые пласты культуры и зародило деструктивные тенденции, которые со временем лишь усиливаются.

Итак, иницируя изменения конфигурации реализующихся взаимосвязей и законов в том или ином направлении, выбор открывает и закрывает определенные возможности. Таким образом, будучи относительно случаен, он изменяет необходимое содержание, во многом определяя перспективы развития ситуации. Отсюда ответственность, связанная с относительно *случайными* мыслями, чувствами, действиями перед *необходимостью*, заложенной в индивидуальной человеческой *сущности (единичное)*, а также ответственность индивида как *случайного* представителя рода перед *необходимостью*, заложенной в родовой человеческой *сущности (общее)*.

Однако то же самое можно говорить и о выборе пути развития того или иного общества или всего человечества. Всегда присутствующий в деятельности общества элемент стихийности (*случайность*) может создать условия, при которых *необходимое* содержание родовой человеческой сущности окажется *противоречащим* плодотворному потенциалу универсальной сущности человека (*необходимой части возможного*). Но именно она составляет наиболее глубинный пласт необходимого в человеке. Поэтому конечными, наиболее фундаментальными критериями необходимости являются те, которые выводятся из законов развития универсальной человеческой сущности, определяющих магистральное направление исторического процесса. Как известно, это направление связано с ростом сознательности деятельности общества, с углублением познания

потенциала, заложенного в универсальной сущности человека, на пути создания условий, способствующих наиболее полной и всесторонней реализации его сущностных сил [Васильева Т.С., 1998; Мусаелян Л.А., 2006]. Так, в конечном счете любая ответственность — это ответственность перед *необходимостью*, заложенной в универсальной, потенциально бесконечной человеческой *сущности*.

Здесь мы вплотную подошли к свойству случайного и необходимого переходить в собственную противоположность. Движение индивида и общества по пути развития является сложным и противоречивым процессом, обусловленным историческими обстоятельствами. Эти обстоятельства во многом творятся самими же людьми, а потому несут отпечаток уровня зрелости социального познания. Взаимосвязи и законы развития общества в каждой конкретной ситуации могут реализовываться по-разному, что отражается и на понимании должного, а значит, и ответственности.

Как уже отмечалось, социально-необходимое имеет свою градацию по объективной значимости в отношении универсальной сущности человека. Это создает трудности в понимании объективной ситуации ответственности, ведь осмысление различных пластов и фрагментов необходимого будет приводить и к различному пониманию ответственного поведения. В этой ситуации на первый план выходят субъективные моменты, такие как склонность принимать желаемое и удобное за действительное. Так, в реальной практике жизни общества зачастую большее значение придается поверхностным взаимосвязям, определяющим ближайшую перспективу развития событий. Понимание более глубоких реализующихся в той или иной ситуации взаимосвязей и законов требует больших усилий, более серьезного, профессионального анализа, что возможно не на любом уровне развития индивида и общества. В результате возникают ситуации, когда в понимании ответственности не верно расставляются акценты в значимости, иерархия необходимого не учитывается. Например, когда значимое для индивида оценивается выше, чем необходимое для общества, или когда служащий Третьего рейха ответственность перед ним оценивает выше, чем ответственность за будущее всего человечества.

Таким образом, важно различать *сущность* ответственности, связанную с объективной ситуацией ответственности, определяемой особенностями реализующихся в ней взаимосвязей и зако-

нов, и ее *проявления* в виде многоплановой структуры, состоящей из обязательств, обязанностей, различных форм подотчетностей, подконтрольности, социальных норм и санкций, меры ответственности в поведении, меры ответственного отношения, меры вменяемости, чувств ответственности, долга, совести, вины, раскаяния, морального удовлетворения от результатов и т.д. Большинство авторов, исследующих проблему ответственности, анализируют ее структуру именно как психологического и социального явления [Муздыбаев К., 1983; Ореховский А.И. и др., 2005], не углубляясь до самого фундаментального, сущностного ее уровня, что, на наш взгляд, ограничивает возможности общественного развития.

Магистральное направление *развития* общества связано со все более глубоким познанием (*отражение*) *сущности* ответственности, совершенствованием правил и норм должного поведения (*явления*), через которые все точнее и глубже формулируется социально-необходимое.

Этот аспект дополняется также конструкцией конкретно-всеобщего на основе диалектики формы и содержания. *Содержание* общества, связанное с мерой познания социально-необходимого, выражается в более или менее ответственном способе его жизнедеятельности, в более или менее ответственных отношениях между людьми (*форма*). Для того чтобы создать механизм, способствующий закреплению в культуре общества результатов познания социально-необходимого, сформировать у людей отражающее эти результаты чувство ответственности, отношения между ними определенным образом регламентируются [Кашапова Г.И., 2012, с. 114] (*форма* ограничивает *активность содержания* в направлениях реализации определенных *возможностей*). Изменение *содержания* общества способно привести и к пересмотру норм и правил должного поведения (*форма*), а значит, наполнить понятие ответственности новыми смысловыми акцентами и нюансами.

В этом отношении опасным соблазном выступает естественное желание людей разрушить все ограничения на пути их свободного самовыражения, снизить роль *необходимого* в нашей жизни, максимально расширить рамки допустимого. Такие тенденции особенно ощущаются в культуре постмодерна и обосновывающей ее философии постмодернизма. В них есть свое рациональное зерно, однако эти тенденции выходят за рамки разумного, доводя до своего логического заверше-

ния построение «общества потребления». Неслучайно, что в последние годы даже в наиболее развитых странах, наиболее пропагандирующих подобные ценности, резко начали обостряться, казалось бы, уже давно решенные проблемы коррупции и долга [Global Debt Monitor..., 2020; Sonnenschein J., Ray J., 2013]. Такая борьба с социально-необходимым не может привести к расширению реальных возможностей, а лишь пробуждает стихийные силы, опасные своими разрушительными последствиями. Отрицая существование объективных истин, фундаментальных основ и законов бытия, постмодернизм сталкивается со сложностями в обосновании как необходимости ответственного поведения, так и его критериев. Предполагаемая в постмодернизме некая чистая личность, свободная от «навязанных» ей социальных установок должного поведения, от всяких влияний упорядоченности и универсальности, оказывается в таком случае лишена воспитания, развивающего чувство ответственности; помогающего различать объективно более и менее необходимое; способствующего развитию волевых качеств, необходимых для разумных самоограничений, борьбы со своими низменными помыслами и побуждениями; создающего стимулы к самосовершенствованию и познанию объективной ситуации ответственности. Без такого воспитания, без такого необходимого содержания в личности понимание ответственности будет связано с пренебрежительной необязательностью и пропитано субъективизмом в его самых худших проявлениях.

С другой стороны, устройство общества, его мораль (*форма*), не учитывающие важной роли *случайности*, ставящие во главу угла жесткую *необходимость*, жесткий порядок и контроль, приводят к пониманию ответственности как некоему бремени, подавляющему личность, перенапрягающему ее силы в целях строгого соблюдения и достижения необходимого. Такие условия формируют настолько гипертрофированное чувство ответственности, что индивид чувствует себя в положении не имеющего право на ошибку, на предпочтение своих интересов, на отклонение от необходимого [Агафонова Е.В., 2015, с. 145–147]. Таким образом, личность не ощущает себя свободным существом, что проявляется в его постоянном психическом напряжении, нервном истощении и в конечном счете отражается на ее здоровье.

С этим связана другая очень важная и интересная проблема, которая касается меры ответ-

ственности индивида в ситуациях пересечения его интересов с интересами других. Индивид, опирающийся лишь на *необходимое* в отношении собственной индивидуальной *сущности* и пренебрегающий *необходимым* для других, обостряет *противоречия* между ними, игнорируя взаимозависимость каждого, а значит, *общность* интересов всех *взаимодействующих* сторон. Эта ситуация способна привести к острым конфликтам, а в случае с государствами и социальными группами — к войнам (*возможность отрицания сущности* тех или иных людей). Поэтому этот аспект в его крайнем проявлении тесно связан с ответственностью, но возникает также вопрос об ответственности в конкретных ситуациях пересечения интересов. С одной стороны, очевидно, что когда речь идет о пересечении малозначимых интересов одного с гораздо более значимыми интересами другого, то возникает необходимость (а значит, и ситуация ответственности) в том, чтобы как минимум учитывать интересы второго, а в каких-то ситуациях и жертвовать собственными (например, когда в одном случае встает вопрос о жизни и смерти, а в ином — о лени, желании комфорта). Но, с другой стороны, возникает проблема, связанная со трудностью оценки степени необходимости для другого, особенно в случае сопоставимых по важности интересов. Из-за недостатка информации и психологических особенностей мы склонны недооценивать важность интересов другого сопоставительно со своими. Эта трудность преодолевается лишь в нравственном и интеллектуальном развитии индивида, в развитии его способности к эмпатии, и в случае, когда речь идет о близких и знакомых, в накоплении знаний об их жизненной ситуации. Поэтому ответственность в таких ситуациях выходит за рамки этих феноменов и заключается, прежде всего в том, чтобы идти по пути развития чувства ответственности, нравственного самосовершенствования, развивать в себе толерантность, стремление к взаимопониманию, объективности, дальновидности, к поиску компромиссов.

В основе этого аспекта лежит следующая конструкция из всеобщих моментов: *противоречия* *необходимой части* *возможного* различных людей создают ситуацию взаимной ответственности выбора, в которой должен быть достигнут компромисс (*отрицание* *менее* *необходимой части* *возможного* в выборе всех сторон по отношению к более *необходимой*). Наиболее адекватный ситуации компромисс возможен как итог *развития*

индивидов, наиболее точного и глубокого *отражения* реализующихся *взаимосвязей* и *законов*.

В большинстве случаев, когда речь идет о сопоставимых по важности интересах, в возможности пренебрежения ими создается ситуация ответственности, не имеющая серьезных оснований для порицания, а тем более социальных санкций за последствия. В то же время сравнивать интересы по важности для индивидов не всегда корректно; так, интересы опасного преступника, которому грозит серьезное наказание, будут для него важнее, чем личные интересы полицейского в его задержании, но это не дает ему права активного сопротивления. Здесь мы вновь возвращаемся к конечному критерию ответственности перед необходимостью, заложенной в универсальной человеческой сущности. Этот критерий позволяет также понять отсутствие ситуации ответственности в здоровой конкуренции или спортивных соревнованиях, поскольку они способствуют развитию общества.

Как уже отмечалось, мы ответственны за все, что от нас зависит, но в разной степени, в меру вовлечения в ситуацию и возможности повлиять на ход ее развития. Как известно, незнание законов не снимает ответственности личности за их нарушение. Точно также и с нанесением вреда другим или созданием ситуаций риска, которых мы не осознаем. Путь развития личности связан с движением от эгоизма и иллюзий к углублению понимания ситуаций ответственности, развитию способности различать меру необходимого, а путь развития общества связан с созданием условий, способствующих этому. Даже способность дать мудрый совет и поделиться полезной для другого информацией создает ситуацию ответственности в случае возможности серьезных последствий для него или других людей от его действий. Такая высокая планка ответственности, которая выводится из объективной ситуации, особенностей реализации в ней законов и взаимосвязей, выступает неким идеалом, к которому стоит стремиться, стимулом для духовного развития, но не должна нести характера принуждения, а должна быть связанной с проявлениями доброй воли индивида.

Ситуация ответственности не ограничивается рамками общественных отношений. Поскольку социальная *необходимость* является продолжением *необходимости* природного мира, то она включает ее в себя, как *высшее* включает в себя *низшее*, а значит, роднит его со всем окружающим его миром [Барг О.А., 1997; Орлов В.В.,

1999, с. 93–110]. И это родство порождает ответственность человека как *части* перед единым *целым*, ответственность в сохранении той природной согласованности, упорядоченности, гармонии природы, которая создает благоприятные условия для *развития*, ответственность недопущения тех *изменений* в кругооборотах веществ, которые пагубно отразятся на всей *экосистеме* Земли [Аль-Ани Н.М., 2014, с. 185–186].

Человек, являясь высшей формой *материи* и в то же время ее отдельным *проявлением*, будучи главным вершителем (*причинность*) ее *изменений* и в то же время *единичным* индивидом, существование которого во многом обусловлено окружающей средой; тот человек, чьи мысли способны проникать в самые глубинные пласты *необходимого содержания* мира, в самую его *сущностную* сердцевину и в то же время бывают подвержены аффектам, стереотипам и заблуждениям; то существо, чьи действия способны вмешаться в ход реализации любых *законов* и *взаимосвязей*, запуская в действие самые глобальные цепочки природных событий, но которые порой бывают безрассудны, — есть существо, способное вершить *необходимость* для всей Земли, всего космоса, а значит, несущее ответственность перед будущими поколениями за сохранение *необходимых* условий для их существования и развития.

Если говорить об ответственности с формальной точки зрения, то индивид (социальная группа) является *элементом* правовой, нравственной, политической, экономической, экологической и т.д. *систем* разного уровня, от семьи и фирмы до Земли и космоса в целом. Нарушение существующего порядка в этих системах (*структуры*) способно приводить к их сбою, рассогласованности их механизма функционирования, к кризису или даже их разрушению. А поскольку такого рода системы играют важную роль в жизнедеятельности общества, способствуют созданию условий для безопасности и развития (несут *необходимое содержание*, пусть и в разной *мере*), то слом старых систем без контроля при создании вместо них глубоко продуманных новых может привести (*возможность*) к пробуждению хаоса стихийных, разрушительных процессов, опасных своими *последствиями*. Отсюда и ответственность индивида, различных социальных групп общества за сохранение сложившегося порядка, исполнение принятых на себя обязательств, соблюдение общепринятых правил и норм.

Данное исследование выявило категориальный каркас из всеобщих моментов, лежащий в основе сущностной силы ответственности. Такой каркас неразрывно связан с особенным и единичным содержанием, содержит его в себе в зачатке, в тенденции. Поэтому на основе этого каркаса возможно дальнейшее движение от абстрактного к конкретному, анализ конкретных исторических ситуаций и жизненных ситуаций индивида, связанных с ответственностью.

Таким образом, данный подход позволяет опираться на наиболее фундаментальные основания для анализа различных ситуаций и смыслов, связанных с ответственностью, а также сформулировать понятие ответственности как диалектическое единство ее сущности и проявлений. Сущность ответственности понимается как объективная ситуация, в которой человек встает в определенное практическое отношение к окружающему его миру и имеет в ней возможность выбора случайного, необязательного содержания по отношению к необходимому в этой ситуации. Критерий необходимости в такой ситуации сводится к возможным последствиям, зависящим от особенностей реализующихся в данной ситуации взаимосвязей и законов. В этом смысле ответственность — это само место человека в мире, в системе общественных отношений, на котором он предстает как причинный фактор, обладающий потенциалом изменения хода развития событий, а потому наделенный определенной мерой ответственности (в зависимости от этого места) по отношению к происходящему и будущему.

Проявления ответственности понимаются как ее субъективная составляющая, связанная с личностными характеристиками и состояниями человека, а также с формулировками соглашений, социальных норм, санкциями за их нарушение, различными формами подотчетности для контроля над их соблюдением. Эти формулировки отражают меру точности и глубины познания взаимосвязей и законов действительности и по мере развития общества совершенствуются. Ответственность как качество личности характеризует уровень ее развития, глубину понимания действительности, при которых она себя осознает важной составляющей системы (семьи, организации, государства, экосистемы и т.д.) и важным причинным фактором для нее, видя в себе возможности влиять на ход развития ситуации в этой системе как с точки зрения ее устойчивости, так и с точки зрения ее совершенствования.

Список литературы

Агафонова Е.В. Проблема ответственности и проблема вменения в этико-правовом дискурсе: критика каузализма в этике // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 4(32). С. 141–150. DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863x/32/16>

Аль-Ани Н.М. Ответственность и ее классическая и неклассическая парадигмы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 7–1. С. 182–187.

Барг О.А. Философские проблемы химии: конкретно-всеобщий подход / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2006. 165 с.

Барг О.А. Человек и мир: Как материя заставляет человека ее усложнять // Новые идеи в философии. 1997. Вып. 6. С. 55–59.

Васильева Т.С. Перспективы человечества: тупики и магистраль развития // Новые идеи в философии. 1998. Вып. 7. С. 185–192.

Вейнгольд Ю.Ю. Всеобщее как целостность // Проблема всеобщего в марксистской философии / Челябин. гос. пед. ин-т. Челябинск, 1982. С. 58–62.

Горелов А.В. Детерминизм, свобода воли и культура // Вестник Тюменского государственного института культуры. 2016. № 2(6). С. 58–60.

Ильенков Э.В. Диалектическая логика: очерки истории и теории. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1984. 320 с.

Кашипова Г.И. Ответственность как социально-психологический феномен и уровни ее развития // Казанский педагогический журнал. 2012. № 1(91). С. 110–116.

Лоскутов Ю.В. Субстанция морали // Новые идеи в философии. 2019. Вып. 6(27). С. 93–106.

Максимов Л.В. О некоторых стереотипах теоретической этики // Этическая мысль. 2016. Т. 16, № 2. С. 20–33. DOI: <https://doi.org/10.21146/2074-4870-2016-16-2-20-33>

Муздыбаев К. Психология ответственности. Л.: Наука, 1983. 240 с.

Мусаелян Л.А. Концепция исторического процесса К. Маркса: человеческий контекст // Новые идеи в философии. 2006. Вып. 15, т. 1. С. 44–57.

Ореховский А.И. и др. Введение в философию ответственности. Новосибирск: СибГУТИ, 2005. 186 с.

Орлов В.В. История человеческого интеллекта. Ч. 3: Современный интеллект. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1999. 184 с.

Орлов В.В. Научная философия в начале XXI века // Новые идеи в философии. 2000. Вып. 9. С. 118–123.

Орлов В.В. Проблема системы категорий философии / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2012. 262 с.

Global Debt Monitor: Sustainability Matters. Jan. 2020 / Institute of international finance. URL: https://www.iif.com/Portals/0/Files/content/Global%20Debt%20Monitor_January2020_vf.pdf (accessed: 17.02.2020).

Sonnenschein J., Ray J. Government Corruption Viewed as Pervasive Worldwide / Gallup. 2013. Oct. 18. URL <https://news.gallup.com/poll/165476/government-corruption-viewed-pervasive-worldwide.aspx> (accessed: 17.06.2021).

Получена: 24.06.2021. Принята к публикации: 20.07.2021

References

Agafonova, E.V. (2015). [The concept of responsibility and the problem of imputation in the ethical and legal discourse: a critique of theories of causation in ethics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science]. No. 4(32), pp. 141–150. DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863x/32/16>

Al-Ani, N.M. (2014). [Responsibility and its classical and non-classical paradigms]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual Problems of the Humanities and Natural Science]. No. 7–1, pp. 182–187.

Barg, O.A. (1997). [Human and the world: how matter makes human complicate it]. *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Iss. 6, pp. 55–59.

Barg, O.A. (2006). *Filosofskie problemy khimii: konkretno-vseobschiy podkhod* [Philosophical problems of chemistry: specifically-universal approach]. Perm: Perm State University Publ., 165 p.

Global Debt Monitor: Sustainability Matters. Jan. 2020. Institute of International Finance. Available at: https://www.iif.com/Portals/0/Files/content/Global%20Debt%20Monitor_January2020_vf.pdf (accessed 17.02.2020).

Gorelov, A.V. (2016). [Determinism, free will and culture]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Bulletin of the Tyumen State Institute of Culture]. No. 2(6), pp. 58–60.

Sonnenschein, J., Ray, J. (2013). Government Corruption Viewed as Pervasive Worldwide. Gallup. Oct. 18. Available at: <https://news.gallup.com/poll/165476/government-corruption-viewed-pervasive-worldwide.aspx> (accessed 17.06.2021).

Il'encov, E.V. (1984). *Dialekticheskaya logika: ocherki istorii i teorii* [Dialectical logic: Essays on the history and theory]. 2nd ed. Moscow: Politizdat Publ., 320 p.

Kashapova, G.I. (2012). [Responsibility as the socially-psychological phenomenon and its development levels]. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal* [Kazan Pedagogical Journal]. No. 1(91), pp. 110–116.

Loskutov, Yu.V. (2019). [Substance of Morality]. *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Iss. 6(27), pp. 93–106.

Maksimov, L.V. (2016). [On certain stereotypes of theoretic ethics]. *Eticheskaya mysl'* [Ethical Thought]. Vol. 16, no. 2, pp. 20–33. DOI: <https://doi.org/10.21146/2074-4870-2016-16-2-20-33>

Musaelyan, L.A. (2006). [The concept of the historical process of Karl Marx: the human context]. *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Iss. 15, vol. 1, pp. 44–57.

Muzdybaev, K. (1983). *Psikhologiya otvetstvennosti* [The psychology of responsibility]. Leningrad: Nauka Publ., 240 p.

Orekhovskiy, A.I. et al. (2005). *Vvedenie v filosofiyu otvetstvennosti* [Introduction to the philosophy of responsibility]. Novosibirsk: SibSUTIS Publ., 186 p.

Orlov, V.V. (1999). *Istoriya chelovecheskogo intellekta. Ch. 3: Sovremennyy intellect* [History of human intellect. Pt. 3: Modern intellect]. Perm: Perm State University Publ., 184 p.

Orlov, V.V. (2000). [Scientific philosophy at the beginning of the 21st century]. *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Iss. 9, pp. 118–123.

Orlov, V.V. (2012). *Problema sistemy kategoriy filosofii* [The problem of the categories of philosophy]. Perm: Perm State University Publ., 262 p.

Vasil'eva, T.S. (1998). [The prospects of humanity: deadlocks and the main ways of development]. *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Iss. 7, pp. 185–192.

Veyngold Yu.Yu. (1982). [Universal as Integrity]. *Problema vseobshchego v marxistskoj filosofii* [Problem of Universal in Marxist Philosophy]. Chelyabinsk: CHGPI Publ., pp. 58–62.

Received: 24.06.2021. Accepted: 20.07.2021

Об авторе

Коромыслов Виталий Валерьевич

кандидат философских наук,
доцент кафедры истории и философии

Пермский государственный аграрно-технологический университет имени Д.Н. Прянишникова,
614990, Пермь, ул. Петропавловская, 23;
e-mail: vvk79@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6115-3631>
ResearcherID: AAY-9100-2021

About the author

Vitaliy V. Koromyslov

Candidate of Philosophy, Associate Professor
of the Department of History and Philosophy

Perm State Agrarian and Technological University
named after D.N. Pryanishnikov,
23, Petropavlovskaya str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: vvk79@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6115-3631>
ResearcherID: AAY-9100-2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Коромыслов В.В. Подход к пониманию ответственности с позиции конкретно-всеобщей теории развития // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 433–444.
DOI: [10.17072/2078-7898/2021-3-433-444](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-3-433-444)

For citation:

Koromyslov V.V. [The approach to understanding responsibility from the position of the concrete-universal theory of development theory]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 3, pp. 433–444 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2021-3-433-444](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-3-433-444)

УДК 130.12

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-445-453

ОБЫДЕННОЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Сухогузов Михаил Николаевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

Рассматриваются сущность, тенденции развития обыденного и теоретического сознания, их соотношение в контексте глобального кризиса современного общества. Показано, что кризис этот имеет глубокие антропологические основания, представляет собой кризис самой человеческой сущности. С позиций материалистического понимания истории очевидно, что в конечном счете именно кризис общественного бытия провоцирует кризис обыденного и теоретического уровней общественного сознания. Однако в марксистской теории предполагается и обратное влияние: существенная активность общественного сознания в отношении общественного бытия. Автор статьи констатирует, что в современных условиях это обратное влияние приводит к «консервации» общественного бытия в его неадекватных новейшим вызовам формах. Его гипотеза состоит в том, что одним из факторов, сдерживающих развитие общества и преодоление кризиса, являются деформации обыденного и теоретического сознания и их отношения. Формулируется проблема и определяются основные задачи исследования. Автор полагает, что необходимо раскрыть сущность обыденного и теоретического сознания, а также диалектику их отношения с методологических позиций современного материализма; исследовать успехи и неудачи попыток целенаправленного «онаучивания» обыденного; выявить конкретные проявления деформирующего влияния на взаимодействие обыденного и теоретического сознания; определить конкретные механизмы, посредством которых кризис общественного бытия способствует размыванию рациональных моментов обыденного сознания, укреплению иллюзорного теоретизирования и утрате конструктивного взаимодействия обыденного и научно-теоретического сознания.

Ключевые слова: антропологический кризис, обыденное сознание, теоретическое сознание, иллюзорное теоретизирование, цифровизация.

EVERYDAY AND THEORETICAL CONSCIOUSNESS IN THE CONTEXT OF THE CRISIS OF HUMAN ESSENCE: PROBLEM STATEMENT

Mikhail N. Sukhoguzov

Perm State University (Perm)

The article examines the essence, trends in the development of everyday consciousness and theoretical consciousness, their relationship in the context of the global crisis of modern society. It is shown that this crisis has deep anthropological foundations and represents a crisis of human essence itself. From the perspective of materialistic understanding of history, it is obvious that, ultimately, it is the crisis of social being that provokes the crisis of everyday and theoretical levels of social consciousness. However, the Marxist theory also assumes the opposite effect — an essential activity of social consciousness in relation to social being. The author states that under contemporary conditions this reverse influence leads to «conservation» of social being in its forms that are inadequate to the latest challenges. The author's hypothesis is that one of the factors restraining the development of society and overcoming the crisis is the deformation of everyday and theoretical consciousness and their relations. The article formulates the problem and identifies the main objectives of the study. The author believes that it is necessary to reveal the essence of everyday and theoretical consciousness as well as dialectics of their relation from methodological positions of modern materialism; to investigate the successes and

failures of efforts aimed at purposeful «scientification» of everyday consciousness; to reveal the concrete manifestations of the deforming influence on the interaction of everyday and theoretical consciousness; to identify the concrete mechanisms by which the crisis of social being promotes the erosion of rational moments of everyday consciousness, the strengthening of illusory theorization of the society.

Keywords: anthropological crisis, everyday consciousness, theoretical consciousness, illusory theorization, digitalization.

Введение

Не секрет, что современное состояние общества можно охарактеризовать как кризисное. С каждым годом множится число научных работ, принадлежащих представителям различных научных дисциплин, в которых описываются кризисные тенденции во всех сферах современной общественной жизни. Если исходить из принципов материалистического понимания общества, то все эти сферы в конечном счете зависят от сферы экономической. Но есть ли шанс на «перезагрузку» сердца мировой экономики? Действительно, в экономике известна эмпирическая закономерность, согласно которой рецессия сменяется ростом. Однако эксперты МВФ даже в 2018 г. констатировали, что восстановление после кризиса 2008 г. было очень медленным и неравномерным, — настолько, что более половины экономик мира так и не вернулось к объемам производства десятилетней давности [Чень В. и др., 2018]. А уже через два года после опубликования данного исследования и это слабое восстановление было подорвано социальными импактами пандемии COVID-19, которой не смогли достойно противостоять и страны с, казалось бы, самым высоким уровнем социально-экономического развития. Эти негативные тенденции резюмирует П. Мейсон, автор нашумевшей книги «Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему», приводящий оценку Организации экономического сотрудничества и развития: «...В ближайшие пятьдесят лет в развитом мире рост будет “слабым”. Неравенство вырастет на 40 %. Даже в развивающихся странах рост выдохнется к 2060 году». Таким образом, «для развитого мира лучшие времена капитализма уже позади, а для остальных стран они закончатся еще при нашей жизни» [Мейсон П., 2016, с. 3].

Впрочем, собственно экономические показатели социального неблагополучия, вероятно, выступают следствием *кризиса самого человека* как «главной производительной силы», которые могут и должны быть предметом пристального внимания социальных философов. Этой более глубокой точки зрения придерживаются и сторонники

современного материализма. Согласно этой позиции специфика современного глобального кризиса состоит в том, что он представляет собой наложение *формационного, цивилизационного, геополитического и мировоззренческого* кризисов. *Формационный кризис* — это кризис глобального капитализма как общественно-экономической формации, исчерпавшей все возможности для развития в ходе глобализации, распространения капиталистических отношений на все без исключения регионы мира. Глобализация в ее современной форме неразрывно связана с капиталистическими производственными отношениями, что дает основания определять *цивилизационный кризис* как кризис *буржуазной цивилизации*. В «ядре» современной капиталистической мир-системы (по Э. Валлерстайну) находятся США и другие наиболее развитые страны. В ходе глобализации страны ядра переносят промышленное производство в страны периферии и полупериферии для извлечения дополнительной прибыли вследствие дешевизны рабочей силы, более низких требований к безопасности производства и т.д. Но такой перенос одновременно ослабляет производительные силы (по крайней мере, в индустриальном секторе) стран ядра. Центр капиталистической мир-системы постепенно смещается в Юго-Восточную Азию, что создает предпосылки для геополитического кризиса. *Геополитический кризис* выражается в агрессивной политике стран «ядра» в отношении периферийных и полупериферийных стран, проводящих сколь угодно самостоятельную политику (в мерах экономического давления и даже государственных переворотах, в т.ч. методами «цветных революций»). Естественной реакцией на такую политику оказывается рост международного терроризма на почве религиозного фундаментализма в странах, ставших ее жертвами. Наконец, суть *мировоззренческого кризиса* состоит в возникновении «рыхлой» социальной реальности, которая провозирует в сознании как обывателей, так и теоретиков постмодернистские химерические образования, стирает границы между мужским и женским, добром и злом, героизмом и предательством [Мусаелян Л.А., 2016, с. 108–111].

Похоже, что речь действительно идет об *антропологическом кризисе*, затрагивающем глубинные основания общественной жизни, саму *человеческую сущность*. Исследованное в свое время К. Марксом расщепление сущности человека на индивидуальную и родовую и их отчуждение друг от друга возникает вследствие общественно-го разделения труда. С одной стороны, в процессе развития общества родовая сущность человека обогащается, усложняется. Однако происходит это за счет обеднения, упрощения индивидуальной сущности человека — общество в целом развивается, но, с другой стороны, каждый отдельный индивид становится все более частичным и примитивным. Особая форма выражения такого «частичного человека» возникает на капиталистическом этапе развития общества в связи с формированием так называемого *Номо економісис* [Берман Г.Дж., 1999, с. 383], все потребности и способности которого сводятся к чисто экономическим. Человеком такой индивид чувствует себя только в *актах потребления*, утрачивая свой творческий потенциал, фактически, — саму социальность. Известно, что такое состояние человеческого общества нередко объясняется философами, испытавшими влияние марксизма, как закат «предыстории» человечества, который вместе с негативными чертами деградации архаичного общества несет в себе и черты перехода к новой цивилизации. В недрах трансформирующегося капитализма вызревает «всеобщий (научный) труд», дающий в перспективе основу для существования универсально развитых индивидов и устраняющий из общественного производства стоимостные отношения [Мусаелян Л.А., 2016, с. 119].

Представляется, что в изложенных принципах фиксируется в целом адекватная научно-теоретическая интерпретация современного общественного кризиса: эта интерпретация дает картину сложившихся объективных предпосылок для глубоких преобразований производственных отношений и социальных институтов. Тем более что исследователи на протяжении последних десятилетий фиксируют как *расслоение среднего класса* [Кастельс М., 2000; Мартин Г.-П., Шуманн Х., 2001], так и быстрое *расширение мирового рынка наемной рабочей силы*, причем все это на фоне деградации элементов социального государства, что также считается исследователями проявлением кризиса *Номо економісис* [Шарков А.В., 2019]. Если в 1980 г. в мире насчитывалось всего 1,9 млрд наемных работников, то к

2007 г. их число увеличилось до 3,1 млрд. Около 1,2 млрд человек из Китая, Индии и бывшего СССР пополнили глобальный рынок труда. 73 % рабочих проживает сегодня в развивающихся странах [Ghose A. et al., 2008, p. 9–10]. Столь многочисленной армии наемного труда капиталистический мир не видел никогда. При этом исследователи подчеркивают ухудшение материального положения многочисленных групп населения (в первую очередь — наемных работников), особенно усилившееся в условиях пандемии. Как отмечается, «возникают две острые проблемы: поддержка теряющих работу и малого и среднего бизнеса, теряющего доходы и увольняющего избыточный персонал. Дальше потребуется все больше поддерживать слои (отрасли, регионы), в которых карантин истощает сбережения и ресурсы и угрожает работоспособности активов... в дальнейшем ситуация будет осложняться неравномерностью потерь в ходе рецессии, накоплением долгов и ухудшением положения в бедных и отдаленных странах» [Григорьев Л.М. и др., 2020, с. 21].

Однако вместе с тем факты свидетельствуют о том, что одних этих предпосылок для начала глубокого преобразования производственных отношений и социальных институтов, для преодоления кризиса и продолжения прогрессивного развития общества оказывается *недостаточно*. Кризис XXI в. недаром называют «долгим», несмотря на ухудшение материального положения значительных групп населения в ходе пандемии, фактор «отложенного спроса» в настоящее время справедливо трактуется исследователям как более важный, нежели выступления трудящихся [Bloem J.R., Salemi C., 2021]. Ситуация с предпосылками и необходимостью глубоких структурных преобразований общества чем-то напоминает историю с загадкой «молчания Вселенной» — при очевидном существовании объективных закономерностей, ведущих к формированию высших уровней организации на планетах земного типа, при открытии сотен таких планет ни биологических, ни социальных вземных существ в космосе до сих пор не обнаружено [Forgan D.H., 2019, p. 15].

Проблема и рабочая гипотеза

Таким образом, точка зрения современного материалистического понимания общества и истории встречается с определенным *теоретическим затруднением*. Его можно сформулировать следующим образом: какие факторы приводят к «кон-

сервации» производственных отношений и социальных институтов в их существующем, все менее адекватном современным вызовам, виде вопреки все более существенным проявлениям экономического кризиса? *Рабочей гипотезой* нашего исследования является предположение, что к числу таких факторов следует отнести *определенные деформации обыденного и теоретического сознания и их отношения*.

Обсуждение

Начнем с определений базовых для данного исследования понятий обыденного и теоретического сознания как двух особых, но связанных уровней общественного сознания исходя из их происхождения и содержания. Сразу отметим, что такие принципы их определения не разделяются, по крайней мере, значительной частью представителей современной неклассической философии, выступающих против «бинарного мышления», различающего явление и сущность [Перлов А.М., 2016, с. 197]. Симптоматично, например, что в «Новой философской энциклопедии» [Новая философская энциклопедия..., 2010] специальных статей, посвященных обыденному и теоретическому сознанию, мы не найдем, хотя будучи неопределенными, они *используются* во многих десятках статей этой энциклопедии. Представляется, что в качестве рабочих (предварительных) определений обыденного и теоретического сознания можно предложить следующие. *Обыденное сознание* — это уровень общественного сознания, непосредственно отражающий реальный процесс жизни людей в форме взглядов, чувств, иллюзий, простых закономерностей. *Теоретическое сознание* — это уровень общественного сознания, ориентированный на отражение глубинных сторон общественной жизни и осваиваемой человеком природы в форме концепций, в разной степени являющихся научными, а также доказанных научных теорий.

Для исторического обзора категорий обыденного и теоретического сознания используем классификацию исследований по этой проблеме в отечественной науке, проведенную О.В. Найдыш, которая прослеживает три этапа изучения обыденного сознания в отечественной литературе. На первом этапе (1960–1970-е гг.) представители советского марксизма справедливо различали обыденное и теоретическое сознание, но недооценивали момент их диалектической связи, весьма неоднородный характер самого теоретического сознания. Отчасти этот недостаток преодолевается в

рамках второго (1980–1990-е гг.) и третьего этапов (1990–2000-е гг.), но ценой утраты определенности и различий этих уровней общественного сознания, ценой утраты теоретической основы для научного исследования их отношения [Найдыш О.В., 2011, с. 5–9].

В исследовании кризисных явлений в обыденном и теоретическом сознании обратимся к важной, на наш взгляд, модели генезиса обыденного сознания, предложенной А.П. Сегалом [Сегал А.П., 2020], представляющим третий этап развития (по классификации О.В. Найдыш). Согласно этой модели обыденное сознание формируется вследствие общественного разделения труда — с разложением общинной собственности на землю и становлением частного человека, начиная с античности и до появления в позднем Средневековье бюргера-ремесленника как первого носителя обыденного сознания, наиболее адекватного реальности. Обыденное сознание фиксируется Сегалом в двух ситуациях. С одной стороны, в ситуации, когда носитель обыденного сознания находится в пределах своей профессиональной или бытовой компетентности. Эта разновидность обыденного сознания рационализирована, восприимчива к результатам развития теоретической и прикладной науки. В целом оно адекватно отражает определенные аспекты реальности, в чем нас убеждает успех практической деятельности индивидов.

С другой стороны, Сегал говорит об обыденном сознании в ситуации, когда его носитель выходит за рамки своей профессиональной и бытовой компетентности. Вместе с тем он *теряет свою субъектность*, поскольку перестает ставить собственные цели и вынужден вместо этого реализовывать задачи как части цели, которую ставит перед собой какой-то другой субъект (обладающий компетенциями, которых лишен носитель обыденного сознания). Так, ремесленник-бюргер в высшей степени компетентен в своем ремесле, он ставит цель и задачи на производстве, которые сам же и решает. Однако, становясь наемным работником на конвейерном производстве эпохи машинного труда, он теряет свою субъектность. Важно, что субъектность при этом теряет и буржуа (собственник производства), поскольку его стратегическая «цель» — накопление капитала — в действительности оказывается выражением закономерности развития определенного общественного отношения, в т.ч. определяется деятельностью предыдущих поколений. Таким образом, по Сегалу, *обыденное сознание связыва-*

ется с *частичным трудом* и становится преобладающим для человека эпохи капиталистического производства, а маркером адекватности обыденного сознания оказывается *способность субъекта ставить и реализовывать собственные цели* в рамках своей компетенции.

Представляется, что перспективность модели А.П. Сегала заключается в успешной попытке проследить формирование обыденного сознания с позиций историзма и в связи с субъектными характеристиками его носителей. Однако вместе с тем кажется, что данный исследователь игнорирует ряд важных моментов, которые в то же время можно рассматривать как серьезные точки роста для нашего исследования.

Во-первых, сам концепт теоретического сознания им фактически не используется: подчеркивается лишь *ограниченность любых научных концепций* и их авторов, когда они дерзают выйти за рамки своей профессиональной сферы. Однако представляется, что в таком случае собственно *научный философский подход* оказывается принципиально невозможным. По-видимому, эта позиция вызвана и определенными внутрифилософскими причинами: источником постепенной утраты определенности и разделения обыденного и научно-теоретического сознания можно считать проводимую начиная с И. Канта точку зрения о принципиальной ограниченности теоретического познания рамками эмпирического опыта. Но если трансцензус ни для философии, ни для частных наук принципиально невозможен, если человеческое сознание в целом имеет априорную природу — то можно ли говорить о хотя бы относительной автономии и каком-то преимуществе теоретического сознания? С этих позиций некоторые современные представители неклассической философии готовы принять кризисное состояние соотношения обыденного и теоретического сознания как *нормальное* и настаивать на устранении «иллюзорного» превосходства научного познания перед ненаучными его видами (см., напр.: [Кастру Э.В. де, 2017; Фейерабенд П., 2007]). Эта позиция представляется нам ошибочной. В теоретическом отношении потому, что вследствие игнорирования различий и определенной автономности сфер обыденного и теоретического сознания не может быть рассмотрен вопрос об их отношении, его динамике в истории. В практическом же отношении «нормализация» кризиса в этой сфере приводит к недооценке опасности утраты субъектности как носителями обыденного сознания, так и представителями научного сообщества, те-

ряющими способность к адекватному познанию и научному критическому осмыслению действительности, а значит, и к ее практическому преобразованию — к решению все более острых глобальных проблем человечества.

Во-вторых, в концепции А.П. Сегала игнорируется положительный опыт целенаправленного онаучивания обыденного сознания. В этом плане представляет значительный интерес опыт популяризации науки в СССР, а также феномен гражданской науки за рубежом и в постсоветской России. Гражданская наука представляет собой взаимодействие теоретического и обыденного сознания, выраженное в онаучивании обыденного сознания и проникновении исследовательских практик в повседневность граждан на уровне профессиональной деятельности и увлечений, — достаточно новая тенденция [Абрамов Р.Н., Кожанов А.А., 2015]. Стремление к познанию действительности заложено в природе человека, поскольку без познания мира невозможно перейти к его практическому преобразованию, т.е. к труду, как способу существования человека. Однако доступ широких масс населения к достижениям научного познания становится возможным только с возникновением необходимости включать эти массы в сложное высокотехнологичное производство. И такой доступ в XX–XXI вв. становится реальностью. Таким образом, обыденное и теоретическое сознание в принципе могут конструктивно взаимодействовать и взаимообогащаться. Ситуация такого их взаимодействия предполагает как доступность достижений теоретического сознания для обыденного сознания, так и опору теоретического сознания на опыт обыденного сознания. Действительно, именно повседневный опыт формирует ту «оболочку» теоретического сознания, которая содержит обыденные представления, выступающие «питательной средой» для «кристаллизации» научных концепций [Иоселиани А.Д., Зарубина П.Д., 2021, с. 49].

Деформация же взаимодействия обыденного и теоретического сознания может приводить к негативным теоретическим и практическим последствиям. Например, известно, что до тех пор, пока наука эпохи «раннего капитализма» оставалась делом изолированной от общества небольшой группы профессиональных ученых, последние зачастую сочетали в своем мировоззрении как элементы научного материалистического восприятия мира, так и откровенно антинаучные взгляды [Касавин И.Т., 2008, с. 14]; согласно модели А.П. Сегала эти взгляды довлеют над умами ча-

сти научного сообщества и в наши дни. Актуальным примером негативных эффектов от деформации связи обыденного и теоретического сознания может служить отсутствие консолидированной позиции в современном обществе по вопросам безопасности в условиях пандемии COVID-19 [Ермакова Е.В., 1994]. Априорное недоверие носителей обыденного сознания к представителям научного сообщества и одновременно с этим их подверженность влиянию «иллюзорного теоретизирования» конспирологов создает реальные проблемы для государства и общества в борьбе с кризисом, вызванным пандемией. Отметим, что указанная ситуация во многом опосредована и явлениями *цифровой культуры*: развитие пандемии широко освещается и обсуждается в сети Интернет. Причем рядовые пользователи, некомпетентные в эпидемиологии, в бесконечных потоках постоянно обновляющейся информации предпочитают ориентироваться на многочисленные мнения обывателей и псевдоэкспертов вместо научного знания, тем самым теряя субъектность сначала в цифровом пространстве, а затем и в обыденной жизни.

В-третьих, хотя А.П. Сегал говорит о том, что по мере развития общества происходит модификация обыденного сознания, им не рассматривается влияние на него, как и на отношение обыденного и теоретического сознания, фактора *цифровизации* всех сфер общественной жизни. Это фактор представляется очень важным. В свое время А.Е. Маховиков, исходя из марксовской концепции «ложного, иллюзорного сознания», обозначил псевдонаучные концепции, принадлежащие к теоретическому сознанию, через упомянутый выше концепт «*иллюзорного теоретизирования*» [Маховиков А.Е., 1990]. Подчеркнем, что *теоретическое сознание в целом не тождественно научному* — оно вполне может содержать иллюзии, заблуждения, предрассудки. Причем они возникают не на пустом месте: в их основе всегда лежит определенный *социальный опыт*. В наши дни этот опыт практически всегда опосредован феноменами цифровой культуры. Цифровая культура имеет колоссальный потенциал относительно развития творческих функций человека, и вне ее контекста дальнейшее развитие человечества, по-видимому, немислимо. Вместе с тем в непосредственном плане, будучи продуктом общества периода кризиса *Ното есоnотісис*, цифровая культура формирует и утверждает нашего современника главным образом в качестве пассивного потребителя, «всемогущего» ис-

ключительно в своем виртуальном мире и все более оторванного от насущных проблем объективной социальной и природной реальности. Опыт современного потребителя продуктов цифровой культуры — это, конечно, опыт, причем соответствующий опыту массы других потребителей, — но это опыт, который в существенной мере можно считать «иллюзорным» [Баева Л.В. и др., 2020, с. 127]. Проблема же состоит в том, что в современных условиях приходится констатировать существенное *ослабление взаимосвязи обыденного сознания с научным теоретическим мышлением* — элементы научно-теоретического сознания не находят значимого отклика в обыденном сознании, носители которого остаются безразличными к результатам теоретической работы ученых. Напротив, в современных условиях, похоже, *усиливается связь обыденного сознания с иллюзорным теоретизированием* [Иоселиани А.Д., Зарубина П.Д., 2021, с. 53]. По-видимому, именно эти элементы обыденного сознания активизируют друг друга по принципу «положительной обратной связи». Полагаем, что развитие цифровых технологий могло бы способствовать возникновению всеобщего интеллекта, всеобщего труда, заложив основы для преодоления деформации отношения между обыденным и теоретическим сознанием, однако в условиях товарно-рыночных отношений цифровизация, как свидетельствуют факты, пока выступает скорее как сдерживающий и углубляющий кризисные тенденции фактор.

И, наконец, в-четвертых. Материалистическое понимание общества и его истории является важным источником концепции А.П. Сегала. С позиций этой же концепции очевидно, что в конечном счете именно кризисное состояние общественного бытия провоцирует кризисное состояние общественного сознания в целом, приводит к кризисным тенденциям в *обыденном сознании, в теоретическом сознании и к деформациям их взаимодействия*. Однако остается непонятным, посредством *каких конкретно механизмов* кризис общественного бытия приводит к деградации обыденного сознания, с одной стороны, и к развитию иллюзорного теоретизирования, к потере «онаучивающего» действия теоретического сознания на обыденное — с другой. Это предстоит выяснить, продолжив исследование.

Заключение

В свете вышесказанного возникает необходимость в ходе дальнейшего исследования решить

следующие задачи: 1) раскрыть сущность обыденного сознания, теоретического сознания и диалектику их отношения с методологических позиций современного материализма; 2) исследовать успехи и неудачи попыток целенаправленного онаучивания обыденного сознания в различных общественных условиях; 3) выявить конкретные проявления деформирующего влияния на взаимодействие обыденного и теоретического сознания в условиях цифровизации, установить его причины и наметить пути его преодоления; 4) в целом, выделить конкретные механизмы, посредством которых кризис общественного бытия способствует размыванию рациональных моментов обыденного сознания, укреплению иллюзорного теоретизирования и утрате конструктивного взаимодействия обыденного и научно-теоретического сознания;

Такое исследование представляется нам важным и актуальным для дальнейшего развития социальной философии.

Список литературы

Абрамов Р.Н., Кожанов А.А. Концептуализация феномена Popular Science: модели взаимодействия науки, общества и медиа // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6, № 2. С. 45–59.

Баева Л.В., Касавина Н.А., Федюлина Е.В., Лопатинская Т.Д. «Бытие-в-мире» электронной культуры / под общ. ред. Л.В. Баевой; Астраханский гос. ун-т. СПб.: Реноме, 2020. 192 с.

Берман Г.Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М.: Ad Marginem, 1999. 431 с.

Григорьев Л.М., Павлюшина В.А., Музыченко Е.Э. Падение в мировую рецессию 2020... // Вопросы экономики. 2020. № 5. С. 5–24. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-5-5-24>

Ермакова Е.В. Взаимодействие обыденного и теоретического уровней общественного сознания: дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород, 1994. 165 с.

Иоселиани А.Д., Зарубина П.Д. Социальное поведение людей в пандемию COVID-19 // Манускрипт. 2021. Т. 14, № 6. С. 1151–1155. DOI: <https://doi.org/10.30853/mns210203>

Касавин И.Т. К демаркации науки и теологии проблеме генезиса науки // Проблема демаркации науки и теологии: современный взгляд / отв. ред. И.Т. Касавин и др. М.: ИФ РАН, 2008. С. 9–24.

Кастру Э.В. де. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 200 с.

Мартин Г.-П., Шуман Х. Западная глобализация: Атака на процветание и демократию / пер. с нем. Г.Р. Контарева. М: Альпина, 2001. 336 с.

Маховиков А.Е. Социально-философский анализ

соотношения обыденного и теоретического в иллюзорных формах общественного сознания: на примере религиозного сознания: дис. ... канд. филос. наук. Казань, 1990. 184 с.

Мейсон П. Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 480 с.

Мусаелян Л.А. Исторический процесс и глобализация / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2016. 128 с.

Найдыш О.В. Обыденное сознание и мифотворчество: дис. ... канд. филос. наук. М., 2011. 192 с.

Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН. 2010. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/page/about> (дата обращения: 12.08.2021).

Перлов А.М. История науки: Введение в методологию гуманитарного знания. М.: URSS: Ленанд, 2016. 280 с.

Сегал А.П. Проблематика социального проектирования в свете обыденных представлений об историческом (социальном) времени // Искусственные общества. 2020. Т. 15, вып. 3. URL:

<https://artsoc.jes.su/s207751800010977-3-1/> (дата обращения: 12.08.2021). DOI:

<https://doi.org/10.18254/s207751800010977-3>

Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ: Хранитель, 2007. 413 с.

Чень В., Мрkach М., Набар М. Долгосрочные последствия: восстановление мировой экономики спустя десять лет после кризиса / ImfBlog. 2018 3 окт. URL:

<https://www.imf.org/external/russian/np/blog/2018/100318r.pdf> (дата обращения: 12.08.2021).

Шарков А.В. Проблема социальных функций современного государства: философский анализ // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 1. С. 44–54. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-1-44-54>

Bloem J.R., Salemi C. COVID-19 and conflict // World Development. 2021. Vol. 140. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7657608/pdf/main.pdf> (дата обращения: 15.08.2021). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105294>

Forgan D.H. Solving Fermi's Paradox. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 413 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781316681510>

Ghose A., Majid N., Ernst C. The Global Employment Challenge. Geneva: International Labour Office, 2008. 290 p.

Получена: 01.08.2021. Принята к публикации: 02.09.2021

References

Abramov, R.N. and Kozhanov, A.A. (2015). [Popular science conceptual analysis: models of science, society and media communications]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of Science and Technology]. Vol. 6, no. 2. pp. 45–59.

Baeva, L.V., Kasavina, N.A., Fedyulina, E.V. and Lopatinskaya, T.D. (2020). «Bytie-v-mire» elektronnoy kul'tury [«Being-in-the-world» of electronic culture]. Saint Petersburg: Renome Publ., 192 p.

Berman, H.J. (1999). *Vera i zakon: primirenje prava i religii* [Faith and order: the reconciliation of law and religion]. Moscow: Ad Marginem Publ., 431 p.

Bloem, J.R. and Salemi, C. (2021). COVID-19 and conflict. *World Development*. Vol. 140. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7657608/pdf/main.pdf> (accessed: 15.08.2021). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105294>

Castro, E.V. de (2017). *Kannibal'skie metafiziki. Rubezhi poststrukturnoy antropologii* [Cannibal metaphysics. For a post-structural anthropology]. Moscow: Ad Marginem Publ., 200 p.

Chen, W., Mrkaic, M. and Nabar, M. (2018). *Dolgosrochnyye posledstviya: vosstanovleniye mirovoy ekonomiki spustya desyat' let posle krizisa* [Long-term effects: global economic recovery ten years after the crisis]. IMF Blog. Oct. 3. Available at: <https://www.imf.org/external/russian/np/blog/2018/100318r.pdf> (accessed 12.08.2021).

Ermakova, E.V. (1994). *Vzaimodeystvie obydennogo i teoreticheskogo urovney obschestvennogo soznaniya: dis. ... kand. filos. nauk* [Interaction of everyday and theoretical levels of public consciousness: dissertation]. Nizhny Novgorod, 165 p.

Feyerabend, P. (2007). *Protiv metoda. Ocherk anarkhistskoy teorii poznaniya* [Against Method. Outline of an anarchistic theory of knowledge]. Moscow: AST Publ., Khranitel' Publ., 413 p.

Forgan, D.H. (2019). *Solving Fermi's paradox*. Cambridge: Cambridge University Press, 413 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781316681510>

Ghose, A., Majid, N. and Ernst, C. (2008). *The global employment challenge*. Geneva: International Labour Office Publ., 290 p.

Grigor'ev, L.M., Pavlyushina, V.A. and Muzychenko, E.E. (2020). [The fall into 2020 recession]. *Voprosy Ekonomiki*. No. 5, pp. 5–24. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-5-5-24>

Ioseliani, A.D. and Zarubina, P.D. (2021). [Pandemic as social evil that brought about solidarity, humanness and development]. *Manuskript* [Manuscript]. Vol. 14, no. 6, pp. 1151–1155. DOI: <https://doi.org/10.30853/mns210203>

Kasavin, I.T. (2008). [On the demarcation of science and theology the problem of the genesis of science].

Problema demarkatsii nauki i teologii: sovremenniy vzglyad [The problem of demarcation of science and theology: a modern view]. Moscow: IP RAS Publ., pp. 9–24.

Makhovikov, A.E. (1990). *Sotsial'no-filosofskiy analiz sootnosheniya obydennogo i teoreticheskogo v illyuzornykh formakh obschestvennogo soznaniya: na primere religioznogo soznaniya: dis. ... kand. filos. nauk* [Socio-philosophical analysis of the correlation of the ordinary and theoretical in illusory forms of social consciousness: on the example of religious consciousness: dissertation]. Kazan, 184 p.

Martin H.-P. and Schumann, H. (2001). *Zapadnaya globalizatsiya: Ataka na protsvetanie i demokratiyu* [Western globalization: an attack on prosperity and democracy]. Moscow: Al'pina Publ., 336 p.

Mason, P. (2016). *Postkapitalizm. Putevoditel' po nashemu buduschemu* [Post-capitalism. A guide to our future]. Moscow: Ad Marginem Publ., 480 p.

Musaelyan, L.A. (2016). *Istoricheskiy protsess i globalizatsiya* [The historical process and globalization]. Perm: PSU Publ., 128 p.

Naydysh, O.V. (2011). *Obydennoe soznanie i mifotvorchestvo: dis. ... kand. filos. nauk* [Ordinary consciousness and myth-making: dissertation]. Moscow, 192 p.

Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t. [The New philosophical encyclopedia: in 4 volumes]. Available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/page/about> (accessed: 12.08.2021).

Perlov, A.M. (2016). *Istoriya nauki: Vvedenie v metodologiyu gumanitarnogo znaniya* [History of science: an introduction to the methodology of humanitarian knowledge]. Moscow: URSS Publ., Lenand Publ., 280 p.

Segal, A.P. (2020). [The problem of social design in the light of everyday ideas about historical (social) time]. *Iskusstvennye obschestva* [Artificial Societies]. Vol. 15, iss. 3. Available at:

<https://artsoc.jes.su/s207751800010977-3-1/> (accessed 12.08.2021). DOI: <https://doi.org/10.18254/s207751800010977-3>

Sharkov, A.V. (2019). [The problem of social functions of the modern state: philosophical analysis]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 1, pp. 44–54. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-1-44-54>

Received: 01.08.2021. Accepted: 02.09.2021

Об авторе

Сухогузов Михаил Николаевич

аспирант кафедры философии

Пермский государственный национальный

исследовательский университет,

614990, Пермь, ул. Букирева, 15;

e-mail: 6509ms@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4793-556X>

ResearcherID: AAY-9130-2021

About the author

Mikhail N. Sukhoguzov

Postgraduate Student of the Department of Philosophy

Perm State University,

15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;

e-mail: 6509ms@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4793-556X>

ResearcherID: AAY-9130-2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Сухогузов М.Н. Обыденное и теоретическое сознание в контексте кризиса человеческой сущности: постановка проблемы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 445–453.

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-445-453

For citation:

Sukhoguzov M.N. [Everyday and theoretical consciousness in the context of the crisis of human essence: problem statement]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 3, pp. 445–453 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-445-453

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-454-465

**ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЮНОШЕЙ
С САМОПОВРЕЖДАЮЩИМ ПОВЕДЕНИЕМ
И С СУБКЛИНИЧЕСКОЙ ДЕПРЕССИЕЙ***Кузнецова Светлана Олеговна, Такмакова Марина Валерьевна**Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)*

Представлены результаты проведенного эмпирического исследования, посвященного изучению специфики личностных особенностей юношей с самоповреждающим поведением и субклинической депрессией. Актуальность данной проблематики обуславливается высокой частотой случаев реализации самоповреждающего поведения. В качестве общей гипотезы исследования принималось утверждение, что существуют значимые различия в выраженности личностных особенностей у юношей с субклинической депрессией, имеющих в анамнезе самоповреждающее поведение, в отличие от юношей с субклинической депрессией без самоповреждения, а также от испытуемых без депрессивной симптоматики и самоповреждения. Выборку исследования составили 169 юношей в возрасте от 18 до 22 лет (средний возраст — 19,2). Используются методы тестирования, опроса, субъективного шкалирования, статистического анализа. В группе испытуемых с субклинической депрессией и с самоповреждением отмечаются низкая самооценка, высокие показатели ситуативной тревожности, личностной тревожности, конфликтности, невротичности, спонтанной агрессивности, раздражительности и эмоциональной лабильности. У юношей с субклинической депрессией и с самоповреждением отмечаются низкие показатели самооценности, самопринятия, самопривязанности, зеркального Я и общительности, чем у испытуемых с субклинической депрессией и без самоповреждения. Выявлена положительная корреляция между выраженностью самоповреждения и ситуативной агрессивностью, конфликтностью, самообвинением, невротичностью, спонтанной агрессивностью, депрессивностью, низкой самооценкой; также отрицательная корреляция между выраженностью самоповреждения и самооценностью, самопринятием, самопривязанностью и зеркальным Я. Существует положительная корреляция депрессии с цинизмом, враждебностью, агрессивностью, тревожностью, конфликтностью, раздражительностью и низкой самооценкой и отрицательная корреляция депрессии с общительностью и открытостью.

Ключевые слова: самоповреждающее поведение, личностные особенности, юношеский возраст, несуицидальное самоповреждение, субклиническая депрессия.

**PERSONAL TRAITS OF YOUNG MEN WITH SELF-INJURIOUS BEHAVIOR
AND WITH SUBCLINICAL DEPRESSION***Svetlana O. Kuznetsova, Marina V. Takmakova**Russian Presidential academy of national economy and public administration (Moscow)*

The article presents the results of empirical research studying the personal characteristics of young men with self-injurious behavior and subclinical depression. Relevance of this topic is conditioned by the frequency of self-injurious behavior. A general hypothesis of the study was the statement that there are significant differences in the intensity of personality traits in young men with subclinical depression who have a history of self-injurious behavior as opposed to young men with subclinical depression but without self-injurious behavior,

and also opposed to the test audience without the symptoms of depression and self-harm. The survey sample consisted of 169 young men aged from 18 to 22 years (average age — 19.2). We applied the methods of testing, polling, subjective scaling, statistical analysis. In the group with subclinical depression and self-harm were noted low self-esteem, high levels of situational anxiety, personal anxiety, proneness to conflict, neuroticism, spontaneous aggressiveness, irritability, and emotional lability. Young men from this group demonstrated lower rates of inherent worth, self-acceptance, self-attachment, mirror self, and sociability than those with subclinical depression but without self-harm. A positive correlation was revealed between the severity of self-harm and situational aggressiveness, proneness to conflict, self-accusation, neuroticism, spontaneous aggressiveness, depression, low self-esteem; a negative correlation was found between the severity of self-harm and inherent worth, self-acceptance, self-attachment and the mirror self. There is a positive correlation between depression and cynicism, hostility, aggressiveness, anxiety, proneness to conflict, irritability, and low self-esteem, and a negative correlation between depression and sociability and openness.

Keywords: self-injurious behavior, personality traits, the youth, non-suicidal self-injury, subclinical depression.

Введение

Проблема изучения психологических механизмов самоповреждающего поведения является актуальной научно-практической задачей. Актуальность данной проблематики детерминирована частотой случаев реализации самоповреждающего поведения. Растет и число клинических и субклинических депрессий, протекающих с явлениями аутоагрессии, что проявляется как истинными суицидальными попытками, так и несмертельными формами самоповреждающего поведения.

В современных условиях, обусловленных пандемией и самоизоляцией, количество агрессивного и аутоагрессивного поведения растет, а показатели тревожности и депрессии в популяционной выборке повышаются [Алехин А.Н., Дубинина Е.А., 2020; Бойко О.М. и др., 2020; Qiu J. et al., 2020; Yao H. et al., 2020].

Самоповреждение обычно определяется как намеренное причинение физического ущерба собственному телу без суицидальных намерений, но тем не менее может привести к смерти. Самыми распространенными формами самоповреждения являются нанесение себе порезов, ожогов, ран, проколов, щипание, втыкание в себя иголок и т.п. Феномен самоповреждения приравнивается исследователями к деструктивному аутоагрессивному поведению, выражающемуся в прямой или косвенной форме, приводящему к различной степени тяжести повреждений, вплоть до непреднамеренного суицида (тяжелая форма самоповреждения).

Следует отметить, что исследование психологических особенностей людей, совершающих акты самоповреждения, имеет важное значение, поскольку именно этот контингент пациентов часто совершает суицидальные попытки [Крылова Е.С. и др., 2019; Gratz K.L., Roemer L., 2008; Hooley J.M. et al., 2010; Eric A.P. et al., 2017]. Во

многих исследованиях несуйцидальные самоповреждения выступают в качестве предикторов суицидального риска [Вайт Т., 2017; Холмогорова А.Б., 2016; Muehlenkamp J.J., 2005]. В работе Дж. Купера с соавт. [Cooper J. et al., 2005] подчеркивается, что самый высокий риск суицида — в первые 6 месяцев после эпизода самоповреждающего поведения, но этот риск сохраняется в течение многих десятилетий. При этом среди факторов риска собственно самоповреждающего поведения выделяются: наличие психической патологии, в том числе депрессивной симптоматики [Бойко О.М. и др., 2019; Крылова Е.С. и др., 2019] наличие суицидальных идей, снижение самооценки, неудовлетворенность собственным телом [Jollant F. et al., 2010], чувство безнадежности, уровень дистресса, отсутствие социальной поддержки, нарушение эмоциональной регуляции [Шустов Д.И., 2004]. Почти все эти факторы в той или иной степени выражены при депрессивных состояниях. Однако далеко не все больные с клинической и субклинической депрессией совершают акты самоповреждения.

Человека, особенно современного, непросто отделить от его непосредственного окружения — родных, близких, друзей, социального окружения и трудового коллектива и в целом от общества. Самоповреждающее поведение представляет собой результат динамического и комплексного взаимодействия биологических, психологических и социокультурных факторов. Удельный вес факторов может изменяться при различных видах самоповреждающего поведения. С течением времени вклад личностных факторов может возрастать, закрепляя определенный паттерн поведения как привычку, в некоторых случаях превращая ее в зависимость, что приводит к усилению и биологической компоненты в поведении.

Для современных исследователей самоповреждающее поведение представляет собой группу

феноменов поведения как клинического, так и доклинического уровней, указывающих на психологические проблемы, связанные с определенными личностными характеристиками: Я-концепцией, тревожностью, враждебностью и нейротизмом [Абрамова А.А. и др., 2018; Ениколопов С.Н. и др., 2018; Крылова Е.С. и др., 2019; Ласовская Т.Ю., 2011; Польская Н.А., 2014, 2016, 2017].

Исследования по различным аспектам несуйцидального самоповреждающего поведения показывают, что в клинической практике 87,6 % подростков и юношей, имеющие проявления несуйцидального самоповреждающего поведения, имеют психические расстройства, а порезы являются наиболее распространенным методом. Несмотря на то что психические диагнозы не редки у лиц, у которых наблюдается самоповреждающее поведение, наличие самоповреждения не подразумевает наличия какого-либо конкретного диагноза. Многочисленные исследования подтверждают, что лица, занимающиеся самоповреждениями, диагностически неоднородны и могут испытывать целый ряд психологических расстройств [Реан А.А., 1991; Стуклов К.А., 2014; Хоменко Н.В., 2017].

В клинической литературе представлены исследования преднамеренного несуйцидального самоповреждения преимущественно у пациентов с расстройствами личности и в меньшей степени у больных с расстройствами шизофренического спектра, органическими психическими нарушениями, алкоголизмом, наркоманиями и депрессией [Ениколопов С.Н. и др., 2018; Медведева Т.И. и др., 2016; Польская Н.А., 2011, 2012; Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н., 2013; Шустов Д.И., 2004]. В ряде клинко-психологических исследований сообщалось о связи между уровнем выраженности депрессии и самоповреждением, так повышенные уровни депрессии часто выявляют у лиц с самоповреждением [Ениколопов С.Н. и др., 2018; Змановская Е.В., 2008]. При этом, в других работах показано, что депрессия встречается у пациентов с самоповреждением не чаще, чем у пациентов без самоповреждения [Бойко О.М. и др., 2019; Казьмина О.Ю. и др., 2014]. Современные психологические исследования личностных особенностей людей с самоповреждением прежде всего затрагивают поведенческие расстройства, неформальную социализацию, суйцидальные риски [Вайт Т., 2017; Польская Н.А., 2012, 2017; Холмогорова А.Б., 2016; Чистопольская К.А. и др., 2013]. В целом, проблема взаимосвязи депрессии и самоповреждаю-

щего поведения, а также личностные особенности лиц с самоповреждающим поведением при субклинической депрессии остаются на сегодняшний день недостаточно изученными, а проведенные исследования дают противоречивые результаты.

Цель нашего исследования состояла в изучении специфики личностных особенностей юношей с самоповреждающим поведением и субклинической депрессией. В качестве общей гипотезы принималось утверждение, что существуют значимые различия в выраженности личностных особенностей у юношей с субклинической депрессией, имеющих в анамнезе самоповреждающее поведение, в отличие от юношей с субклинической депрессией без самоповреждения, а также от испытуемых без депрессивной симптоматики и самоповреждения. Частная гипотеза — в группе юношей с субклинической депрессией и с самоповреждением выше показатели ситуативной тревожности, самообвинения, конфликтности, невротичности, агрессивности, ниже самооценка, самоценность и самопринятие, по сравнению с юношами с субклинической депрессией и без самоповреждения, а также с испытуемыми юношами без депрессивной симптоматики и без самоповреждения.

Процедура и методы

Данное исследование проводилось с декабря 2019 г. по сентябрь 2020 г. Выборка состояла из студентов 1–4 курсов факультета государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». Всего в данном исследовании приняли участие 169 юношей в возрасте от 18 до 22 лет (средний возраст — 19,2) среднего социального статуса, которые не страдали психическими и неврологическими расстройствами, не обращались к психиатрам, а также отрицали у себя наличие каких-либо других хронических заболеваний.

Предварительно все испытуемые заполняли опросники на депрессию (шкала депрессии А. Бека) и самоповреждающее поведение (шкала причин самоповреждающего поведения Н.А. Польской). По результатам данной диагностики вся когорта испытуемых была разделена на 3 группы: 1) группа без депрессии и без самоповреждающего поведения (91 чел.); 2) группа с субклиническим уровнем депрессии и наличием самоповреждающего поведения (34 чел.);

3) группа с субклиническим уровнем депрессии и отсутствием самоповреждающего поведения (44 чел.). Кроме этого, при анализе полученных данных 2-ю и 3-ю группы мы объединили в субклиническую группу (78 чел.) и 1 группу обозначили как контрольную (91 чел.) для того, чтобы выявить личностные особенности, связанные именно с депрессивным состоянием.

Батарейю методик, применявшуюся в нашем исследовании, составили:

1. Опросник «Шкала причин самоповреждающего поведения» Н.А. Польской. Опросник включает в себя 3 блока: 1) блок «акты самоповреждения»; 2) блок «время самоповреждения»; 3) блок «причины самоповреждения». Структурно шкала самоповреждающее поведение представляет собой 12 шкал: «порезы режущими предметами», «уколы или проколы кожи острыми предметами», «самоожоги», «удары по собственному телу», «удары кулаком, ногой, головой или корпусом тела по твердым поверхностям», «выдергивание волос», «расчесывание кожи», «обкусывание ногтей», «сковыривание болячек для того, чтобы обеспечить их продолжительное заживление», «кусание губ» и «прикусывание щек или языка».

2. Шкала депрессии А. Бека включает в себя 21 категорию симптомов и жалоб. Каждая категория состоит из 4–5 утверждений, соответствующих специфическим проявлениям/симптомам депрессии. Эти утверждения ранжированы по мере увеличения удельного вклада симптома в общую степень тяжести депрессии. Показатель по каждой категории рассчитывается следующим образом: каждый пункт шкалы оценивается от 0 до 3 в соответствии с нарастанием тяжести симптома. Суммарный балл составляет от 0 до 63 и снижается в соответствии с улучшением состояния: 0–9 баллов — отсутствие депрессивных симптомов, 10–15 баллов — легкая депрессия (субдепрессия), 16–19 баллов — умеренная депрессия, 20–29 баллов — выраженная депрессия (средней тяжести), 30–63 балла — тяжелая депрессия.

3. Тест-опросник «Определение уровня самооценки» С.В. Ковалева. Данная методика предназначена для определения уровня самооценки личности и состоит из 32 утверждений, к которым необходимо выразить свое отношение предложенными вариантами ответов. Обработка результатов проводится путем суммирования баллов по предложенным утверждениям: 0–25 баллов — высокий уровень самооценки, 26–45 баллов —

средний уровень самооценки, 46–128 баллов — низкий уровень самооценки.

4. Методика исследования самоотношения С.Р. Пантелеева (МИС) содержит 110 утверждений, распределенных по 9 шкалам. Методика предназначена для углубленного изучения сферы самосознания личности, включающей различные (когнитивные, динамические, интегральные) аспекты. Интерпретация показателей осуществляется в зависимости от их выраженности. При этом значения 1–3 шкалы условно считаются низкими, 4–7 — средними, 8–19 — высокими. Шкалы данной методики: «Закрытость», «Самоуверенность», «Саморуководство», «Отраженное самоотношение», «Самоценность», «Самопринятие», «Самобвинение», «Самопривязанность» и «Внутренняя конфликтность».

5. Фрайбургский многофакторный личностный опросник (FPI, адаптация А.А. Крылова) предназначен для диагностики состояний и свойств личности, которые имеют первостепенное значение для процесса социальной адаптации и регуляции поведения. Опросник FPI содержит 12 шкал, диагностирующих невротичность, спонтанную агрессивность, депрессивность, раздражительность, общительность, уравновешенность, реактивную агрессивность, застенчивость, открытость, экстраверсию-интроверсию, эмоциональную лабильность, маскулинность-феминность. Опросник FPI предназначен для лиц в возрасте от 16 лет и старше. Общее количество вопросов в опроснике — 114 (форма В). К низким относятся оценки в диапазоне 1–3 балла, к средним — 4–6 баллов, к высоким — 7–9 баллов.

6. Шкала враждебности Кука-Медли (адаптирована Л.Н. Собчик). Опросник состоит из 27 утверждений, на которые испытуемый должен дать ответы по 6-балльной шкале Ликкерта. Содержательная интерпретация шкал: 1) шкала цинизма: 65 баллов и выше — высокий показатель, 25–65 баллов — средний показатель, 25 баллов и меньше — низкий показатель; 2) шкала агрессивности: 45 баллов и выше — высокий показатель, 15–45 баллов — средний показатель, 15 баллов и меньше — низкий показатель; 3) шкала враждебности: 25 баллов и больше — высокий показатель; 10–25 баллов — средний показатель, 10 баллов и меньше — низкий показатель.

7. Шкала тревоги Ч. Спилбергера является информативным способом самооценки уровня тревожности в данный момент (реактивная тревожность как состояние) и личностной тревожности (как устойчивая характеристика человека). На

русском языке его шкала была адаптирована Ю.Л. Ханиным. При интерпретации показателей используются следующие оценки тревожности: до 30 баллов — низкая, 31–44 балла — умеренная; 45 и более — высокая.

Статистическая обработка результатов производилась с помощью компьютерной программы SPSS, версия 2. Оценка значимости межгрупповых различий осуществлялась с помощью критерия Манна–Уитни, критерий Колмогорова–Смирнова использовался для проверки нормальности распределения выборки. Для определения меры связи между отдельными показателями подсчитывался коэффициент корреляции Спирмена.

Результаты и их обсуждение

В результате проведенного исследования нами были получены следующие данные. Сравнимые показатели личностных особенностей в контрольной группе и субклинической группе представлены в табл. 1.

Как видно из табл. 1, между контрольной и субклинической группами достаточно много различий по структурным компонентам Я-концепции и личностным характеристикам. Так, в субклинической группе статистически значимо выше показатели по таким шкалам, как: депрессия, цинизм, агрессивность, конфликтность, самообвинение, невротичность, спонтанная агрес-

сивность, самоповреждающее поведение, враждебность, ситуативная и личностная тревожность, эмоциональная лабильность, депрессивность, раздражительность, невротичность, по сравнению с контрольной группой. Причем показатели по таким шкалам, как: самооценка, зеркальное Я, самооценочность, самопринятие, самопривязанность, общительность, в субклинической группе значимо ниже, чем в контрольной. Полученные результаты согласуются также с результатами исследований Н.А. Польской, А.А. Абрамовой [Абрамова А.А. и др., 2018; Польская Н.А., 2011, 2017]. Предикторами самоповреждающего поведения одновременно являются раздражительность, невротичность и депрессивность, что вписывается в представления о нейротизме как личностной черте, сочетающей тревожность, высокую эмоциональную восприимчивость и раздражительность и обуславливающей неспособность личности управлять негативными эмоциями, чрезмерность, неконтролируемость негативных эмоциональных реакций [Польская Н.А., 2011]. Таким образом, полученные данные подтверждаются клинико-психологические исследованиями, в которых рассматривается враждебность и личностная агрессивность в качестве нозонеспецифических факторов психической патологии, как психологический показатель индивидуальной уязвимости к психическим расстройствам [Абрамова А.А. и др., 2018].

Таблица 1. Значимые различия в субклинической и контрольной группах по шкалам опросников (критерий Манна–Уитни)

Table 1. Significant differences in the subclinical and control groups on questionnaire scales (Mann–Whitney test)

Шкала	U	p
Низкая самооценка	2424,5	< 0,001
Самоповреждающее поведение	1133,5	< 0,001
Депрессия	1505	< 0,001
Цинизм	144,5	< 0,001
Враждебность	152,5	< 0,001
Агрессивность	236,5	< 0,001
Ситуативная тревожность	2084	< 0,001
Личностная тревожность	1857	< 0,001
Самоуверенность	2049,5	< 0,001
Зеркальное Я	2168	< 0,001
Самоценность	1813	< 0,001
Самопринятие	2331	< 0,05
Самопривязанность	1964	< 0,001
Конфликтность	2066	< 0,001
Невротичность	1999	< 0,001
Спонтанная агрессивность	2079,5	< 0,001
Депрессивность	1785,5	< 0,001
Раздражительность	1804	< 0,001
Общительность	2336,5	< 0,001
Эмоциональная лабильность	2337	< 0,001

Сравниваемые показатели личностных особенностей в группе с самоповреждением и с субклинической депрессией с таковыми группы испытываемых без самоповреждения и с субклинической депрессией представлены в табл. 2 и 3.

цемых без самоповреждения и с субклинической депрессией представлены в табл. 2 и 3.

Таблица 2. Значимые различия в субклинических группах с самоповреждением и без самоповреждения по шкалам опросников (критерий Манна–Уитни)

Table 2. Significant differences in subclinical groups with and without self-harm on questionnaire scales (Mann–Whitney test)

Шкала	U	p
Уровень самооценки	347,5	< 0,0001
Личностная тревожность	522	0,02
Ситуативная тревожность	23	< 0,0001
Самоуверенность	26	< 0,001
Самоценность	114	< 0,001
Самопринятие	98	< 0,001
Зеркальное Я	334,5	< 0,0001
Самопривязанность	112	< 0,0001
Конфликтность	185	< 0,0001
Невротичность	27	< 0,0001
Спонтанная агрессивность	50	< 0,0001
Раздражительность	29,5	< 0,0001
Общительность	524,5	0,02
Эмоциональная лабильность	343	< 0,001

Таблица 3. Описательная статистика показателей опросников у испытуемых с субклинической депрессией с самоповреждением и без самоповреждения

Table 3. Descriptive statistics of questionnaire scores in subjects with subclinical depression with and without self-harm

Шкала	Субклиническая группа с самоповреждением		Субклиническая группа без самоповреждения	
	Среднее	SD	Среднее	SD
Низкая самооценка	72,55	32,68	43,47	27,59
Личностная тревожность	38,32	5,72	34,22	7,56
Ситуативная тревожность	62,39	11,66	33,32	5,55
Самоуверенность	1,63	1,24	6,13	1,82
Самоценность	2,57	1,54	6,28	2,35
Самопринятие	2,95	1,43	6,6	1,86
Зеркальное Я	3,84	5,85	1,7	1,94
Самопривязанность	2,39	6,03	1,38	2,24
Конфликтность	6,47	1,35	4,15	1,35
Невротичность	7,44	0,98	4,53	1,15
Спонтанная агрессивность	7,16	1,01	4,08	1,4
Раздражительность	7,37	1,05	4,78	0,62
Общительность	2,76	1,08	3,47	1,26
Эмоциональная лабильность	6,29	1,83	4,95	0,88

Согласно результатам, представленным в табл. 3, в группе испытуемых с субклинической депрессией и с самоповреждением отмечаются низкая самооценка, ситуативная тревожность, личностная тревожность, конфликтность, невротичность, спонтанная агрессивность, раздражительность и эмоциональная лабильность, что согласуется с данными, полученными на клинической выборке [Бойко О.М. и др., 2019; Ениколопов С.Н.

и др., 2018]. Полученные нами результаты согласуются и с данными Т.И. Медведевой с соавт., в которых показано, что у больных с самоповреждением значимо больше выражено чувство вины и самоуничужения, по сравнению с больными без самоповреждения [Медведева Т.И. и др., 2016].

При этом показатели по таким шкалам, как: самооценочность, самопринятие, самопривязанность, зеркальное Я и общительность, статистически зна-

чимо ниже, чем в группе испытуемых с субклинической депрессией и без самоповреждения. Следует отметить, что данные группы значимо ($p = 0,41$) не различались по шкале депрессии Бека. Исходя из полученных данных, можно выделить личностные особенности, которые характерны именно для лиц с самоповреждением: невротичность, кон-

фликтность, спонтанная агрессивность, низкая самооценочность и низкое самопринятие.

Результаты корреляционного анализа между выраженностью самоповреждающего поведения и личностными характеристиками, самооценкой и самоотношением представлены в табл. 4.

Таблица 4. Результаты корреляционного анализа (по Спирмену, $p < 0,05$)

Table 4. Correlation analysis results (Spearman, $p < 0,05$)

Шкала	Общий показатель самоповреждения
Ситуативная агрессивность	0,621
Зеркальное Я	- 0, 439
Самоценность	- 0, 492
Самопринятие	-0,457
Самопривязанность	-0, 536
Конфликтность	0,318
Самообвинение	0,164
Невротичность	0,514
Спонтанная агрессивность	0,509
Депрессивность	0,493
Низкая самооценка	0,447

Согласно результатам корреляционного анализа, представленного в табл. 4, следует отметить статистически значимую положительную связь между выраженностью самоповреждения и ситуативной агрессивностью, конфликтностью, самообвинением, невротичностью, спонтанной агрессивностью, депрессивностью, низкой самооценкой. Кроме того, очевидна статистически значимая отрицательная связь между выраженностью самоповреждения и самооценностью, самопринятием, самопривязанностью и зеркальным Я. По-

лученные нами результаты согласуются с данными Н.А. Польской, по мнению которой всякое самоповреждение страдает от ситуативной самооценки [Польская Н.А., 2012, 2016]. Рассматривая личностный уровень самоотношения, необходимо понимать, что на изменения потребуется больше времени.

Результаты корреляционного анализа между уровнем депрессии и личностными характеристиками, самооценкой и самоотношением представлены в табл. 5.

Таблица 5. Результаты корреляционного анализа между уровнем депрессии и личностными особенностями (по Спирмену, $p < 0,005$)

Table 5. The results of correlation analysis between the level of depression and personality traits (Spearman, $p < 0,005$)

Шкала	Депрессия
Низкая самооценка	0, 504
Цинизм	0,837
Враждебность	0,725
Агрессивность	0,787
Ситуативная тревожность	0,374
Личностная тревожность	0,449
Конфликтность	0,54
Депрессивность	0,632
Раздражительность	0,674
Общительность	-0,288
Открытость	-0,245

Как видно из табл. 5, существует статистически значимая положительная связь депрессии с цинизмом, враждебностью, агрессивностью, тревожностью, конфликтностью, раздражительностью и низкой самооценкой. При этом отмечается статистически значимая отрицательная корреляция депрессии с общительностью и открытостью. Наши данные согласуются с результатами Н.А. Польской, которая отмечает: «При любых самоповреждениях страдает ситуативная самооценка (внешний, наиболее пластичный, поведенческий уровень). Когда речь идет о личностном уровне — уровне самоотношения, то здесь для изменений потребуется гораздо больше времени, так как диспозициональные характеристики обладают относительной устойчивостью и константностью. Слабость позитивных представлений о себе как о личности, способной вызвать уважение и самоуважение, недостаточность самопринятия связаны с готовностью осуществлять наиболее радикальные самоповреждения с использованием каких-либо инструментов» [Польская Н.А., 2011, с. 274]. Недостаточность уровня самопринятия и низкие показатели самооценки взаимоскоррелированы с усилением частоты самоповреждающего поведения. Таким образом, обнаруживается взаимосвязь самоповреждающего поведения со структурными компонентами Я-концепции.

Результаты корреляционного анализа между уровнем депрессии и самоповреждением выражаются в следующем: существует статистически значимая положительная корреляция между депрессией и самоповреждением. Это согласуется с клинико-психологическими исследованиями, в которых показано, что в группе больных с самоповреждениями более выражены клинические симптомы [Ениколопов С.Н. и др., 2018; Медведева Т.И. и др., 2016].

В заключение следует отметить, что требуются дальнейшие исследования в данной проблематике, так как результаты нашего исследования не позволяют раскрыть полностью вопрос о влиянии, характере взаимосвязи исследуемых феноменов, а лишь намечают путь дальнейшей исследовательской работы.

Выводы

В группе испытуемых с субклинической депрессией и с самоповреждением отмечаются низкая самооценка, ситуативная тревожность, личностная тревожность, конфликтность, невротичность, спонтанная агрессивность, раздражительность и эмоциональная лабильность, что согласуется с

данными, полученными на клинической выборке. При этом показатели по таким шкалам, как: самооценку, самопринятие, самопривязанность, зеркальное Я и общительность, оказались статистически значимо ниже, чем в группе испытуемых с субклинической депрессией и без самоповреждения.

Согласно результатам корреляционного анализа наблюдается статистически значимая положительная связь между выраженностью самоповреждения и ситуативной агрессивностью, конфликтностью, самообвинением, невротичностью, спонтанной агрессивностью, депрессивностью, низкой самооценкой.

Отмечается статистически значимая отрицательная связь между выраженностью самоповреждения и самооценностью, самопринятием, самопривязанностью и зеркальным Я.

Результаты корреляционного анализа между уровнем депрессии и личностными характеристиками, самооценкой и самоотношением показали, что существует статистически значимая положительная связь депрессии с цинизмом, враждебностью, агрессивностью, тревожностью, конфликтностью, раздражительностью и низкой самооценкой. Кроме того отмечается статистически значимая отрицательная корреляция депрессии с общительностью и открытостью.

На основании полученных данных можно сделать вывод о том, что гипотезы, предложенные в начале данного исследования, подтвердились.

Полученные результаты могут быть использованы для адекватного выбора лечебных, психокоррекционных и реабилитационных способов работы, для эффективного прогнозирования психотерапевтических воздействий и социальной реабилитации больных с депрессией с учетом их личностных особенностей.

Список литературы

- Абрамова А.А., Ениколопов С.Н., Ефремов А.Г., Кузнецова С.О. Аутоагрессивное несуйцидальное поведение как способ совладания с негативными эмоциями // Клиническая и специальная психология, 2018. Т. 7, № 2. С. 21–40. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpse.2018070202>
- Алехин А.Н., Дубинина Е.А. Пандемия: клинико-психологический аспект // Артериальная гипертензия. 2020; Т. 26, № 3. С. 312–316. DOI: <https://doi.org/10.18705/1607-419X-2020-26-3-312-316>
- Бойко О.М., Медведева Т.И., Ениколопов С.Н., Воронцова О.Ю., Казьмина О.Ю., Кузнецова С.О., Ефремов А.Г. Использование интернет-исследования (google-опроса) в изучении само-

повреждающего поведения // Медицинская психология в России. 2019. № 6(59). URL: http://mprj.ru/archiv_global/2019_6_59/nomer05.php (дата обращения: 24.05.2021).

Бойко О.М., Медведева Т.И., Ениколопов С.Н., Воронцова О.Ю., Казьмина О.Ю. Психологическое состояние в период пандемии COVID-19 и мишени психологической работы // Психологические исследования. 2020. Т. 13, № 70. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2020v13n70/1731-boйко70.html> (дата обращения: 24.05.2021).

Вайт Т. Работа с суицидальными личностями: Руководство к пониманию, оценке и поддержке. Киев: НВП «Интерсервіс», 2017. 366 с.

Ениколопов С.Н., Медведева Т.И., Казьмина О.Ю., Воронцова О.Ю. Моральные суждения и имплицитное отношение к смерти при суицидальном риске // Суицидология. 2018. Т. 9, № 1(30). С. 44–52.

Змановская Е.В. Девиантология: Психология отклоняющегося поведения. М.: Академия, 2008. 288 с.

Казьмина О.Ю., Медведева Т.И., Щелокова О.А., Каледа В.Г. Депрессии юношеского и молодого возраста: предикторы прогноза суицидального риска // Психиатрия. 2014. № 4(64). С. 11–20.

Крылова Е.С., Бебуришвили А.А., Каледа В.Г. Несуицидальные самоповреждения при расстройстве личности в юношеском возрасте и оценка их взаимосвязи с суицидальным поведением // Суицидология. 2019. Т. 10, № 1(34). С. 48–57. DOI: [https://doi.org/10.32878/suiciderus.19-10-01\(34\)-48-57](https://doi.org/10.32878/suiciderus.19-10-01(34)-48-57)

Ласовская Т.Ю. Самоповреждающее поведение у лиц с пограничным личностным расстройством (обзор литературы) // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2011. № 6(69). С. 58–61.

Медведева Т.И., Воронцова О.Ю., Ениколопов С.Н., Казьмина О.Ю. Нарушение принятия решений и суицидальная направленность // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 46. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n46/1257-medvedeva46.html> (дата обращения: 24.05.2021).

Польская Н.А. Акты самоповреждения в ритуальных практиках // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2011. Т. 11, вып. 3. С. 88–91.

Польская Н.А. Модели коррекции и профилактики самоповреждающего поведения // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24, № 3(92). С. 110–125. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240307>

Польская Н.А. Роль социальных факторов в развитии самоповреждающего поведения // Клиническая и специальная психология. 2012. № 2. С. 40–52.

Польская Н.А. Структура и функции самоповреждающего поведения // Психологический журнал. 2014. Т. 35, № 2. С. 45–56.

Польская Н.А. Феноменология и функции самоповреждающего поведения при нормативном и нарушенном психическом развитии: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2017. 423 с.

Реан А.А. Характерологические особенности подростков-делинквентов // Вопросы психологии. 1991. № 4. С. 139–144.

Стуклов К.А. Структура личности и самоповреждающее поведение // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. 2014. Т. 4, № 5. С. 630–631.

Холмогорова А.Б. Суицидальное поведение: теоретическая модель и практика помощи в когнитивно-бихевиоральной терапии // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24, № 3(92). С. 144–163. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240309>

Хоменко Н.В. Личность. Теории личности: учеб.-метод. пособие. Минск: БГМУ, 2017. 29 с.

Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н. Проблема отношения к смерти после суицидальной попытки // Медицинская психология в России. 2013. № 2(19). URL: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2013_2_19/nomer/nomer12.php (дата обращения: 24.05.2021).

Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н., Магурдимова Л.Г. Медико-психологические и социально-психологические концепции суицидального поведения // Суицидология. 2013. Т. 4, № 3(12). С. 26–36.

Шустов Д.И. Аутоагрессия, суицид и алкоголизм. М.: Когито-Центр, 2004. 214 с.

Cooper J., Kapur N., Webb R., Lawlor M., Guthrie E., Mackway-Jones K., Appleby L. Suicide after deliberate self-harm: a 4-year cohort study // American Journal of Psychiatry. 2005. Vol. 162, iss. 2. P. 297–303. DOI: <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.162.2.297>

Eric A.P., Eric I., Curkovic M., Dodig-Curkovic K., Kralik K., Kovac V., Filakovic P. The temperament and character traits in patients with major depressive disorder and bipolar affective disorder with and without suicide attempt // Psychiatria Danubina. 2017. Vol. 29, iss. 2. P. 171–178. DOI: <https://doi.org/10.24869/psyd.2017.171>

Gratz K.L., Roemer L. The relationship between emotion dysregulation and deliberate self-harm among female undergraduate students at an urban commuter university // Cognitive Behaviour Therapy. 2008. Vol. 37, iss. 1. P. 14–25. DOI: <https://doi.org/10.1080/16506070701819524>

Hooley J.M., Ho D.T., Slater J., Lockshin A. Pain perception and nonsuicidal self-injury: a laboratory investigation // Personality Disorders: Theory, Research, and Treatment. 2010. Vol. 1, iss. 3. P. 170–179. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0020106>

Jollant F., Lawrence N.S., Olie E., O'Daly O., Malafosse A., Courtet P., Phillips M.L. Decreased activation of lateral orbitofrontal cortex during risky choices under

uncertainty is associated with disadvantageous decision-making and suicidal behavior // *NeuroImage*. 2010. Vol. 51, iss. 3. P. 1275–1281. DOI:

<https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2010.03.027>

Muehlenkamp J.J. Self-injurious behavior as a separate clinical syndrome // *American Journal of Orthopsychiatry*. 2005. Vol. 75, iss. 2. P. 324–333. DOI:

<https://doi.org/10.1037/0002-9432.75.2.324>

Qiu J., Shen B., Zhao M., Wang Zh., Xie B., Xu Y. A nationwide survey of psychological distress among Chinese people in the COVID-19 epidemic: implications and policy recommendations // *General Psychiatry*. 2020. Vol. 33, iss. 2. URL:

<https://gpsych.bmj.com/content/33/2/e100213> (accessed: 24.05.2021). DOI:

<https://doi.org/10.1136/gpsych-2020-100213>

Yao H., Chen J.-H., Xu Y.-F. Patients with mental health disorders in the COVID-19 epidemic // *The Lancet Psychiatry*. 2020. Vol. 7, iss. 4. URL:

[https://www.thelancet.com/journals/lanpsy/article/PIIS2215-0366\(20\)30090-0/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lanpsy/article/PIIS2215-0366(20)30090-0/fulltext) (accessed: 24.05.2021).

DOI: [https://doi.org/10.1016/s2215-0366\(20\)30090-0](https://doi.org/10.1016/s2215-0366(20)30090-0)

Получена: 16.06.2021. Принята к публикации: 25.07.2021

References

Abramova, A.A., Enikolopov, S.N., Efremov, A.G. and Kuznetsova, S.O. (2018). [Autoaggressive non-suicidal behavior as the way of coping with negative emotions]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya* [Clinical Psychology and Special Education]. Vol. 7, no. 2, pp. 21–40. DOI:

<https://doi.org/10.17759/cpse.2018070202>

Alekhin, A.N. and Dubinina, E.A. (2020). Pandemic: the view of a clinical psychologist. *Arterial'naya gipertenziya* [Arterial Hypertension]. Vol. 26, no. 3, pp. 312–316. DOI: <https://doi.org/10.18705/1607-419X-2020-26-3-312-316>

Boyko, O.M., Medvedeva, T.I., Enikolopov, S.N. et al. (2019). [Using web-based data collection (Google forms) for the exploration of the self-harm]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii* [Medical Psychology in Russia]. No. 6(59). Available at: http://mprj.ru/archiv_global/2019_6_59/nomer05.php (accessed 24.05.2021).

Boyko, O.M., Medvedeva, T.I., Enikolopov, S.N., Vorontsova, O.Yu. and Kaz'mina O.Yu. (2020). [The psychological state of people during the COVID-19 pandemic and the target of psychological work]. *Psikhologicheskie issledovaniya*. Vol. 13, no. 70. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2020v13n70/1731-boyko70.html> (accessed 24.05.2021).

Chistopol'skaya, K.A. and Enikolopov, S.N. (2013). [The problem of attitude to death after a suicide at-

tempt]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii* [Medical Psychology in Russia]. No. 2(19). Available at: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2013_2_19/nomer/nomer12.php (accessed 24.05.2021).

Chistopol'skaya, K.A., Enikolopov, S.N. and Margurdumova, L.G. (2013). [Medical and socio-psychological approaches to suicidal behavior]. *Suitsidologiya* [Suicidology]. Vol. 4, no. 3(12), pp. 26–36.

Cooper, J., Kapur, N., Webb, R. et al. (2005). Suicide after deliberate self-harm: a 4-year cohort study. *American Journal of Psychiatry*. Vol. 162, iss. 2, pp. 297–303. DOI:

<https://doi.org/10.1176/appi.ajp.162.2.297>

Enikolopov, S.N., Medvedeva, T.I., Kaz'mina, O.Yu. and Vorontsova, O.Yu. (2018). [Moral judgments and implicit associations with «life» and «death» at suicidal risk]. *Suitsidologiya* [Suicidology]. Vol. 9, no. 1(30), pp. 44–52.

Eric, A.P., Eric, I., Curkovic, M. et al. (2017). The temperament and character traits in patients with major depressive disorder and bipolar affective disorder with and without suicide attempt. *Psychiatria Danubina*. Vol. 29, iss. 2, pp. 171–178. DOI:

<https://doi.org/10.24869/psyd.2017.171>

Gratz, K.L., and Roemer, L. (2008). The relationship between emotion dysregulation and deliberate self-harm among female undergraduate students at an urban commuter university. *Cognitive Behaviour Therapy*. Vol. 37, iss. 1), pp. 14–25. DOI:

<https://doi.org/10.1080/16506070701819524>

Hooley, J.M., Ho, D.T., Slater, J. and Lockshin, A. (2010). Pain perception and nonsuicidal self-injury: a laboratory investigation. *Personality Disorders: Theory, Research, and Treatment*. Vol. 1, iss. 3, pp. 170–179. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0020106>

Jollant, F., Lawrence, N.S., Olie, E. et al. (2010). Decreased activation of lateral orbitofrontal cortex during risky choices under uncertainty is associated with disadvantageous decision-making and suicidal behavior. *NeuroImage*. Vol. 51, iss. 3, pp. 1275–1281. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2010.03.027>

Kaz'mina, O.Yu., Medvedeva, T.I., Schelokova, O.A. and Kaleda, V.G. (2014). [Adolescent depressive disorders: predictors of suicidal risk prognosis]. *Psikhiatriya* [Psychiatry]. No. 4(64), pp. 11–20.

Kholmogorova, A.B. (2016). [Theoretical model and practical implications in cognitive-behavioral therapy]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy]. Vol. 24, no. 3(92), pp. 144–163. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240309>

Khomenko, N.V. (2017). *Lichnost'. Teorii lichnosti* [Personality. Theories of personality]. Minsk: BSMU Publ., 29 p.

Krylova, E.S., Beburishvili, A.A. and Kaleda, V.G. (2019). [Non-suicidal self-injury and its relation to sui-

cidal behavior in youth patients with personality disorders]. *Suitsidologiya* [Suicidology]. Vol. 10, no. 1(34), pp. 48–57. DOI: [https://doi.org/10.32878/suiciderus.19-10-01\(34\)-48-57](https://doi.org/10.32878/suiciderus.19-10-01(34)-48-57)

Lasovskaya, T.Yu. (2011). [Self-harming behavior in people with borderline personality disorder (literature review)]. *Sibirskiy vestnik psikiatrii i narkologii* [Siberian Herald of Psychiatry and Addiction Psychiatry]. No. 6(69), pp. 58–61.

Medvedeva, T.I., Vorontsova, O.Yu., Enikolopov, S.N. and Kaz'mina, O.Yu. (2016). [Disturbance in decision making and suicide tendency]. *Psikhologicheskie issledovaniya*. Vol. 9, no. 46. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n46/1257-medvedeva46.html> (accessed 24.05.2021).

Muehlenkamp, J.J. (2005). Self-injurious behavior as a separate clinical syndrome. *The American Journal of Orthopsychiatry*. Vol. 75, iss. 2, pp. 324–333. DOI: <https://doi.org/10.1037/0002-9432.75.2.324>

Pol'skaya, N.A. (2011). [Self-injurious acts in ritual practices]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy]. Vol. 11, iss. 3, pp. 88–91.

Pol'skaya, N.A. (2012). [The role of social factors in the development of self-injurious behavior]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya* [Clinical Psychology and Special Education]. No. 2, pp. 40–52.

Pol'skaya, N.A. (2014). [Structure and functions of self-injurious behavior]. *Psikhologichesky zhurnal*. Vol. 35, no. 2, pp. 45–56.

Pol'skaya, N.A. (2016). [Models of correction and prevention of self-injurious behavior]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy]. Vol. 24, no. 3(92), pp. 33–35. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240307>

Pol'skaya, N.A. (2017). *Fenomenologiya i funktsii samopovrezhdayushchego povedeniya pri normativnom i narushennom psikhicheskom razviti: dis. ... d-ra psikhol. nauk* [Phenomenology and functions of self-injurious behavior in normative and disturbed mental development]. Moscow, 423 p.

Qiu, J., Shen, B. and Zhao, M. et al. (2020). A nationwide survey of psychological distress among Chinese people in the COVID-19 epidemic: implications and policy recommendation. *General Psychiatry*. Vol. 33, iss. 2. Available at: <https://gpsych.bmj.com/content/33/2/e100213> (accessed 24.05.2021). DOI: <https://doi.org/10.1136/gpsych-2020-100213>

Rean, A.A. (1991). [Characterological features of delinquent adolescents]. *Voprosy psikhologii*. No. 4, pp. 139–144.

Shustov, D.I. (2004). *Autoagressiya, suitsid i alkogolizm* [Autoaggression, suicide and alcoholism]. Moscow: Cogito-Centre Publ., 214 p.

Stuklov, K.A. (2014). [Personality structure and self-harming behavior]. *Byulleten' meditsinskikh Internet-konferentsiy* [Bulletin of Medical Internet Conferences]. Vol. 4, no. 5, pp. 630–631.

White, T. (2017). *Rabota s suitsidal'nymi lichnostyami* [Working with suicidal individuals]. Kiev: NVP Interservice Publ., 366 p.

Yao, H., Chen, J.-H. and Xu, Y.-F. (2020). Patients with mental health disorders in the COVID-19 epidemic. *The Lancet Psychiatry*. Vol. 7, iss. 4. Available at: [https://www.thelancet.com/journals/lanpsy/article/PIIS2215-0366\(20\)30090-0/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lanpsy/article/PIIS2215-0366(20)30090-0/fulltext) (accessed 24.05.2021). DOI: [https://doi.org/10.1016/s2215-0366\(20\)30090-0](https://doi.org/10.1016/s2215-0366(20)30090-0)

Zmanovskaya, E.V. (2008). *Deviantologiya: Psikhologiya otklonyayushchegosya povedeniya* [Deviantology: The psychology of deviant behavior]. Moscow: Akademiya Publ., 288 p.

Received: 16.06.2021. Accepted: 25.07.2021

Об авторах

Кузнецова Светлана Олеговна

кандидат психологических наук,
доцент факультета психологии
Института общественных наук

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
119571, Москва, пр. Вернадского, 82;
e-mail: kash-kuznezova@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3737-7595>
ResearcherID: AAY-9689-2021

Такмакова Марина Валерьевна

кандидат психологических наук,
старший научный сотрудник
Центра экономического правосудия
Высшей школы правоведения Института
государственной службы и управления

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
119571, Москва, пр. Вернадского, 82;
e-mail: 60605060@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7471-0596>
ResearcherID: AAZ-2265-2021

About the authors

Svetlana O. Kuznetsova

Candidate of Psychology,
Associate Professor of the Faculty of Psychology,
Institute for Social Sciences

Russian Presidential academy of national economy
and public administration,
82, Vernadskiy av., Moscow, 119571, Russia;
e-mail: kash-kuznezova@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3737-7595>
ResearcherID: AAY-9689-2021

Marina V. Takmakova

Candidate of Psychology, Senior researcher
of the High school of law, IPACS

Russian Presidential academy of national economy
and public administration,
82, Vernadskiy av., Moscow, 119571, Russia;
e-mail: 60605060@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7471-0596>
ResearcherID: AAZ-2265-2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кузнецова С.О., Такмакова М.В. Личностные особенности юношей с самоповреждающим поведением и с субклинической депрессией // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 454–465. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-454-465

For citation:

Kuznetsova S.O., Takmakova M.V. [Personal traits of young men with self-injurious behavior and with subclinical depression]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 3, pp. 454–465 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-454-465

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.3/4

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-466-477

**ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ЛЕГИТИМНОСТИ
СОЦИАЛЬНОГО И ПРАВОВОГО ПОРЯДКА***Шумкин Евгений Михайлович**Новосибирский государственный университет экономики и управления (Новосибирск)*

Интерес к порядку в социологии обусловлен в том числе выявлением различных факторов, его лабализирующих и детерминирующих. Рассматриваемый фактор как предмет объективно сложен для социального анализа и применения его результатов на практике. Одними из триггерных причин принимаются правовая культура и легитимность, которые исследуются в настоящей теоретической работе с эвристических и аналитических позиций. Предполагается, что правовая культура как совокупность агрегированных социумом и государством ценностей сама может выступать в роли фактора легитимности для такого порядка. Раскрытие эвристического интереса осуществляется через правосознание человека, осознанный выбор модели рационального (для себя или государства) поведения и работу социально-правовых институтов. Выделяя имманентные признаки правовой культуры, приходим к выводу о том, что критическая масса социально накопленного и правового знания провоцирует качественный скачок в развитии как социального, так и правового порядка. Такое развитие обуславливает формирование архитектуры не только социальных, но и номологических ценностей, создающей необходимые условия для устойчивости общественных отношений по объективным правилам, предусмотренным законодателем. Акцентируется невозможность предопределения примата рассматриваемых ценностей, так как социальные и нормативные действия реализуют необходимый баланс интересов, носящих корреспондирующий характер, где в качестве основных проблем рассматриваются неудовлетворенные фрустрационные ожидания. Предлагаемый аспект представляется несвойственным для большинства социологических работ в данной тематике, а потому видится интересным и научно полезным. Такие ожидания связаны с нарушением этого баланса, выраженного в перманентном конфликте права и правоприменения как квинтэссенции проникающего столкновения социального и правового порядков, где социум настаивает на поражении части монополии на насилие в случае девиантного поведения граждан и демилитаризации работы правовых институтов, связанной с порицанием неконформности, а государство защищает объективность правил поведения и распространение сферы их влияния через придание им легитимности. Рассматриваемый социальный порядок видится основой формы жизнедеятельности человека, где государство выступает в роли модератора, привнося нормы как неснижаемые стандарты ответственности каждого индивида, корректируя его модель поведения в сторону рациональности через правовую культуру, обеспечивающую правосознание, конформность и легитимность социально-правовых институтов. Правовая культура, закладываемая обществом и поддерживаемая государством, дает возможность консолидированно принимать рациональную модель поведения в обществе и делать ее устойчивой к деструктивным социальным явлениям.

Ключевые слова: правовая культура, легитимность, социальный порядок, правовой порядок, конформность.

LEGAL CULTURE AS A FACTOR OF LEGITIMACY OF THE SOCIAL AND LEGAL ORDER

Evgeny M. Shumkin

Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk)

In sociology, the interest in order is determined, among other things, by the identification of various factors that stabilize and determine it. The factor under consideration, as a subject, is objectively difficult for social analysis and practical application of its results. Among the trigger reasons are legal culture and legitimacy, which are studied in this theoretical work from heuristic and analytical perspectives. It is assumed that legal culture, as a set of values aggregated by society and the state, can itself act as a factor of legitimacy for such an order. The disclosure of heuristic interest is carried out through legal consciousness of a person, a conscious choice of the model of rational (for oneself or the state) behavior, and the work of socio-legal institutions. Identifying the immanent signs of legal culture, we come to a conclusion that the critical mass of socially accumulated and legal knowledge provokes a qualitative leap in the development of both social and legal orders. This development determines the formation of an architecture of not only social but also nomological values, which creates the necessary conditions for the stability of social relations according to the objective rules provided by the legislator. The author emphasizes the impossibility of predetermining the primacy of the values under consideration since social and normative actions ensure the necessary balance of interests that are corresponding in nature, where unsatisfied frustrating expectations are considered as the main problems. Such expectations are associated with the violation of this balance, expressed in the permanent conflict between law and law enforcement, as the quintessence of the penetrating clash of social and legal orders, where society insists on defeating part of the monopoly on violence in the case of citizens' deviant behavior and demilitarization of the work of legal institutions that is related to the condemnation of non-conformity, and where the state protects the objectivity of the rules of conduct and the extension of their sphere of influence by giving them legitimacy. The considered social order is seen as the basis for such an organization of life in society where the state acts as a moderator, introducing norms as irreducible standards of responsibility of each individual, correcting his behavior model towards rationality through legal culture that ensures legal awareness, conformity and legitimacy of socio-legal institutions. Legal culture laid down by society and supported by the state makes it possible to adopt a rational model of behavior in society and to make it resistant to destructive social phenomena.

Keywords: legal culture, legitimacy, social order, legal order, conformity.

Введение

Термин «правовая культура» прочно закреплен в догматической части общего знания, причем понятие правовой культуры обладает многоаспектным характером. Презюмируя объективное содержание правовой культуры как явление, отметим, что оно провоцирует формирование различных общественных процессов (социальных, общественных, субкультурных, правовых, экономических), являясь для них одним из факторных условий возникновения, развития и прекращения. Как представляется, правовая культура, будучи причиной многих других явлений, сама по себе однородным предметом не обладает, так как в каждой плоскости научного познания имеет свой конкретный изучаемый аспект. В этом автор не соглашается с мнением Н.Н. Вопленко [Вопленко Н.Н., 2009, с. 193; Грамматиков В.В., 2020, с. 25], применяя общенаучные теоретические и аксиоматические методы исследования с доминантой системного метода, имплицитно исторического метода и метода сравнительного анализа.

Анализ легитимности в контексте социального и правового порядка на предмет стандарта его рационального поведения и оптимальной ответственности за него требует, в свою очередь, анализа исторических и социальных аспектов. Здесь взаимосвязь порядков, детерминированных рассматриваемым фактором, обуславливает необходимость изучения его взаимозависимостей с другими элементами системы, что позволяет улавливать сходства и различия между ними, а также степень влияния на них правовой культуры. Выделим основные три блока мыслей относительно явления правовой культуры.

Духовный элемент правосознания человека

В.И. Каминская и А.Р. Ратинов рассматривали правовую культуру как некую совокупность материальных и нематериальных элементов, имплицитно относящихся к системе права и верифицирующихся с человеческим сознанием и поведением [Каминская В.И., Ратинов А.Р., 1974, с. 52]. С.С. Алексеев определял ее как общность идеальных ценностей, связанных потенциалом права

[Алексеев С.С., 1966, с. 103]. Солидарен с ним был также В.М. Чхиквадзе, видевший в правовой культуре общественно-духовные идеи и нравственные ценности, формирующие правосознание человека и предопределяющие его поведение [Чхиквадзе В.М., 1970, с. 14]. А.С. Бондарев также усматривает в правовой культуре симбиоз правового сознания и предустановленного поведения субъектов права, являющихся носителями правовой культуры [Бондарев А.С., 2010, с. 9].

Безусловно стоит согласиться с тем, что в совокупность элементов правовой культуры входят ценности, как материальные, так и нематериальные, и что их влияние на человеческое сознание велико в современном обществе, которое и формирует его модель поведения. При этом стоит отметить и некую редуцированность этих определений, отражающих слишком идеалистический, доктринальный подход. Остается открытым вопрос об оценке со стороны государства как внешнего регулятора всех общественных отношений в союзе людей каждой отдельной модели поведения, выбранной человеком, на предмет совпадения с «правильным» поведением, т.е. поведением по праву¹.

Конформность человека, общества и государства

Правовая культура является объективной ценностью человека, общества и государства. Такая объективность обусловлена общим стремлением к конформному поведению, рациональная модель поведения которого представлена совокупностью всех норм права. Так, С.И. Кривцов наделял личность конформным правосознанием как непреложной причиной его социализации и рационального прагматизма, выраженного в соблюдении баланса прав и обязанностей, наделяемых со стороны общества (социальные нормы) и государства (правовые нормы) [Кривцов С.И., 2007, с. 157].

Расширяя точку зрения данного автора и солидаризируясь с ней, следует отметить, что конформность является идеальным выбором каждого индивида, намеренного стать важной социальной частью своего общества, и этот выбор осуществляется путем добровольного принятия конформности (*по Вольтеру*), только в этом случае право-

вая культура может являться общей ценностью². Схожим образом рассуждает В.Л. Васильев, называя ценностный подход сознательной конформностью, в противном случае такая конформность носит подчиняющийся характер [Васильев В.Л., 2002, с. 37].

Еще шире на конформность смотрит А.В. Куликова, а именно через призму принятия правовой культуры обществом и негативных последствий ее непринятия [Куликова А.В., 2006, с. 230]. По идее автора, правовая культура развивается только в контексте нормативной культуры правотворчества, т.е. законодательной практики как части внутренней политики государства. В связи с чем автор определяет весь правопорядок как жесткую связь таких субкультур, как нравственные начала, историческая память, политические убеждения и религиозные скрепы.

Статус социально-правовых институтов

Ценность норм права в обществе напрямую коррелируется с достижениями его правовых институтов. Качество этих достижений можно субъективно отследить по скорости законодательной машины, реакции общества на нормативные изменения в его жизни и уровню ее социально-правового развития или девальвирования. Важно подчеркнуть, что деятельность правовых институтов находится во взаимной каузальной зависимости от персональной архитектуры ценностей каждой отдельной персоналии и всего государства.

Так, А.З. Шефруков представляет рассматриваемые институты в виде организованной и формально определенной системы нормативных связей, формирующих лучшие социальные практики, направленные на нивелирование фрустрационных состояний человека, общества и государства на основе предлагаемых ценностей, в том числе правовой культуры [Шефруков А.З., 2008, с. 3].

Имплицитно рассматривал в своей работе вариативность влияния правовой культуры на правовые институты В.В. Люлюкин, в которой усматривал достижение социального эффекта правовых институтов через правовое сознание и правовую культуру в том числе, и возложил на

¹ Право «закон» (ср. правовое государство) – «то, что правильно». См.: [Этимологический онлайн-словарь русского языка Н.М. Шанского. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/п/право>].

² Вольтер: «Я подчиняюсь, чтобы содействовать согражданам и получать их содействие, воздать должное и получить по справедливости» (переписка на тему свободы и маргиналии человека в произведении Ж.Ж. Руссо «Об общественном договоре или принципы политического права»).

человека ответственность за привнесение плеяды ценностей (общественных и правовых) законодателю и государству, при этом ответственность эта является корреспондирующей [Люлюкин В.В., 2020, с. 149]. Интересную позицию по этому поводу занимает В.Н. Бибило, повествуя о невероятной смене ценностей за последние три десятилетия, в которые нормы поведения людей становятся такими, что раньше были неприемлемы, при этом суды представляют собой зеркальное отражение социальной действительности [Бибило В.Н., 2010, с. 102].

Исходя из рассмотренного объема точек зрения, крайне затруднительно вывести объективное определение правовой культуры, затрагивающее множественные аспекты человека, общества и государства, однако три основных компонента абстрактного определения рассматриваемого явления следует представить.

Первое, это одно из основных свойств качества общественной и государственной деятельности. По нему мы проводим верификацию качества всех остальных свойств гражданского общества и правового государства. Подобная валидность, например, является предметом объективного исследования Всемирного Банка (МБРР) в области изучения нормативно-правовой базы России в сфере предпринимательской деятельности³.

Второе, это правосознание индивида, вбирающее в себя идеальные ценности общества и стремящееся понять и принять позитивное право своей страны, выражая свое возмущение только способами, предусмотренными законодателем.

Третье, это компенсационная плата человека в виде его конформности как подписанта социального контракта (и его интересанта) за соблюдение баланса его интересов и интересов общества. Реализация такого механизма (поиск и соблюдение баланса) возложена на социально-правовые институты, присущие гражданскому обществу и правовому государству.

На основе вышеизложенного представим авторское определение правовой культуры, справедливое в рамках данной работы.

Правовая культура представляет собой не-снижаемый стандарт персональной и гражданской ответственности, являющийся частью внутренней политики государства с опорой на совокупность устоявшихся общественных ценностей, направленный на созидание правосознания, конформного поведения и легитимную работу социально-правовых институтов.

Такое определение представляется оптимальным для данной работы ввиду того, что баланс интересов (ценностей) достигается за счет субъективной оценки норм права обществом и мотивирующей коррекционной справедливости, носящей объективный характер со стороны государства [Дегтерев Д.А., 2011, с. 131].

Рассмотрим фактор легитимности как социально-правовую величину, воздействующую на социальный и правовой порядки и детерминирующую их основы.

Исходя из этимологических начал легитимность (лат. *legitimus* — правомерный) предлагает человеку принятие всех правил поведения, инкорпорированных в законы. Такое принятие, по мнению И.Л. Честнова, является апологетом авторитета власти и провоцирует на созидание культурных эталонов поведения в обществе [Честнова И.Л., 2018, с. 75]. Автор полагает, что власть (внешняя генерация воли общества), реализуя монополию на насилие путем проявления реакции неодобрения на «неправильные» (не по праву) поступки человека, способна понудить к конформному поведению и «подключить» к общей системе иерархии ценностей, являющейся частью общей культуры. Имплицитно такое принуждение к рациональному, с точки зрения законодательной власти, поведению через негативную реакцию органов государственной власти на отклоняющееся поведение индивида рассматривал А.Г. Карапетов, видя в этом минимальный стандарт правовой ответственности человека [Карапетов А.Г., 2016, с. 411].

Отсюда выделим ключевые имманентные признаки правовой культуры как фактора легитимности.

1. Правовая культура является интеграцией общей культуры как отражение системы социальных, правовых, экономических, психологических и других явлений. Так, Л.И. Петражицкий был уверен в том, что в идеальном мире нет таких правовых явлений, которые бы ни пересекались с другими [Петражицкий Л.И., 1909, с. 92].

2. Формальное закрепление принципов легитимности. Здесь принципы добросовестности и

³ Доклад «Ведение бизнеса» (англ. *Doing Business Report*) — ежегодное исследование группы Всемирного банка, оценивающее в 190 странах простоту осуществления предпринимательской деятельности на основе 10 индикаторов. Доклад посвящён оценке нормативных актов, регулирующих деятельность малых и средних предприятий на протяжении всего жизненного цикла, и порядку их применения на практике (правоприменение).

разумности закреплены законодателем и презюмируют эту модель поведения для всех участников свободного гражданского оборота, при этом их смысловое содержание не раскрывается, фундируется нравственным капиталом каждого члена общества⁴. Таким образом, предполагается безусловное принятие предустановленных государством правил поведения во всех общественных отношениях [Дегтерев Д.А., 2011, с. 87].

3. Социальное признание ценностей права.

Баланс корреспондирующих прав и обязанностей человека, общества и государства не гарантирует легитимности социально-правовой системы и ее эффективности. Трудно согласиться с Н.В. Варламовой в том, что постоянно наращиваемая практика применения норм позитивного права является демонстрацией ее эффективности [Варламова Н.В., 2016, с. 60]. Например, С.Э. Либанова отмечает эффективность с точки зрения способности «удерживать регулируемые общественные отношения в рамках своих норм» [Либанова С.Э., 2009, с. 72].

Следует отметить наличие перманентного конфликта права и правоприменения, выраженного в четырех практиках (законодательная, судебная и правоприменительная с опорой на социальную), учет которых необходим для понимания правовой культуры. Формальное признание правоприменителей — субъектов права законодательных норм — и их применение не утверждает их эффективности [Алекси Р., 2011, с. 146]. Правовая действительность строится на социальных практиках, так как именно результат социальной практики одних людей может обладать юридической значимостью для других [Кожокарь И.П., 2020, с. 201]. Еще масштабнее и более независимо рассуждают о правовой норме И.А. Иконницкая, В.И. Никитинский и В.А. Федосова, выходя за рамки эффекта ее влияния, полагая, что эффективность кроется в соотношении правового результата «и социальной цели, положенной в основу правового предписания» [Иконницкая И.А., 1979, с. 58; Никитинский В.И., 1971, с. 201; Федосова В.А., 1984, с. 11].

4. Обобщающим признаком правовой культуры являются субкультурные пересечения всех социально-правовых явлений, предполагаемая формальность их закреплений в законе на основе социального признания.

Рассмотрим отдельные элементы научного знания, раскрывающие суть легитимности.

Власть. Понятие «легитимность» имеет сегодня широкое содержание, отличное от того, какое ввел в научный оборот М. Вебер. Являясь апологетом бюрократии как наиболее рационального способа управления в государстве, Вебер относил легитимность к специфике власти в виде господствующей формы государственного управления, основанной на влиянии и распоряжениях, носящих официальный характер [Weber M., 1978,]. Автор определял легитимность как должное подчинение людей власти государства, ориентируясь на свои моральные обязательства без учета вероятных позитивных или негативных санкций с его стороны, а только лишь принимая во внимание его особенное положение. Из нескольких вариантов правоотношений людей и государства (*харизма и традиция, по М. Веберу*) наибольший интерес представляет рационально-легальные общественные отношения, выраженные в непреложности формально определенных правил поведения в обществе, защищаемых государством. Такие правила поведения презюмируются неприкасаемыми, базирующимися на принципе единоначалия политико-правовой системы, господствующей в государстве, связывающей социальный и правовой порядки.

Отношение к праву. Несмотря на уникальность предложенной М. Вебером теории (бюрократии), легитимность позднее стала предметом рассуждений как о силе условного большинства над мнением условного меньшинства [Кильдюшов О., 2016, с. 131]. То есть ставится вопрос об эффективности этой легитимности (развивается мысль М. Вебера), где вчерашнее меньшинство (например, большевики – РСДРП(б)) смогли захватить и удержать власть, а затем и развить успех на территории Российской империи, насаждая свои правила легитимного поведения, обремененные своей новой властью [Skocpol Th., 1979, p. 86]⁵. В таком случае легитимность нового общественного порядка будет обусловлена той властью, которая наделит себя возможностью монополизировать применение негативных санкций за нарушение правил поведения. И, таким образом, *новый* общественный порядок представляет собой *новое* объективное отношение к праву,

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020), ст. 10. Пределы осуществления гражданских прав.

⁵ Первый съезд РСДРП / А.Ф. Костин // Отоми – Пластирь. М.: Сов. энциклопедия, 1975. (Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / гл. ред. А.М. Прохоров; 1969–1978, т. 19).

формируя иную социальную практику, воздействуя на правовую культуру путем ее изменения. А изменение, в свою очередь, несет в себе принятие нового правового порядка через подчинение новой власти [Алекси Р., 2010, с. 150]. Отсюда вывод о том, что правовая культура как фактор легитимности несет в себе силу понуждения к праву адресатов, а не следует от них. С таким строгим заключением нельзя согласиться буквально, так как в смысле источника правовой культуры социальный порядок имеет примат перед правовым.

Историческая тождественность. Идея данного пула точек зрения настаивает на зависимости всех социально-правовых институтов от легитимности как способа влияния на все процессы происходящие в обществе и государстве. В какой-то степени о подобной силе влияния упоминал и М. Вебер [Вебер М., 2006, с. 477]. При этом крайне затруднительно утверждать, что социально-правовые институты (например, институт брака и институт собственности) жизнеспособны только потому, что наделены легитимностью существующей властью и их существование оправдано только их присутствием на всем историческом промежутке времени исходя из принципа: «Это было и устояло прежде, и нет причин сомневаться в легитимности этих институтов сегодня». Действительно, легитимность цивилизованных правовых порядков опирается в основные правовые семьи (например, общего и континентального права, а также исламского и других), системы которых сложились исторически и проявили свою социальную устойчивость. Предполагается, что эта устойчивость оптимально обусловлена успешной проверкой на прочность различными событиями и явлениями, подтвердившими их власть, и верификацией на актуальность в современном мире. Иными словами, прошлый правовой порядок кодирует правовую культуру будущего, опираясь на порядок социальный.

Юридическая допустимость. Смысл легитимности представляется в правовом порядке, обоснованно опирающемся на социальный порядок. В этом случае допускается легитимная смена правового порядка. Оценочное суждение такой легитимности должно исходить из объективных правил поведения, недозволяющих неправомерное поведение (например, насильственный захват власти вместо референдума). Таким образом, легитимность здесь является тонкой оценочной материей, объективность или субъективность которой находится в зависимости от силы, ее использующей.

Или примат субъективности, например, приводит к обнулению существующего правового порядка или абrogации отдельных его правил (пример «цветных» революций)⁶.

Обусловленность права. Право как узаконенная возможность выбора модели поведения человеком находится под влиянием признания такой возможности этим человеком? Или достаточно формально определенного признания этой возможности институтами государственной власти только на основе того, что право есть, оно обладает самостоятельной юридической силой? На наш взгляд, обе точки зрения носят радикальный характер, а идеальная конструкция признания права как ценности под условием одного или второго варианта находится в трансграничной плоскости. Еще Ю. Хабермас подчеркивал, что легитимность служит для защиты в первую очередь социальных ценностей и только такая правовая культура признает такие правила поведения в обществе [Хабермас Ю., 2010, с. 122]. При этом стоит сказать, что признание права отражает *правильность* норм права и конформность без понуждения.

Агрегируя рассмотренные элементы, отметим следующее. Правовая культура как фактор легитимности в первоначальном (веберовском) смысле носит сублимированный характер, где она выступает апологетом любой власти, возглавляющей структуру управления государством, и является фактором влияния на формирование правового порядка. При этом семантическое изменение *legitimus* вышло за рамки законного правления и определения правовой культуры как причины легитимности социального и правового порядка и требует экстраординарного подхода. В противном случае все рассуждения на тему легитимности были бы лишены смысла из-за скованности бланкетного определения по формуле: «Легитимность рождает право, а оно правовое». Однако стоит отметить, что требуется раскованность отсылочного определения, выраженная в многоаспектном подходе: социальном, экономическом, нравственном, духовном, философском, правовом и так далее, раскрытие добровольного принятия доминирования общих правил поведения, выгодно (эффективно) отражающих идеальные и материальные ценности общества.

⁶ Colour revolutions in the former Soviet Union | A bit faded but still bright enough // The Economist. 2008. Jan 10. (англ.).

Заявленная экстраординарность требует рассмотрения социального порядка и безусловного упоминания о «Гоббсовой проблеме», в центре которой находится понимание взаимодействия индивидуальных акторов, имеющих свои и зачастую несовпадающие цели (ценности). Т. Гоббс понимал эту проблему как естественное устройство жизни, приматом и гарантом стабильности которой является государство, чья естественность заключается в невозможности существования социального порядка при отсутствии формализации правил поведения в нем [Гоббс Т., 2017, с. 523]. Данный дискурс интересен и полемичен и будет рассмотрен в аспекте принятия правовой культуры как фактора влияния на развитие общественных отношений.

Рассмотрим некоторые подходы к разрешению проблемы социального порядка.

В рамках философского дискурса И. Кант по-своему интерпретировал проблему, поставленную Т. Гоббсом, и обосновывал общественный порядок как социальные ценности, опирающиеся на свободу выбора через принятие решений рациональными акторами [Кант И., 2017, с. 463]. Перевод «Гоббсовой проблемы» социального порядка сквозь призму философии Канта дает возможность посмотреть на нее как на социальный вариант купирования эгоцентричных целей отдельных акторов, в разрозненном, несогласованном виде обреченных на неуспех, так как достижение успеха одними достигается за счет других. Интересно отметить, что Кант предполагал наличие императивных пределов, удерживающих в себе стремление отдельными индивидами достичь удовлетворения эгоцентричных потребностей. Такие пределы обуславливались социальной значимостью, общими принципами, оценивающими рациональность поведения большинства.

Солидаризируясь с данной точкой зрения, важно указать дополнительную проблему, из нее вытекающую, а именно то, что конформность подразумевает принятие всех правил поведения, существующих в обществе и устанавливаемых государством, однако такая легитимность в реальности работать не может и отдельные индивиды всегда будут выражать свое неприятие отдельных императивных или диспозитивных норм, если те конфликтуют с их нравственными, например, убеждениями.

В то же самое время, в рамках политэкономического дискурса Адам Смит определяют человека в качестве базового элемента всего общества и так же, как И. Кант, связывает его мотивацию с

удовлетворением собственных благ; при этом интерес самого общества обуславливает стремлением каждого индивида закрыть свои потребности и называет такой порядок «естественным» [Антипов Г.А., 2017, с. 147]. При этом идея «невидимой руки рынка» А. Смита, укажем, является метафорой, а не догмой и потому работает не всегда.

Для достижения социального порядка буквальный подход А. Смита видится малоподходящим, его негибкость усматривается в отсутствии улучшения, по Парето, когда не требуется принимать оптимальных решений в отношении себя, иногда для достижения необходимого «естественного» порядка требуются и субоптимальные «противоестественные» действия.

В рамках подхода социальных наук (социологии и юриспруденции) проблема социального порядка раскрывается через *effectus* (лат.) принуждения государственного регулятора общественных отношений внешней воли индивида, направленного на создание устойчивого алгоритма общего рационального поведения через социально-юридические институты, цель которых — признание большинством поведения по позитивному (текущему) праву. Здесь проблема социального порядка раскрывается через основные юридические понятия, присущие порядку правовому: добросовестность и разумность, право и государство, свобода и воля и др.

Очевидное преимущество данного подхода выражается в наличии структурного порядка, и не важно, на каких аспектах он строится: политических, легитимных, нормативных, проблемных, коммуникативных и т.д. («*порядок ради порядка*»). Выражает солидаритет с данным подходом и теория коммуникативного действия, раскрывая порядок логической связью социального мира с миром нормативных правил поведения, определяя рациональность поведения той значимостью, которой обитатели этого мира наделяют предлагаемые правила.

Очевидно, что представленные подходы лишь рамочно рассматривают «Гоббсову проблему», и в первую очередь это связано с многоаспектностью проблемы социального порядка, что, в свою очередь, лишает «жесткости» любое определение, кроме общего, даже абстрактного. Эксплицитный подход дает возможность увидеть объяснения тех или иных нормативных предписаний государства и социальных явлений, возникающих в случае отсутствия лояльности к ним, с помощью таких теорий, как: теория игр, теория множеств, теория принятия решений и так далее, а также тех задач,

которые они перед собой ставят. Такой подход срывает эвристическую вуаль когнитивных затруднений, связанных с пониманием социального порядка, его факторов легитимности, самого понятия легитимности и оптимально-рациональной модели поведения в нем. Так, например, оптимальная кооперативная стратегия теории игр раскрывается через моделирование по определенным признакам:

1. Наличие множества участников.
2. Обусловленная правовой неопределенностью, асимметрией информации и множеством иных внутренних и внешних факторов поведенческая модель этих участников, раскрывающаяся через безграничный потенциал пространства вариантов.
3. Объективное несовпадение ценностей индивидов.
4. Взаимозависимость поведения индивидов, когда результат каждого зависит от выбора модели поведения каждого.
5. Присутствие таких нормативных правил поведения, известность и признание которых презюмируется.

Таким образом, социальный порядок и его проблемы стоит рассматривать с многоаспектных, трансцендентных позиций, требующих понимания рациональности модели поведения, предписываемой государством, ожиданий социума, связанных с принятием предлагаемых правил поведения. *Социальный порядок — это состояние общества, не являющееся естественной данностью без осознанного принятия общественно-правовых норм, обеспечивающих включенность индивида в развитие социума и государства.* По Гоббсу, именно институциональный гарант в виде государства в состоянии решить проблемы социального порядка, через механизм легального поощрения придерживаться конформно-коллективной стратегии и легального насилия над делинквентами. Принятие такой стратегии через призму правовой культуры является идеальной квинтэссенцией социального порядка, а его эффективность призвана обеспечить порядок правовой. На маловероятность (невозможность) социального порядка в смысле Т.Гоббса указывал Т. Парсонс, полагая, что неустойчивые социальные действия должны находиться под перманентным правовым давлением со стороны государства, удерживаясь в общем фарватере формализованных правил взаимодействия, носящих для социума объективный характер [Парсонс Т., 2008, с. 12]. В связи с этим возникает проблематика ле-

гитимности социального и правового порядка, выраженная в возможности реализации социальных ценностей индивидами при одномоментном и добровольном поражении себя в правах для достижения правового порядка, продиктованного государством. Презюмируем, что в объективной действительности правовой порядок стабилизирует общество, отслеживая исполнение нормативных правил поведения, отводя социальному порядку роль хранителя естественных традиций общества.

Выражая солидаритет Т. Парсонсу в части постановки его акцентов именно на императивности системных требований, укажем, что такая точка зрения объясняет государственную устойчивость. Интересно отметить, что автор этой идеи и российский законодатель тождественно *не* рассматривают модель поведения социального агента как рациональную. Последний предполагает, определяя за социального агента его поведенческие ориентиры, усиливая эффект мягкого поощрения им следовать за счет вероятности наступления негативных последствий при отклонении от них. В данном контексте Т. Парсонс «связывает» ценности социального порядка нормативными ценностями правового порядка и включает добровольное принятие социумом примата нормативных правил правового поведения, доминирование которых обусловлено властью, в общеконформных целях, в чем и расходится с Т. Гоббсом. Так как признавая легитимность правового порядка социальным агентам, ему необходимо добровольно отказаться от части индивидуальных ценностей в общих (государственных) целях и передать правомочия по управлению порядками власти.

Здесь следует выделить идею Э. Дюркгейма (совпадающую с идеей Т. Парсонса) о генеральной институционализации, в рамках которой социальный порядок вторичен по отношению к порядку нормативному. Данная парадигма, по мнению автора, задает стандарт легитимной и рациональной модели поведения [Douglas M., 1986, p. 99].

Представляется, что социальный порядок является неустойчивым институтом без института правового порядка, являющегося гарантом обеспечения баланса интересов человека, общества и государства. При этом позиция долговечности государственной конструкции, базирующейся только на усилении нормативности правил поведения и усилении механизма поощрения к их исполнению, вызывает справедливый скепсис, так

как ресурс любой формы насилия является исчерпывающим. И только социально-правовая система, построенная на правовой культуре как стандарте персональной ответственности каждого социального агента с опорой на правовую культуру общества и государства, обеспечивает легитимность работы социально-правовых институтов. Квинтэссенцией таких отношений между обществом и государством и взаимных ожиданий будет являться обсуждаемый баланс интересов, связанный с корректирующей справедливостью социальных и юридических норм. С этих позиций видится лишь нормативная проблема выявления противопоставления конформного и девиантного поведения как проблема социальной неопределенности из-за корреспондирующих ожиданий совпадения ценностей между обществом и государством. В таком случае примат правового порядка над социальным порядком кажется более предпочтительным, так как объективные правила поведения для всех субъектов права дают равно конкурирующие возможности преследовать свои сугубо индивидуально-эгоцентричные цели. То есть конкуренция индивидов в социальном порядке происходит через призму правосознания и правовой культуры, что, в свою очередь, коррелирует с признаком стабильности государственного устройства.

В рамках понимания точек зрения Т. Гоббса и Т. Парсонса кажется очевидным радикализация легитимности правового порядка в первом случае и социального порядка — во втором, однако остается открытым вопрос о фокусе ценностного развития общества, ибо простым признанием тех или иных норм не обойтись. В качестве альтернативной точки зрения представим позицию Н. Лумана, выражающего сомнение в возможном доминировании того или иного порядка в обществе, в котором варианты выбора модели естественного поведения человека ограничены даже перед угрозой девиантного поведения [Луман Н., 2004, с. 153]. Однако даже при этом он акцентирует внимание на генезисе социального порядка.

Заключение

Таким образом, теоретическая рефлексия на тему правовой культуры как фактора социального и правового порядка приводит к мысли о перманентном взаимодействии всех со всеми (Зиммель), где внутреннее и внешнее влияние кодирует общество по объективным правилам [Баева Е.А., Буковская Н.В., 2011, с. 39]. Правила эти «свободны» от субъективности людей, транспа-

рентны, носят корреспондирующий характер в отношениях ответственности с государством, лабильзируют проблемы порядков, «связывают» общество единым пониманием необходимости их принятия. Такая взаимосвязь дает возможность прогнозировать модель общественного развития в будущем благодаря рецепции лучших социальных практик прошлого в позитивные юридические правила настоящего, и правовая культура как фактор легитимности обеспечивает устойчивость социальных и юридических правил на основе свободы выбора социальными агентами индивидуальной модели поведения. При этом свобода такого выбора не абсолютна, а относительна, что дает возможность государству и законодательству прогнозировать развитие общества в будущем.

Список литературы

- Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Изд-во Юрид. лит., 1966. 187 с.
- Алекси Р.* Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / пер. с нем. А.Н. Лаптева, Ф. Кальшойера. М.: Инфотропик Медиа, 2011. 192 с.
- Алекси Р.* Дуальная природа права / пер. с англ. С.И. Максимова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 2. С. 138–152.
- Антипов Г.А.* О «Невидимой руке» Адама Смита и формировании научной картины социального мира // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51, № 1. С. 138–152. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps201751115>
- Баева Е.А., Буковская Н.В.* Эвристика социальной теории Г. Зиммеля, или о том, как возможно современное общество // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 347. С. 36–40.
- Бибило В.Н.* Проблемы юриспруденции: избранные труды. Минск: Право и экономика, 2010. 470 с.
- Бондарев А.С.* Правовая культура и продукты правовой культуры в их соотношении // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. Вып. 2(8). С. 8–15.
- Варламова Н.В.* Гетерархичность современных правовых систем и постсоветская теория права // Проблемы постсоветской теории и философии права: сб. статей. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 30–71.
- Васильев В.Л.* Юридическая психология: учеб. для вузов. 4-е изд., доп. и перераб. СПб.: Питер, 2002. 634 с.
- Вебер М.* Основные социологические понятия / пер. с нем. М.И. Левиной // Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма. М.: РОССПЭН, 2006. С. 453–484.

Вопленко Н.Н. Очерки общей теории права. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 898 с.

Гоббс Т. Левиафан / пер. с англ. А. Гутермана, вступ. ст. А. Филиппова. М.: РИПОЛ классик, 2017. 608 с.

Грамматиков В.В. Природа деформации профессионального правосознания (на примере адвокатской деятельности) // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 5(114). С. 19–27. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.114.5.019-027>

Дегтерев Д.А. Теоретико-игровой подход в праве. М.: URSS: Ленанд, 2011. 240 с.

Иконницкая И.А. Проблемы эффективности в земельном праве. М.: Наука, 1979. 183 с.

Каминская В.И., Ратинов А.Р. Правосознание как элемент правовой культуры // Правовая культура и вопросы правового воспитания: сб. М.: Изд-во Всесоюз. ин-та по изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1974. С. 39–67.

Кант И. Критика чистого разума. М.: АСТ, 2017. 784 с.

Каранетов А.Г. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. 528 с.

Кильдюшов О. Проблема социального порядка (Гоббсова проблема): к эвристике и прагматике конститутивного вопроса современной теории общества // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15, № 3. С. 122–149. DOI: <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2016-3-122-149>

Кожокарь И.П. Эффективность права в категориальном аппарате теории права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 48. С. 196–225. DOI: <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-48-196-225>

Кривцов С.И. О конформности правосознания // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 303. С. 157–159.

Куликова А.В. Правовая культура в рамках социологического подхода: содержание понятия, его особенности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2006. № 1(5). С. 228–234.

Либанова С.Э. Зависимость эффективности норм гражданского права от единообразия применения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 10. С. 70–75.

Луман Н. Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновского. М.: Логос, 2004. 232 с.

Люлюкин В.В. Подходы к пониманию социального эффекта правовых институтов // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 11(120). С. 140–152. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.120.11.140-152>

Никитинский В.И. Эффективность норм трудового права. М.: Юрид. лит., 1971. 248 с.

Парсонс Т. Социальные системы / пер. В.Г. Николаева // Вопросы социальной теории: научный альманах. Т. II, вып. 1(2): Социальная реальность: концепция и методология исследований. М.: Ин-т философии РАН, 2008. С. 38–71.

Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. 2-е изд. СПб.: Тип. т-ва «Екатерингоф. Печат. дело», 1909. Т. 1. 318 с.

Федосова В.А. Эффективность действия норм советского государственного права. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. 157 с.

Честнов И.Л. Легитимность как признак права // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 3. С. 71–78. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2018-3-71-78>

Чхиквадзе В.М. Законность и правовая культура на современном этапе коммунистического строительства // Коммунист. 1970. № 14. С. 42–53.

Шефруков А.З. Правовая культура в системе социальных институтов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2008. Вып. 8. С. 142–149.

Хабермас Ю. Проблема легитимизации позднего капитализма / пер. с нем. Л.В. Воропай. М.: Праксис, 2010. 264 с.

Douglas M. How Institutions Think. N.Y.: Syracuse University Press. 1986. 158 p.

Skocpol Th. State and Revolution: Old Regimes and Revolutionary Crises in France, Russia and China // Theory and Society. 1979. Vol. 7, iss. 1–2. P. 7–95. DOI: <https://doi.org/10.1007/bf00158678>

Weber M. Types of Legitimate Domination // Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. Berkeley, CA: University of California Press, 1978. P. 212–301.

Получена: 26.07.2021. Доработана после рецензирования: 10.09.2021. Принята к публикации: 11.09.2021

References

Alekseev, S.S. (1966). Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskom gosudarstve [The mechanism of legal regulation in a socialist state]. Moscow: Yuridicheskaya Litaratura Publ., 187 p.

Alexy, R. (2011). *Ponyatie i deystvitel'nost' prava (otvet yuridicheskomu pozitivizmu)* [The concept and validity of law (a response to legal positivism)]. Moscow: Infotropik Media Publ., 192 p.

Alexy, R. (2010). [The dual nature of law, trans. from Eng. S.I. Maksimov]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie* [Pravovedenie]. No. 2, pp. 138–152.

- Antipov, G.A. (2017). [On the «Invisible Hand» by Adam Smith and the formation of a scientific picture of the social world]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science]. Vol. 51, no. 1, pp. 138–152. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps201751115>
- Baeva, E.A. and Bukovskaya, N.V. (2011). [Georg Simmels social theory heuristics, or how contemporary society is possible]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. No. 347, pp. 36–40.
- Bibilo, V.N. (2010). *Problemy yurisprudentsii: izbrannye trudy* [Problems of jurisprudence: selected works]. Minsk: Pravo i ekonomika Publ., 470 p.
- Bondarev, A.S. (2010). [Legal culture and its products in their correlation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Perm University Herald. Juridical Sciences]. Iss. 2(8), pp. 8–15.
- Chestnov, I.L. (2018). [Legitimacy as a feature of right]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence]. No. 3, pp. 71–78. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2018-3-71-78>
- Chkhikvadze, V.M. (1970). [Legality and legal culture at the present stage of communist construction]. *Kommunist* [Communist]. No. 14, pp. 42–53.
- Degterev, D.A. (2011). *Teoretiko-igrovoy podkhod v prave* [Game-theoretic approach in law]. Moscow: URSS Publ.; Lenand Publ., 240 p.
- Douglas, M. (1986). *How institutions think*. New York: Syracuse University Press, 158 p.
- Fedosova, V.A. (1984). *Effektivnost' dejstviya norm sovetskogo gosudarstvennogo prava* [The effectiveness of the norms of Soviet state law]. Voronezh: VSU Publ., 157 p.
- Grammatikov, V.V. (2020). [The nature of professional legal consciousness deformation (a case study of advocates' work)]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava* [Actual Problems of the Russian Law]. Vol. 15, no. 5(114), pp. 19–27. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.114.5.019-027>
- Hobbes, T. (2017). *Leviatan* [Leviathan]. Moscow: RIPOL Classic Publ., 608 p.
- Habermas, J. (2010). *Problema legitimizatsii pozdnego kapitalizma* [The problem of late capitalism legitimation]. Moscow: Praksis Publ., 264 p.
- Ikonnitskaya, I.A. (1979). *Problemy effektivnosti v zemel'nom prave* [Problems of efficiency in land right]. Moscow: Nauka Publ., 183 p.
- Kaminskaya, V.I. and Ratinov, A.R. (1974). [Legal awareness as an element of legal culture]. *Pravovaya kul'tura i voprosy pravovogo vospitaniya: sbornik* [Legal culture and issues of legal education]. Moscow: Vsesoyuznyy Institut po Izucheniyu Prichin i Razrabotke Mer Preduprezhdeniya Prestupnosti Publ., pp. 39–67.
- Kant, I. (2017). *Kritika chistogo razuma* [Critique of pure reason]. Moscow: AST Publ., 784 p.
- Karapetov, A.G. (2016). *Ekonomicheskiy analiz prava* [Economic analysis of law]. Moscow: Statute Publ., 528 p.
- Kil'dyushov, O. (2016). [The problem of social order (a Hobbesian problem): towards the heuristics and pragmatics of the constitutive question of contemporary social theory]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 15, no. 3, pp. 122–149. DOI: <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2016-3-122-149>
- Kozhokar', I.P. (2020). *Effektivnost' prava v kategorial'nom apparate teorii prava* [Efficiency of law in the terminological apparatus of the theory of law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Perm University Herald. Juridical Sciences]. Iss. 48, pp. 196–225. DOI: <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-48-196-225>
- Krivtsov, S.I. (2007). [On the conformity of legal consciousness]. *Vestnik Tomskogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. No. 303, pp. 157–159.
- Kulikova, A.V. (2006). [Legal culture within the framework of the sociological approach: the content of the concept, its features]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences]. No. 1(5), pp. 228–234.
- Libanova, S.E. (2009). [The dependence of the effectiveness of civil law norms on the uniformity of application]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice]. No. 10, pp. 70–75.
- Luman, N. (2004). *Obschestvo kak sotsial'naya sistema* [Society as a social system]. Moscow: Logos Publ., 232 p.
- Lyulyukin, V.V. (2020). [Approaches to understanding the social effect of legal institutions]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava* [Actual Problems of Russian Law]. Vol. 15, no. 11(120), pp. 140–152. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.120.11.140-152>
- Nikitinskiy, V.I. (1971). *Effektivnost' norm trudovogo prava* [Effectiveness of labor law norms]. Moscow: Yuridicheskaya Literatura Publ., 248 p.
- Parsons, T. (2008). [Social systems]. *Voprosy sotsial'noy teorii: nauchnyy al'manakh. T. II, vyp. 1(2): Sotsial'naya real'nost': kontseptsiya i metodologiya issledovaniy* [Social theory issues: scientific almanac]. Vol. II, no. 1(2): Social Reality: Concept and Research Methodology]. Moscow: IPh RAS Publ., pp. 38–71.
- Petrazhitskiy, L.I. (1909). *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriey npravstvennosti* [The theory of law and the state in connection with the theory of morality]. Saint Petersburg: Yekateringof. Pechatnoe delo Publ., vol. 1, 318 p.

Shefrukov, A.Z. (2008). [Law culture in the system of social institutions]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1. Regionovedenie: filozofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya* [The Bulletin of the Adyghe State University. Series 1. Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies]. Iss. 8, pp. 142–149.

Skocpol, Th. (1979). State and revolution: old regimes and revolutionary crises in France, Russia and China. *Theory and Society*. No. 7, iss. 1–2, pp. 7–95. DOI: <https://doi.org/10.1007/bf00158678>

Varlamova, N.V. (2016). [Heterarchicity of modern legal systems and post-Soviet theory of law]. *Problemy postsovetskoy teorii i filozofii prava* [Problems of post-Soviet theory and philosophy of law]. Moscow: Yurlitinform Publ., pp. 30–71.

Vasil'ev, V.L. (2002). *Yuridicheskaya psihologiya* [Juridical psychology]. Saint Petersburg: Piter Publ., 634 p.

Voplenko, N.N. (2009). *Ocherki obschey teorii prava* [Essays on the general theory of law]. Volgograd: Volga Publ., 898 p.

Weber, M. (1921). Types of Legitimate Domination. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley, CA: University of California Press, pp. 212–301.

Weber, M. (2006). [Basic sociological concepts]. *Izbrannoe: protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [Selected works: protestant ethics and the spirit of capitalism]. Moscow: ROSSPEN Publ., pp. 453–484.

Received: 26.07.2021. Revised: 10.09.2021. Accepted: 11.09.2021

Об авторе

Шумкин Евгений Михайлович
старший преподаватель кафедры
административного, финансового
и корпоративного права

Новосибирский государственный университет
экономики и управления,
119991, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: 9100020@bk.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3575-6161>
ResearcherID: AAZ-6535-2021

About the author

Evgeny M. Shumkin
Senior Lecturer of the Department
of Administrative, Financial and Corporate Law
Novosibirsk State University of Economics
and Management,
1, Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russia;
e-mail: 9100020@bk.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3575-6161>
ResearcherID: AAZ-6535-2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Шумкин Е.М. Правовая культура как фактор легитимности социального и правового порядка // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 466–477.
DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-466-477

For citation:

Shumkin E.M. [Legal culture as a factor of legitimacy of the social and legal order]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 3, pp. 466–477 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-466-477

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России**.

Редакционная коллегия принимает к рассмотрению оригинальные статьи на русском и английском языке по следующим отраслям науки и соответствующим научным специальностям:

- 5.7.1 Онтология и теория познания
- 5.7.2 История философии
- 5.7.7 Социальная и политическая философия
- 5.7.8 Философская антропология, философия культуры
- 5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии
- 5.4.1 Теория, методология и история социологии
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7 Социология управления

Издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «**IPRbooks**», «**Университетская библиотека on-line**», «**КиберЛенинка**», «**Руконт**», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается строчными буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать 0 (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

В журнал не принимаются материалы в формате эссе. Рекомендуется разбить текст статьи на **разделы**:

- введение;
- основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование);
- результаты/обсуждение;
- заключение /выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится. Русская версия заголовка, названия таблицы и примечания (при наличии) к таблице должна сопровождаться ее переводом на английский язык.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится. Подписи и примечания (при наличии) к рисункам должны приводиться как на русском, так и на английском языках. Рисунки, графики, диаграммы должны быть четкими, легко читаемыми.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки в тексте оформляются на языке источников согласно принципами **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) с указанием страниц источника цитирования (в случае прямого цитирования на конкретных страницах или обращения к конкретному фрагменту источника без прямого цитирования). При этом ссылки на использованную литературу даются в самом тексте статьи в квадратных скобках. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу *не допускаются*. После завершения основного текста статьи автор может добавить раздел Выражение признательности на русском и английском языках, в которых указывается ссылка на *программу*, в рамках которой выполнена работа, или *фонд поддержки*.

Ссылки в тексте оформляются в следующем виде:

- один автор: [Новиков А.М., 2002, с. 52], [Vernaleken A., 2006, p. 7];
- два автора: [Обухов, Иванова, 1999, с. 130];
- несколько авторов: указывается имя первого автора с последующим «и др.» [Иванова и др., 2002], но в списке литературы издание должно включать все имена авторов;
- несколько ссылок в алфавитном порядке разделяются точкой с запятой: [Орлов, Васильева, 2006; Рябухин, 2009], [Социология города..., 2010, с. 71; Петров, 2010, с. 55];
- две или более работ одного автора: [Берсенева, 2014, 2016], [Внутских, 2017а, 2017б];
- книги под редакцией, материалы конференций, энциклопедии, словари, иные публикации: [Психолого-педагогическая..., 2014, с. 198], [Sociology and the end..., 2011].

Список литературы в соответствии с практикой международных научных журналов должен состоять как минимум из 15–20 источников; рекомендуется включать в него ссылки на современные журналы и монографии на иностранных языках.

Список литературы в конце статьи оформляется *автором (авторами)* в двух вариантах: в русском, согласно ГОСТ 7.1-2003 (<http://www.internet-law.ru/gosts/gost/1560/>), но без нумерации источников, и в *английском*, согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) также без нумерации источников.

Русский вариант списка литературы должен содержать все источники, оформленные по ГОСТ 7.1.-2003 в *алфавитном (русско-го языка) порядке без нумерации*. Обязательно указывается: для книг — фамилия и инициалы автора (выделенные курсивом), название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; для журнальных статей, сборников трудов — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для материалов конференций — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет **идентификатор DOI**, то его указание в разделе Библиографический список в виде активной гиперссылки является обязательным! DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страниц точкой и пробелом. Информацию о DOI источников можно найти по адресу: <https://www.crossref.org/>.

Пример:

Внутских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 528–536. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2017-4-528-536>.

Bard, P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники**, список литературы делается **только один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления** и содержать все источники в *алфавитном (английского языка) порядке без нумерации*.

Необходимо указывать всех авторов цитируемой работы, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Используйте союз and для связи имен последних двух авторов. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «:», «-», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления References:

а б в г д е ё ж з и й к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ь ы ь э ю я

a b v g d e e zh z i y k l m n o p r s t u f kh ts ch sh sch y e yu ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом <https://translitoline.com/nastrojki/> настроив транслитерацию в соответствии с указанными выше правилами (следует особо проверить транслитерированное отображение буквы щ).

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi»), «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для оформления книг:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие. Сведения об издании (информация о переиздании, номер издания, серия)*, Место издания, Издательство. Объем — количество страниц.

Название русскоязычной книги приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных книг приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Panina, T.S. and Vavilova, L.N. (2008). *Sovremennnye sposoby aktivizacii obucheniya* [Modern ways of activating learning]. Moscow: Akademiya Publ., 176 p.

Black, B., Kraakman, R. and Tarasova A. (1999). *Kommentariy Federal'nogo zakona «Ob aktsionernykh obshchestvakh»* [Commentary to the Federal Law «On Joint-Stock Companies»]. Moscow: COLPI Labirint, 720 p.

Porter, M. (2008). *Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otraslei i konkurentov. Per. s angl. 3-e izd.* [Competitive strategy: methodology for analyzing industries and competitors. Trans. from Eng. 3rd ed.]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 453 p.

Turner, A. (2006). *Introduction to Neogeography*. London, O'Reilly Media, 56 p.

Шаблон для оформления статей или отдельных глав с указанием разных авторов из книги или сборника:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Заглавие книги: сведения, сведения, относящиеся к заглавию*. Место издания, Издательство, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в переводе на английский язык (для переводных изданий приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Gonobolin, F.N. (1962) *Psihologicheskij analiz pedagogicheskikh sposobnostey* [Psychological analysis of pedagogical abilities]. *Sposobnosti i interesy* [Abilities and interests]. Moscow, APN RSFSR Publ., pp. 63–72.

Шаблон для оформления диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Ph.D. Thesis/D.Sc. Thesis*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Voskresenskaya, E.V. (2003). *Pravovoe regulirovanie otsenочноi deyatel'nosti: dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal regulation of valuation activities: dissertation]. St. Petersburg, 187 p.

Meadows, K. (2017). *Aristotle on ontological priority: Ph.D. Thesis*. Stanford: Stanford University, 185 p.

Шаблон для оформления авторефератов диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Abstract of Ph.D./D.Sc. dissertation*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Bezrodnaya, V.F. (2004). *Osobennosti formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v protsesse politicheskoi modernizatsii Ukrainy: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Features of civil society development in the process of political modernization of Ukraine: Abstract of Ph.D. dissertation]. Odessa, 16 p.

Шаблон для оформления статей из газет или журналов:

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи в переводе на английский язык в квадратных скобках: сведения, относящиеся к заглавию. *Название журнала*. Номер выпуска, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Nazarchuk, A.V. (2011). [Network research in the social sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1, pp. 39–51.

Fedosiuk, O. (2005). Trafficking in human beings in criminal law and practice of courts. *Law*. No. 54, pp. 72–73.

Шаблон для оформления источников электронного ресурса удаленного доступа:

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год. Заглавие. Available at: URL (без знаков препинания в конце) (accessed — дата обращения).

Примеры:

Vauman, Z. (2011). *Tekuchaya modernost: vzglyad iz 2011 goda* [Flowing Modernity: view from 2011]. Available at: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (accessed 21.07.2017).

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только один, в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления**.

Для источников **на других языках** (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz, F. (1892). *Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns* [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Допускается указание в формате постраничной сноски на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименование **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК;**
- **аннотацией** на русском и английском языках состоящей минимум из 200 слов;
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми) с заголовком *Ключевые слова/Keywords*;
- **информацией об авторе** в отдельном файле (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;
- **информацией об идентификаторах автора в виде активных гиперссылок: ORCID и ResearchID** (в обязательном порядке, регистрация возможна на сайте <http://orcid.org/> и <https://publons.com/account/login/>);
- **рецензией** научного руководителя (только для аспирантов и соискателей).
- **скан-копией справки об обучении в аспирантуре**, заверенной руководителем учреждения (только для аспирантов).

Текст аннотации не следует разбивать на абзацы. В аннотации следует избегать лишних вводных фраз (например, «В статье рассматриваются...» или «Автором рассматривается...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию:

- предмет, тема, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой ([http://www.elsevier.com/locate/S0022-0717\(13\)00133-1](http://www.elsevier.com/locate/S0022-0717(13)00133-1)).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором на электронный адрес fsf-vestnik@yandex.ru Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национального исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf/89-nauka/282-litsenizionnyj-dogovor-s-avtorami>).

Предоставление авторами сторонних рецензий не требуется (кроме аспирантов и соискателей). Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре двойного «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтинуются и отбираются к публикации в ближайших выпусках.

Публикации для аспирантов бесплатные.

Редакционная коллегия информирует, что публикации и для остальных авторов в 2021 году будут бесплатными.

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2021 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1 — до 01 февраля	31 марта
в № 2 — до 01 мая	30 июня
в № 3 — до 01 августа	30 сентября
в № 4 — до 01 ноября	24 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-305

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published.

The Editorial Board of the journal accepts original papers in Russian and in English accordingly study fields as follows:

5.7.1 Ontology and theory of knowledge

5.7.2 History of philosophy

5.7.7 Social and Political philosophy

5.7.8 Philosophical anthropology, philosophy of culture

5.3.1 General psychology, personality psychology, history of psychology

5.4.1 Theory, methodology and history of sociology

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.7 Sociology of management

The journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks*, *electronic library system «The University Library On-line»*, *open access scientific library «CyberLeninka»*, *national digital resource «RUCONT»* and *national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)»*.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in lowercase letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italic*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that there observed distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—). Centuries should be represented by with Roman numerals (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

The materials in the essay format are not accepted in the journal. We urge to divide the text of your article into the following parts:

– introduction;

– principal content (we recommend subdivide the article body into several components giving a title to each of them);

– results / discussion;

– conclusions / statements.

Headings of the main sections of your paper should be in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists should be done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions should be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures. Pictures, graphs, diagrams should be clear, easy to read.

Formulas should be written in Microsoft Word Equation, version 3.0 or earlier.

References should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>) If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned in square brackets, e.g.: [Vernaleken A., 2006, p. 7].

Reference list should include from 15 to 20 citations as minimum, and should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>). Generally, Harvard Reference List citations follow this format: Last name, First Initial. (Year published). *Title*. City: Publisher, Page(s), e.g.: Turner, A. (2006), *Introduction to Neogeography*, London, O'Reilly Media, 56 p.

Citations are listed in alphabetical order by the author's last name without numbering. If there are multiple sources by the same author, then citations are listed in the order of the date of publication.

Each resource should be mentioned in the list of references just once. The list of references should contain only those resources, which were cited in the text. All the resources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If cited source has DOI, then DOI name should be given in References as active hyperlink. DOI name should be placed at the end of the item, and it should be divided from the previous text by dot and void interval.

For example:

Bard, P. (1934). On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. Vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

For **resources in English** the imprint should be given in English only.

For example:

Head, H. and Holmes, G. (1911–1912). Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*. Vol. 34, p. 102.

For resources in other languages (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the resource language

For example:

Goltz, F. (1892). Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Please do not use footnotes. The author can add a section Acknowledgements after the main text of the article to indicate a **project, scholarship or foundation** supporting his or her research.

Your contribution should be accompanied by:

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum); abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author (in separate file): surname and first name; place of work and position; academic degree; academic title; information about author's ID as active hyperlink (ORCID and Researcher ID); mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- scanned copy of verified certificate of study (for PhD students only).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board will not return to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Submissions should be sent **to the e-mail address of the Herald**: fsf-vestnik@yandex.ru. The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>).

All articles are exposed to double «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issues.

The publication of manuscript of PhD students is **free**.

The Editorial Board informs that the publication of manuscripts is free for all authors in 2021.

Submission deadlines in 2020

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 February 1	March 31
No 2 May 1	June 30
No 3 August 1	September 30
No 4 November 1	December 24

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* may be found here: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-305

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание
Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2021
Выпуск 3

Редактор *Л.А. Богданова*
Корректор *Л.И. Семицвотова*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 27.09.2021
Дата выхода в свет 30.09.2021
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 22,8
Тираж 500 экз. Заказ 1285/2021

Адрес учредителя и издателя:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д.15
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
(Философско-социологический факультет).
Тел. +7 (342) 239-63-05

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел.+7 (342) 239-66-36

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства
Пермского национального исследовательского политехнического университета.

614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113. Тел. (342) 219-80-33

Распространяется бесплатно и по подписке